

И *ародо* **аселение**

ISSN 1561-7785

2 . 2023

апрель-июнь

- ***Демография: вопросы теории и практики***
- ***Занятость, качество и условия жизни населения***
- ***Интернет и система образования населения***
- ***Здоровье населения и проблемы здравоохранения***
- ***Финансовое поведение населения***
- ***Научная жизнь ИСЭПН ФНИСЦ РАН***

МОСКВА

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ
ИМЕНИ Н. М. РИМАШЕВСКОЙ ФНИСЦ РАН (ИСЭПН ФНИСЦ РАН)

Народонаселение

ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2023. Том 26. №2 (апрель-июнь)

DOI: 10.19181/population.2023.26.2

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (ФНИСЦ РАН)

(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5)

Издатель: ИСЭПН ФНИСЦ РАН

(117218, Москва, Нахимовский пр-т, д. 32).

ISSN1561–7785 (print)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77–78718 от 20.06.2020

Индекс подписки в «Каталог периодики» агентства
«Урал-пресс» – 79183.

Журнал включён ВАК в «Перечень рецензируемых
научных изданий, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание учёной степени
кандидата наук, учёной степени доктора наук»
(категория К1), индексируется РИНЦ и WoS RSCI.

Главный редактор:

Локосов В.В., член-корр. РАН (Москва, Россия).

Редакционная коллегия:

Аганбегян А.Г., академик РАН (Москва, Россия);

Аксенова Е.И., д.э.н., проф. (Москва, Россия);

Александрова О.А., д.э.н. (Москва, Россия);

Доброхлеб В.Г., д.э.н. (Москва, Россия);

Дохолян С.В., д.э.н., проф. (Москва, Россия);

Медведева Е.И., д.э.н. (Москва, Россия);

Назарова И.Б., д.э.н. (Москва, Россия);

Риччери М., д.э.н., проф. (Рим, Италия);

Русанова Н.Е., д.э.н. (Москва, Россия);

Рыбаковский Л.Л., д.э.н., проф. (Москва, Россия);

Рыбаковский О.Л., д.э.н. (Москва, Россия);

Рюмина Е.В., д.э.н., проф. (Москва, Россия);

Рязанцев С.В., член-корр. РАН (Москва, Россия);

Синельников А.Б. д.соц.н., проф. (Москва, Россия);

Сухоцка Л., к.псх.н., проф. (Люблин, Польша);

Теодорович М.Л., д.соц.н., проф. (Н. Новгород, Россия);

Токсанбаева М.С., д.э.н. (Москва, Россия);

Фуци С., д.фил.н., проф. (Пекин, Китай);

Шабунова А.А., д.э.н. (Вологда, Россия);

Ярашева А.В. д.э.н., проф. (Москва, Россия).

Ответственный секретарь:

Симагин Ю.А., к.геогр.н., доцент (Москва, Россия).

Редактор перевода на английский язык:

Войтенкова Г.Ф., к.ист.н. (Москва, Россия).

© Редакция журнала «Народонаселение», 2023.

© ИСЭПН ФНИСЦ РАН, 2023.

Адрес редакции:

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский пр-т, д. 32. Тел.: +7 499 129-08-01.

Website: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population>; e-mail: isesp-population@yandex.ru.

Отпечатано в типографии ООО «Фабрика Офсетной Печати»

Адрес: 111024, Москва, ул. Авиамоторная, д. 2, к. 18.

Website: www.for.ru; e-mail: info@for.ru.

Заказ № 24106. Тираж 500 экз. Цена: бесплатно.

Дата выхода в свет 30.06.2023.

INSTITUTE OF SOCIO-ECONOMIC STUDIES
OF POPULATION FCTAS RAS (ISESP FCTAS RAS)

Population

QUARTERLY SCIENTIFIC JOURNAL

2023. Vol. 26. No. 2 (April-June)

DOI: 10.19181/population.2023.26.2

**Founder: Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology RAS (FCTAS RAS)**

(24/35, kor. 5, Krzhizhanovskogo str.,
Moscow, Russia, 117218)

Publisher: ISESP FCTAS RAS

(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

ISSN1561–7785 (print)

The journal was registered by the Federal Service
for Supervision of Communications, Information
Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)
on 20.6. 2020

Series ПИ № ФС77–78718.

Subscription index in the Ural-Press catalogue of
periodicals – 79183.

The journal is included by the State Commission for
Academic Degrees and Titles in the List of Russian
peer-reviewed scientific journals, publication in which
is required for defense of Candidate's and Doctor's
theses (Category K1), it is indexed in RSCI and WoS
RSCI.

Editor in Chief:

Lokosov V.V., RAS Corr. Member, (Moscow, Russia)

Editorial Board:

Aganbegian A. G., RAS Academician (Moscow, Russia);
Aksenova E. I., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia);
Aleksandrova O.A., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Dobrokhleb V. G., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Dokholyan S. V., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia);
Medvedeva E. I., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Nazarova I. B., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Riccery M., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Rome, Italy);
Rusanova N. E., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Rybakovsky L. L., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia);
Rybakovsky O. L., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Ryumina E. V., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia);
Ryazantsev S. V., RAS Corr. Member (Moscow, Russia);
Sinelnikov A. B., Dr. Sc. (Sociol.), Prof. (Moscow, Russia);
Suchocka L., Cand. Sc. (Psychol.), Prof. (Lublin, Poland);
Teodorovich M. L., Dr. Sc. (Sociol.), Prof. (N. Novgorod, Russia);
Toksanbaeva M. S., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Futsi X., Dr. Sc. (Philos.), Prof. (Beijing, China);
Shabunova A. A., Dr. Sc. (Econ.) (Vologda, Russia);
Yarasheva A. V., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia).

Executive secretary:

Simagin Yu. A., Cand. Sc. (Geogr.) (Moscow, Russia).

Editor of English translation:

Voytenkova G. F. Cand.Sc. (Hist.) (Moscow, Russia).

© Editorial Board of the journal «Narodonaselenie» (Population), 2023.

© ISESP FCTAS RAS, 2023.

Postal address of the Editorial Board:

32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218. Tel.: +7 499 129–08–01

Website: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population>; e-mail: isesp-population@yandex.ru.

Printed at the printing house "Offset Printing House"

Address: 2, kor. 18, Aviamotornaya str., Moscow, Russia, 111024

Website: www.fop.ru; e-mail: info@fop.ru.

Order № 24106. Circulation 500 copies. Price: free.

Date of publication 30.06.2023.

СОДЕРЖАНИЕ

Народонаселение. 2023. Том 26. № 2 (апрель-июнь)

ДЕМОГРАФИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Рыбаковский О. Л. ДЕПОПУЛЯЦИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ: ИТОГИ ЗА 1992–2022 ГГ. И КОМПОНЕНТЫ.....	4
Сивоплясова С. Ю. ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА БРАЧНОСТЬ И РАЗВОДИМОСТЬ В РОССИИ.....	18
Жулего В. Г., Балякин А. А., Сорокин М. В. ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОЦЕССОВ КОНВЕРГЕНЦИИ И ДЕПОПУЛЯЦИИ В СИСТЕМЕ ЦЕНТР-ПЕРИФЕРИЯ	20

ЗАНЯТОСТЬ, КАЧЕСТВО И УСЛОВИЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Корчагина И. И., Прокофьева Л. М. НЕЗАНЯТОСТЬ РОДИТЕЛЕЙ: ОДНА ИЗ ПРИЧИН БЕДНОСТИ В СЕМЬЯХ С ДЕТЬМИ	40
Волков А. Д., Тишков С. В., Аверьянов А. О. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ АРКТИЧЕСКИХ РЕГИОНОВ РОССИИ	52
Фролова Е. В., Рогач О. В., Разов П. В. ИНИЦИАТИВНОЕ БЮДЖЕТИРОВАНИЕ КАК МЕХАНИЗМ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ.....	66
Куликова А. В., Михайлова В. В., Клемятич Ю. Ю., Теодорович М. Л. ОСОБЕННОСТИ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В МОНОГОРОДЕ НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ПАВЛОВО НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ	78

ИНТЕРНЕТ И СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Галкин К. А., Парфенова О. А. СТРАТЕГИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНТЕРНЕТА СТАРШИМ ПОКОЛЕНИЕМ	91
Скворцова Е. Е. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ	102
Троян И. А., Кравченко Л. А., Гиндес Е. Г. ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО И НАПРАВЛЕНИЯ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА	114

ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Ярашева А. В., Макар С. В., Аликперова Н. В. СОВРЕМЕННЫЕ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩИЕ ПРАКТИКИ РОССИЯН	127
Давитадзе А. П., Александрова Е. А. ОБРАЩЕНИЯ В ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И ЧАСТНЫЕ МЕДИЦИНСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ: ВЫБОР ПАЦИЕНТОВ	139
Назарова И. Б., Нестеров Р. С. КЛИЕНТЫ ВИЧ-СЕРВИСНОЙ НКО: СТРУКТУРА, ТИПОЛОГИЯ, ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНИЯ	153

ФИНАНСОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ

Аликперова Н. В. ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ НА ФИНАНСОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: ЭФФЕКТ ЗД	165
Резник С. Д., Черниковская М. В., Сазыкина О. А. ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ СТУДЕНТОВ УНИВЕРСИТЕТОВ РОССИИ	176

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИСЭПН ФНИСЦ РАН

СЕМИНАР «ЭКОНОМИКА ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА: ОБРАЗОВАНИЕ, ЗДРАВООХРАНЕНИЕ, КУЛЬТУРА» НА VIII САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ КОНГРЕССЕ	189
СЕКЦИЯ «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ В ПРЕДДВЕРИИ СУПЕР-КРИЗИСА: КАК ВЫБРАТЬСЯ ИЗ КОЛЕИ?» НА XII МЕЖДУНАРОДНОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ГРУШИНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ.....	195

CONTENTS

Narodonaselenie [Population]. 2023. Vol. 26. № 2 (April-June)

DEMOGRAPHY: THEORY AND PRACTICE ISSUES

Oleg L. Rybakovsky DEPOPULATION IN THE REGIONS OF RUSSIA: RESULTS FOR 1992–2022 AND COMPONENTS.....	4
Svetlana Yu. Sivoplyasova IMPACT OF THE COVID-19 PANDEMIC ON MARRIAGE AND DIVORCE IN RUSSIA	18
Zhulego V. G., Balyakin A. A., Sorokin M. V. CONVERGENCE AND DEPOPULATION PROCESSES IN THE CENTER-PERIPHERY SYSTEM	20

EMPLOYMENT, QUALITY AND CONDITIONS OF LIFE

Irina I. Korchagina, Lidia M. Prokofieva UNEMPLOYMENT OF PARENTS — ONE OF THE POVERTY CAUSES IN FAMILIES WITH CHILDREN	40
Alexander D. Volkov, Sergey V. Tishkov, Alexander O. Averianov SOCIO-CULTURAL FEATURES OF THE POPULATION OF THE RUSSIAN ARCTIC REGIONS.....	52
Elena V. Frolova, Olga V. Rogach, Pavel V. Razov INITIATIVE BUDGETING AS A MECHANISM FOR RAISING THE QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION	66
Aleksandra V. Kulikova, Veronika V. Mikhailova, Yulia Yu. Klemyatich, Mikhail L. Teodorovich FEATURES OF EMPLOYMENT IN A SINGLE-INDUSTRY TOWN ON THE EXAMPLE OF PAVLOVO, NIZHNY NOVGOROD OBLAST	78

INTERNET AND EDUCATION SYSTEM

Konstatin A. Galkin, Oksana A. Parfenova STRATEGIES FOR USE OF THE INTERNET BY THE OLDER GENERATION.....	91
Elena E. Skvortsova INTERPRETATION OF DIGITALIZATION INDICATORS OF THE RUSSIAN SYSTEM OF GENERAL EDUCATION	102
Irina A. Troyan, Larisa A. Kravchenko, Elena G. Gindes DIGITAL INEQUALITY AND DIRECTIONS FOR OVERCOMING IT IN THE CONTEXT OF HUMAN CAPITAL DEVELOPMENT.....	114

POPULATION HEALTH AND HEALTHCARE ISSUES

Aziza V. Yarasheva, Svetlana V. Makar, Natalia V. Alikperova MODERN HEALTH-SAVING PRACTICES OF RUSSIANS	127
Davitadze A. P., Aleksandrova E. A. UTILIZATION OF PUBLIC AND PRIVATE HEALTHCARE FACILITIES: PATIENT CHOICE.....	139
Inna B. Nazarova, Roman S. Nesterov CLIENTS OF A HIV-SERVICE NPO: STRUCTURE, TYPOLOGY, BEHAVIORAL FEATURES	153

POPULATION FINANCIAL BEHAVIOR

Natalia V. Alikperova FACTORS OF INFLUENCE ON THE FINANCIAL BEHAVIOR OF THE RUSSIAN POPULATION: THE 3D EFFECT.....	165
Semen D. Reznik, Marina V. Chernikovskaya, Olga A. Sazykina GENDER FEATURES OF DEVELOPING FINANCIAL LITERACY OF RUSSIAN UNIVERSITY STUDENTS	176

SCIENTIFIC LIFE AT ISESP FCTAS RAS

SEMINAR “ECONOMY FOR A PERSON: EDUCATION, HEALTHCARE, CULTURE” AT THE VIII SAINT-PETERSBURG INTERNATIONAL ECONOMIC CONGRESS (SPEC-2023)	189
SECTION “ECONOMIC CULTURE AND ECONOMIC BEHAVIOR OF POPULATION ON THE EVE OF THE SUPER CRISIS: HOW TO GET OUT OF THE RUT?” AT THE XII INTERNATIONAL SOCIOLOGICAL GRUSHIN CONFERENCE	195

ДЕМОГРАФИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

DOI: 10.19181/population.2023.26.2.1
EDN: ZARKPP

ДЕПОПУЛЯЦИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ: ИТОГИ ЗА 1992–2022 ГГ. И КОМПОНЕНТЫ

Рыбаковский О.Л.

Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН
(117218, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, к. 5)

E-mail: 1246185@mail.ru

Для цитирования:

Рыбаковский О.Л. Депопуляция в регионах России: итоги за 1992–2022 гг. и компоненты // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 2. – С. 4-17. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.1; EDN: ZARKPP

Аннотация. В статье представлены результаты регулярно проводимого автором общего анализа депопуляции в регионах России в постсоветский период. Подведены итоги воспроизводства населения за период с начала 1992 г. до конца 2022 года. Регионы ранжированы по относительному уровню депопуляции за период, то есть по доле потерь населения за счёт естественной убыли относительно численности населения на начало депопуляции в стране (1992 г.). По каждой из выделенных групп территорий обозначен вклад структурных и бесструктурных компонент рождаемости и смертности в формирование итоговой естественной убыли того или иного региона. Аналогичным образом исследованы и те немногочисленные территории России, в которых за 31 год (в сумме) депопуляции не было. Подчёркнута роль демографических структурных волн в формировании текущих масштабов депопуляции в большей части регионов страны. Сделан вывод, что депопуляция — это не только результат низкой рождаемости и высокой смертности населения регионов России, но и следствие негативной возрастной структуры населения, а в отдельные периоды времени — и нисходящей демографической структурной волны. Для выхода из депопуляции демографическую политику необходимо проводить дифференцированно во времени и территориально. Активную фазу пронаталистской демографической политики надо начинать на спуске демографической структурной волны, а не на подъёме, как это уже было в истории России два раза после 1980 г., что лишь усиливало волнообразность возрастной структуры населения страны.

Ключевые слова: депопуляция, рождаемость, смертность, возрастная структура населения, суммарный коэффициент рождаемости, ожидаемая продолжительность жизни при рождении.

Введение и методические аспекты анализа

Проблема депопуляции (устойчивой естественной убыли населения) продолжает иметь место в большей части регионов Российской Федерации. Более того, её решение усложнилось с 2020 г. из-за пандемии COVID-19 и её последствий, а позже — из-за политических событий вокруг Украины. Проблема депопуляции для России и её регионов не просто актуальна — это вопрос жизни и смерти подавляющей части местного населения страны, а значит и существования России. Данному вопросу много внимания отводится в демографической литературе [1–4]. Раскрыты различные аспекты депопуляции [5–8]. Представленная работа служит продолжением данных публикаций.

Воспроизводство населения имеет две составляющие: положительную — рождаемость, и отрицательную — смертность. Общие итоги воспроизводства населения — это итоги, представленные в абсолютном выражении либо с помощью общих коэффициентов рождаемости, смертности и воспроизводства населения. На формирование общих итогов рождаемости и смертности населения, а также, как следствие, и на воспроизводство населения, влияют параметры и изменения двух их основных компонент. Первая компонента — это интенсивность явления, отражаемая в наиболее полном виде в форме ряда половозрастных коэффициентов смертности или возрастных коэффициентов рождаемости. Вторая компонента — структурная, она отражает возрастную структуру населения, в котором происходят процессы смертности и рождаемости.

Для расчётов и выявления вклада каждой из двух компонент в итоговый уровень явления в динамике используются методом агрегатных индексов [9, с. 115–116]. Но для того, чтобы в общем виде оценить вклад каждой из компонент в уровень явления в статике (в целом за период), можно прибегнуть к обобщающим индикато-

рам. Используемые в практике бесструктурные обобщающие показатели (суммарный коэффициент рождаемости — СКР, ожидаемая продолжительность жизни при рождении — ОПЖ) характеризуют интенсивность рождаемости и смертности соответственно. Возрастную структуру населения для рождаемости по общепринятым меркам можно охарактеризовать с помощью численности и/или доли женщин в возрасте от 15 до 49 лет (либо 20–39 лет — совокупности женщин «наиболее активного репродуктивного возраста» [10]). Возрастная структура населения для смертности касается всех возрастов, но в большей степени пожилых, ибо с возрастом возрастные коэффициенты смертности растут почти экспоненциально. Вследствие чего структуру населения для смертности можно охарактеризовать, например, долей лиц в возрасте 60 лет и старше («60+»). Для сравнения в статике регионов России между собой от исходных 4 индикаторов в дальнейшем анализе перейдём к индексам, представляющим собой соотношение того или иного индикатора по региону к итоговому (среднему) уровню по стране.

Объект данного исследования — население 84 регионов России по состоянию на 1 января 2022 года¹. Предмет исследования — общие итоги воспроизводства населения регионов страны за период с начала 1992 г. до конца 2022 г., а также основные компоненты рождаемости и смертности их населения — интенсивность этих процессов и соответствующая возрастная структура населения. Цель работы — выявить последствия депопуляции для регионов России за 31 постсоветский год, а также определить, какие из компонент рождаемости и смертности и как повлияли за этот период на уровень естественной убыли/прироста населения той или иной территории. Весь анализ в работе основан на данных официальной

¹ Ненецкий АО рассматривается вместе с Архангельской областью как один регион. Тюменская область берётся раздельно по трём непересекающимся частям: Ханты-Мансийский АО — Югра (ХМАО), Ямало-Ненецкий АО (ЯНАО) и Тюменская область без АО. Информация по Республике Крым и городу Севастополь представлена с 2015 года.

российской статистики — Росстата². Данные за 2022 г. — предварительные, по оценке за январь-ноябрь 2021 года.

Результаты

С начала 1992 г. до конца 2022 г., то есть за прошедший постсоветский период, Россия и её регионы потеряли из-за превышения смертности над рождаемостью 16,3 млн человек — в среднем по полмиллиона человек в год. В течение этого периода был небольшой интервал положительного прироста в 2012–2016 гг., ставший видимым итогом действий Правительства РФ по реализации новых мер демографической политики, тем не менее, тесно связанный с возрастными структурными изменениями в населении страны. Но это не помогло России выйти на путь, как минимум, стабилизации численности её населения. Сразу после первого наступил второй этап депопуляции, его усугубила пандемия COVID-19 в 2020–2022 годах.

Все демографические процессы в России в целом складываются из региональных потоков, и депопуляция в стране есть результат депопуляции в большей части её регионов. За 1992–2022 гг. суммарно депопуляция имела место в 68 субъектах РФ из 84³. В относительном выражении по уров-

ню депопуляции в постсоветский период лидировали европейские области России. Они в большей степени пострадали во время Великой Отечественной войны, а также теряли население миграционным путём в последующие годы заселения тыла и окраин РСФСР и Советского Союза, а ещё позже — в силу притяжения двух главных мегаполисов страны (табл. 1).

Эти 6 регионов (3 из Центрального и 3 из Северо-Западного федеральных округов — далее ФО), потеряли в форме естественной убыли за 31 год от 1/4 до 1/3 своего населения (на начало 1992 г.). Основным фактором столь плачевного состояния была негативная возрастная структура населения (табл. 2). Во всех регионах, кроме Ленинградской области, доля женщин в возрасте 20–39 лет во всём населении была существенно ниже, чем по России в среднем. Кроме того, СКР в областях Ленинградской, Тульской и Смоленской был заметно ниже среднего по России. Напротив, доля лиц в возрасте «60+» лет во всём населении в них была существенно выше, чем по России в целом. При этом ОПЖ в этих 6 регионах близка к среднему уровню по стране.

Вслед за территориями с худшим положением по депопуляции в относительной форме идут 12 регионов Центрального ФО, а также Нижегородская и Пензенская области из Приволжского ФО (табл. 3).

² Все расчёты в тексте сделаны по официальным данным Росстата. — URL: <https://rosstat.gov.ru> (даты обращения: 01.11.2022–01.02.2023).

³ В не рассматриваемом нами отдельно Ненецком АО депопуляции не было.

Таблица 1
Естественная убыль в отдельных регионах России за 1992–2022 годах

Table 1

Natural decline in certain regions of Russia in 1992–2022

Регион	Численность населения на начало 1992 г., тыс. человек	Естественная убыль за 1992–2022 гг., тыс. человек	Естественная убыль за 1992–2022 гг. к численности населения на начало 1992 г. в %
Псковская область	838	-258	30,8
Тульская область	1839	-550	29,9
Тверская область	1649	-473	28,7
Ленинградская область	1679	-462	27,5
Новгородская область	749	-204	27,2
Смоленская область	1152	-300	26,0

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Таблица 2

Бесструктурные и структурные индексы рождаемости и смертности населения отдельных регионов России

Table 2

Unstructured and structural indices of fertility and mortality of the population of certain regions of Russia

Регион	Бесструктурные индексы: показатель по региону относительно аналогичного показателя по РФ, в размах в среднем за 2001–2019 годы		Структурные индексы: доля по региону во всём населении региона относительно аналогичной доли по РФ, в размах на начало 2020 года	
	СКР	ОПЖ	Женщины 20–39 лет	Лица в возрасте «60+»
Псковская область	0,99	0,95	0,85	1,18
Тульская область	0,85	0,97	0,91	1,22
Тверская область	0,98	0,96	0,90	1,17
Ленинградская область	0,76	0,98	1,01	1,08
Новгородская область	0,99	0,95	0,89	1,18
Смоленская область	0,87	0,97	0,92	1,12

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Таблица 3

Естественная убыль в отдельных регионах России за 1992–2022 гг.

Table 3

Natural decline in certain regions of Russia in 1992–2022

Регион	Численность населения на начало 1992 г., тыс. человек	Естественная убыль за 1992–2022 гг., тыс. человек	Естественная убыль за 1992–2022 гг. к численности населения на начало 1992 г. в %
Ивановская область	1285	-331	25,8
Рязанская область	1344	-339	25,2
Тамбовская область	1303	-315	24,2
Владимирская область	1648	-395	24,0
Воронежская область	2467	-575	23,3
Ярославская область	1469	-333	22,7
Курская область	1325	-299	22,6
Орловская область	899	-198	22,0
Нижегородская область	3762	-824	21,9
Калужская область	1075	-230	21,4
Костромская область	802	-169	21,1
Брянская область	1456	-306	21,0
Липецкая область	1232	-254	20,6
Пензенская область	1548	-309	20,0

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Эти регионы потеряли в форме естественной убыли за 31 год от 1/5 до 1/4 от своего населения на начало 1992 года. Основным фактором этого была, так же, как и в первом случае, возрастная структура населения данных территорий (табл. 4).

Во всех регионах из табл. 4, кроме областей Воронежской и Нижегородской, доля женщин в возрасте 20–39 лет во всём населении существенно меньше, чем по России в среднем. Напротив, доля лиц в возрасте «60+» лет во всех данных субъектах РФ существенно больше, чем по стране в целом. ОПЖ в этих 14-ти территориях близка к среднему уровню по стране, а СКР заметно ниже среднего по стране в половине областей.

Лидировали по абсолютным объёмам естественной убыли в стране за 1992–2022 гг. (помимо Нижегородской области) — Московская область, Москва, Ростовская область и Санкт-Петербург: 1249, 836, 691 и 674 тыс. человек соответственно. Отношение их естественной убыли к численности населения на начало 1992 г. составило: 18,6% — Московская область; 9,2% — Москва; 15,8% — Ростовская область и 13,5% — Санкт-Петербург. Их структурные и структурные показатели рождаемости и смертности населения между собой не согласовывались (табл. 5).

Как в столичных регионах, так и в промышленно развитых Московской и Ростовской областях, СКР был значительно ниже среднего уровня по стране. ОПЖ была выше лишь в двух столицах. Вследствие миграционных процессов доля женщин активного репродуктивного возраста была выше средней по стране в Московской области, Москве и Санкт-Петербурге несмотря на то, что доля лиц пожилого возраста «60+» в этих регионах также была существенно больше, чем в среднем по стране. Столь удручающие размеры депопуляции имели место несмотря на то, что на снижение размеров естественной убыли населения этих регионов, а также Белгородской, Воронежской, Ярославской, Калужской, Нижегородской и Липецкой областей влияла значительная по масштабам межрегиональная

и межгосударственная постоянная миграция населения. Эти территории весь постсоветский период были основными либо локальными межрегиональными миграционными реципиентами, то есть имели положительный итоговый миграционный прирост в обмене населением с регионами страны (миграционный прирост из-за рубежа для большинства регионов России, за исключением Еврейской АО и Чукотского АО, в целом был положительным). Структура их населения омолаживалась, общий уровень смертности в целом снижался, рождаемости — рос. И миграционный прирост, переходящий на следующий год в долю в численности постоянного населения, опосредованно смягчал депопуляцию.

К осязаемым результатам это привело лишь в Москве, в которой депопуляция была приостановлена в 2011–2019 гг., и имел место естественный прирост, составивший в сумме за 9 лет 150 тыс. человек, а также в Санкт-Петербурге, где депопуляция была приостановлена в 2012–2018 гг., и естественный прирост в сумме за 7 лет составил 41 тыс. человек. Из Центрального ФО в табл. 1–5 не попала Белгородская область. В ней отношение естественной убыли за 1992–2022 гг. (247 тыс. человек) к численности населения на начало 1992 г. составило 17,6%. СКР в этом регионе был значительно ниже, а доля женщин активного репродуктивного возраста и доля лиц пожилого возраста «60+» — выше средних уровней по стране.

Во всех областях Центрального ФО депопуляция не прекращалась в постсоветский период ни на один год. В Северо-Западном ФО та же участь постигла кроме областей Ленинградской, Новгородской и Псковской (табл. 1–2) ещё 4 региона: Республика Карелия, области Архангельская, Вологодская и Калининградская. Их суммарная естественная убыль за 31 год составила 123, 178, 211 и 130 тыс. человек соответственно. Суммарно 18 регионов Центрального ФО имели естественную убыль за 31 год в размере 7,2 млн человек или 44% от её итогового уровня по стране, в Северо-Западном ФО аналогичная величина была 2,4 млн человек.

Таблица 4

Бесструктурные и структурные индексы рождаемости и смертности населения отдельных регионов России

Table 4

Unstructured and structural indices of fertility and mortality of the population of certain regions of Russia

Регион	Бесструктурные индексы: показатель по региону относительно аналогичного показателя по РФ, в разгах в среднем за 2001–2019 годы		Структурные индексы: доля по региону во всём населении региона относительно аналогичной доли по РФ, в разгах на начало 2020 года	
	СКР	ОПЖ	Женщины 20–39 лет	Лица в возрасте «60+»
Ивановская область	0,91	0,97	0,92	1,14
Рязанская область	0,92	0,99	0,91	1,21
Тамбовская область	0,87	1,00	0,88	1,23
Владимирская область	0,95	0,97	0,90	1,16
Воронежская область	0,86	1,01	0,99	1,14
Ярославская область	0,95	0,99	0,95	1,13
Курская область	0,96	0,99	0,94	1,14
Орловская область	0,92	0,99	0,94	1,17
Нижегородская область	0,92	0,98	0,97	1,11
Калужская область	0,96	0,99	0,93	1,11
Костромская область	1,05	0,98	0,87	1,12
Брянская область	0,93	0,98	0,94	1,10
Липецкая область	0,95	1,00	0,92	1,13
Пензенская область	0,88	1,01	0,92	1,19

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

На юге европейской части России (Южный и Северо-Кавказский ФО) ни на год из депопуляции за 1992–2022 гг. не выходили, помимо Ростовской области (табл. 5),

Таблица 5

Бесструктурные и структурные индексы рождаемости и смертности населения отдельных регионов России

Table 5

Unstructured and structural indices of fertility and mortality of the population of certain regions of Russia

Регион	Бесструктурные индексы: показатель по региону относительно аналогичного показателя по РФ, в разгах в среднем за 2001–2019 годы		Структурные индексы: доля по региону во всём населении региона относительно аналогичной доли по РФ, в разгах на начало 2020 года	
	СКР	ОПЖ	Женщины 20–39 лет	Лица в возрасте «60+»
Московская область	0,91	1,00	1,05	0,96
Москва	0,81	1,08	1,03	1,08
Санкт-Петербург	0,87	1,04	1,09	1,06
Ростовская область	0,90	1,01	1,01	1,07

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Республика Адыгея (45 тыс. человек) и Волгоградская область (400 тыс. человек). В Республике Крым и Севастополе естественная убыль наблюдалась все годы ведения статистики Росстатом, то есть начиная с 2015 года. В Приволжском ФО депопуляция не прекращалась ни на один год, помимо областей Нижегородской и Пензенской (табл. 3), в 5 регионах — Республика Мордовия и области Кировская, Самарская, Саратовская, Ульяновская. Их суммарная естественная убыль за 31 год составила 171, 290, 496, 316 и 227 тыс. человек соответственно. Суммарно все регионы Приволжского ФО имели естественную убыль за 31 год в размере 3,9 млн че-

ловек (24% от её итогового уровня по стране). В Уральском ФО, Сибири и на Дальнем Востоке депопуляция все годы постсоветского периода имела место в 6 субъектах РФ — Курганской области, Алтайском крае, Кемеровской области, Приморском крае, Амурской области и Еврейской АО. Их суммарная естественная убыль за 31 год составила 153, 316, 476, 224, 72 и 16 тыс. человек соответственно.

По структурным и бесструктурным показателям рождаемости и смертности населения эти 17 регионов страны (за исключением территорий Центрального ФО) различались между собой (табл. 6).

Таблица 6

Бесструктурные и структурные индексы рождаемости и смертности населения отдельных регионов России

Table 6

Unstructured and structural indices of fertility and mortality of the population of certain regions of Russia

Регион	Бесструктурные индексы: показатель по региону относительно аналогичного показателя по РФ, в разгах в среднем за 2001–2019 годы		Структурные индексы: доля по региону во всём населении региона относительно аналогичной доли по РФ, в разгах на начало 2020 года	
	СКР	ОПЖ	Женщины 20–39 лет	Лица в возрасте «60+»
Республика Мордовия	0,82	1,01	0,93	1,11
Кировская область	1,03	0,99	0,87	1,17
Саратовская область	0,90	1,00	0,97	1,10
Республика Карелия	1,00	0,96	0,90	1,07
Ульяновская область	0,93	1,00	0,92	1,14
Вологодская область	1,05	0,98	0,93	1,04
Кемеровская область	1,01	0,95	0,98	1,01
Самарская область	0,94	0,99	0,98	1,07
Волгоградская область	0,92	1,01	0,97	1,09
Калининградская обл.	0,95	0,98	0,98	1,00
Курганская область	1,14	0,98	0,83	1,16
Алтайский край	1,02	0,99	0,94	1,09
Архангельская область	1,04	0,98	0,88	1,05
Республика Адыгея	1,02	1,02	1,01	0,99
Приморский край	0,99	0,97	0,96	0,97
Еврейская АО	1,11	0,92	0,94	0,90
Амурская область	1,08	0,94	0,99	0,96

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Так, в Республике Мордовия и Ульяновской области СКР и доля женщин в возрасте 20–39 лет были значительно ниже, чем в целом по стране. А в областях Курганской, Кировской, Архангельской, Вологодской и Еврейской АО при ощутимо низкой доле женщин в активном репродуктивном возрасте СКР был заметно выше среднего уровня по России. В Амурской области

и Еврейской АО, в отличие от других, при низкой ОПЖ была и низкая доля лиц в возрасте «60+».

В противоположность к рассмотренным в России были и регионы, которые всё либо почти всё постсоветское время имели положительный естественный прирост населения (табл. 7).

Таблица 7

Естественный прирост в отдельных регионах России за 1992–2022 гг.

Table 7

Natural increase in certain regions of Russia in 1992–2022

Регион	Численность населения на начало 1992 г., тыс. человек	Естественный прирост за 1992–2022 гг., тыс. человек	Естественный прирост за 1992–2022 гг. к численности населения на начало 1992 г. в %
Республика Ингушетия	195	190*	98,0
Чеченская Республика	1030*	700*	68,0
Республика Дагестан	1937	931	48,1
Республика Тыва	303	92	30,3
ЯНАО	477	135	28,3
ХМАО	1272	321	25,3
Республика Саха (Якутия)	1100	175	15,9
Республика Алтай	197	28	14,7
Кабардино-Балкарская Республика	794	87	14,1
Республика Калмыкия	326	23	11,0
Карачаево-Черкесская Республика	429	24	7,2
Республика Бурятия	1052	43	5,5
Республика Северная Осетия – Алания	705	24	4,1

*оценки по данным текущего учёта: Демографический ежегодник России. 2002: Стат. сб. Табл. 1.5. / Госкомстат России. — Москва, 2002. — 397 с. — С. 23.

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Также в сумме за 31 год незначительный положительный естественный прирост был в Чукотском АО (5 тыс. человек) и в Тюменской области без автономий (6 тыс. человек). Все эти 14 регионов имели в постсоветский период самую высокую по Российской Федерации интенсивность рождаемости (СКР) и среднюю либо заметно более высокую, чем по стране, долю женщин наиболее активного репро-

дуктивного возраста. Показатели смертности шести республик Северного Кавказа заметно отличались от средних уровней по стране. Они были выше по структурному показателю ОПЖ и существенно ниже по структурному — доли лиц в возрасте «60+». У других регионов из данной группы при средних или даже очень низких уровнях ОПЖ была достаточно низкая и доля лиц в возрасте «60+» (табл. 8).

Таблица 8

Бесструктурные и структурные индексы рождаемости и смертности населения отдельных регионов России

Table 8

Unstructured and structural indices of fertility and mortality of the population of certain regions of Russia

Регион	Бесструктурные индексы: показатель по региону относительно аналогичного показателя по РФ, в размах в среднем за 2001–2019 годы		Структурные индексы: доля по региону во всем населении региона относительно аналогичной доли по РФ, в размах на начало 2020 года	
	СКР	ОПЖ	Женщины 20–39 лет	Лица в возрасте «60+»
Республика Ингушетия	1,40	1,12	1,32	0,49
Чеченская Республика	1,66	1,08	1,14	0,39
Республика Дагестан	1,24	1,08	1,22	0,53
Республика Тыва	1,85	0,88	1,03	0,41
ЯНАО	1,19	1,02	1,07	0,42
ХМАО	1,17	1,02	1,07	0,59
Республика Саха (Якутия)	1,29	0,98	1,07	0,65
Республика Алтай	1,58	0,95	0,98	0,72
Кабардино-Балкарская Республика	1,01	1,05	1,13	0,78
Республика Калмыкия	1,14	1,02	0,99	0,87
Карачаево-Черкесская Республика	0,99	1,05	1,09	0,87
Республика Бурятия	1,27	0,95	1,02	0,78
Республика Северная Осетия – Алания	1,14	1,05	1,02	0,91
Чукотский АО	1,24	0,88	0,96	0,54
Тюменская область без АО	1,12	1,00	1,07	0,85

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Таблица 9

Естественная убыль в отдельных регионах России за 1992–2022 годы

Table 9

Natural decline in certain regions of Russia in 1992–2022

Регион	Численность населения на начало 1992 г., тыс. человек	Естественная убыль за 1992–2022 гг., тыс. человек	Естественная убыль за 1992–2022 гг. к численности населения на начало 1992 г. в %
Забайкальский край	1308	-9	0,7
Камчатский край	476	-6	1,2
Магаданская область	365	-9	2,4
Республика Татарстан	3692	-142	3,8
Республика Башкортостан	3988	-160	4,0
Республика Коми	1222	-53	4,4
Астраханская область	1003	-44	4,4
Мурманская область	1170	-54	4,6
Иркутская область	2794	-145	5,2
Томская область	1079	-59	5,5
Удмуртская Республика	1622	-90	5,6

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Положительный естественный прирост населения не имел ни один субъект РФ из числа областей и краёв, за исключением Тюменской области в целом. Большая либо значительная часть населения имеющих положительный естественный прирост регионов исповедовала ислам или буддизм (либо сходные с ним религии). Исключение составляли три части Тюменской области, Республика Северная Осетия-Алания и Чукотский АО.

Ещё в 11 регионах России естественная убыль в сумме за 31 год постсоветского времени была в относительном выражении минимальной (табл. 9).

Данная группа регионов была неоднородна по уровням рождаемости и смерт-

ности. Прежде всего, выделялся локальный миграционный реципиент Республика Татарстан. Все четыре индекса рождаемости и смертности в нём были на среднем уровне. Томская область также отличалась низким уровнем интенсивности рождаемости при очень высокой доле женщин наиболее активного репродуктивного возраста. В областях Магаданской и Мурманской СКР был чуть ниже среднего уровня по стране, в остальных регионах интенсивность рождаемости была ощутимо выше. Во всех регионах из табл. 9 ОПЖ и доля лиц в возрасте «60+» были либо ощутимо ниже среднего уровня по стране, либо близки к этому среднему уровню (табл. 10).

Таблица 10

Бесструктурные и структурные индексы рождаемости и смертности населения отдельных регионов России

Table 10

Unstructured and structural indices of fertility and mortality of the population of certain regions of Russia

Регион	Бесструктурные индексы: показатель по региону относительно аналогичного показателя по РФ, в разгах в среднем за 2001–2019 годы		Структурные индексы: доля по региону во всём населении региона относительно аналогичной доли по РФ, в разгах на начало 2020 года	
	СКР	ОПЖ	женщины 20–39 лет	лица в возрасте «60+»
Забайкальский край	1,20	0,94	1,03	0,80
Камчатский край	1,05	0,96	0,96	0,80
Магаданская область	0,98	0,95	0,96	0,84
Республика Татарстан	1,03	1,03	1,03	0,97
Республика Башкортостан	1,10	1,00	1,00	0,94
Республика Коми	1,08	0,97	0,91	0,88
Астраханская область	1,13	1,00	0,99	0,96
Мурманская область	0,95	0,98	0,93	0,86
Иркутская область	1,15	0,94	1,02	0,89
Томская область	0,93	1,00	1,12	0,90
Удмуртская Республика	1,10	0,99	0,95	0,98

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

В остальных регионах России в относительном выражении депопуляция была более чем ощутима: отношение естественной убыли к численности населения на на-

чало 1992 г. колебалось в пределах 7–12%. Все эти территории на несколько лет выходили на положительный естественный прирост после 2011 г. (табл. 11).

Таблица 11

Естественная убыль в отдельных регионах России за 1992–2022 гг.

Table 11

Natural decline in certain regions of Russia in 1992–2022

Регион	Численность населения на начало 1992 г., тыс. человек	Естественная убыль за 1992–2022 гг., тыс. человек	Естественная убыль за 1992–2022 гг. к численности населения на начало 1992 г. в %
Свердловская область	4755	-569	12,0
Краснодарский край	4764	-535	11,2
Челябинская область	3704	-400	10,8
Пермский край	3013	-330	10,9
Новосибирская область	2749	-271	9,9
Красноярский край	3164	-210	6,6
Ставропольский край	2523	-180	7,1
Оренбургская область	2168	-176	8,1
Омская область	2165	-154	7,1
Хабаровский край	1624	-130	8,0
Чувашская Республика	1344	-106	7,9
Республика Марий Эл	757	-69	9,2
Сахалинская область	714	-48	6,7
Республика Хакасия	574	-38	6,6

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Кроме Ставропольского края во всех территориях из табл. 11 интенсивность рождаемости была чуть выше среднего уровня по стране, а доля женщин — близка к среднему уровню или чуть ниже этого уровня. Аналогичная ситуация была и с другими показателями: и ОПЖ, и доля лиц в возрасте «60+» были либо близки к среднему уровню, либо чуть ниже его (табл. 12).

Ставропольский край являлся локальным миграционным реципиентом и регионом окружения Краснодарского края. Последний же — один из основных миграционных реципиентов России. Его структурные и бесструктурные индексы рождаемости и смертности мало отличаются от России в целом. Значительный межгосударственный и особенно межрегиональный миграционный прирост в эти два региона опосредованно смягчает депопуляцию в них. Новосибирская область в Сибири и Хабаровский край на Дальнем

Востоке являются локальными миграционными реципиентами Азиатской части России, вследствие чего депопуляция в этих двух территориях опосредованно смягчается за счёт, прежде всего, межрегионального притока из менее благополучных в социально-экономическом плане соседних территорий.

Выводы

Депопуляция — это не только следствие низкой рождаемости и высокой смертности населения регионов России, но и, в отдельные периоды времени, следствие нисходящей демографической структурной волны. Для выхода из депопуляции демографическую политику в России необходимо проводить дифференцированно во времени и территориально. К активной фазе пронаталистской демографической политики следует приступать на сходе демографиче-

ской структурной волны, а не на подъёме, как это уже было в истории России два раза после 1980 года. Это лишь усиливало волнообразность возрастной структуры населения страны. В частности, следующий этап активизации демографической политики для сглаживания демографической структурной волны в регионах России надо начать, по нашему мнению, в 2025–2027 годы. Помимо стимулирования рождаемости не меньший акцент в этот период необходимо сделать и на усиление иммиграционной политики.

К сожалению, периоды спадов демографических структурных волн в регио-

нах России совпадают с усложнением политической и социально-экономической ситуации в стране либо даже с катаклизмами политического и экономического характера. И, на наш взгляд, это не случайно. Очевидно, в таких условиях достаточно сложно изыскать дополнительные ресурсы для активизации демографической политики. Но если этого не делать, то волнообразность демографического развития, как регионов России, так и государства в целом, будет усиливаться, расшатывая его социально-экономическую устойчивость.

Таблица 12

Бесструктурные и структурные индексы рождаемости и смертности населения отдельных регионов России

Table 12

Unstructured and structural indices of fertility and mortality of the population of certain regions of Russia

Регион	Бесструктурные индексы: показатель по региону относительно аналогичного показателя по РФ, в разгах в среднем за 2001–2019 годы		Структурные индексы: доля по региону во всём населении региона относительно аналогичной доли по РФ, в разгах на начало 2020 года	
	СКР	ОПЖ	Женщины 20–39 лет	Лица в возрасте «60+»
Свердловская область	1,05	0,99	0,97	1,01
Краснодарский край	1,03	1,02	1,00	1,03
Пермский край	1,10	0,97	0,97	0,97
Челябинская область	1,03	0,99	1,00	1,02
Новосибирская область	1,01	1,00	1,03	0,98
Республика Марий Эл	1,06	0,98	0,95	1,01
Оренбургская область	1,11	0,98	0,94	0,99
Хабаровский край	1,01	0,96	1,02	0,90
Чувашская Республика	1,04	1,00	0,94	0,99
Ставропольский край	0,94	1,03	1,07	0,96
Омская область	1,02	0,99	0,99	0,99
Сахалинская область	1,10	0,95	0,92	0,91
Красноярский край	1,02	0,97	1,05	0,90
Республика Хакасия	1,12	0,96	1,00	0,92

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Литература и Интернет-источники

1. **Рыбаковский, Л. Л.** 20 лет депопуляции в России / Л.Л. Рыбаковский.— Москва : Экон-информ, 2014.— 231 с.
2. **Рыбаковский, О.Л.** Депопуляция в регионах постсоветской России / О.Л. Рыбаковский, В.С. Судоплатова, О.А. Таюнова // Вестник Самарского Государственного Экономического Университета.— 2015.— № 6(128).— С. 42–46. EDN: U1HYUP
3. **Рыбаковский, О.Л.** Депопуляция в регионах России к началу 2020 года / О.Л. Рыбаковский, Т.А. Фадеева // Народонаселение.— 2020.— № 3.— С. 119–129. DOI: 10.19181/population.2020.23.3.11; EDN: PPKYBP
4. **Рыбаковский, О.Л.** Воспроизводство населения России: задачи, тенденции, факторы и возможные результаты к 2024 году/ О.Л. Рыбаковский // Народонаселение.— 2020.— Т. 23.— № 1.— С. 53–66. DOI: 10.19181/population.2020.23.1.5; EDN: EHSTJW
5. **Рыбаковский, Л.Л.** Депопуляция и этнические аспекты в России/Л.Л. Рыбаковский // Социологические исследования.— 2015.— № 4.— С. 18–28. EDN: TRRQJL
6. Народонаселение современной России: воспроизводство и развитие / под ред. В.В. Локосова.— Москва : Экон-Информ, 2015.— 411с. EDN: YHBMHN
7. **Рыбаковский, О.Л.** Потенциал снижения смертности населения России / О.Л. Рыбаковский, В.С. Судоплатова, О.А. Таюнова // Социологические исследования.— 2017.— № 3.— С. 29–42. EDN: YMFZPD
8. **Рыбаковский, Л.Л.** Депопуляция в России: этапы, особенности и возможности нейтрализации / Л.Л. Рыбаковский, Н.И. Кожевникова // Социально-трудовые исследования.— 2019.— Т. 21.— № 2.— С. 4–17. DOI: 10.34022/2658-3712-2019-35-2-6-15; END: YAEDKL
9. Демографический понятийный словарь / под ред. Л.Л. Рыбаковского.— Москва : Центр социального прогнозирования, 2003.— 352 с. EDN: QOOXKR
10. **Рыбаковский, О.Л.** Рождаемость населения России и демографические волны / О.Л. Рыбаковский, О.А. Таюнова // Народонаселение.— 2017.— № 4.— С. 56–66. EDN: YSLFLE

Сведения об авторе:

Рыбаковский Олег Леонидович, д.э.н., зав. лабораторией, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: 1246185@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8937-3166; Researcher ID Web of Science: B-8924-2018; Scopus Author ID: 39362389200; PИНЦ AuthorID: 424430.

DOI: 10.19181/population.2023.26.2.1

DEPOPULATION IN THE REGIONS OF RUSSIA: RESULTS FOR 1992–2022 AND COMPONENTS

Oleg L. Rybakovsky

*Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
(24/35 korpus 5, Krzhizhanovskogo str., Moscow, Russia, 117218)*

E-mail: 1246185@mail.ru

For citation:

Rybakovsky O.L. Depopulation in the regions of Russia: results for 1992–2022 and components. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 2. P 4–17. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.1 (in Russ.)

Abstract. *The article presents the results of the author's regularly conducted general analysis of depopulation in the regions of Russia in the post-Soviet period. The results of population reproduction for the period from the beginning of 1992 to the end of 2022 are summed up. For all regions, a ranking was carried out according to the relative level of depopulation for the period, that is, by the share of population losses due to natural decline relative to the population at the beginning of depopulation in the country (1992). For each of the selected groups of territories, the*

contribution of structural and non-structural components of fertility and mortality to the formation of the final natural decline of a particular region is indicated. Similarly, those few territories of Russia in which there was no depopulation for 31 years (in total) were investigated. The role of demographic structural waves in the formation of the current scale of depopulation in most of the country's territories is emphasized. It is concluded that the depopulation is not only the result of a low fertility and high mortality of the population of the regions of Russia, but also a consequence of the negative age structure of the population, and in some periods of time — and the downward demographic structural wave. To get out of the depopulation, the demographic policy should be carried out differentially in time and territorially. The active phase of the pronatalist demographic policy should begin at the descent of the demographic structural wave, and not on the rise, as it has already happened in the history of Russia twice since 1980, which only increased the wave-like age structure of the country's population.

Keywords: depopulation, reproduction, fertility and mortality of Russia regions population, age structure of the population, total fertility rate, life expectancy at birth.

References and Internet sources

1. Rybakovsky L.L. 20 let depopulatsii v Rossii [20 Years of Depopulation in Russia]. Moscow. Ekon- Inform. 2014. 231 p. (in Russ.)
2. Rybakovsky O.L., Sudoplatova V.S., Tayunova O.A. Depopulatsiya v regionakh postsovetsoy Rossii [Depopulation in regions of post-Soviet Russia]. Vestnik Samarskogo Gosudarstvennogo Ekonomicheskogo Universiteta [Vestnik of Samara State University of Economics]. 2015. No. 6(128). P. 42–46. (in Russ.)
3. Rybakovsky O.L., Fadeeva T.A. Depopulatsiya v regionakh Rossii k nachalu 2020 goda [Depopulation in the regions of Russia by the beginning of 2020]. Narodonaselenie [Population]. 2020. No. 3. P. 119–129. DOI: 10.19181/population.2020.23.3. (in Russ.)
4. Rybakovsky O.L. Vosproizvodstvo naseleniya Rossii: zadachi, tendentsii, factory i vozmozhnyye rezultaty k 2024 godu [Russian population reproduction: challenges, trends, factors and possible results by 2024]. Narodonaselenie [Population]. 2020. No. 1. P. 53–66. DOI: 10.19181/population.2020.23.1.5 (in Russ.)
5. Rybakovsky L.L. Depopulatsiya i etnicheskiye aspekty v Rossii [Depopulation and its ethnic aspects in Russia]. Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological Studies]. 2015. No. 4. P. 18–28. (in Russ.)
6. Narodonaselenije sovremennoy Rossii: Vosproizvodstvo i razvitiye [Population of Modern Russia: Reproduction and Development]. Ed. V. V. Lokosov. Moscow. Ekon-Inform. 2015. 411 p. (in Russ.)
7. Rybakovsky O.L., Sudoplatova V.S., Tayunova O.A. Potentsial snizheniya smertnosti naseleniya Rossii [The potential for reducing mortality in Russia]. Soctsiologicheskiye issledovaniya [Sociological Studies]. 2017. No. 3. P. 29–42. (in Russ.)
8. Rybakovsky L.L. Kozhevnikova N.I. Depopulatsiya v Rossii: etapy, osobennosti i vozmozhnosti neytralizatsiyi [Depopulation in Russia: its stages, features and possibilities of neutralization]. Social'no-trudovyye issledovaniya [Social and Labor Research]. 2019. V. 21. No. 2. P. 4–17. (in Russ.) DOI: 10.34022/2658–3712–2019–35–2–6–15
9. Demograficheskiy pon'atiynny slovar' [Demographic Conceptual Dictionary]. Ed. L.L. Rybakovsky. Moscow. 2003. 352 p. (in Russ.)
10. Rybakovsky O.L., Tayunova O.A. Rozhdaemost' naseleniya Rossii i demograficheskiye volny [Fertility in Russia and demographic waves]. Narodonaselenie [Population]. 2017. No. 4. P. 56–66. (in Russ.)

Information about the author:

Rybakovsky Oleg Leonidovich, Doctor of Economics, Head of Laboratory, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Contact information: e- mail: 1246185@mail.ru; ORCID: 0000–0002–8937–3166; Researcher ID Web of Science: B-8924–2018; Scopus Author ID: 39362389200; Elibrary AuthorID: 424430.

Статья поступила в редакцию 01.02.2023, утверждена 03.05.2023, опубликована 30.06.2023.

DOI: 10.19181/population.2023.26.2.2

EDN: ZRIZXK

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА БРАЧНОСТЬ И РАЗВОДИМОСТЬ В РОССИИ

Сивоплясова С. Ю.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН

(119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1);

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)

(125993, Россия, Москва, Волоколамское шоссе, 4)

E-mail: svetlankamos84@rambler.ru

Для цитирования:

Сивоплясова С. Ю. Влияние пандемии COVID-19 на брачность и разводимость в России // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 2. – С. 18-29. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.2; EDN: ZRIZXK

Аннотация. Пандемия COVID-19 оказала влияние на демографические процессы, в частности, показатели брачности и разводимости. В 2020 г. в России эти показатели достигли минимальных значений с начала XXI века. Ограничительные меры отразились на динамике брачности сильнее, чем на разводимости. Анализ помесечных общих коэффициентов брачности и разводимости показал, что после «острых фаз» ограничений, в течение которых отмечался резкий спад показателей, в периоды ослабления карантинных мер наблюдался своеобразный «компенсаторный эффект»: увеличивалось как число зарегистрированных браков, так и разводов. Однако, в случае с разводами «возместительный» эффект проявился сразу после отмены ограничений и сохранялся на протяжении всей пандемии. В случае с браками «сдержанность» в матримониальном поведении отмечалась почти в течение года, а «эффект отложенных браков» проявился только в 2021 году. При этом разный темп динамики брачности и разводимости привёл к тому, что соотношение браков и разводов в стране превысило рекордные 100:70 соответственно. Существует региональная дифференциация в показателях брачности и разводимости. В пандемийный период появились субъекты РФ, в которых число разводов не только сравнялось с числом браков (в 2020 г. в Ненецком АО), но и превысило его (в 2021 г. в Еврейской АО, республиках Карачаево-Черкесской и Ингушетии). Данная ситуация вызывает особую настороженность, так как влияет на брачную структуру населения и, как следствие, может отразиться на динамике воспроизводства населения. Таким образом, неблагоприятные внешние факторы способны оказать сильное влияние на брачность и разводимость, создав, тем самым, риски демографического развития страны. И напротив, стабильная социально-экономическая, политическая и эпидемиологическая ситуация позволит демографическим процессам развиваться в позитивном ключе и стать базой для достижения целей демографической политики государства.

Ключевые слова: брачность, разводимость, общий коэффициент брачности, общий коэффициент разводимости, пандемия COVID-19, регионы России.

Введение

Пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 явилась неожиданным событием, которое оказало влияние на многие сферы жизни общества: негативные эффекты её распространения отмечались в динамике экономических, социальных, демографических процессов. Практически сразу пандемия отразилась на показателях смертности населения, резко увеличив их, что, в целом, было предсказуемо [1–4]. Воздействие на рождаемость только начинает количественно оцениваться ввиду наличия временного разрыва между зачатием ребёнка и его рождением, хотя предположения о возможных векторах влияния высказывались ещё в начале эпидемии [5; 6]. Воздействие же пандемии на динамику брачности и разводимости хотя и возможно было оценить, основываясь на оперативных данных, но данная проблематика в период острой фазы распространения коронавируса не оказалась среди приоритетных [7; 8]. При этом весьма незаслуженно, ведь как показывают многолетние исследования, число и интенсивность браков и разводов во многом определяет динамику рождаемости в стране [9–11].

Влияние пандемии коронавирусной инфекции на демографические процессы обычно рассматривается с точки зрения негативных эффектов. Однако, введение ограничений, карантин, «локдаунов» может оказать не только отрицательное воздействие, но и положительное. В частности, брачность и разводимость может развиваться как в позитивном, так и негативном ключе. Так, для тех, кто состоит в зарегистрированном браке в качестве позитивного сценария может рассматриваться его продолжение. Негативным же сценарием является расторжение брака, которое в период пандемии и связанных с ней ограничений в большинстве случаев было обусловлено обострением морально-психологических противоречий между супругами¹. Для лиц, состоящих в незарегистри-

рованном союзе, в качестве позитивного сценария рассматривается регистрация брака, негативного — распад пары или отказ от регистрации брака. Для лиц, не имеющих партнёра и находящихся в его поисках, позитивным эффектом станет начало отношений, а негативным — сохранение положения «одиночки». При этом введение «локдаунов», закрытие организаций, перевод трудовой деятельности и личной жизни в дистанционный формат, с одной стороны, могли усложнить поиск спутника жизни, а с другой — напротив, подтолкнуть людей к открытию для себя новых каналов и инструментов поиска брачного партнёра.

Динамика брачности и разводимости в России

Имеющиеся статистические данные позволяют оценить динамику брачности и разводимости в период пандемии COVID-19. Согласно данным текущего учёта в 2020 г. (первый год пандемии с самыми строгими ограничениями) было зарегистрировано как самое низкое в XXI в. число браков (770857 браков), так и самое низкое число разводов (564704 развода) (рис. 1).

При этом, снижение числа браков — явление ожидаемое: динамика брачности сильно зависит от численности населения в активных брачных возрастах, а она имеет тенденцию к сокращению с начала 2010-х годов. Вместе с тем, обращает на себя внимание существенное изменение темпа убыли браков в 2020 г. и их прироста в 2021 году. Так, число браков в 2020 г. снизилось по сравнению с 2019 г. на 19%, а в 2021 г., напротив, выросло на 20% по сравнению с 2020 годом. То есть показатели брачности в 2021 г. практически вернулись к допандемийным значениям. Динамика разводимости в рассматриваем-

Коронавирус и семьи. Как пандемия разрушает отношения // BBC News Русская служба (08.12.2020). — URL: <https://www.bbc.com/russian/features-55223171>; Голубицкая Ж. Причинами разводов россиян в COVID стали бедность, жадность и тоска // МК.RU (18.03.2021). — URL: <https://www.mk.ru/social/2021/03/18/prichinami-razvodov-rossiyan-v-covid-stali-bednost-zhadnost-i-toska.html> (дата обращения: 10.12.2022).

¹ Анисимова Н. Росстат зафиксировал рост числа разводов после самоизоляции // РБК (25.08.2020). — URL: <https://www.rbc.ru/society/25/08/2020/5f4498929a7947297c66f79b>;

Рис. 1. Динамика брачности и разводимости в России в 2010–2021 годах

Fig. 1. Dynamics of marriage and divorce rates in Russia in 2010–2021

Источники: Демографический ежегодник России 2021: Стат. сб. / Росстат.— Москва, 2021.— 256 с.; Демографический ежегодник России 2019: Стат. сб. / Росстат.— Москва, 2019.— 252 с.

мом периоде (2010–2021 гг.) хотя и имела нисходящий характер, но интенсивность падения показателя была заметно более низкой, чем брачности. «Разброс» значений числа разводов составил от 693730 в 2014 г. до 564704 в 2020 году. Данная ситуация может свидетельствовать о значительно более низкой зависимости динамики разводимости от численности населения в активных брачных возрастах. В пандемийный период в 2020 г. число разводов сократилось на 9% относительно 2019 г., а в 2021 г.— выросло на 14% относительно 2020 года. То есть, разводимость в 2021 г., также, как и брачность, вернулась к допандемийному уровню, при этом несколько превысив значение 2019 года.

Особое внимание обращает на себя соотношение числа браков и разводов. Долгий период времени в России доля разводов относительно числа браков находилась на уровне немного более 50%. Это давало повод заявлять в медийном пространстве² «пугающую» фразу о том, что «в России распадается больше половины браков» [15]. Хотя, конечно, говорить

о том, какая доля браков в стране завершается разводом, по представленным данным невозможно. В пандемийный же период доля разводов относительно числа браков превысила 70%: на 100 заключённых браков в 2020 г. приходилось 73 развода, а в 2021 г.— 70 разводов. Учитывая динамику абсолютных показателей брачности и разводимости, можно говорить, что такое движение вызвано в большей степени снижением числа браков, нежели ростом разводов. В связи с этим обоснованным представляется вывод, что пандемия COVID-19 в большей степени повлияла на брачность (причём в негативном ключе), чем на разводимость. И влияние пандемии заметно не только при анализе абсолютных значений, но и относительных (рис. 2).

Так, в 2020 г. резко сократился общий коэффициент брачности (ОКБ) по сравнению с 2019 г. (на 1,2 пункта), достигнув значения 5,3 брака на 1000 человек населения. При этом, снижение общего коэффициента разводимости (ОКР) было не столь стремительным: с 4,2 в 2019 г. до 3,9 в 2020 году. По сравнению с 2011 г., когда за рассматриваемый период отмечались

² Еремина Н. Россияне бросают семьи. В России распадается больше половины браков // Газета.ру: 13.08.2017.— URL: <https://www.gazeta.ru/business/2017/08/10/10826804>.

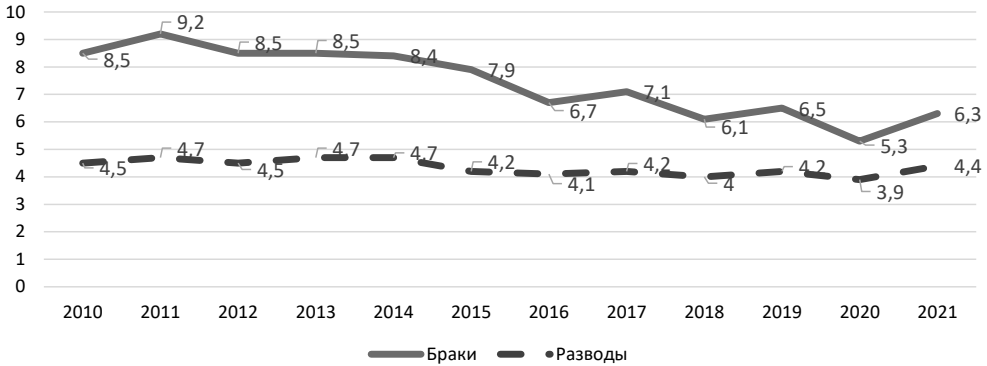

Рис. 2. Общие коэффициенты брачности и разводимости (число браков и разводов на 1000 человек населения России)

Fig. 2. Crude marriage and divorce rates (the number of marriages and divorces per 1000 people in Russia)
 Источник: Демографический ежегодник России 2021: Стат. сб. / Росстат.—Москва, 2021.— 256 с.; Демографический ежегодник России 2019: Стат. сб. / Росстат.—Москва, 2019.— 252 с.

наивысшие показатели, ОКБ сократился почти в 2 раза, в то время как ОКР только на 17%. В 2021 г. относительное число как браков, так и разводов, увеличилось. Значение показателей составило 6,3 и 4,4 на 1000 человек соответственно. То есть, вероятнее всего, в 2021 г. в связи с более мягкими ограничениями проявился своеобразный «компенсаторный эффект».

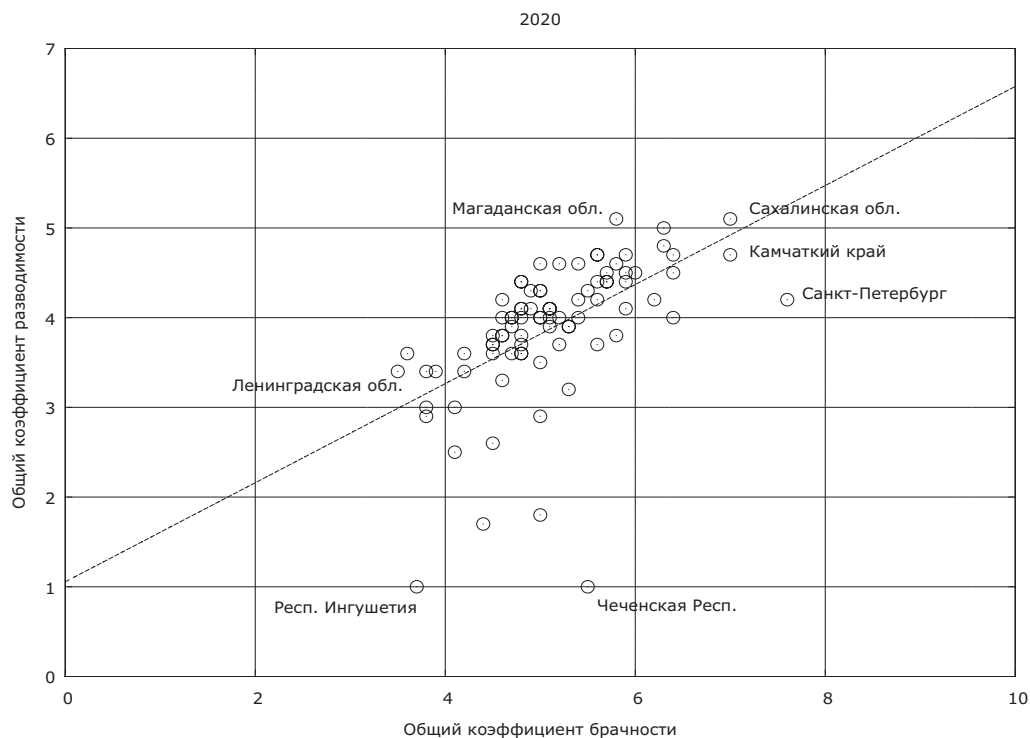
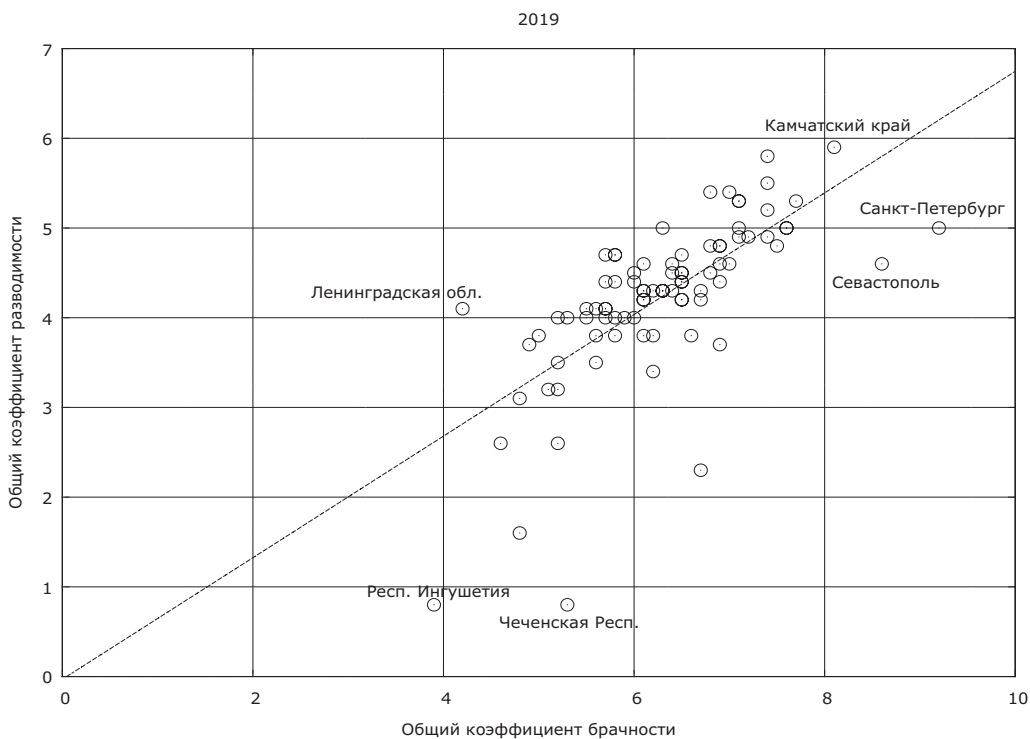
Региональные различия брачности и разводимости

Существует региональная дифференциация по показателям брачности и разводимости. Анализ распределения регионов по значениям ОКБ и ОКР показывает, что в 2019 г. «разброс» значений коэффициентов составлял от 3,9 в Республике Ингушетия до 9,2 в Санкт-Петербурге по ОКБ и от 0,8 в Республике Ингушетия до 5,9 в Камчатском крае по ОКР. В 2020 г. наименьший ОКБ отмечался в Ленинградской области (3,5 брака на 1000 человек), а наибольший — в Санкт-Петербурге (7,6 брака на 1000 человек). Дифференциация ОКР составила от 1,0 развода на 1000 человек в Республике Ингушетия до 5,1 в Сахалинской области. В 2021 г. наиболее низкий ОКБ был зафиксирован в Республи-

ке Ингушетия (2,9 брака на 1000 человек), наиболее высокий — в Санкт-Петербурге (9,3 брака на 1000 человек). «Разброс» ОКР составил от 2,5 развода на 1000 человек в Чеченской Республике до 6,4 в Еврейской АО. То есть региональная дифференциация коэффициентов составила в 2019 г. 5,3 пункта по ОКБ и 5,1 пункта по ОКР, в 2020 г. — 4,1 и 4,1; в 2021 г. — 6,4 и 3,9 соответственно (рис. 3).

Таким образом, модели матримониального поведения населения разных регионов страны в 2020 г. в условиях неопределённости и высокого уровня тревожности стали более унифицированными. В 2021 г. ситуация изменилась: если динамика разводимости по регионам стремилась к схожести, то различия в показателях брачности существенно усилились. В связи с этим можно предположить, что «компенсаторные эффекты» в динамике брачности в разных регионах проявились с разной интенсивностью.

Анализ ОКБ и ОКР по регионам страны обнаружил повторяющуюся закономерность, состоящую в том, что экстремальные значения ОКБ и ОКР перед пандемией и в пандемийный период имеют практически одни и те же субъекты РФ. К регионам с высокими показателями брачности

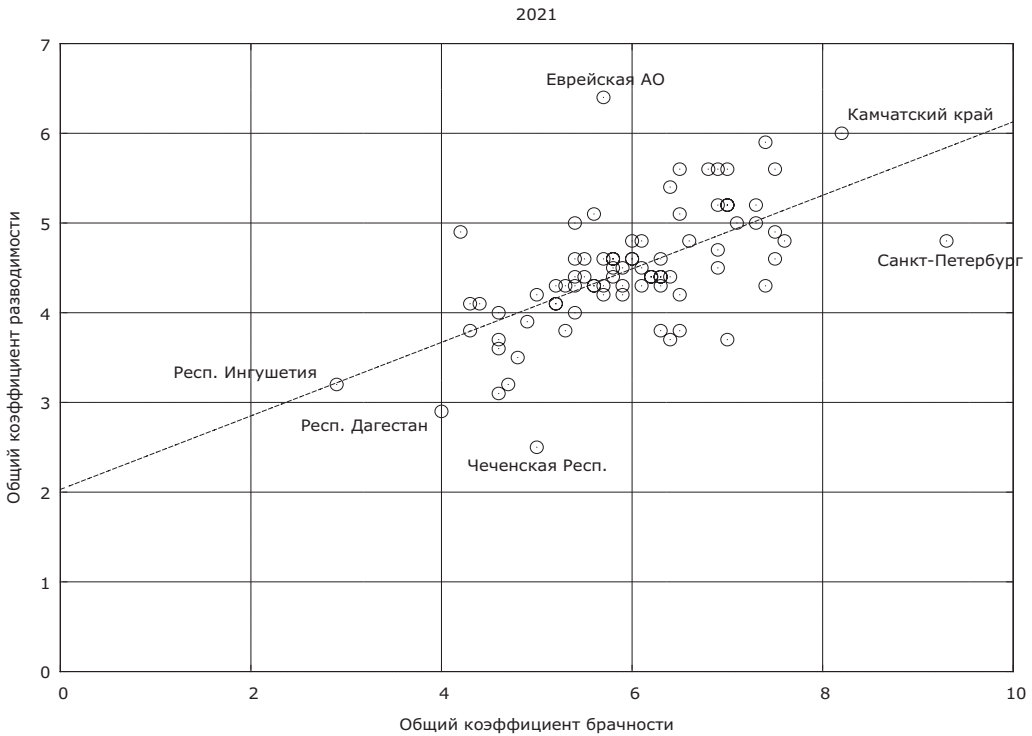

Рис. 3. Распределение регионов по общим коэффициентам брачности и разводимости в 2019, 2020, 2021 гг. (браков и разводов на 1000 человек населения)

Fig. 3. Distribution of regions by crude marriage and divorce rates in 2019, 2020, 2021 (marriages and divorces per 1000 people)

Источники: Демографический ежегодник России 2021: Стат. сб. / Росстат.— Москва, 2021.— 256 с.; Демографический ежегодник России 2019: Стат. сб. / Росстат.— Москва, 2019.— 252 с.

и разводимости относятся Санкт-Петербург и Камчатский край; к регионам с низкими показателями брачности и разводимости — Республика Ингушетия; к субъектам с низкими показателями разводимости и относительно высокими показателями брачности — Чеченская Республика; к регионам с низкими показателями брачности и относительно высокими показателями разводимости — Ленинградская область.

В то же время, в период пандемии в региональной динамике брачности и разводимости проявились нюансы, которые заслуживают особого внимания и вызывают настороженность. Так, в 2020 г. впервые за рассматриваемый период появился регион, в котором общий коэффициент брачности оказался равным общему коэффи-

циенту разводимости. Такая ситуация отмечалась в Ненецком автономном округе. То есть в данном регионе число разводов в 2020 г. было равно числу браков. Анализ динамики показателей свидетельствует, что в большей степени этому способствовало снижение брачности, нежели изменение значений разводимости. Поэтому можно утверждать, что пандемия в данном регионе оказала более сильное влияние на брачность, чем на разводимость. Кроме того, равенство числа браков и разводов изменяет брачную структуру населения, что может негативно отразиться на процессах воспроизводства.

В 2021 г. ситуация ещё более «усугубилась»: в трёх регионах ОКР превысил ОКБ, то есть число разводов превысило число

браков: Карачаево-Черкесской Республике, Еврейской АО и Республике Ингушетия. Получается, что два из трёх регионов, которые традиционно входят в число наиболее благополучных в демографическом плане субъектов, продемонстрировали негативную динамику брачности. Учитывая тесную связь брачности и рождаемости, данная ситуация имеет риски отразиться и на динамике показателей воспроизводства населения.

Динамика брачности и разводимости в России в условиях пандемии: анализ помесечных данных

Пандемия COVID-19 оказывает влияние на динамику брачности и разводимости, прежде всего, ввиду ограничений, которые были введены органами государственной власти с целью предотвращения распространения болезни, и, как следствие, невозможности совершения административно значимых действий. Так как пандемия имела разную остроту в разные месяцы 2020 и 2021 гг., то государство в течение рассматриваемого периода либо ужесточало, либо ослабляло ограничительные меры. В 2020–2021 гг. произошло несколько волн пандемии и несколько волн «локдаунов». Первый, самый «жёсткий» и долгий общероссийский «локдаун», продлился с 30 марта до 11 мая 2020 года³. Затем последовал период «ослабления» ограничительных мер, а позже, с конца октября и до начала января 2021 г. они вновь стали более строгими. При этом, регионам

были предоставлены широкие полномочия в принятии самостоятельных решений по реализации мер предотвращения распространения COVID-19 в зависимости от эпидемиологической ситуации⁴. Поэтому влияние этих ограничений может различаться в разных субъектах страны. Ещё два общероссийских «локдауна» были введены с 4 по 7 мая 2021 г.⁵ и с 30 октября по 7 ноября 2021 года⁶. Но ввиду своей относительной непродолжительности они могли не оказать существенного влияния на динамику демографических процессов. Однако, именно в конце 2021 г. распространился один из самых опасных вариантов коронавирусной инфекции — Дельта, в связи с чем показатели брачности и разводимости могли продемонстрировать снижение. Вместе с тем, конец года не является «популярным сезоном» для заключения браков и празднования свадеб. Поэтому, в случае отрицательной динамики брачности, «разделить» факторы влияния на медицинские и культурные будет затруднительно.

Для анализа влияния пандемии COVID-19 на динамику брачности и разводимости целесообразно рассмотреть не только годовые показатели, но и помесечные. В рамках настоящего исследования была применена модифицированная методика, предложенная Вэнди Д. Мэннинг и Кристой К. Пейн [16]. В своём исследовании учёные анализировали динамику абсолютных показателей брачности и разводимости в пяти штатах США по меся-

³ Указ Президента РФ от 25.03.2020 № 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней» // Российская газета от 26 марта 2020 г. — URL: <https://rg.ru/documents/2020/03/26/prezident-ukaz206-site-dok.html>; Указ Президента РФ от 02.04.2020 № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // Консультант Плюс. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349217/; Указ Президента РФ от 28.04.2020 № 294 «О продлении действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // Консультант Плюс. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351539/#dst100007 (дата обращения: 10.12.2022).

⁴ Указ Президента РФ от 11.05.2020 № 316 «Об определении порядка продления действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения в субъектах Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // Консультант Плюс. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_352133/ (дата обращения: 10.12.2022).

⁵ Указ Президента РФ от 23.04.2021 № 242 «Об установлении на территории Российской Федерации нерабочих дней в мае 2021 года» // Консультант Плюс. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_382845/#dst100007 (дата обращения: 10.12.2022).

⁶ Указ Президента РФ от 20.10.2021 № 595 «Об установлении на территории Российской Федерации нерабочих дней в октябре — ноябре 2021 года» // Консультант Плюс. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_398714/#dst100007 (дата обращения: 10.12.2022).

цам. В настоящем же исследовании были проанализированы помесячные общие коэффициенты брачности и разводимости (рис. 4, 5). Такой подход представляется более оправданным, так как нивели-

рует зависимость брачности и разводимости от изменений численности населения, в особенности в сложной с эпидемиологической точки зрения ситуации.

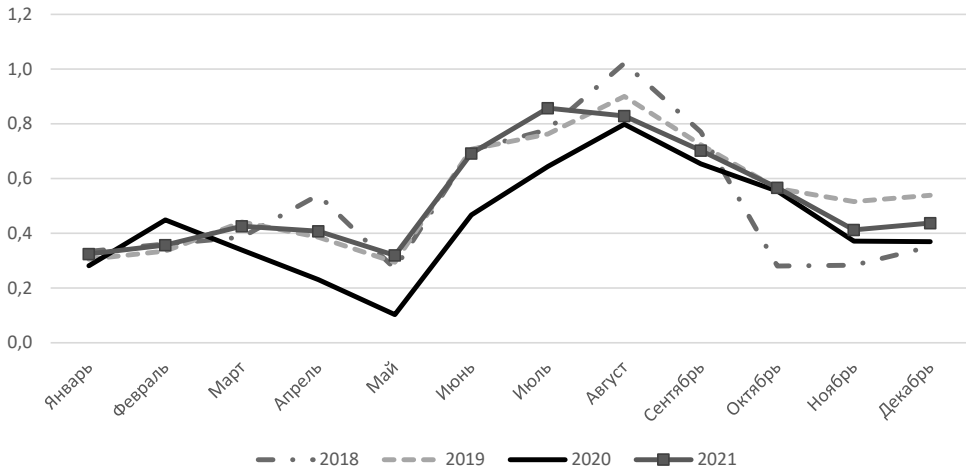

Рис. 4. Динамика ОКБ в России по месяцам в 2018–2021 гг. (браков на 1000 человек)

Fig. 4. Dynamics of the crude marriage rate in Russia by month in 2018–2021 (marriages per 1000 people)
 Источник: рассчитано автором по данным Росстата: Демографический ежегодник России 2021: Стат. сб. / Росстат.—Москва, 2021.— 256 с.; Демографический ежегодник России 2019: Стат. сб. / Росстат.—Москва, 2019.— 252 с.

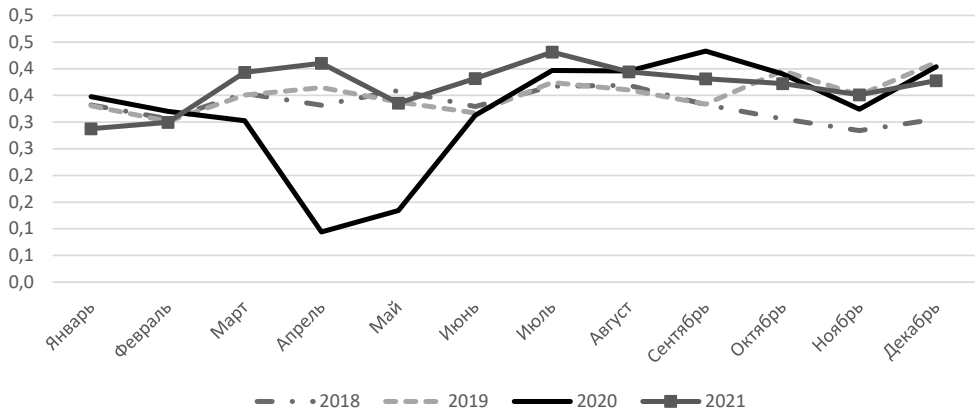

Рис. 5. Динамика ОКР в России по месяцам в 2018–2021 гг. (разводов на 1000 человек)

Fig. 5. Dynamics of the crude divorce rate in Russia by month in 2018–2021 (divorces per 1000 people)
 Источник: рассчитано автором по данным Росстата: Демографический ежегодник России 2021: Стат. сб. / Росстат.—Москва, 2021.— 256 с.; Демографический ежегодник России 2019: Стат. сб. / Росстат.—Москва, 2019.— 252 с.

Анализ показывает, что пандемия COVID-19, в целом, оказала сдерживающее влияние на динамику брачности, особенно это заметно в 2020 году. В периоды «локдаунов» показатели опускались до рекордно низких значений — 0,1 брака на 1000 человек населения страны. Ослабление же ограничений, более того, пришедшее на летние месяцы, когда в России традиционно играет большое число свадеб, вызвало рост брачности. Однако, допандемийных значений достичь не удалось. Несколько иной характер динамики брачности имела в 2021 г. Показатели составляли более высокие значения, схожие с уровнем 2019 года. Однако, в конце года вновь проявились негативные эффекты пандемии, значение ОКБ вернулись к 2020 году. Данная ситуация свидетельствует, что брачное поведение населения сильно подвержено влиянию внешних факторов. Более того, их действие проявляется не только в момент острой фазы, но и несколько «растягивается» во времени. В периоды неопределённости люди склонны вести себя более сдержанно при осуществлении жизненно значимых действий. В связи с этим, «откладывание» регистрации брака представляет собой ожидаемый сценарий матримониального поведения. Таким образом, «компенсаторный эффект» в периоды ослабления ограничений в 2020 г. не проявился в полной мере. Однако, как показало исследование, он состоялся в 2021 году.

Динамика разводимости в допандемийный и пандемийный периоды заметно иная. В целом, в отличие от брачности, она не имеет ярко выраженных «скачков», обусловленных временем года. Тем заметнее на фоне допандемийных показателей резкое снижение ОКР в апреле-мае 2020 г. и «восстановительный» рост показателя в июне, а также несколько более высокие значения по сравнению с аналогичными периодами прошлых лет в июле-сентябре. То есть «локдаун» ситуативно привёл к снижению разводимости, но «эффект отложенных разводов» проявился уже в 2020 г. после отмены ограничительных мер. Более того, он сохранялся на протяжении большей ча-

сти 2021 г.: в марте-апреле, а также с июня по октябрь значение показателя заметно превышали допандемийный уровень.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что матримониальное поведение населения довольно сильно зависит от внешних факторов, прежде всего негативных. Процессы, в целом способствующие позитивной динамике естественного движения населения, в частности, брачность, «замедляются», причём такая сдержанность сохраняется не только в момент «острой фазы», но и после её прохождения ещё довольно долгий период. Это вызывает риски снижения рождаемости и осложнения демографического развития страны. Процессы, которые и в обычных условиях рассматриваются как негативные (разводимость), под воздействием неблагоприятных факторов, напротив, «усиливаются» и в таком «агрегированном состоянии» пребывают, как минимум, в течение всего времени действия данных факторов, вне зависимости от остроты их влияния.

Заключение

Пандемия COVID-19 не просто директивно сказала на динамике брачности и разводимости в России, вызвав снижение числа браков и разводов в периоды «локдаунов», и формирование «компенсаторных эффектов» (особенности в динамике разводимости) в периоды ослабления ограничительных мер. Есть основания полагать, что, ввиду силы и продолжительности влияния, её опосредованные эффекты могут проявиться в процессах воспроизводства населения, причём в долгой перспективе. То есть социально-экономические, политические потрясения, сложные эпидемиологические условия ситуативно изменяют динамику брачности и разводимости и усложняют демографическое развитие страны в целом. Следовательно, справедливо и обратное, стабильная социально-экономическая ситуация способна позитивно повлиять на динамику демографических процессов и стать базой для достижения целей социально-демографической политики государства.

Литература и Интернет-источники

1. **Кулькова, И. А.** Влияние пандемии коронавируса на демографические процессы в России / И. А. Кулькова // Human Progress.— 2020.— Т. 6.— Вып. 1.— URL: http://progress-human.com/images/2020/Том6_1/Kulkova.pdf. DOI: 10.34709/IM.161.5; EDN: FYXRMX
2. **Рязанцев, С. В.** Усиление депопуляции в России в контексте пандемии COVID-19: региональные особенности / С. В. Рязанцев, А. Е. Иванова, В. Н. Архангельский // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки.— 2021.— Т. 14.— № 2.— С. 7–20. DOI: 10.17213/2075–2067–2021–2–7–20; EDN: WCYZNG
3. **Злотников, А. Г.** Смертность в Беларуси в период пандемии COVID-19 / А. Г. Злотников // ДЕМИС. Демографические исследования.— 2021.— Т. 1.— № 2.— С. 28–46. DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.2; EDN: DLBESG
4. **Дружинин, П. В.** Влияние пандемии COVID-19 на смертность населения российских регионов / П. В. Дружинин, Е. В. Молчанова, Ю. Л. Подлевских // Труды Карельского научного центра РАН.— 2021.— № 7.— С. 116–128. DOI: 10.17076/them142; EDN: ZLPPMJ
5. **Архангельский, В. Н.** Рождаемость и формирование семей в Московской агломерации в период пандемии COVID-19 / В. Н. Архангельский, Е. С. Зайко // Здоровье мегаполиса.— 2022.— Т. 3.— № 3.— С. 6–16. DOI: 10.47619/2713–2617.zm.2022.v.3i3;6–16; EDN: EYDQJG
6. **Сигарева, Е. П.** Рождаемость в период пандемии COVID-19: ожидания и действительность / Е. П. Сигарева, С. Ю. Сивоплясова, В. Н. Архангельский // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки.— 2022.— Т. 15.— № 4.— С. 204–218. DOI: 10.17213/2075–2067–2022–4–204–218; EDN: IYLHSZ
7. **Сигарева, Е. П.** Риски демографического развития России в условиях пандемии COVID-19 и предварительные результаты / Е. П. Сигарева, С. Ю. Сивоплясова, Ю. Э. Плетнева // Пандемия COVID-19: вызовы, последствия, противодействие / ред. А. В. Торкунов, С. В. Рязанцев, В. К. Левашов.— Москва : Аспект Пресс, 2021.— 248 с. DOI:10.19181/monogr.978–5–7567–1139–4.2021; EDN: WNYUYEY
8. **Шабанова, Н. А.** Влияние пандемии COVID-19 на интенсивность демографических событий: брачность и разводимость / Н. А. Шабанова, И. Г. Синькова // Вестник Восточно-Сибирской открытой академии.— 2021.— № 41.— С. 1–7. EDN: QEKIZY
9. **Синельников, А. Б.** Влияние брачности на рождаемость и демографическая политика в России / А. Б. Синельников // Семья и социально-демографические исследования.— 2015.— № 4.— С. 1–17.
10. **Тольц, М. С.** Разводы и современный уровень разводимости / М. С. Тольц // Проблемы воспроизводства и занятости населения.— Москва : Институт социологических исследований, 1984.— С. 18–30.
11. **Тольц, М. С.** О влиянии брачного статуса на рождаемость / М. С. Тольц // Demoscope Weekly: [сайт].— URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2020/0871/nauka03.php> (дата обращения: 15.11.2022).
12. **Manning, W. D.** Marriage and Divorce Decline during the COVID-19 Pandemic: A Case Study of Five States / W. D. Manning, K. K. Payne // Socius.— 2021.— No. 7. DOI: 10.1177/237802312111006976

Сведения об авторе:

Сивоплясова Светлана Юрьевна, к.э.н., доцент, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; доцент Московского авиационного института (национального исследовательского университета), Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: svetlankamos84@rambler.ru; ORCID: 0000–0002–3239–4230; Scopus Author ID: 56623121500; ПИНЦ AuthorID: 611010.

DOI: 10.19181/population.2023.26.2.2

IMPACT OF THE COVID-19 PANDEMIC ON MARRIAGE AND DIVORCE IN RUSSIA

Svetlana Yu. Sivoplyasova

*Institute for Demographic Research of the Federal Center of
Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
(6 bldg 1 Fotievoy str., Moscow, Russia, 119333)
Moscow Aviation Institute (MAI)
(4 Volokolamskoe shosse, Moscow, Russia, 125993)*

E-mail: svetlankamos84@rambler.ru

For citation:

Sivoplyasova S. Yu. Impact of the COVID-19 pandemic on marriage and divorce in Russia. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 2. P. 18-29. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.2 (in Russ.)

Abstract. *The pandemic of a new coronavirus infection has had a significant impact on demographic processes in Russia, in particular, on the dynamics of marriage and divorce. In 2020 the indicators reached the lowest values since the beginning of the 21st century. Meanwhile, quarantines and “lockdowns” affected marriage more strongly than divorce. Analysis of monthly crude marriage and divorce rates showed that after the “acute phases” of restrictions, when there was a sharp decline in indicators, in the periods of reduction of the quarantine measures, a “compensatory effect” was observed: both the number of registered marriages and divorces increased. However, in the case of divorces, the “compensatory” effect appeared immediately after the lifting of restrictions and persisted throughout the pandemic. In the case of marriages, “restraint” in matrimonial behaviour was observed for almost a year, and the “effect of delayed marriages” manifested itself only in 2021. At the same time, the different rate of dynamics of marriage and divorce led to the fact that the ratio of marriages and divorces in the country exceeded a record 100:70, respectively. There is a regional differentiation in marriage and divorce rates. The study showed that the matrimonial behaviour of the population in different subjects became more similar during the acute phase of the pandemic (in 2020), and differences increased in marriage rates during the period with milder restrictions (in 2021), while they decreased even more in divorce rates. There were RF subjects in which the number of divorces not only equalled the number of marriages (for example, in the Nenets Autonomous Okrug in 2020), but also exceeded it during the pandemic period (in the Jewish Autonomous Oblast, the Karachay-Cherkess Republic and the Republic of Ingushetia in 2021). This situation causes particular concern, as it affects the marriage structure of population and, as a result, may affect the dynamics of reproduction. Thus, unfavourable external factors can have a strong impact on marriage and divorce, thereby creating risks for the demographic development of the country. Conversely, a stable socio-economic, political and epidemiological situation will allow demographic processes to develop in a positive way and become the basis for achieving the goals of the socio-demographic policy of the State.*

Keywords: *marriages, divorces, crude marriage rate, crude divorce rate, COVID-19 pandemic, Russian regions.*

References and Internet sources

1. Kulkova I.A. Vliyaniye pandemii koronavirusa na demograficheskiye processy v Rossii [The impact of the coronavirus pandemic on demographic processes in Russia]. *Human Progress*. 2020. Vol. 6. Iss. 1. Available at: http://progress-human.com/images/2020/Tom6_1/Kulkova.pdf, DOI 10.34709/IM.161.5 (in Russ.)
2. Ryazantsev S.V., Ivanova A.E., Arkhangelsky V.N. Usileniye depopulyatsii v Rossii v kontekste pandemii COVID-19: regional'nye osobennosti [Strengthening of depopulation in Russia

- in the context of the COVID-19 pandemic: regional features]. *Vestnik Yuzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskiye nauki [Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences]*. 2021. Vol. 14. No. 2. P. 7–20. DOI: 10.17213/2075–2067–2021–2–7–20 (in Russ.)
3. Zlotnikov A. G. Smertnost' v Belarusi v period pandemii COVID-19 [Mortality in Belarus during the COVID-19 pandemic]. *DEMIS. Demograficheskiye issledovaniya [DEMIS. Demographic Research]*. 2021. Vol. 1. No. 2. P. 28–46. DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.2 (in Russ.)
 4. Druzhinin P. V., Molchanova E. V., Podlevskikh Yu. L. Vliyaniye pandemii COVID-19 na smertnost' naseleniya rossijskikh regionov [COVID-19 pandemic effects on mortality rates in Russian regions]. *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN [Transactions of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences]*. 2021. No. 7. P. 116–128. DOI: 10.17076/them1421 (in Russ.)
 5. Arkhangel'skiy V. N., Zaiko E. S. Rozhdaemost' i formirovaniye semej v Moskovskoy aglomeratsii v period pandemii COVID-19 [Fertility and family formation in the Moscow agglomeration during the COVID-19 pandemic]. *Zdorov'ye megapolisa [City Healthcare]* 2022. Vol. 3. No. 3. P. 6–16. DOI: 10.47619/2713–2617.ZM.2022.in.3i3;6–16 (in Russ.)
 6. Sigareva E. P., Sivoplyasova S. Yu., Arkhangel'skiy V. N. Rozhdaemost' v period pandemii COVID-19: ozhidaniya i dejstvitel'nost' [Fertility in the COVID-19 pandemic: expectations and reality]. *Vestnik Yuzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskiye nauki [Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences]*. 2022. Vol. 15. No. 4. P. 204–218. DOI: 10.17213/2075–2067–2022–4–204–218 (in Russ.)
 7. Sigareva E. P., Sivoplyasova S. Yu., Pletneva Yu. E. RiskidemograficheskogorazvitiyaRossiivusloviyah pandemii COVID-19 i predvaritel'nyye rezul'taty [Risks to demographic development of Russia in the conditions of the COVID-19 pandemic and preliminary results]. *Pandemiya COVID-19: Vyzovy, posledstviya, protivodejstviye [COVID-19 Pandemic: Challenges, Consequences, Counteraction]*. Ed. by A. V. Torkunov, S. V. Ryazantsev, V. K. Levashov. Moscow. Izdatel'stvo «Aspekt Press» [Publishing house “Aspect Press”]. 2021. 248. p. DOI:10.19181/monograph.978–5–7567–1139–4.2021 (in Russ.)
 8. Shabanova N. A., Sinkova I. G. Vliyaniye pandemii COVID-19 na intensivnost' demograficheskikh sobytij: brachnost' i razvodimost' [The impact of the COVID-19 pandemic on the intensity of demographic events: marriage and divorce]. *Vestnik Vostochno-Sibirskoy otkrytoy akademii [Bulletin of the East Siberian Open Academy]*. 2021. No. 41. P. 1–7. (in Russ.)
 9. Sinelnikov A. B. Vliyaniye brachnosti na rozhdaemost' i demograficheskaya politika v Rossii [The impact of marriage on fertility and the demographic policy in Russia]. *Sem'ya i sotsial'no-demograficheskiye issledovaniya [Family and Socio-Demographic Research]*. 2015. No. 4. P. 1–17. (in Russ.)
 10. Tolts M. S. Razvody i sovremennyy uroven' razvodimosti [Divorces and the present divorce rate]. *Problemy vosproizvodstva i zanyatosti naseleniya [Issues of the Population Reproduction and Employment]*. Moscow, Institut sotsiologicheskikh issledovaniy [Institute of Sociological Research], 1984. P. 18–30. (in Russ.)
 11. Tolts M. S. O vliyanii brachnogo statusa na rozhdaemost' [The impact of marital status on fertility]. *Demoscope Weekly*. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2020/0871/nauka03.php> (Accessed: 15 November 2022). (in Russ.)
 12. Manning W. D., Payne K. K. Marriages and divorces are declining during the COVID-19 pandemic: A case study of five states. *Socius*. 2021. No. 7. DOI: 10.1177/237802532111006976

Information about the author:

Sivoplyasova Svetlana Yurievna, Candidate of Economics, Associate Professor, Leading Researcher, Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Moscow Aviation Institute (MAI), Moscow, Russia.
Contact information: e-mail: svetlankamos84@rambler.ru; ORCID: 0000–0002–3239–4230; Scopus Author ID: 56623121500; Elibrary AuthorID: 611010.

Статья поступила в редакцию 05.12.2022, утверждена 03.05.2023, опубликована 30.06.2023.

DOI: 10.19181/population.2023.26.2.3
EDN: ZTAQQK

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОЦЕССОВ КОНВЕРГЕНЦИИ И ДЕПОПУЛЯЦИИ В СИСТЕМЕ ЦЕНТР-ПЕРИФЕРИЯ

Жулего В.Г., Балякин А.А.*, Сорокин М.В.

НИИ «Курчатовский институт»
(123182, Россия, Москва, пл. Академика Курчатова, 1)

*E-mail: BalyakinAA@gmail.com

Финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-010-00576 «Моделирование экономико-демографических процессов в относительно замкнутом экономическом сообществе стран с разным уровнем экономического развития».

Для цитирования:

Жулего В.Г., Балякин А.А., Сорокин М.В. Исследование процессов конвергенции и депопуляции в системе Центр-Периферия // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 2. – С. 30-39. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.3; EDN: ZTAQQK

Аннотация. В работе предложено развитие демографической модели, характеризующейся наличием двух условных страт (мегарегионов) — Центра и Периферии, отличающихся образом жизни, уровнем развития и ценностными установками. Проведено изучение процессов конвергенции и депопуляции в неоднородной системе типа Центр-Периферия. Рассмотрены различные варианты «догоняющего развития» Периферии. В рамках «модельных экспериментов» указаны режимы экономического роста, способствующие сближению уровней дохода в Центре и Периферии в зависимости от величины характерного времени конвергенции. Выявлены режимы, когда будет наблюдаться устойчивая депопуляция Периферии, которая при соответствующих условиях может стать необратимой. Показано, что в ряде случаев необходимо экономическое участие Центра в изменении ситуации в Периферии с целью добиться экономического сближения для поддержания устойчивости системы в целом. В качестве объяснительного принципа наблюдаемых явлений предложено использовать феномен институциональной ловушки. Предложен ряд социально-экономических интерпретаций динамики Системы Центр-Периферия. Обсуждается возможность изменения поведения системы путём принятия соответствующих управленческих решений и их связь с численными значениями переменных, полученных в компьютерном эксперименте. Дальнейшее развитие предложенной модели может заключаться в исследовании иных сценариев экономического взаимодействия, а также в учёте дополнительных параметров в уравнениях экономического роста, например, монетарной политики.

Ключевые слова: система Центр-Периферия, моделирование социально-экономических процессов, демография, институциональная ловушка, конвергенция, депопуляция.

Введение

Результаты математического моделирования социально-экономических процессов используются как в сфере государственного управления и стратегического планирования, так и в крупном бизнесе [1–3]. При этом запрос современного общества сфокусирован на концепции «устойчивого развития», которая сталкивается с рядом вызовов¹. В частности, серьёзной проблемой, препятствующей устойчивому развитию, является демографический переход, обусловленный увеличением продолжительности жизни людей, изменением их образа жизни, и связанное с этим старение населения. Эти факторы в совокупности приводит к новым социально-экономическим и медицинским проблемам (в том числе к росту угроз глобальных пандемий, увеличению риска появления новых или возврата исчезнувших инфекций).

Важность демографии и сопряжённых с ней изменений в социальной жизни общества признаётся как у нас в стране, так и во всем мире [4]. Соответственно, появляется актуальная научная задача по моделированию динамики роста народонаселения с учётом социально-экономических факторов. Анализ миграционных потоков сам по себе является многофакторной задачей, во многом зависящей от исторического контекста. Так, для эпохи появления человечества, помимо очевидного градиента населённости и существовавших географических, климатических и иных внешних причин, важным фактором считается генетическая предрасположенность к поиску новизны [5]. Возникновение цивилизаций, пассионарность этносов, как движущая сила не только миграции, но и экспансии [6], принимающей формы военных действий или культурного проникновения, все ещё продолжает центробежную тенденцию миграционных

потоков. Однако, уже в эпоху географических открытий и колонизации возникает и противоположный поток, «восходящая диффузия» [7]. Метрополии становятся центром притяжения для мигрантов, не всегда добровольного [8; 9]. Центристские тенденции мотивируются разницей условий жизни, которые включают уровень доходов, доступность и качество образования, социальную защищённость, возможности самореализации и так далее. Тема изучения влияния демографических изменений на экономику стран становится особенно актуальной в периоды активных социально-экономических и политических изменений (например, [10] или крупное статистическое исследование Goldman Sachs «Азианомика в Америке: вклад и вызовы»²).

В настоящей работе предложено развитие стратовой демографической модели, характеризующейся наличием двух условных страт (мегарегионов), отличающихся образом жизни, уровнем развития и ценностными установками. В рамках модели используются обозначения Центр и Периферия, подчеркивающие роль этих страт как институциональных ловушек, определяющих демографические и экономические показатели групп стран и населения. Исходная стратовая модель [11] была дополнена некоторыми предположениями модели великой дивергенции/конвергенции Коротаяева [12].

Основные уравнения модели

Пусть $X(t)$ описывает численность населения условной страты Центр, а $Y(t)$ — численность страты Периферия. Определим относительные (без

размерные) величины как, $x = \frac{X}{X_0}$, $y = \frac{Y}{Y_0}$

где $X_0 = X(0)$ и $Y_0 = Y(0)$ — численности населения в начальный момент времени. Тогда их динамика может быть описана

¹ Unido Technology Foresight Manual. United Nations Industrial Development Organization. Vienna, 2005. Vol. 1. P. 8. — URL: <https://open.unido.org/api/documents/4788327/download/UNIDO%20TECHNOLOGY> (дата обращения: 10.01.2023).

² Asianomics in America. The bigger picture research by Goldman Sachs. May 2, 2022. — URL: <https://www.goldmansachs.com/insights/pages/gs-research/asianomics-in-america/report.pdf> (дата обращения: 10.01.2023).

системой дифференциальных уравнений [13]:

$$\frac{dx}{dt} = a_x x - d_x x^2 + w \frac{Y_0}{X_0} \quad \text{и} \quad \frac{dy}{dt} = a_y y - d_y y^2 - w \quad (1)$$

Здесь первые два слагаемых в правой части уравнений отвечают за логистический рост населения в стратах, определяя естественный прирост населения (разность между рождаемостью и смертностью) в момент t . Третье слагаемое с коэффициентом w отвечает за миграцию (переток между стратами). Поскольку модель двухкомпонентная, то миграционные потоки сохраняют общий размер популяции, следовательно, и знаки этих слагаемых должны быть противоположны, а для использования безразмерных величин нужно учесть, что относительное изменение населения Центра на одного мигранта будет иметь фактор Y_0 / X_0 по отношению к Периферии. В отсутствие миграции ($w = 0$) каждая из систем следует логистической кривой с насыщением, определяемым отношениями a_α / d_α , $\alpha = x, y$ [13].

В определённом приближении показатель доли ВВП на душу населения может служить количественным ориентиром для оценки направления (знака w в (1)) и интенсивности миграционных потоков. Однако, при наличии существенного неравенства, желательно использование показателей, лучше отражающих уровень жизни возможно более широкого слоя граждан, например, медианного дохода. Кроме того, желательна корректировка этой величины с учётом паритета покупательной способности и «прожиточного минимума». Тогда, в рамках предлагаемой модели миграция:

$$w = \frac{A}{X_0} \left(\frac{S_x - S_y}{S_x + S_y} \right) \frac{xy}{x^2 + 1}, \quad (2)$$

где S_x , S_y — величина дохода на душу населения (с учетом сказанного выше) в стратах Центр и Периферии, соответственно; A — коэффициент нормировки миграционного потока.

Например, следуя [12], можно считать, что соотношение и динамика доходов определяются из решения уравнений следующего вида [5]:

$$\frac{dS_x}{dt} = b_x S_x \left(1 - \frac{g}{g_{max}} \right), \quad \frac{dS_y}{dt} = b_y S_y \left(1 - \frac{g}{g_{max}} \right)$$

$$\text{и} \quad g = x(m + S_x) + y(m + S_y), \quad (3)$$

где b_x и b_y — коэффициенты роста дохода, g и g_{max} — суммарный доход на душу населения и его предельная величина, m — сумма «прожиточного минимума» [12; 14]. Более точная модель может учитывать перетекание доходов вместе с миграционными потоками в зависимости от оценки относительной экономической активности мигрантов. Однако, в настоящей работе мы ограничимся рассмотрением достаточно простых сценариев экономического роста, сосредоточившись на исследовании динамики численности населения.

Общие для различных сценариев параметры, используемые в дальнейшем в математическом моделировании, выбраны следующими:

$$a_x = 0.1, \quad a_y = 0.1, \quad d_x = 0.0095, \quad d_y = 0.005, \\ Y_0 / X_0 = 0.2, \quad A = 0 \div 0.1.$$

Без учёта миграции они соответствуют растущим популяциям как Центра, так и Периферии, однако мы предполагаем, что страта Центр находится существенно ближе к насыщению на логистической кривой, именно этим обусловлен выбор численных значений параметров. Специфические значения параметров при использовании логистической модели должны быть выбраны из соображений совпадения наблюдаемой динамики исследуемых систем на основе доступных статистических данных с ходом рассчитанных траекторий переменных x и y до настоящего момента.

В качестве модельной ситуации будем предполагать устойчивый экономический рост страты Центр с темпом β , который будем считать постоянным: $S_x = S_x(0) \exp(\beta t)$. Это предположение не уменьшает общность моде-

ли, поскольку важными для миграционных процессов являются относительные величины и их динамика, а уровень доходов Центра достаточно сильно коррелирован с глобальным для Системы уже благодаря большей доли экономики центра в ВВП Системы. Для страты Периферия мы рассмотрим модель конвергентного роста, когда существенный разрыв в уровне доходов между Центром и Периферией в начальный момент времени экспоненциально сокращается с характерным временем τ_c экономической конвергенции:

$$S_y = S_x - \Delta S \exp\left(-\frac{t}{\tau_c}\right).$$

Соответствующие иллюстрации приведены на рис. 1, где продемонстрировано сближение уровней дохода в странах Центр и Периферия в зависимости от величины характерного времени конвергенции τ_c . Параметры экономической конвергенции Центра и Периферии выбраны следующими: $\Delta S/S_x(0) = 0.5$, $\beta = 0.02$, $\tau_c = 5 \div 30$.

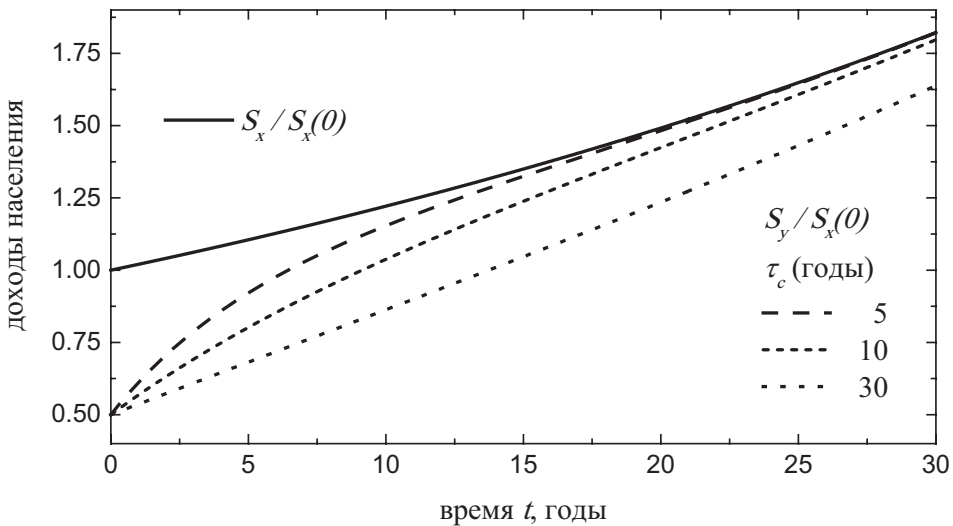

Рис. 1. Сближение уровней дохода в странах Центр и Периферия в зависимости от величины характерного времени конвергенции τ_c (сплошной линией показан нормированный доход Центра, пунктиром — нормированный доход Периферии для разных времён конвергенции)

Fig. 1. Convergence of income levels in the countries of the Center and the Periphery depending on the value of the characteristic convergence time τ_c (Solid line corresponds to normalized Center income dynamics, dashed lines — normalized Periphery income dynamics for various convergence times)

Источник: рассчитано авторами для модельной системы (1)-(3).

Результаты математического моделирования и их обсуждение

Численные расчёты в соответствии с моделью показывают, что при от-

сутствии экономического сближения ($\tau_c \rightarrow \infty$) Периферия испытывает устойчивый миграционный отток, который при выбранных параметрах демографической модели не компенсируется естественным

приростом населения и достаточно быстро приводит к депопуляции Периферии. При этом, в силу большей близости Центра к насыщению в демографической модели, миграционный приток в Центр фактически «растворяется», а при существенной депопуляции Периферии перестаёт компенсировать естественную убыль населения Центра, что может привести к депопуляции всей Системы Центр-Периферия.

Изменение этой тенденции требует сближения S_y и S_x , причём, за характерное время τ_c существенно меньшее, чем характерные времена демографических изменений. Отметим, что наличие параметра ΔS отражает концепцию догоняю-

щего развития, когда Периферия функционирует в той же системе ценностей, что и Центр. (рис. 2). Из приведённых иллюстраций видно, что Периферии нужно достаточное время (порядка $2\tau_c$) для выхода из режима снижения численности и возвращения к траектории роста населения. Поскольку на временах, значительно превышающих τ_c , заметно меняются параметры системы, что на практике соответствует демографическому переходу, качественной смене состояния системы, предложенная модель не может быть универсальной и не претендует на описание демографической динамики на длинных временных интервалах.

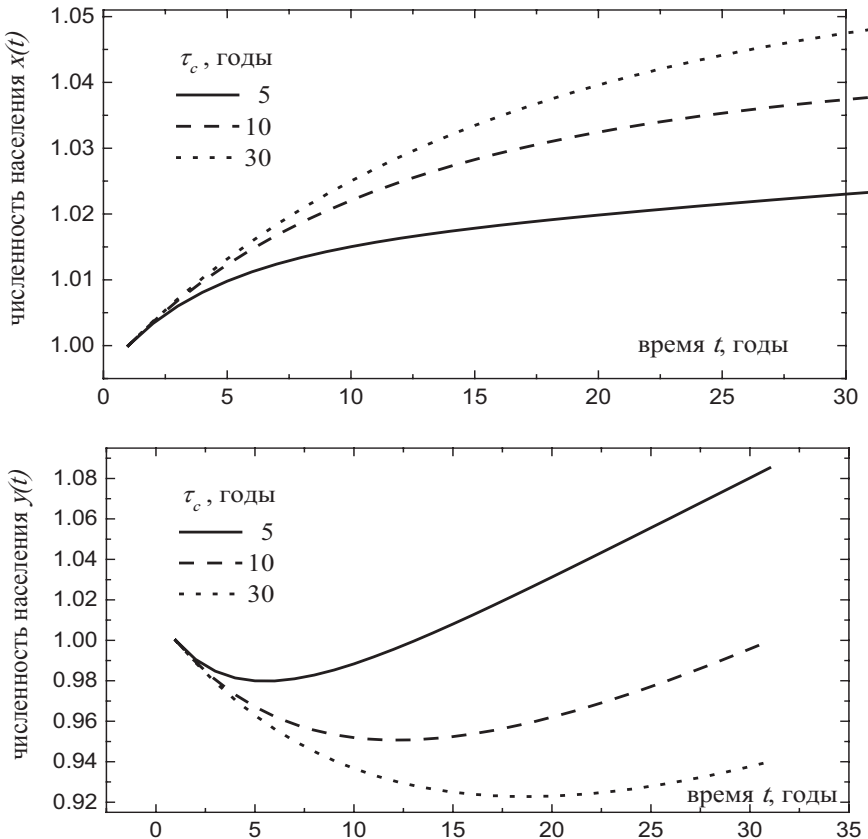

Рис. 2. Динамика численности населения Центра $x(t)$ и Периферии для различных величин τ_c

Fig. 2. Population dynamics of the Center $x(t)$ and the Periphery $y(t)$ for various values of τ_c

Источник: рассчитано авторами для модельной системы (1)-(3).

Устойчивое развитие (sustainable development) должно включать и решение общечеловеческих проблем в рамках глобальных договорённостей, таких как контроль изменений климата или распространения заболеваний³, что также практически невозможно без полноценного участия стран Периферии. Поток рабочей силы из Периферии до определённой степени позволяет решать, как проблему недостатка высококвалифицированных специалистов в определённых областях, так и вопрос поддержания сравнительно низкого уровня оплаты труда, не требующего высокой квалификации, в частности в сельском хозяйстве и секторе услуг. Одновременно подавляются потенциальные центры конкуренции и расширяются рынки сбыта. В то же время, всё чаще возникает вопрос, насколько такая модель может быть устойчивой, не приводит ли она к катастрофическим изменениям демографических и экономических перспектив Периферии, нарастанию политических проблем, что, в свою очередь, может вызвать уже неконтролируемые процессы миграции, разрушительные не только для Периферии, но и для Центра.

Таким образом, может быть оправданным экономическое участие стран Центра с целью добиться устойчивого экономического сближения. Ещё раз отметим, что вопрос равномерности доходов — важный фактор «качества» роста и его влияния на миграцию. Именно поэтому рост должен быть связан с достаточно медленной перестройкой структуры экономики и развитием общественных институтов и не может быть обеспечен единовременным «вливанием». С разной степенью эффективности могут предприниматься различные шаги в этом направлении — от прямой экономической помощи или государственных заимствований до многоуровневой кооптации, включающей интеграцию в финансовую и экономиче-

скую систему, доступ к рынкам капитала, создание высокооплачиваемых рабочих мест путём организации современного производства, развитие потребительского рынка, долгосрочные инфраструктурные проекты, вложения в науку и образование. Надо отметить, что экономическая помощь Центра зачастую обуславливается требованиями структурных реформ и/или политической интеграции, что может восприниматься со стороны Периферии как угроза суверенитету (не всегда беспочвенно). В результате может возникнуть «замкнутый круг», когда получение и эффективное использование помощи Центра затруднительно без проведения реформ, а экономическая ситуация делает подобную попытку политически невозможной.

По мнению авторов, для анализа демографической динамики может быть применена концепция институциональной ловушки [15], когда возникает невозможность изменения динамики системы ввиду существующих институциональных (правовых, моральных и других) ограничений. На практике это выражается в том, что попытки резкого слома существующих практик (экстраординарные подходы) приведут к радикальному изменению социальной ткани общества, а отказ от реформ приводит к институциональной диффузии, деструкции базовых институтов текущих социального и экономического порядков. Фактически, это означает отсутствие однозначно «хороших» решений.

На языке математических моделей этим ситуациям отвечает в первом случае резкое изменение параметров (новые законы и запреты) при сохранении начальных условий, а во втором — изменение начальных условий (таких переменных как численность разных страт). Отметим, что существующие на сегодня количественные методы оценки неустойчивости систем (показатели Ляпунова, размерности системы) могли бы позволить выбрать такое изменение параметров, которое не приведет к разбалансировке системы, исключит ее переход в хаотическое (или не-

³ Unido Technology Foresight Manual. United Nations Industrial Development Organization. Vienna, 2005. Vol. 1. P. 8. — URL: <https://open.unido.org/api/documents/4788327/download/UNIDO%20TECHNOLOGY> (дата обращения: 10.01.2023).

устойчивое) состояние. Представляется, что, несмотря на свою трудоемкость, эти исследования могут быть реализованы в будущем при наличии заинтересованности со стороны власти или представителей бизнеса.

Выводы

Предложенная модель позволяет оценить, насколько экономическое сближение создаёт демографическую (миграционную) конвергенцию Центра и Периферии. Фактор времени (τ_c) является критическим в вопросе, сможет ли страта Периферия за счёт опережающего экономического роста в достаточно обозримой перспективе (5–15 лет) выйти на уровень, когда миграционный отток не превышает естественный прирост населения. В противном случае наблюдается устойчивая необратимая депопуляция Периферии, причём Центр, находясь, как мы предположили, ближе к насыщению, фактически «растворяет» миграционный поток без существенного демографического эффекта.

Надо отметить, что в случае успешной экономической конвергенции страты Периферия и быстрого восстановления численности населения модель выходит за область применимости, так как демографические параметры такой страты должны изменяться, также приближаясь к соответствующим значениям для Центра. Понятно, что определённая специфика Периферии при этом может сохраняться: возрастной состав, образовательный уровень и другие параметры изменяются более медленно, чем экономика; так что та-

кая экстраполяция выходит за рамки нашего рассмотрения.

Отметим, что фактор времени является принципиально важным в демографических моделях. Во-первых, имеет место существенная необратимость демографических процессов, приводящая к «стреле времени» и в социальных процессах. Это выражается, в частности, в сложности изменения миграционных правил (легко принять мигрантов, тяжело их исключить из социума, не прибегая к экстраординарным методам) или демографических установок (отмена китайского подхода «одна семья — один ребёнок» не привела к росту рождаемости). В нашем случае это означает невозможность произвольного изменения параметров системы: происходит «наследование» состояний, и новые значения коэффициентов (рождаемость, смертность, коэффициент миграции и пр.) не могут резко изменить предыдущие тренды. Это отражает ригидность демографических систем (их «грубость» в терминологии В.И. Арнольда [16]). Во-вторых, в подобных задачах важным оказывается учет времени запаздывания: принятые решения не могут быть моментально отражены в системе, результат их воздействия отсрочен.

Дальнейшее развитие предложенной модели может заключаться в исследовании иных сценариев экономического взаимодействия, а также в учёте демографических и миграционных параметров в уравнениях экономического роста. Отдельным интересным вопросом должна стать социально-экономическая интерпретация полученных результатов и разработка на их основе предложений по оптимизации управленческих решений.

Литература и Интернет-источники

1. **Marsan, G. A.** Complex Systems and Society— Modeling and Simulation / G. A. Marsan, N. Bellomo, A. Tosin.— Springer, 2013.— 90 p. DOI: 978-1-4614-7242-1
2. **Соложенцев, Е. Д.** Цифровое управление государством и экономикой / Е. Д. Соложенцев // Актуальные проблемы экономики и управления.— 2018.— № 1(17).— С. 136–153. DOI: 10.32686/1812-5220-2020-17-2-22-39; EDN: YUTXDC
3. **Eberlin, M.** Foresight: How the Chemistry of Life Reveals Planning and Purpose / M. Eberlin.— Discovery Institute, 2019.— 576 p.
4. **Goodhart, C.** The Great Demographic Reversal: Ageing Societies, Waning Inequality, and an Inflation Revival / C. Goodhart, M. Pradhan.— Palgrave Macmillan, 2020.— 280 p.
5. **Chen, C.** Population Migration and the Variation of Dopamine D4 Receptor (DRD4) Allele Frequencies Around the Globe / C. Chen, M. Burton, E. Greenberger, J. Dmitrieva // Evolution and Human Behavior.— 1999.— Vol. 20.— No. 5.— P. 309–324.
6. **Гумилев, Л. Н.** Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев.— Ленинград : ЛГУ.— 1989.— 420 с.
7. **Гегузин, Я. Е.** Восходящая диффузия и диффузионное последствие / Я. Е. Гегузин // УФН.— 1986.— Т. 149.— № 5.— С. 149–159.
8. **Медушевский, Н. А.** Миграционные процессы современности: Ситуативное явление или глобальный исторический вызов? / Н. А. Медушевский, А. Р. Шишкина.— Москва : УРСС, 2018.— 256 с.
9. **Урнов, М. Ю.** Мир-система на переломе: Изменение баланса сил между странами Ядра и Периферии и начало глобального кризиса / М. Ю. Урнов.— Москва : УРСС, 2022.— 211 с.
10. **Abramitzky, R.** Streets of Gold: America's Untold Story of Immigrant Success / R. Abramitzky, L. Boustan.— Public Affairs, 2022.— 256 p.
11. **Zhulego, V. G.** 2-Phase Model for Population Growth / V. G. Zhulego, A. A. Balyakin // Chaos Modeling and Simulation (CMSIM).— 2015.— No. 3.— P. 193–204.
12. **Korotayev, A.** Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective / A. Korotayev, L. Grinin and J. Goldstone.— Springer, 2015.— 420 p.
13. **Михайлов, А. П.** Математические модели системы «человек-общество» / А. П. Михайлов, А. П. Петров.— Москва : ФИЗМАТЛИТ, 2022—456 с.
14. **Коротаев, А. В.** Законы истории: Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития / А. В. Коротаев, Д. А. Халтурина, А. С. Малков, Ю. В. Божевольнов, С. В. Кобзева, Ю. В. Зинькина.— Москва : Издательство ЛКИ, 2010.— 345 с.
15. **Полтерович, В. М.** Институциональные ловушки и экономические реформы / В. М. Полтерович.— Москва : Российская экономическая школа, 1998.— 37 с.
16. **Арнольд, В. И.** Теория катастроф / В. И. Арнольд // Итоги науки и техники. Серия: Современные проблемы математики. Фундаментальные направления.— 1986.— Т. 5.— С. 219–277.

Сведения об авторах:

Жулего Владимир Григорьевич, к. физ. – мат. н., главный советник Администрации президента НИЦ «Курчатовский институт», Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: zhulego@mail.ru, Zhulego_VG@nrcki.ru; ORCID: 0000-0002-6625-6741; Scopus Author ID: 55606451600; РИНЦ AuthorID587953.

Балякин Артём Александрович, к. физ. – мат. н., начальник отдела, НИЦ «Курчатовский институт», Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: BalyakinAA@gmail.com; ORCID: 0000-0002-8655-7998; Scopus Author ID: 7801310086; РИНЦ AuthorID124563.

Сорокин Михаил Владимирович, научный сотрудник, «НИЦ «Курчатовский институт», Москва, Россия.
Контактная информация: e-mail: m40@lab2.ru; ORCID: 0000-0002-5308-8515; Scopus Author ID: 7005895287; РИНЦ AuthorID: 39274.

DOI: 10.19181/population.2023.26.2.3

CONVERGENCE AND DEPOPULATION PROCESSES IN THE CENTER-PERIPHERY SYSTEM

Vladimir G. Zhulego, Artem A. Balyakin*, Mikhail V. Sorokin

National Research Center “Kurchatov Institute”
(1 Akademika Kurchatova sq., Moscow, Russia, 123182)

*E-mail: BalyakinAA@gmail.com

Funding:

The study was carried out with the financial support of RFBR within the project № 20-010-00576 “Modeling economic-demographic processes in a relatively closed economic community of countries with different levels of economic development”.

For citation:

Zhulego V.G., Balyakin A.A., Sorokin M.V. Convergence and depopulation processes in the Center-Periphery system. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 2. P. 30-39. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.3 (in Russ.)

Abstract. *The paper proposes advancement of a stratum demographic model characterized by the presence of two strata — the Center and the Periphery, which are different in respects of their way of life, development level and social values. The processes of convergence and depopulation in the heterogeneous system of the Center-Periphery type were studied. Various variants of “catch-up development” of the Periphery are considered within the framework of numerical simulation. Modes of economic growth that contribute to the convergence of income levels in the countries of the Center and the Periphery are indicated, depending on the value of the characteristic time of convergence. There are identified the regimes of a stable and supposedly irreversible depopulation of the Periphery. It is shown that economic participation of the Center in changing the situation in the Periphery countries might be necessary to achieve economic convergence for maintaining the stability of the entire system. As an explanatory principle of the observed phenomena, the institutional trap concept is proposed. A number of socio-economic interpretations of the dynamics of the Center-Periphery system as well as the possibility of the System behavior control by appropriate management decisions are discussed on the results of computer modeling. Further development of the proposed model may include studying other scenarios of economic interaction and taking into account additional demographic and migration parameters in the equations of economic growth.*

Keywords: Center-Periphery system, modeling of socio-economic processes, demography, institutional trap, convergence, depopulation.

References and Internet sources

1. Marsan G.A., Bellomo N. and Tosin A. *Complex Systems and Society—Modeling and Simulation*. Springer. 2013. 90 p. DOI: 978-1-4614-7242-1
2. Solozhentsev E.D. Tsifrovoye upravleniye gosudarstvom i ekonomikoy [Digital management of the state and economy]. *Aktualnyye problemy ekonomiki i upravleniya [Actual Problems of Economics and Management]*. 2018. No. 1(17). P. 136–153. DOI: 10.32686/1812-5220-2020-17-2-22-39 (in Russ.)
3. Eberlin M. *Foresight: How the Chemistry of Life Reveals Planning and Purpose*. Discovery Institute. 2019. 576 p.
4. Goodhart C., Pradhan M. *The Great Demographic Reversal: Ageing Societies, Waning Inequality, and an Inflation Revival*. Palgrave Macmillan. 2020. 280 p.

5. Chen C., Burton M., Greenberger E., Dmitrieva J., Population migration and the variation of Dopamine D4 Receptor (DRD4) allele frequencies around the globe. *Evolution and Human Behavior*. 1999. Vol. 20. No. 5. P. 309–324
6. Gumilev L. N. Etnogenez i biosfera zemli [*Ethnogenesis and Biosphere of the Earth*], LGU [Leningrad State University]. 1989. (in Russ.)
7. Geguzin Ya. E. Ascending diffusion and the diffusion aftereffect. *Sov. Phys. Usp.* 1986. Vol. 29. P. 467–473. DOI: 10.1070/PU1986v029n05ABEH003386
8. Medushevsky N. A., Shishkina A. R., Migratsionnyye protsesy sovremennosti: situativnoye yavleniye ili globalnyy istorichesky vyzov? [*Modern Migration Processes: A Situational Phenomenon or a Global Historical Challenge?*]. Moscow. URSS. 2018. 256 p. (in Russ.)
9. Urnov M. Yu., Mir-sistema na perelome: Izmeneniye balansa sil mezhdru stranami Jadra i Periferii i nachalo global'nogo krizisa. [*The World-System at the Turning Point: Changing the Balance of Power between the Core and Periphery Countries and the Beginning of the Global Crisis*]. Moscow. URSS. 2022. 211 p. (in Russ.)
10. Abramitzky R., Boustan L. *Streets of Gold: America's Untold Story of Immigrant Success*. Public Affairs. 2022. 256 p.
11. Zhulego V. G., Balyakin A. A., 2-Phase model for population growth. *Chaos Modeling and Simulation (CMSIM)*. 2015. No. 3. P. 193–204.
12. Korotayev A., Grinin L., Goldstone J. *Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective*. Springer. 2015. 420 p.
13. Mikhailov A. P., Petrov A. P. Matematicheskiye modeli sistemy "chelovek-obshchestvo" [*Mathematical Models of the "Man-Society" System*]. Moscow. FIZMATLIT. 2022. 456 p. (in Russ.)
14. Korotayev A. V., Khalturina D. A., Malkov A. S., Bozhevolnov Yu. V., Kobzeva S. V., Zinkina Yu. V. Zakony istorii: Matematicheskoye modelirovaniye i prognozirovaniye mirovogo i regional'nogo razvitiya. [*Laws of History: Mathematical Modeling and Forecasting of World and Regional Development*]. Moscow. LKI Publishing House. 2010. 345 p. (in Russ.)
15. Polterovich V. M. InstitutSIONalnyye lovushki i ekonomicheskiye reformy [*Institutional Traps and Economic Reforms*]. Moscow. Rossiyskaya ekonomicheskaya shkola [Russian Economic School]. 1998. 37 p. (in Russ.)
16. Arnol'd V. I., Teorija katastrof [Catastrophe theory]. Itogi nauki i tehn. Seriya: Sovremennyye problemy matematiki. Fundamental'nyye napravleniya [Science and Technics Outcomes. Ser. Modern Problems of Mathematics. Fundamental Directions], 1986. Vol. 5. P. 219–277. (in Russ.)

Information about authors:

Zhulego Vladimir Grigorievich, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Chief Adviser to the President Administration, National Research Center "Kurchatov Institute", Moscow, Russia.

Contact Information: e-mail: zhulego@mail.ru, Zhulego_VG@nrcki.ru; ORCID: 0000-0002-6625-6741; Scopus Author ID: 55606451600; Elibrary AuthorID: 587953.

Balyakin Artem Alexandrovich, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Head of Department, National Research Center "Kurchatov Institute", Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: BalyakinAA@gmail.com; ORCID0000-0002-8655-7998; Scopus Author ID: 7801310086; Elibrary AuthorID: 124563.

Sorokin Mikhail Vladimirovich, Researcher, National Research Center "Kurchatov Institute", Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: m40@lab2.ru; ORCID0000-0002-5308-8515; Scopus Author ID: 7005895287; Elibrary AuthorID: 39274.

Статья поступила в редакцию 16.01.2023, утверждена 03.05.2023, опубликована 30.06.2023.

ЗАНЯТОСТЬ, КАЧЕСТВО И УСЛОВИЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

DOI: 10.19181/population.2023.26.2.4
EDN: WBEEZYV

НЕЗАНЯТОСТЬ РОДИТЕЛЕЙ: ОДНА ИЗ ПРИЧИН БЕДНОСТИ В СЕМЬЯХ С ДЕТЬМИ

Корчагина И.И.^{1,2*}, Прокофьева Л.М.^{1,2}

¹Институт социально-экономических проблем народонаселения
имени Н.М. Римашевской ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

²Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)
(101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20)

*E-mail: ikorchagina@hse.ru

Для цитирования:

Корчагина И.И., Прокофьева Л.М. Незанятость родителей: одна из причин бедности в семьях с детьми // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 2. – С. 40-51. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.4; EDN: WBEEZYV

Аннотация. Последние годы, связанные с экономическими последствиями пандемии COVID-19 и ограничений занятости в этот период, а также с введёнными санкциями после начала СВО на востоке Украины, заставляют обращать более пристальное внимание на группы населения повышенного риска бедности. К такой группе в первую очередь относятся семьи с детьми. Именно на эту категорию бедных направлены решения по усилению мер социальной политики, расширению круга потенциальных получателей помощи (повышение возраста детей, снятие ограничений по типу семьи). Дополнительные меры поддержки, предоставленные семьям с детьми для снижения негативных последствий кризисных явлений, помогли смягчить остроту проблемы роста бедности, но не изменили положение семей с детьми на шкале благосостояния: они по-прежнему являются самой многочисленной группой бедных (по данным Росстата это 80% всех бедных домохозяйств). В этой связи представляется важным понять основные факторы бедности семей с детьми, к которым относится ограниченная занятость родителей. Цель исследования — показать на данных статистического обследования масштабы незанятости и её влияние на уровень жизни семей с детьми, а также гендерные особенности незанятости. Исследование причин незанятости в семьях с детьми позволяет увидеть пути расширения мер социальной поддержки этой категории бедных семей, выйти из круга лишь монетарной помощи, которая не может до конца решить задачу преодоления бедности в долгосрочной перспективе. Исследование подтверждает необходимость социальной поддержки семей с детьми, в которой денежная помощь должна совмещаться с работой по активизации действий семей по самообеспечению, а также важность совершенствования механизмов оплаты труда, чтобы уровень заработной платы мог позволить работнику прокормить хотя бы одного иждивенца.

Ключевые слова: семьи с детьми, уровень жизни и бедности семей с детьми, масштабы и факторы незанятости взрослых членов семьи.

© Корчагина И.И., Прокофьева Л.М., 2023.

Введение

Много лет исследования по уровню жизни населения привлекают научное сообщество и общественность к проблеме высоких рисков бедности семей с детьми, особенно, многодетных и неполных. Риск монетарной бедности¹ детей более чем в 2 раза превышает риск бедности населения в целом². В общей структуре домохозяйств семьи с детьми до 18 лет занимали почти треть в 2015 г. [1, с. 112], а по переписи 2020 г. — только четверть³, в то время как среди бедных их почти 80%⁴. Высокая детская бедность противоречит Конституции РФ⁵, закрепляющей заботу о детях в качестве важнейшего государственного приоритета, а также не согласуется с основной задачей демографической политики России по повышению уровня рождаемости: «увеличение суммарного показателя рождаемости в 1,5 раза на период до 2025 г. за счёт рождения в семьях второго и последующих детей»⁶.

Снижение негативного влияния бедности на жизнь детей находится в приоритете Правительства России и является ключевой целью на период до 2027 г., что зафиксировано в плане основных мероприятий в рамках «Десятилетия детства»⁷. Снижение детской бедности также является составной ча-

стью национальной цели, предполагающей уменьшение к 2030 г. общего уровня бедности в России в 2 раза по сравнению с показателем 2017 года⁸. Между тем, многие исследователи свидетельствуют об отсутствии прогресса в решении этой социальной проблемы [2, с. 63]. Бедность влияет на детей иначе, чем на взрослых, следовательно, детскую бедность необходимо рассматривать как самостоятельное явление и измерять с учётом специфических потребностей этого этапа человеческой жизни [3, с. 50].

Дополнительной проблемой последних лет стал ряд новых ограничений, с которыми столкнулось российское общество из-за пандемии COVID-19 и внешнеэкономических санкций, введённых весной 2022 г., что ставит выполнение целей сокращения детской бедности под угрозу, и вынуждает правительство усиливать государственную поддержку семей с детьми, делать помощь более эффективной. Так, в последние два года на смену пособию малообеспеченным семьям, имеющим детей, в размере в среднем не более 5% ПМ ребёнка пришли денежные выплаты в размере от 0,5 до 1 ПМ в зависимости от возраста ребёнка. Одновременно ужесточились проверки на нуждаемость, а с января 2023 г. введено ежемесячное пособие в связи с рождением и воспитанием детей⁹, которое заменило многочисленные выплаты семьям с детьми, а его размер ориентирован на дефицит дохода семьи и отчасти должен его компенсировать.

Значительная социальная помощь, предоставленная семьям с детьми для снижения негативных последствий кризисных явлений, помогла сократить темпы роста бедности, однако не изменила положение семей на шкале благосостояния [4, с. 88]. Меры социальной поддержки способствуют росту социальной защищённости этой категории домохозяйств, но, несмотря на усилия государства по сокращению бед-

¹ В рамках данной работы монетарная бедность определяется как доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (ПМ).

² Социальное положение и уровень жизни населения России. 2021: Стат. сб. / Росстат. — Москва, 2021. — С. 150.

³ Росстат. — URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 29.10.2022).

⁴ Росстат. — URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/148_07-09-2022.htm (дата обращения: 29.10.2022).

⁵ Статья 67.1 п. 4 Конституции РФ: «Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создаёт условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей».

⁶ Указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 (ред. от 01.07.2014) «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года».

⁷ Распоряжение Правительства РФ от 23.01.2021 № 122-р «Об утверждении плана основных мероприятий, проводимых в рамках «Десятилетия детства», на период до 2027 г.».

⁸ Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

⁹ Федеральный закон от 19.05.1995 № 81-ФЗ (ред. от 21.11.2022) «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей».

ности, семьи с детьми по-прежнему остаются уязвимой группой населения с самыми высокими рисками бедности. Социальная помощь не покрывает полностью дефицит доходов бедных семей с детьми и не позволяет им выйти из бедности [5, с. 46]. Поэтому компенсаторные механизмы, противостоящие негативным тенденциям, должны быть связаны не только с усилением социальной помощи, а включать широкий спектр действий, которые, в том числе, должны касаться вопросов занятости как основного источника денежных доходов семей с детьми.

Ограничения экономической деятельности в стране во время последних кризисов сопровождалась потерей занятости для многих работников. Как правило, наиболее сильно кризис затронул самозанятых, низкооплачиваемых работников и трудоустроенных в неформальном секторе экономики [6, с. 90–92]. Каждый пятый работник в это время опасался невыплаты заработной платы и сокращения её размера, а у каждого третьего работника присутствовал страх потерять работу в связи с увольнением [7, с. 33].

Именно семьи с детьми в значительной степени страдают от ограничений в заработках, и одним из основных факторов бедности в этих семьях является незанятость трудоспособных. В то же время в России низкие доходы не всегда являются результатом низкой занятости, и бедность может быть связана с недостаточностью доходов работающих членов семьи из-за низких размеров заработной платы и повышенной иждивенческой нагрузки, а не с отсутствием работы. На вопрос о необходимых мерах государственной поддержки в сложный период почти 40% семей с детьми назвали «обеспечение справедливой оплаты труда» [8, с. 9].

Чтобы понять, как незанятость влияет на уровень жизни семей с детьми, использовались данные Росстата ОБДХ-2019¹⁰ —

¹⁰ ОБДХ-2019 — «Обследование бюджетов домашних хозяйств» Росстата 2019 года. Выборка: 460721 человек (193255 домохозяйств за 4 квартала в 82 субъектах РФ). Используются весовые коэффициенты, чтобы выборка была репрезентативна по субъектам РФ, численности муж-

масштабного обследовании с детальной информацией об уровне жизни и занятости российского населения. Исследование 2019 г. было выбрано с целью показать положение семей с детьми разного типа в относительно спокойное время, когда проблемы с незанятостью были не так остры и не связаны с серьёзными кризисными явлениями в экономике, тогда как результаты более поздних обследований могли бы продемонстрировать изменения в доступе к занятости, нехарактерные для семей с детьми в обычных условиях.

Масштабы бедности в семьях с детьми в зависимости от незанятости родителей

Обследование показывает, что большинство трудоспособных в семьях с детьми имеют работу, в 17% случаев не трудоустроен один из родителей, и только в 2% семей не работают оба родителя (или единственный родитель в неполных семьях). В полных семьях мужчина не имеет занятости крайне редко, и в основном не работает женщина. В неполных семьях с детьми женщина, являясь единственным кормильцем в семье, даже в случае наличия алиментов на детей, размер которых в среднем не высок [9, с. 175], теряет возможность минимизировать трудовую деятельность: 90% женщин в неполных семьях имеют занятость (табл. 1).

Очевидно, что отсутствие занятости родителей как основного источника средств существования, негативно сказывается на уровне жизни семей с детьми [2, с. 69; 10, с. 22]. В семьях, где только один родитель не трудоустроен, риск бедности возрастает в 1,5 раза по сравнению с семьями, где все трудоспособные работают, а если оба родителя не имеют работу, то более половины таких домохозяйств оказываются в бедности. В полных семьях отсутствие занятости у отца более негативно сказывается на уровне жизни семьи, чем отсутствие занятости у матери. При наличии в домохозяйстве неработа-

чин и женщин, городу и селу.

ющего мужчины и работающей женщины бедность почти на 10 процентных пунктов (п.п.) выше, чем там, где ситуация обратная: отец работает, а мать — нет.

Гендерные различия в заработной плате часто не позволяют женщинам обеспечивать семью, что наглядно видно на примере неполных семей. В случае, если гла-

ва неполной семьи работает и это женщина, то бедность в таком типе семей выше средней на 20%, в то время как, если глава семьи — мужчина, уровень бедности ниже среднего на 35%. Вместе с тем, отец во главе неполной семьи — довольно редкое явление, и в структуре семей с детьми до 18 лет составляет менее 1%.

Таблица 1

Распределение семей в зависимости от занятости родителей и бедность в этих семьях, %

Table 1

Employment of parents and poverty in families with children, %

Группа семей с детьми	Доля семей	Доля бедных в выделенных группах	
		монетарная бедность	субъективная бедность
Все семьи, в том числе:	100,0	26,1	14,9
– оба родителя работают	80,8	23,1	14
– один из родителей не работает	16,9	35,7	17,9
– оба родителя не работают	2,3	54,2	31,2
Полные семьи, в том числе:	100,0	24,5	12,6
– оба родителя работают	78,9	21,3	11,2
– мать не работает, отец работает	17,8	34,7	17,2
– мать работает, отец не работает	2,4	43,1	22,8
– оба родителя не работают	0,8	49,2	18,3
Неполные семьи, в том числе:	100,0	33,6	27,4
– мать работает	90,0	31,3	26,1
– мать не работает	9,4	56,9	41,4
– отец работает	0,5	17,0	5,6
– отец не работает	0,1	23,1	15,3

Источник: расчёты С. А. Тер-Акопова (НИУ ВШЭ) по данным ОБДХ-2019.

Если оба родителя работают, то риск бедности для семей с детьми очевидно ниже, чем при отсутствии работы хотя бы у одного из родителей, но он всё равно остаётся высоким (21,3% против 14,1% для всей совокупности обследованных домохозяйств). Столь высокая доля бедных среди семей с детьми, в которых все трудоспособные заняты, указывает на неполную занятость или на низкий уровень заработной платы работников при повышенной иждивенческой нагрузке.

Объективные данные низкого уровня жизни семей с детьми подтверждаются

собственными ощущениями респондентов. Субъективные показатели бедности традиционно определяются по ответам на вопрос «К какой из следующих групп населения вы могли бы, скорее всего, отнести себя (свою семью)?» Такой субъективный критерий позволяет достаточно точно определить уровень жизни семей, поскольку основан на оценке потребления, когда выявляется набор потребительских товаров и услуг, который семья может себе обеспечить. Принято считать, что семья может быть отнесена к бедным, если у неё проблемы с обеспечением базовыми

вых потребностей в еде и одежде (ответы: 1 — «мы едва сводим концы с концами; денег не хватает даже на продукты» и 2 — «на продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает серьёзные затруднения»).

Так же, как и при монетарной бедности, фиксируется высокая корреляция между отсутствием занятости и субъективной бедностью. Отсутствие заработков у обоих родителей в 2 раза увеличивает ощущение бедности, при котором семья не может удовлетворить даже базовые потребности в еде и одежде, по сравнению со средними показателями. Существенные финансовые ограничения бюджета неполных семей, в случае если мать не имеет работу, приводят к риску субъективной бедности, почти в 3 раза превышающей средний показатель. Но и если оба родителя работают, то ощущения бедности в таких семьях всё равно на довольно высоком уровне: 11% семей с двумя работниками не могут удовлетворить даже базовые потребности в еде и одежде.

Незанятость родителей в бедных семьях с детьми

Если проанализировать отдельно масштабы незанятости трудоспособных в бедных семьях с детьми, то очевидно, что ограничения занятости родителей в бедных семьях с детьми превышают средние показатели. Если в среднем во всех семьях с детьми 17% семей имеют одного неработающего родителя, то в бедных семьях таких уже 23%, а доля бедных семей, в которых оба родителя не трудоустроены, в 2 раза больше, чем в среднем по всем семьям с детьми. Даже в неполных бедных семьях женщина реже трудоустроена по сравнению с неполными семьями более высокого достатка. В то же время отсутствие поддержки со стороны второго родителя в неполных семьях вынуждает единственного родителя чаще оставаться на рынке труда (табл. 2).

Таблица 2

Масштабы незанятости трудоспособных в бедных семьях с детьми, %

Table 2

Unemployment of able-bodied parents in poor families with children, %

Группа бедных домохозяйств с детьми до 18 лет	Всего домохозяйств	В том числе в зависимости от занятости родителей:		
		Оба родителя (или один в неполной семье) работают	Один из родителей не работает	Оба родителя (или один в неполной семье) не работают
Все домохозяйства	100	69,9	22,6	4,5
А) в том числе от всех домохозяйств с детьми				
– с 1-м ребёнком	100	76,5	17,9	5,6
– с 2-мя детьми	100	74,5	22,1	3,4
– с 3-мя и более детьми	100	56,0	37,9	6,1
Б) в том числе от всех домохозяйств с детьми				
– с детьми до 3-х лет	100	44,9	48,4	6,7
– с детьми (3–6 лет)	100	69,2	26,6	4,2
– с детьми (7–17 лет)	100	75,1	20,5	4,4
В) в том числе от всех домохозяйств с детьми				
– полные семьи	100	68,7	29,6	1,7
– неполные семьи	100	84,0	–	16,0
Г) в том числе от всех домохозяйств с детьми				
– простые семьи	100	72,1	24,7	3,2
– сложные семьи	100	71,7	20,3	8,0

Источник: расчёты С. А. Тер-Акопова (НИУ ВШЭ) по данным ОБДХ-2019.

Как правило, рождение ребёнка вынуждает женщину прервать на время трудовую карьеру, поэтому почти в половине семей с малолетними детьми работает только один родитель. Чем старше ребёнок, тем больше работников в семье: если в первые годы жизни ребёнка только 45% семей имеют обоих работающих родителей, то в семьях с детьми в возрасте 3–6 лет их уже 69%, а с детьми в возрасте 7–17 лет — 75%. Высока доля неработающих родителей в бедных многодетных семьях, в них часто мать не имеет возможности продолжительное время выйти на рынок труда и занята воспитанием детей — только в 56% многодетных семей работают оба родителя, в то время как в семьях с одним ребёнком таких 76%. В сложных многопоколенных бедных семьях, когда возможна помощь семье с детьми со стороны старших родственников (как материальная, так и услугами), отмечается более высокий процент семей, в которых оба родителя не работают: 8% против 3,2% в простых семьях.

Основные причины незанятости женщин и мужчин в бедных семьях

Несмотря на то, что спектр причин незанятости трудоспособных в бедных семьях с детьми широк, в обследовании ОБДХ можно проанализировать только основные из них: отсутствие рабочих мест, учёба в высшей школе или других учебных заведениях, инвалидность (или болезнь) трудоспособного члена семьи, уход за детьми, больными или пожилыми (табл. 3).

Причины незанятости имеют ярко выраженные гендерные особенности. Основной причиной незанятости женщин, как уже было отмечено, является уход за детьми: 8% неработающих женщин ухаживает за малолетними детьми в возрасте до 3-х лет, 40% матерей в семьях с одним-двумя детьми ухаживает за детьми более старших возрастов и 39% незанятых женщин являются многодетными матерями. Только около 2% неработающих женщин ухаживают за больными или пожилыми родственникам,

Таблица 3

Распространённость причин незанятости женщин и мужчин в бедных семьях с детьми, %

Table 3

Causes of unemployment of women and men in poor families with children, %

Причина незанятости	Женщины	Мужчины
Учится	0,6	0,7
Ухаживает за детьми в возрасте до 3-х лет	8,1	-
Ухаживает за детьми более старших возрастов (кроме многодетности)	39,6	-
Многодетность	39,3	-
Инвалидность (или болезнь) самой женщины/мужчины	1,6	8,1
Уход за больными или пожилыми	2,0	1,2
Отсутствие занятости без уважительных причин	8,8	90,0
Всего	100,0	100,0

Источник: расчёты С. А. Тер-Акопова (НИУ ВШЭ) по данным ОБДХ-2019.

не могут трудоустроиться по причине собственной инвалидности или болезни 1,6% женщин, и совсем незначительная часть неработающих женщин с детьми учатся в образовательных учреждениях.

Дополнительными барьерами для трудовой деятельности женщин выступают: потеря квалификации за период отпуска по уходу за ребёнком; ограничения и даже невозможность для многих профессий

гибкой занятости и дистанционной работы, что особенно важно для матерей малолетних детей; а также установки семей на воспитание ребёнка матерью [11, с. 221]. Незанятость мужчин в бедных семьях с детьми в большинстве случаев сводится к отсутствию работы (90% незанятых), и слабо связана с наличием уважительных причин, не позволяющих человеку трудоустроиться: лишь небольшая доля мужчин не работает по причине собственной инвалидности (8,1%), ухода за больным или пожилым (1,2%), и учёбы в образовательном учреждении (0,7%).

Помощь государства семьям с детьми, где отец или мать не заняты, должна быть усилена. И если для женщин, имеющих уважительные причины незанятости (учёба, уход за малолетними детьми или пожилыми, многодетность, инвалидность или болезнь самой женщины), необходимо продолжать политику социальной поддержки, которая должна предоставляться на безусловной основе, то для мужчин, напротив, главное — это помощь в поиске работы и трудоустройство.

Несмотря на то, что масштабы незанятости трудоспособных в бедных семьях с детьми несколько выше, чем средние показатели, большинство бедных семей имеют довольно высокий уровень занятости — родители трудоустроены в 70% случаев, но при этом семья всё равно остаётся бедной. Следовательно, незанятость — это только одна из причин бедности. Также важен уровень оплаты труда, который мог бы позволить трудоспособным содержать иждивенцев.

Исследования показывают, что при наличии занятости уровень доходов в семьях с детьми напрямую зависит от образования родителей, и низкий уровень образования работающих взрослых сопровождается низкой квалификацией и приводит к низкой оплате труда. Последние десятилетия норма отдачи от инвестиций в образование существенно возросла и для высшего образования составляет в настоящее время порядка 8% [12, с. 36]. Например, если женщина, воспитываю-

щая в одиночку детей, имеет высшее образование, то риски как монетарной, так и субъективной бедности для такой семьи существенно ниже: в случае монетарной бедности — почти в 3 раза, а субъективной — в 2,1 раза, по сравнению с матерью, имеющей образование не выше среднего, и соответственно, в 2,2 и 1,5 раза, если женщина имеет начальное и среднее профессиональное образование (табл. 4).

Похожая ситуация в полных семьях. Если оба родителя имеют высшее образование, то монетарная бедность равна 12,8%, что существенно ниже среднего значения, а субъективная бедность составляет только 7%. Другие комбинации уровней образования родителей приводят к возрастанию рисков бедности в этих семьях. Например, при наличии только у одного из родителей высшего профессионального образования, и при этом у другого не ниже среднего профессионального, доля бедных по монетарному критерию увеличивается до 19–22%. Дальнейшее снижение уровня образования хотя бы одного из родителей приводит к существенному росту бедности, и если образование у обоих родителей не превышает школьный уровень, то более половины таких семей находятся в бедности.

Выводы

Незанятость родителей является одной из главных причин бедности в семьях с детьми. При отсутствии работы хотя бы у одного из родителей бедность в семьях с детьми существенно возрастает даже при не очень высокой иждивенческой нагрузке, не говоря уже о многодетности. Однако источник бедности в семьях с детьми — это не только отсутствие работы, но и низкий уровень образования и низкий уровень заработных плат работающих родителей.

Если государственная задача — свести к минимуму угрозу детской бедности, с целью препятствовать утрате человеческого капитала в молодых поколениях, то проблему повышения уровня жизни

Таблица 4

**Масштабы бедности в семьях с детьми в зависимости
от уровня образования родителей, %**

Table 4

Poverty in families with children and the level of education of parents, %

Уровень образования:		Доля бедных в группах с разным образованием родителей:	
матери	отца	монетарная бедность	субъективная бедность
Полные семьи			
среднее	среднее	53,0	25,5
среднее	профессиональное	38,1	19
среднее	высшее	39,5	16,7
профессиональное	среднее	42,7	21,5
профессиональное	профессиональное	32,6	16,4
профессиональное	высшее	22,0	9,4
высшее	среднее	27,1	14,4
высшее	профессиональное	19,4	10,8
высшее	высшее	12,8	7,2
Неполные семьи			
мать, среднее образование		55,5	43,3
мать, профессиональное образование		42,6	30,2
мать, высшее образование		19,5	20,3
отец, среднее образование		30,7	15,7
отец, профессиональное образование		22,0	15,4
отец, высшее образование		19,2	5,6

Источник: расчёты С. А. Тер-Акопова (НИУ ВШЭ) по данным ОБДХ-2019.

в семьях с детьми, особенно среди многодетных и неполных, необходимо решать комплексно. Во-первых, существует потребность в дальнейшем усилении адресной социальной поддержки семей, в которых взрослые члены семьи имеют уважительные причины незанятости или низкие доходы при полной занятости. Во-вторых, если бедность связана с отсутствием работы без уважительных причин, а это касается главным образом мужчин, то решение нужно искать в оказании социальной поддержки совместно с оказанием помощи в трудоустройстве, что может быть реализовано через относительно новую для России форму социальной поддержки — социальный контракт. Система социального контракта также может помочь

работающим членам семей с детьми в повышении образования и квалификационного уровня с целью последующего поиска более оплачиваемой занятости.

Если в семье не работает мать, то необходим индивидуальный подход, поскольку ситуация с трудоустройством женщины может быть более сложной в условиях недостаточности или даже полного отсутствия структур, помогающих семье по уходу за детьми и престарелыми (в сёлах и малых городах детские сады часто находятся далеко от дома и в них невозможно устроить ребёнка, практически всегда проблема отсутствия ясельных групп [11, с. 221]).

Наконец, большинство семей с детьми имеют двух работников, между тем чет-

верть из них всё равно являются бедными из-за низкого уровня заработных плат. Следовательно, помимо усиления социальной поддержки необходимо совершенствовать механизмы оплаты труда, чтобы уровень заработной платы позволял работнику прокормить хотя бы одного иждивенца. Здесь определяющую роль должна играть политика регулирования заработной платы, и в частности, более значимое, чем в настоящее время, повышение уровня минимальной оплаты труда — работающий человек и его семья не должны быть бедными.

Отметим, что данные, на которых проведено обследование, не отражают изменения на рынке труда, вызванные пандемией коронавируса и санкциями, введенными против России в 2022 году. Авторы,

анализирующие состояние рынка труда в тяжёлое послепандемное время, фиксируют дополнительные ограничения на возможности населения улучшить своё материальное положение: рост безработицы (в том числе среди самозанятых и занятых неформально) из-за сокращения рабочих мест в отдельных отраслях экономики и снижение заработных плат для трудоустроенных [6, с. 90–92]. Таким образом, полученные выводы были сформулированы для периода относительно благополучной экономической ситуации в стране, и негативные последствия кризисных явлений последних лет, несомненно, не будут способствовать улучшению тяжёлого положения семей с детьми, несмотря на активную социальную политику, направленную на эти семьи.

Литература и Интернет-источники

1. **Миронова, А. А.** Семья и домохозяйство в России: демографический аспект / А. А. Миронова, Л. М. Прокофьева // Демографическое обозрение. — 2018. — Т. 5. — № 2. — С. 103–121. DOI: 10.17323/demreview.v5i2.7936; EDN: XWCDYT
2. **Елизаров, В. В.** Факторы бедности семей с детьми и перспективы её снижения / В. В. Елизаров, А. Л. Сеница // Уровень жизни населения регионов России. — 2019. — № 2(212). — С. 63–75. DOI: 10.24411/1999–9836–2019–10065; EDN: MZVLOC
3. **Ткаченко, А. А.** Детская бедность: феномен и явление / А. А. Ткаченко // Народонаселение. — 2022. — Т. 25. — № 1. — С. 29–37. DOI: 10.19181/population.2022.25.1.4. EDN: TPRDZH
4. **Пишняк, А.** Материальное положение россиян в условиях пандемии: влияние государственной поддержки / А. Пишняк, И. Корчагина, Е. Горина, С. Тер-Акопов // Экономическая политика. — 2021. — Т. 16. — № 6. — С. 70–93. DOI: 10.18288/1994–5124–2021–6–70–93; EDN: NSJSSE
5. Семьи с детьми в России: уровень жизни и политика социальной поддержки: доклад к XX Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества (Москва, 9–12 апреля 2019 г.) / ред. Л. Н. Овчарова. — Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. — 153 с.
6. **Гимпельсон, В. Е.** Зарплата и потоки на российском рынке труда в условиях коронакризиса / В. Е. Гимпельсон // Вопросы экономики. — 2022. — № 2. — С. 69–94. DOI: 10.32609/0042–8736–2022–2–69–94; EDN: JJJWHG
7. «Черный лебедь» в белой маске. Аналитический доклад НИУ ВШЭ к годовщине пандемии COVID-19 / под ред. С. М. Плаксина, А. Б. Жулина, С. А. Фаризовой; НИУ «Высшая школа экономики». — Москва : Высшая школа экономики, 2021. — 348 с. EDN: AOTHWU
8. **Корчагина, И. И.** Социальная поддержка семей с детьми в период эпидемии коронавируса и реальная нуждаемость семей / И. И. Корчагина, Л. М. Прокофьева // Народонаселение. — 2021. — Т. 24. — № 4. — С. 95–106. DOI: 10.19181/population.2021.24.4.8; EDN: OIXMRR
9. **Прокофьева, Л. М.** Неполные семьи с детьми в России: масштабы распространения и материальная поддержка / Л. М. Прокофьева, И. И. Корчагина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. — № 9–1(48). — С. 172–179. EDN: CRMWKD

10. **Черкашина, Т. Ю.** Личные доходы супругов в структуре бюджетов российских семей в 1990–2010-е гг. / Т. Ю. Черкашина // Экономическая социология. — 2019. — Т. 20. — № 2. — С. 14–50. EDN: EBCRUW*
11. **Пишняк, А.** Занятость российских женщин после рождения детей: стимулы и барьеры / А. Пишняк, Е. Надеждина // Журнал исследований социальной политики. — 2020. — Т. 18. — № 2. — С. 221–238. DOI: 10.17323/727-0634-2020-18-2-221-238; EDN: INVKIR
12. **Разумова, Т. О.** Влияние высшего образования на доходы работника / Т. О. Разумова // Экономический анализ: теория и практика. 2009. — № 13(142). — С. 29–37. EDN: KGWNRB

Сведения об авторах:

Корчагина Ирина Ивановна, к.э. н., ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; ведущий аналитик Института социальной политики НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: ikorchagina@hse.ru; ORCID: 0000-0002-6947-4541; Researcher ID Web of Science: A-8342-2016; PИНЦ AuthorID: 110968.

Прокофьева Лидия Михайловна, к.э. н., ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; ведущий аналитик Института социальной политики НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: lprokofieva@hse.ru; ORCID: 0000-0001-5704-7617; Researcher ID Web of Science: J-8182-2015; PИНЦ AuthorID: 110971.

DOI: 10.19181/population.2023.26.2.4

UNEMPLOYMENT OF PARENTS – ONE OF THE POVERTY CAUSES IN FAMILIES WITH CHILDREN

Irina I. Korchagina^{1,2*}, Lidia M. Prokofieva^{1,2}

*¹Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)*

*²Higher School of Economics
(20 Myasnitskaya str., Moscow, Russia, 101000)*

**E-mail: ikorchagina@hse.ru*

For citation:

Korchagina I. I., Prokofieva L. M. Unemployment of parents – one of the poverty causes in families with children. *Narodonaselenie. [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 2. P. 40-51. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.4 (in Russ.)

Abstract. Families with children in Russia are at high risk of poverty. The economic consequences of the coronavirus pandemic and the sanctions imposed in spring 2022 make social policy a priority. It is necessary to pay a stronger attention to groups of population at higher risk of poverty. In recent years the support for families with children has been strengthened and the circle of potential recipients of assistance expanded (raising the age of children, lifting restrictions on the type of family). Additional support measures provided to families with children to reduce the negative effects of the crisis helped to alleviate the severity of poverty but did not change the position of families with children on the welfare scale, they are still the largest group of the poor (according to Rosstat they make 80% of all poor households). It seems important to identify the main factors of

poverty of families with children, which include, not least, the limited employment of parents. The main purpose of the study is to show, using the data of the statistical survey (HBS-2019), the scale of unemployment and its impact on families with children as well as gender characteristics of the phenomenon of unemployment. Financial assistance to families with children should be combined with work to activate the actions of families for self-sufficiency.

Keywords: families with children, standard of living and poverty of families with children, scale and factors of unemployment of adult family members.

References and Internet sources

1. Mironova A. A., Prokofieva L. M. Sem'ya i domohozyaystvo v Rossii: demograficheskiy aspekt [Family and household in Russia: the demographic aspect]. Demograficheskoye obozreniye [Demographic Review]. 2018. Vol. 5. No. 2. DOI: 10.17323/demreview.v5i2.7936 (in Russ.)
2. Yelizarov V. V., Sinitsa A. L. Faktory bednosti semey s det'mi i perspektivy yeyo snizheniya [Factors of poverty of families with children and prospects of its reduction]. Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2019. No. 2(212). P. 63–75. DOI: 10.24411/1999–9836–2019–10065 (in Russ.)
3. Tkachenko A. A. Detskaya bednost': fenomen i yavleniye [Child poverty: phenomenon and characteristics]. Narodonaselenie [Population]. 2022. Vol. 25. No. 1. P. 29–37. DOI: 10.19181/population.2022.25.1.4 (in Russ.)
4. Pishnyak A., Korchagina I., Gorina E., Ter-Akopov S. Material'noye polozheniye rossiyan v usloviyakh pandemii: vliyaniye gosudarstvennoy podderzhki [Financial well-being of the population in the pandemic: The impact of the income support policy response in Russia]. Ekonomicheskaya Politika [Economic Policy]. 2021. Vol. 16. No. 6. P. 70–95. DOI: 10.18288/1994–5124–2021–6–70–93 (in Russ.)
5. Sem'i s det'mi v Rossii: uroven' zhizni i politika sotsialnoy podderzhki [Families with Children in Russia: Living Standards and Social Support Policy]. Proceedings of the XX international conference on economic and social development. Moscow, 9–12 April 2019. Ed. L. N. Ovcharova. Moscow. Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki [Higher School of Economics]. 2019. 153 p. (in Russ.)
6. Gimpelson V. E. Zarplata i potoki na rossiyskom rinke truda v usloviyakh koronavirusa [Wages and labor market flows in times of the corona crisis]. Voprosy Ekonomiki [Economic Issues]. 2022. No. 2. P. 69–94. DOI: 10.32609/0042–8736–2022–2–69–94 (in Russ.)
7. «Chernyi lebed'» v beloy maske [“Black Swan” in a White Mask]. HSE analytical report on the anniversary of the COVID-19 pandemic. Eds. S. M. Plaksina, A. B. Zhulina, S. A. Farizova. Vysshaya shkola ekonomiki [Higher School of Economics]. Moscow. 2021. 348 p. (in Russ.)
8. Korchagina I. I., Prokofieva L. M. Sotsial'naya podderzhka semey s det'mi v period epidemii koronavirusa i real'naya nuzhdayemost' semey [Social support for families with children in the period of coronavirus epidemic and families' need]. Narodonaselenie [Population]. 2021. Vol. 24. No. 4. P. 95–106. DOI: 10.19181/population.2021.24.4.8 (in Russ.)
9. Prokofieva L. M., Korchagina I. I. Nepochnyye sem'i s det'mi v Rossii: mashtaby rasprostraneniya i material'naya podderzhka [Single parent families in Russia: level of spread and material support]. Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk [International Journal of Humanities and Natural Sciences]. 2020. Vol. 9–1(48). P. 172–179. (in Russ.)
10. Cherkashina T. Lichnyye dokhody suprugov v strukture budzhetov rossiyskikh semey v 1990–2010 [Personal income of spouses in Russian families' budgets in the 1990–2010s]. Ekonomicheskaya sotsiologiya [Journal of Economic Sociology]. 2019. Vol. 20. No. 2. P. 14–50. (in Russ.)
11. Pishnyak A., Nadezhkina E. Zan'atost' rossiyskikh zhenshchin posle rozhdeniya detey: stimuly i bar'yery [Employment of Russian women after childbirth: incentives and barriers]. Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki [The Journal of Social Policy Studies]. 2020. Vol. 18. No. 2. P. 221–238. DOI: 10.17323/727–0634–2020–18–2–221–238 (in Russ.)

12. Razumova T. O. Vliyaniye vysshego obrazovaniya na dokhody rabotnika [Impact of higher education on income of employee]. *Ekonomicheskiy analiz: teoriya i praktika [Economic Analysis: Theory and Practice]*. 2009. No. 13(142.). P. 29–37. (in Russ.)

Information about the authors:

Korchagina Irina Ivanovna, Candidate of Economics, Leading Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Analyst, Higher School of Economics, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: i.korchagina@mail.ru; ORCID: 0000–0002–6947–4541; Researcher ID Web of Science: A-8342–2016; Elibrary AuthorID: 110968.

Prokofieva Lidia Mikhaylovna, Candidate of Economics, Leading Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Analyst, Higher School of Economics, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: lprokofieva@hse.ru; ORCID: 0000–0001–5704–7617; Researcher ID Web of Science: J-8182–2015; Elibrary AuthorID: 110971.

Статья поступила в редакцию 18.11.2022, утверждена 03.05.2023, опубликована 30.06.2023.

DOI: 10.19181/population.2023.26.2.5
EDN: WDCJDX

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ АРКТИЧЕСКИХ РЕГИОНОВ РОССИИ

Волков А. Д.^{1*}, Тишков С. В.¹, Аверьянов А. О.²

¹Институт экономики Карельского научного центра РАН
(185030, Россия, Петрозаводск, проспект А. Невского, 50)

²Петрозаводский государственный университет
(185910, Россия, Петрозаводск, проспект Ленина 33)

*E-mail: kov8vol@gmail.com

Финансирование:

Статья подготовлена в рамках государственного задания Института экономики КарНЦ РАН по теме «Комплексное исследование и разработка основ управления устойчивым развитием северного и приграничного поясов России в контексте глобальных вызовов».

Для цитирования:

Волков А. Д., Тишков С. В., Аверьянов А. О. Социокультурные особенности населения арктических регионов России // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 2. – С. 52-65. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.5; EDN: WDCJDX

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования населения двух арктических регионов России, построенного на методологическом базисе модели Г. Хофстеде. Исследование носит поисковый характер и реализует практически не применявшийся в российской практике актуальный инструментарий измерения шести этнометрических показателей Г. Хофстеде на индивидуальном уровне. Решалась задача выявления показателей, отражающих культурную специфику населения арктических территорий Архангельской области и Республики Коми, отличий в значениях этнометрических показателей между различными социальными группами (пол, возраст, уровень дохода). Как показали результаты исследования, уровень значений «маскулинности» выше среди мужчин, чем среди женщин, а уровень значений показателя «допустимости удовлетворения желаний» монотонно убывает от младших к старшим возрастным группам. Выявлено, что между уровнем дохода и значениями показателей «долгосрочности ориентаций», «маскулинности» и «дистанции власти» присутствует статистически значимая положительная зависимость — чем выше значение данных этнометрических показателей, тем выше доход индивида. В рамках сравнения средних значений показателей в территориальном разрезе установлено, что для населения арктических территорий Республики Коми характерен относительно более высокий уровень «коллективизма» и умеренно высокий — значения «маскулинности» и «избегания неопределённости». При этом среди респондентов, проживающих на арктических территориях Архангельской области относительно более высокие значения имеет показатель «допустимости удовлетворения желаний». Сформулирована гипотеза о механизме пространственно детерминированного социально-экономического отбора культурных паттернов индивидов, реализуемого в механизмах воспроизводства человеческого капитала. Эта гипотеза будет проверена в ходе дальнейших исследований, в том числе на материале других арктических регионов. Полученные результаты могут быть использованы в решении задач государственного управления, в частности, для региональной спецификации государственных программ стимулирования предпринимательской активности населения и деятельности в сфере НКО.

Ключевые слова: культура, ценности, арктические регионы, Г. Хофстеде, опрос населения, дистанция власти, избегание неопределённости, маскулинность.

© Волков А. Д., Тишков С. В., Аверьянов А. О., 2023.

Введение

Поиск новой модели освоения Арктики сопровождается апробацией новых, специфических институтов в развитии макрорегиона [1, с. 21–24]. Решение этой задачи, должно опираться на актуальные знания о важнейших аспектах социально-экономического развития Арктики, особенностях жизни местных сообществ. И если ряд таких аспектов является относительно хорошо изученными [2], то некоторым другим уделялось недостаточное внимание в научных исследованиях. Одними из таких малоизученных аспектов являются паттерны мышления, чувств и действий, характеризующие культурные особенности населения территорий Арктики и имеющие многогранное воздействие на все сферы жизни общества. Г. Хофстеде характеризовал эти паттерны как «ментальные программы» или «программное обеспечение мышления» [3, с. 159], распространённое среди населения в пределах определённой территории. Подтверждено эмпирическими исследованиями влияние культуры на ценности [4], поведение индивидов в различных сферах жизни общества [5], корпоративные ценности компаний [6], а также развитие отраслей и сфер деятельности в рамках национальных экономик [7].

В условиях таких пространственно дифференцированных стран, как Россия, особую актуальность имеет изучение региональной специфики этнометрических показателей, характеризующих культуру. Однако, несмотря на системную значимость культуры для социально-экономического развития общества, актуальная информация о ней фрагментирована в отечественном научном дискурсе. А. Аузан и соавторы [8] отмечают дефицит данных региональных исследований в области культурной специфики и её влияния на условия общественного развития. Данный аспект научной актуальности определяет предметную сторону исследования, в то время как выбор объекта опирается на необходимость актуализации данных

о социально-экономическом развитии Арктических территорий России. Цель работы – идентификация показателей, отражающих культурную специфику населения арктических территорий Архангельской области (АО) и Республики Коми (РК) на индивидуальном уровне. Исследование носит поисковый характер и реализует редко применявшийся в российской практике инструментарий измерения шести этнометрических показателей Г. Хофстеде на индивидуальном уровне.

Разработанность темы и методология исследования

Культура определяется исследователями как «набор относительно стабильных ценностей, норм, верований, традиций и артефактов, которые являются общими для рассматриваемого населения» [9, с. 2]. Методологические подходы к исследованию социокультурной специфики стран и регионов представлены в работах Ш. Шварца [10], Р. Инглхарта [11], Дж. Стенкампа [12]. Однако, как отмечается в [9], работы Г. Хофстеде [13] на настоящий момент остаются самыми цитируемыми в данном направлении исследований, а измерения, основанные на его методологии – самыми распространёнными и общепринятыми. Г. Хофстеде выделял шесть этнометрических показателей культуры. Достаточно подробное описание значения каждого измерителя представлено в [9; 14], поэтому мы ограничимся их кратким описанием: 1) маскулинность/феминность (Masculinity) – отражает преобладание маскулинных или феминных ценностей. К маскулинным ценностям относятся нацеленность на успех и результат, конкурентность, напористость. К феминным – относятся приоритет кооперации над конкуренцией, забота о качестве жизни, перераспределение благ от сильных к слабым; 2) дистанция власти (Power distance) – степень принятия неравномерности в распределении власти в обществе, а также – ожидания и готовности к этому неравен-

ству; 3) коллективизм/индивидуализм (Individualism) — отражает жёсткость и силу связей между индивидом и группой, к которой он принадлежит. Проявляется в приоритетности индивидуальных или групповых интересов в обществе; 4) избегание неопределённости (Uncertainty avoidance) — определяет степень принятия в рамках общества неопределённости смыслов, правил и установок, а также непредсказуемости ситуаций и будущего в целом. Избегание рисков или их допустимость; 5) долгосрочность целеполагания (переводится также как «долгосрочная/краткосрочная ориентация») (Long term orientations) — обуславливается выбором горизонта планирования индивида, отражает такие приоритеты как бережливость, упорство и расчётливость в достижении цели, способность жертвовать сиюминутными выгодами для этого; 6) допустимость удовлетворения желаний (также переводится как «потворство желаниям/сдержанность») (Indulgence) — принятая мера свободы удовлетворения естественных для человека потребностей, связанных с развлечениями, удовольствием и наслаждением жизнью.

Многими исследователями подчёркивается особый профиль культурных паттернов российского общества [3; 15]. В большинстве работ, выводы которых основаны на результатах измерений по методологии Г. Хофстеде, отмечается высокие показатели индивидуализма, а показатель дистанции власти носит умеренные значения. И та, и другая особенность более характерны для стран Запада. В то же время, высокие показатели «избегания неопределённости» и пониженные — маскулинности, отличают Россию и от большинства стран Востока [3]. Однако, измерение культурной специфики с применением методологии Г. Хофстеде на страновом уровне не позволяло эффективно исследовать влияние культурных паттернов на принимаемые индивидами решения, а также аспекты его жизнедеятельности. Анализ этих связей на уровне индивидов с опорой на национальные показате-

тели приводит к серьёзным неточностям в полученных результатах, особенно — в условиях высокой экономической, социальной, национальной и институциональной дифференциации территорий, выраженной результирующей гетерогенности культурных паттернов.

Исследование влияния культурной специфики на индивидуальные аспекты жизнедеятельности потребовало разработки отдельных шкал, что и было осуществлено в ряде работ [16–19]. В рамках настоящей работы для идентификации культурных особенностей проживающего населения и исследования взаимосвязи с их принадлежностью к различным социальным группам и индивидуальными установками нами была использована шкала В. Юо [18] по первым пяти из разработанных Г. Хофстеде показателям, и дополнена инструментарием А. Heydari [19] по исследованию шестого показателя — «допустимости удовлетворения желаний». В качестве примера рассмотрим блок инструментария, применявшегося для измерения показателя «коллективизм/индивидуализм» модели Г. Хофстеде (табл. 1)¹. Полевой этап исследования был осуществлён в октябре-ноябре 2021 г. на арктических территориях России. Была реализована многоступенчатая районированная выборка с квотным отбором единиц наблюдения на последней ступени (половозрастные квоты). Критерием отбора респондентов были: 1) возраст 16–72 лет; 2) постоянный характер проживания на исследуемых территориях. Объём выборки составил 1247 человек (арктические территории РК — 651 человек, арктические территории АО — 596 человек)². Средний возраст респондентов — 43 года. Параметры выборки представлены в табл. 2 и 3.

¹ Комплексная работа по переводу на русский язык, адаптации и апробации указанного инструментария в условиях России будет рассмотрена авторами в отдельной статье.

² В муниципальном разрезе выборка распределилась так (человек): Архангельск — 326, Северодвинск — 153, Онежский район — 71, Пинежский район — 46, Воркута — 314, Усинск — 164, Инта — 122, Усть-Цилемский район — 51.

Таблица 1

Инструментарий исследования показателя «коллективизм/индивидуализм» модели Г. Хофстеде на индивидуальном уровне

Table 1

Toolkit for the study of the “collectivism/individualism” indicator of the Hofstede model at the individual level

Показатель модели Г. Хофстеде	Вопрос «Насколько Вы согласны со следующими утверждениями?»	Применяемая шкала
«коллективизм/индивидуализм» (collectivism/individualism)	1. Отдельные люди должны жертвовать личными интересами ради коллектива	5-значная шкала Р. Ликерта с ответами от «полностью согласен» до «полностью не согласен»
	2. Люди должны держаться в коллективе, даже несмотря на возникающие при этом трудности	
	3. Общее благополучие важнее индивидуальных наград	
	4. Общий результат важнее индивидуального	
	5. Отдельные люди должны преследовать свои цели только принимая во внимание благополучие общности, группы, к которой они принадлежат	
	6. Приверженность общим целям должна одобряться, даже если она идёт в ущерб личным интересам	

Источник: составлено авторами.

Таблица 2

Соотношение значений параметров выборки и структуры населения арктических территорий Республики Коми (16–72 лет)

Table 2

Ratio of sampling parameters and population structure of the Arctic territories of the Komi Republic (16–72 years old)

Возраст	Пол	Численность населения, человек	Структура населения по возрасту	Численность выборки, человек	Структура выборки	Отклонение структуры выборки от генеральной совокупности
16–29 лет	Мужской	44465	10,66%	60	10,07%	0,60%
	Женский	44503	10,67%	61	10,23%	0,44%
30–44 лет	Мужской	71072	17,04%	99	16,61%	0,43%
	Женский	73224	17,56%	100	16,78%	0,78%
45–59 лет	Мужской	50994	12,23%	77	12,92%	0,69%
	Женский	59178	14,19%	83	13,93%	0,26%
60–72 лет*	Мужской	28177	6,76%	48	8,05%	1,30%
	Женский	45424	10,89%	68	11,41%	0,52%
Всего		417037	100%	596	100%	Среднее – 0,63%

*Данные оценочные, т.к. в статистике учёт ведётся в пределах возрастного интервала 60–69 лет.

Источник: составлено авторами.

Таблица 3

Соотношение значений параметров выборки и структуры населения арктических территорий Архангельской области по районам, охваченным опросом (16–72 лет)

Table 3

Ratio of sampling parameters and population structure of the Arctic territories of Arkhangelsk oblast (16–72 years old)

Возраст	Пол	Численность населения, человек	Структура населения по возрасту	Численность выборки, человек	Структура выборки	Отклонение структуры выборки от генеральной совокупности
16–29 лет	Мужской	10576	9,68%	61	9,37%	0,31%
	Женский	9635	8,82%	55	8,45%	0,37%
30–44 лет	Мужской	19054	17,44%	109	16,74%	0,70%
	Женский	17321	15,85%	102	15,67%	0,19%
45–59 лет	Мужской	16335	14,95%	94	14,44%	0,51%
	Женский	18749	17,16%	108	16,59%	0,57%
60–72 лет*	Мужской	6818	6,24%	48	7,37%	1,13%
	Женский	10765	9,85%	74	11,37%	1,51%
Всего		109253	100%	651	100%	Среднее – 0,66%

*Данные оценочные, т.к. в статистике учёт ведётся в пределах возрастного интервала 60–69 лет.

Источник: составлено авторами.

Обработка данных осуществлялась с использованием средств программного комплекса SPSS, а также инструментов анализа и визуализации данных на языке программирования Python.

Результаты исследования

Выявленные значения этнометрических показателей модели Г. Хофстеде на индивидуальном уровне формируют расширенные возможности выявления зависимостей между культурными особенностями и социальными характеристиками населения, поведенческими установками его представителей. В то же время, они не заменяют расчёт традиционных показателей территориального (регионального, национального или странового) уровня и напрямую несопоставимы с ними: имея одну концептуальную основу в модели Г. Хофстеде, они опи-

раются на другую методику расчёта и сравнительного анализа.

Распространение значений отдельных этнометрических показателей в целом по населению арктических территорий Республики Коми и Архангельской области представлено на рис. 1. Для большинства населения рассматриваемых территорий характерны относительно низкие показатели «дистанции власти», умеренные значения показателей «допустимости удовлетворения желаний» и «коллективизма» и «маскулинности» и относительно высокие – «долгосрочности ориентаций», «избегание неопределённости». Некоторая поляризация заметна при рассмотрении показателей «долгосрочности ориентаций» и «допустимости удовлетворения желаний», тогда как по показателю «избегание неопределённости» разброс значений наименьший.

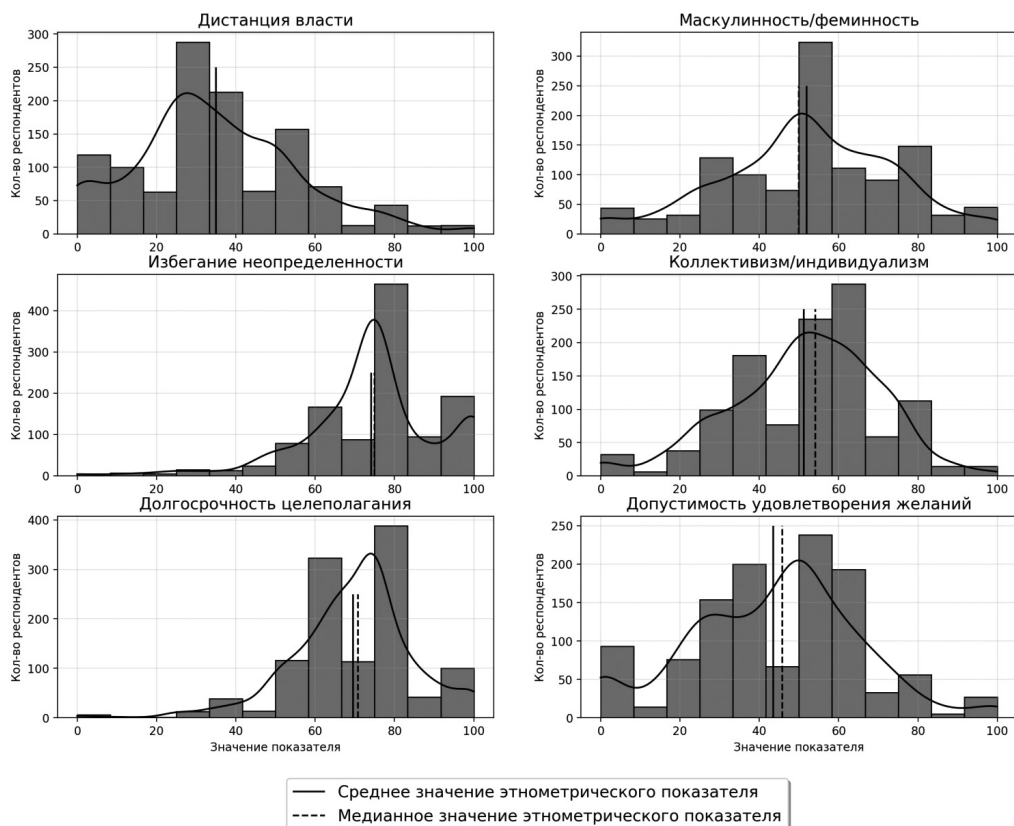

Рис. 1. Распределение значений этнометрических показателей в модели Г. Хофстеде среди населения арктических территорий Республики Коми и Архангельской области

Fig. 1. Distribution of values of individual ethnometric indicators in the Hofstede model within the population of the Arctic territories of the Komi Republic and Arkhangelsk oblast

Источник: расчёты авторов на основе данных опроса.

Средние значения индивидуальных этнометрических показателей в модели Г. Хофстеде в разрезе половой принадлежности населения^{1а}

Таблица 4

Table 4

Average values of individual ethnometric indicators in the Hofstede model by gender of the population

Пол	Выборка	idv	ivr	ltowvs	mas	pdi	uai
Мужской	547	53,09	46,18	69,19	57,28	37,65	74,63
Женский	609	49,58	41,16	69,80	47,22	32,51	73,71
t-statistic		3,15	3,9	-0,68	7,95	4,2	0,9
p-value		0,001***	0,0007***	0,49	0,000***	0,000***	0,36

***Значимость различий при $p < 0,001$ (t-крит=3,1)

Источник: расчёты авторов на основе данных опроса.

^а Для обозначения этнометрических показателей использовались сокращения принятые в методологии Г.Хофстеде: 1) Коллективизм/индивидуализм – idv; 2) Допустимость удовлетворения желаний – ivr; 3) Долгосрочность ориентаций – ltowvs; 4) Маскулинность – mas; 5) Дистанция власти – pdi; 6) Избегание неопределённости – uai.

Рассмотрение показателей в разрезе социальных групп позволяет отчасти объяснить различия в их значениях. В табл. 4 приведены средние значения этнометрических показателей, а также результаты их сравнения в разрезе половой принадлежности. Для определения наличия значимых различий в представленных показателях использовался метод статистической проверки гипотез Т-критерий Стьюдента. В четырёх из шести сравнений показателей выявлены значимые различия, в том числе значимость сохраняется с учётом поправки Бонферрони на множественные сравнения.

Как видно из табл. 4 влияние пола респондента на значения отдельных этнометрических показателей имеет различную выраженность. Наибольшие отличия наблюдаются в значениях «маскулинности», что соответствует наблюдениям Г. Хофстеде, отмечавшего, что единственное существенное различие, связанное с половой принадлежностью относится к значениям показателя «маскулинность/феминность» [20]. Несколько слабее влияние пола на значение показателя «коллективизма», также как и на «допустимость удовлетворения желаний», «дистанцию власти» (для мужчин значения выше, чем для женщин). Влияние пола является не существенным для значений «долгосрочности ориентаций» и «избегания неопределённости».

При рассмотрении значений показателей в разрезе возрастных групп мы также видим определённые взаимосвязи (табл. 5). Сравнение различий в группах было проведено при помощи дисперсионного анализа. Наиболее явно зависимость от принадлежности респондента к возрастной группе демонстрирует показатель «допустимости удовлетворения желаний» — при переходе от младшей к старшим группам прослеживается монотонное убывание значения. Показатель «долгосрочности ориентаций» имеет схожую, но менее выраженную динамику, также как и показатель «маскулинности». Возраст не оказывает видимого влияния на значения показателей «коллекти-

визма», «дистанции власти» и «избегания неопределённости».

Как показали результаты измерений, уровень дохода практически не зависит от значения показателя «коллективизма» (табл. 6). Однако между уровнем дохода и показателями «маскулинности», «дистанции власти» и, особенно, «долгосрочности ориентаций» присутствует статистически значимая положительная зависимость — чем выше значение данных этнометрических показателей, тем выше доход индивида. Показатель «избегания неопределённости» имеет наименьшее значение для наивысшей из доходных групп, хотя связь в этом случае не является очевидной. «Допустимость удовлетворения желаний» максимальна среди наивысшей и низшей из доходных групп.

В работе А. Аузана и Е. Никишиной подчёркивается диалектический характер взаимовлияния культуры и экономики (по определению локализованной в пространственных координатах) [21, с. 23]. Рассматривая особенности значений этнометрических показателей населения в разрезе регионов, мы видим значимые различия по ряду показателей (табл. 7). Для сравнения также использовался параметрический метод проверки гипотез Т-критерий Стьюдента. Среди респондентов, проживающих на арктических территориях Республики Коми значительно выше уровень «коллективизма» и умеренно выше — значения «маскулинности» и «избегания неопределённости». При этом среди респондентов, проживающих на арктических территориях Архангельской области относительно более высокие значения имеет показатель «допустимости удовлетворения желаний».

Интерес представляет выявление корреляционных зависимостей между различными этнометрическими показателями в модели Г. Хофстеде, измеренными на индивидуальном уровне. Результаты корреляционного анализа представлены в табл. 8. Наибольшее значение корреляции выявлено между показателем «маскулинности» и «дистанции власти», одна-

Таблица 5

Средние значения индивидуальных этнометрических показателей в модели Г. Хофстеде в разрезе возрастных групп населения

Table 5

Average values of individual ethnometric indicators in the Hofstede model by age groups of the population

Возрастная группа, лет	Выборка	idv	ivr	ltowvs	mas	pdi	uai
16–29	225	51,37	49,8	71,8	48,76	34,56	76,76
30–44	374	50,41	45,6	69,92	50,31	35,28	72,22
45–59	336	50,7	40,55	69,6	54,82	35,92	73,79
60–73	221	53,36	38,19	66,37	53,76	33,28	75,29
F-statistic		1,26	14,57	5,01	4,71	0,77	3,66
p-value		0,28	0,0009***	0,001***	0,002***	0,5	0,001***

***Значимость различий при $p < 0.001$

Источник: расчёты авторов на основе данных опроса.

Таблица 6

Средние значения индивидуальных этнометрических показателей в модели Г. Хофстеде в разрезе доходных групп населения

Table 6

Average values of individual ethnometric indicators in the Hofstede model by income groups of the population

Уровень доходов	Выборка	idv	ivr	ltowvs	mas	pdi	uai
До 20 тыс. руб.	284	51,3	47,6	67,9	49,6	33,4	74,9
От 20 до 30 тыс. руб.	263	51,1	41,9	68,1	51,2	31,3	76
От 30 до 45 тыс. руб.	244	50,6	40,4	70,4	49,4	33,6	72,1
От 45 до 80 тыс. руб.	218	52,5	42,8	71,7	56	38,8	75,3
Свыше 80 тыс. руб.	54	52,1	48,8	74,8	58,4	44,5	70,1
F-statistic		0,34	4,84	4,45	4,8	7,86	2,8
p-value		0,85	0,0007***	0,001**	0,0007***	0,00001***	0,024*

Значимость различий при $p < 0.05^*$, при $p < 0.01^{**}$, $p < 0.001^{***}$

Источник: расчёты авторов на основе данных опроса.

Таблица 7

Средние значения индивидуальных этнометрических показателей в модели Г. Хофстеде в разрезе региона проживания населения

Table 7

Average values of individual ethnometric indicators in the Hofstede model by region of residence of respondents

Территория проживания	Выборка	idv	ivr	ltowvs	mas	pdi	uai
Архангельская область	605	46,21	46,50	68,48	49,27	35,18	71,25
Республика Коми	551	55,83	40,83	70,46	54,45	34,73	76,78
t-statistic		8,8	4,5	2,2	3,9	-0,37	5,48
p-value		0,000***	0,000***	0,027*	0,0006**	0,52	0,000***

Значимость различий: *при $p < 0.05$ (t-крит = 1,6), **при $p < 0.01$ (t-крит = 2,3), *** $p < 0.001$ (t-крит = 3,1)

Источник: расчёты авторов на основе данных опроса.

ко и оно слабо выражено. Несколько ниже значения в парах «долгосрочность ориентации»/«избегание неопределённости», «коллективизм»/«избегание неопределённости». В целом по результатам прове-

дённного анализа не приходится говорить о существовании значимой корреляции между этнометрическими показателями населения рассматриваемых регионов.

Таблица 8

Корреляционная матрица этнометрических показателей по модели Г. Хофстеде (индивидуальный уровень измерения)

Table 8

Correlation matrix of ethnometric indicators according to the Hofstede model (individual level of measurement)

Этнометрический показатель	pdi	mas	uai	idv	ltowvs
Маскулинность (mas)	0,33**				
Избегание неопределённости (uai)	-0,02	0,05			
Коллективизм (idv)	0,15**	0,18**	0,26**		
Долгосрочность ориентации (ltowvs)	0,01	0,02	0,29**	0,15**	
Допустимость удовлетворения желаний (ivr)	0,19**	0,1*	-0,14**	-0,03	-0,04

Значимость коэффициента корреляции: *при $p < 0,05$, **при $p < 0,01$.

Источник: расчёты авторов на основе данных опроса.

Выводы и обсуждение результатов

Полученные в результате проведения полевого исследования данные (на индивидуальном уровне измерения этнометрических характеристик) расходятся со страновыми значениями в базе Г. Хофстеде³, но в гораздо большей степени соотносятся с российскими исследовательскими данными, представленными, в частности, в работе Н. Латовой. Отличия могут быть объяснены как разницей в применяемой методологии на страновом и индивидуальном уровнях измерения, так и, собственно, спецификой территориального охвата, социально-экономического контекста отдельных территорий. Как показали результаты исследования, достаточно значимые отличия в средних значениях показателей наблюдаются в разрезе регионов. В частности, наиболее выражены они по показателям «коллективизма»

и «допустимости удовлетворения желаний». Данные межрегиональные различия объясняются с позиции гетерогенности и гомогенности отдельных параметров культуры, отмечавшихся Н. Латовой на межрегиональном уровне [3].

Можно сделать вывод о существовании зависимости отдельных этнометрических показателей в модели Г. Хофстеде от социальных характеристик населения — например, пола, возраста и дохода. Так, например, уровень «маскулинности» выше среди мужчин, а уровень «допустимости удовлетворения желаний» ниже среди старших возрастных групп. Существование подобного рода зависимостей этнометрических показателей от социальных характеристик может говорить, например, о межпоколенческих различиях в особенностях культуры.

Выявленные межтерриториальные различия в значениях этнометрических показателей могут быть сопоставлены с различиями в культурных особенностях между разными доходными группами насе-

³ Hofstede's Globe. Dimension data matrix—2016.—URL: <https://geerthofstede.com/wp-content/uploads/2016/08/6-dimensions-for-website-2015-08-16.xls> (дата обращения: 21.01.2023).

ления — здесь интерес вызывает наличие признаков отбора в социально-экономических системах. Сущностной особенностью этого отбора является комплементарность определённых культурных характеристик индивидов параметрам пространственно локализованной социально-экономической системы, позволяющая одним индивидам успешнее, чем другим, воспроизводить свой человеческий капитал. Тогда как критическое несоответствие культурных характеристик индивида параметрам социально-экономической системы и обусловленные этим несоответствием повышенные транзакционные издержки в воспроизводстве человеческого капитала могут привести к миграции индивида или суженным экономическим условиям деторождения. Что, в свою очередь, ограничит распространение соответствующих культурных норм в результате прекращения социальных интеракций на данной территории. Эта гипотеза нуждается в операционализации и проверке в ходе дальнейших исследований.

В настоящей работе мы делали акцент на влиянии культуры на экономические показатели на индивидуальном уровне. В то же время, как отмечает А. Аузан и соавторы: «Культура влияет на экономические процессы, но одновременно и эконо-

мические процессы влияют на культуру.» [8, с. 79]. В связи с этим не менее интересным для дальнейшего изучения является аспект диалектической взаимосвязи культуры и экономики, который в различных пространственных условиях может обуславливать преобладающее влияние одной из данных компонент общественного развития.

Представленный в работе опыт измерения этнометрических показателей в модели Хофстеде на индивидуальном уровне является одним из первых в отечественной практике. Полученные результаты могут быть использованы в решении широкого спектра задач государственного управления, в частности, для региональной спецификации государственных программ стимулирования предпринимательской активности населения и деятельности в сфере НКО. Предметом дальнейших исследований является углублённое изучение межтерриториальной дифференциации этнометрических показателей с переходом на районный уровень, изучение их связей с поведенческими установками населения и параметрами развития человеческого капитала, а также охват полевыми работами других регионов российской Арктики.

Литература и Интернет-источники

1. Социально-экономическая динамика и перспективы развития российской Арктики с учётом геополитических, макроэкономических, экологических и минерально-сырьевых факторов: монография / ред. Т.П. Скуфьина. — Апатиты : КНЦ РАН, 2021. — 209 с. DOI:10.37614/978.5.91137.458.7; EDN: DSHHMW
2. **Ковалева, О. М.** Миграционные тенденции в Арктической зоне России в 2012–2019 годах / О. М. Ковалева // Народонаселение. — 2021. — Т. 24. — № 4. — С. 147–160. — DOI: 10.19181/population.2021.24.4.12; EDN: TVBXXP
3. **Латова, Н. В.** Культурная специфика россиян (этнометрический анализ на основе концепции Г. Хофстеде) / Н. В. Латова // Вестник Института социологии. — 2016. — № 4(19). — С. 155–179. DOI: 10.19181/vis.2016.19.4.433; EDN: XWETNN
4. **Rodríguez-Gázquez, M. Á.** Countries' cultures and professional nursing values: Cross-cultural evidence from Spanish and Colombian nursing students / M. Á. Rodríguez-Gázquez, S. B. Hoyuelos, J. R. González-López // Nurse Education in Practice. — 2021. — Vol. 50. — No. 102953. DOI: 10.1016/j.nepr.2020.102953

5. **Zolduoarrati, E.** Impact of individualism and collectivism cultural profiles on the behaviour of software developers: A study of stack overflow / E. Zolduoarrati, S.A. Licorish, N. Stanger // Journal of Systems and Software.— 2022.— Vol. 192.— No. 111427. DOI: 10.1016/j.jss.2022.111427
6. **Vitolla, F.** Do cultural differences impact ethical issues? Exploring the relationship between national culture and quality of code of ethics / F. Vitolla, N. Raimo, M. Rubino, G.M. Garegnani // Journal of International Management.— 2021.— Vol. 27.— Issue 1.— No. 100823. DOI: 10.1016/j.intman.2021.100823
7. **Lee, C.—C.** The dimension of green economy: Culture viewpoint / C.—C. Lee, C.—W. Wang, S.—J. Ho // Economic Analysis and Policy.—2022.— Vol. 74.— P. 122–138. DOI: 10.1016/j.eap.2022.01.015
8. **Аузан, А.А.** Социокультурные факторы в экономике: пройденные рубежи и актуальная повестка / А.А. Аузан, А.И. Бахтигараева, В.А. Брызгалин [и др.] // Вопросы экономики.— 2020.— № 7.— С. 75–91. DOI: 10.32609/0042–8736–2020–7–75–91; EDN: YLTOWI
9. **Taras, V.** A comparative evaluation of seven instruments for measuring values comprising Hofstede's model of culture / V. Taras, P. Steel, M. Stackhouse // Journal of World Business.— 2023.— Vol. 58.— Issue 1.— No. 101386. DOI: 10.1016/j.jwb.2022.101386
10. **Schwartz, S.** A Theory of Cultural Value Orientations: Explication and Applications / S. Schwartz // Comparative Sociology.— 2006.— Vol. 5.— Issue 2–3.— P. 137–182. DOI: 10.1163/156913306778667357
11. **Inglehart, R.** Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values / R. Inglehart, W.E. Baker // American Sociological Review.— 2000.— Vol. 65.— No. 1.— P. 19–51. DOI: 10.2307/2657288
12. **Steenkamp, J.E.M.** The role of national culture in international marketing research / J.E.M. Steenkamp // International Marketing Review.— 2001.— Vol. 18.— No. 1.— P. 30–44. DOI: 10.1108/02651330110381970
13. **Hofstede, G.** Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context. // Online Readings in Psychology and Culture—2011: [сайт].— URL: http://mchmielecki.pbworks.com/w/file/fetch/64591689/hofstede_dobre.pdf (дата обращения: 03.02. 2023).
14. **Гладких, Е.Г.** Институциональные аспекты приграничного делового сотрудничества России и Финляндии / Е.Г. Гладких, Е.А. Шлапеко // Актуальные проблемы экономики и права: сборник трудов.— Киров: Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2018.— С. 30–42. EDN: YMZDHF
15. **Chimenson, D.** The paradox and change of Russian cultural values / D. Chimenson, R.L. Tung, A. Panibratov, T. Fang // International Business Review.— 2022.— Vol. 31.— Issue 3.— No. 101944. DOI: 10.1016/j.ibusrev.2021.101944
16. **Erdem, T.** Brands as signals: a cross-country validation study / T. Erdem, J. Swait, A. Valenzuela // Journal of Marketing.— 2006.— Vol. 70.— No. 1.— P. 34–49. DOI: 10.1097/01.rhu.0000200424.58122.38
17. **Sharma, P.** Measuring personal cultural orientations: scale development and validation / P. Sharma // Journal of the Academy of Marketing Science.— 2010.— Vol. 38.— No. 6.— P. 787–806. DOI: 10.1007/s11747–009–0184–7
18. **Yoo, B.** Measuring Hofstede's five dimensions of cultural values at the individual level: development and validation of CVSCALE / B. Yoo, N. Donthu, T. Lenartowicz // Journal of International Consumer Marketing.— 2011.— Vol. 23.— No. 3–4.— P. 193–210. DOI: 10.1080/08961530.2011.578059
19. **Heydari, A.** Hofstede's individual-level indulgence dimension: Scale development and validation / A. Heydari, M. Laroche, M. Paulin, M.—O. Richard // Journal of Retailing and Consumer Services.— 2021.— Vol. 62.— No. 102640. DOI: 10.1016/j.jretconser.2021.102640
20. **Hofstede, G.** 2001. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations / G. Hofstede.— Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2001.— 616 p.
21. **Аузан, А.А.** Социокультурная экономика: как культура влияет на экономику, а экономика — на культуру: курс лекций / А.А. Аузан, Е.Н. Никишина.— Москва : Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2021.— 200 с.

Информация об авторах:

Волков Александр Дмитриевич, к.э.н., научный сотрудник, Институт экономики Карельского научного центра РАН, Петрозаводск, Россия.

Контактная информация: e-mail: kov8vol@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0451-8483; Researcher ID Web of Science: AAF-8665-2020; Scopus Author ID: 57211205634; РИНЦ AuthorID: 78571.

Тишков Сергей Вячеславович, к.э.н., учёный секретарь, Институт экономики Карельского научного центра РАН, Петрозаводск, Россия.

Контактная информация: e-mail: insteco_85@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6061-4165; Researcher ID Web of Science: G-6190-2014; Scopus Author ID: 57202391373; РИНЦ AuthorID: 534254.

Аверьянов Александр Олегович, аспирант, ведущий специалист, Центр бюджетного мониторинга Петрозаводского государственного университета, Петрозаводск, Россия.

Контактная информация: e-mail: aver@petsu.ru; ORCID: 0000-0003-2884-8110; Scopus Author ID: 57223919786; Researcher ID Web of Science: AGK-3166-2022; РИНЦ AuthorID: 1109853.

DOI: 10.19181/population.2023.26.2.5

SOCIO-CULTURAL FEATURES OF THE POPULATION OF THE RUSSIAN ARCTIC REGIONS

Alexander D. Volkov¹*, Sergey V. Tishkov¹, Alexander O. Averianov²

¹Institute of Economics of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences
(50 prospect A. Nevskogo, Petrozavodsk, Russia, 185030)

²Petrozavodsk State University,
(33 prospect Lenina, Petrozavodsk, Russia, 185910)

*E-mail: kov8vol@gmail.com

Funding:

The study was performed under the State assignment to the Institute of Economics of KarRC RAS “Comprehensive research and development of the foundations for sustainable development management of Russia’s North and border zones in the context of global challenges”.

For citation:

Volkov A.D., Tishkov S.V., Averianov A.O. Socio-cultural features of the population of the Russian Arctic regions. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 2. P. 52-65. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.5 (in Russ.)

Abstract. The article presents the results of a sociological study of the population of two Arctic regions of Russia using the actual tools for measuring six Hofstede’s ethnometric indicators (“masculinity”, “power distance”, “collectivism/individualism”, “uncertainty avoidance”, “long-term orientations”, “indulgence” at the individual level. The field stage of the study was carried out in October–November 2021 in the Arctic territories of Arkhangelsk oblast and the Komi Republic. The tasks of identifying indicators of the cultural specificity of the population of these territories, differences in the values of ethnometric indicators between separate social groups (gender, age, income level), as well as in the inter-territorial context, were solved. The results of the study show that there is a statistically significant positive relationship between the level of income and the values of the indicators “long-term orientations”, “masculinity” and “power distance” — the higher the value of these ethnometric indicators, the higher the individual’s income. It has been established that the population of the Arctic territories of the Komi Republic is characterized by a higher level of “collectivism”, “masculinity” and “uncertainty avoidance” than the population of Arkhangelsk oblast. The population of the Arctic territories of Arkhangelsk oblast, in turn, is characterized by

higher values of the “permissibility of satisfaction of desires” indicator. A hypothesis is formulated about the mechanism of spatially determined socio-economic selection of cultural patterns of individuals, implemented in the mechanisms of human capital reproduction. This hypothesis needs to be operationalized and verified in the course of further research. The results obtained can be used in solving a wide range of tasks of public administration, in particular, for regional specification of State programs to stimulate entrepreneurial activity of the population and activities in the field of NGOs. The process of adaptation of the toolkit and its verification deserves a detailed consideration in a separate publication.

Keywords: culture, values, Arctic regions, G. Hofstede, population survey, power distance, uncertainty avoidance, masculinity.

References and Internet sources

1. Sotsial'no-ekonomicheskaya dinamika i perspektivy razvitiya rossiyskoy Arktiki s uchotom geopoliticheskikh, makroekonomicheskikh, ekologicheskikh i mineral'no-syr'yevykh faktorov [Socio-Economic Dynamics and Prospects for Development of the Russian Arctic, Taking into Account Geopolitical, Macroeconomic, Environmental and Mineral Factors]. Eds. Skufina T.P., Korchak E.A. Apatity. KNTs RAS [Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences]. 2021. 209 p. DOI: 10.37614/978.5.91137.458.7 (in Russ.)
2. Kovaleva O.M. Migratsionnyye tendentsii v Arkticheskoy zone Rossii v 2012–2019 godakh [Migration trends in the Arctic zone of Russia in 2012–2019]. Narodonaselenie. [Population]. 2021. Vol. 24. No. 4. P. 147–160. DOI: 10.19181/population.2021.24.4.12 (in Russ.)
3. Latova N.V. Kul'turnaya spetsifika rossiyan (etnometricheskii analiz na osnove kontseptsii G. Hofstede) [Russians' cultural specificity (An ethnometric analysis based on Geert Hofstede's concept)]. Vestnik Instituta sotsiologii [Bulletin of the Institute of Sociology]. 2016. No. 4(19). P. 155–179. DOI: 10.19181/vis.2016.19.4.433 (in Russ.)
4. Rodríguez-Gázquez M. Á., Hoyuelos S.B., González-López J.R. Countries' cultures and professional nursing values: Cross-cultural evidence from Spanish and Colombian nursing students. *Nurse Education in Practice*. 2021. Vol. 50. No. 102953. DOI: 10.1016/j.nepr.2020.102953
5. Zolduoarrati E., Licorish S.A., Stanger N. Impact of individualism and collectivism cultural profiles on the behaviour of software developers: A study of stack overflow. *Journal of Systems and Software*. 2022. Vol. 192. No. 111427. DOI: 10.1016/j.jss.2022.111427
6. Vitolla F., Raimo N., Rubino M., Garegnani G.M. Do cultural differences impact ethical issues? Exploring the relationship between national culture and quality of code of ethics. *Journal of International Management*. 2021. Vol. 27. Issue 1. No. 100823. DOI: 10.1016/j.intman.2021.100823
7. Lee C.—C., Wang C.—W., Ho S.—J. The dimension of green economy: Culture viewpoint. *Economic Analysis and Policy*. 2022. Vol. 74. P. 122–138. DOI: 10.1016/j.eap.2022.01.015
8. Auzan A.A., Bakhtigaraeva A.I., Bryzgalin V.A., Zolotov A.V., Nikishina E.N., Pripuzova N.A., Stavinskaya A.A. Sotsiokul'turnyye faktory v ekonomike: proyednyye rubezhi i aktual'naya povestka [Sociocultural factors in economics: Milestones and perspectives]. *Voprosy ekonomiki* [Economic Issues]. 2020. No.7. P. 75–91. DOI:10.32609/0042–8736–2020–7–75–91 (in Russ.)
9. Taras V., Steel P., Stackhouse M. A comparative evaluation of seven instruments for measuring values comprising Hofstede's model of culture. *Journal of World Business*. 2023. Vol. 58. Issue 1. No. 101386. DOI: 10.1016/j.jwb.2022.101386
10. Schwartz S. A Theory of cultural value orientations: Explication and applications. *Comparative Sociology*. 2006. Vol. 5. No. 2–3. P. 137–182. DOI: 10.1163/156913306778667357
11. Inglehart R., Baker W.E. Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values. *American Sociological Review*. 2000. Vol. 65. No. 1. P. 19–51. DOI: 10.2307/2657288
12. Steenkamp J.E.M. The role of national culture in international marketing research. *International Marketing Review*. 2001. Vol. 18. No. 1. P. 30–44. DOI: 10.1108/02651330110381970

13. Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede model in context. *Online Readings in Psychology and Culture*. 2011. Available at: http://mchmielecki.pbworks.com/w/file/etch/64591689/hofstede_dobre.pdf. (Accessed: 3 February 2023)
14. Gladkikh, E. G., Shlapeko E. A. Institutsional'nyye aspekty prigranichnogo delovogo sotrudnichestva Rossii i Finlyandii [Institutional aspects of cross-border business cooperation between Russia and Finland]. Aktual'nye problemy ekonomiki i prava [*Actual Issues of Economics and Law*]. Kirov. Mezhrregional'nyy tsentr innovatsionnykh tekhnologiy v obrazovanii [Interregional Center for Innovative Technologies in Education]. 2018. P. 30–42. (in Russ.)
15. Chimenson D., Tung R. L., Panibratov A., Fang T. The paradox and change of Russian cultural values. *International Business Review*. 2022. Vol. 31. Issue 3. No. 101944. DOI: 10.1016/j.ibusrev.2021.101944
16. Erdem T., Swait J., Valenzuela A. Brands as signals: a cross-country validation study. *Journal of Marketing*. 2006. Vol. 70. No. 1. P. 34–49. DOI: 10.1097/01.rhu.0000200424.58122.38
17. Sharma P. Measuring personal cultural orientations: scale development and validation. *Journal of the Academy of Marketing Science*. 2010. Vol. 38. No. 6. P. 787–806. DOI: 10.1007/s11747-009-0184-7
18. Yoo B., Donthu N., Lenartowicz T. Measuring Hofstede's five dimensions of cultural values at the individual level: development and validation of CVSCALE. *Journal of International Consumer Marketing*. 2011. Vol. 23. No. 3–4. P. 193–210. DOI: 10.1080/08961530.2011.578059
19. Heydari A., Laroche M., Paulin M., Richard M-O. Hofstede's individual-level indulgence dimension: Scale development and validation. *Journal of Retailing and Consumer Services*. 2021. Vol. 62. No. 102640. DOI: 10.1016/j.jretconser.2021.102640
20. Hofstede G. *Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations*. Thousand Oaks, CA. Sage Publications. 2001. 616 p.
21. Auzan A. A., Nikishina E. N. Sotsiokul'turnaya ekonomika: kak kul'tura vliyayet na ekonomiku, a ekonomika – na kul'turu: kurs lektsiy [*Socio-Cultural Economics: How Culture Affects Economy, and How Economy Influences Culture: a Course of Lectures*]. Moscow. MGU imeni M. V. Lomonosova [Lomonosov Moscow State University]. 2021. 200 p. (in Russ.)

Information about the authors:

Volkov Alexander Dmitrievich, Candidate of Economics, Researcher, Institute of Economics of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia.

Contact information: e-mail: kov8vol@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0451-8483; Researcher ID Web of Science: AAF-8665-2020; Scopus Author ID: 57211205634; Elibrary AuthorID: 78571.

Tishkov Sergey Vyacheslavovich, Candidate of Economics, Scientific Secretary, Institute of Economics of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia.

Contact information: e-mail: insteco_85@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6061-4165; Researcher ID Web of Science: G-6190-2014; Scopus Author ID: 57202391373; Elibrary AuthorID: 534254.

Averyanov Alexander Olegovich, postgraduate student, Leading Specialist, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia.

Contact information: e-mail: aver@petsu.ru; ORCID: 0000-0003-2884-8110; Scopus ID: 57223919786; Researcher ID: AGK-3166-2022; Elibrary AuthorID: 1109853.

Статья поступила в редакцию 10.02.2023, утверждена 03.05.2023, опубликована 30.06.2023.

DOI: 10.19181/population.2023.26.2.6
EDN: WWGUPF

ИНИЦИАТИВНОЕ БЮДЖЕТИРОВАНИЕ КАК МЕХАНИЗМ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Фролова Е. В.*, Рогач О. В., Разов П. В.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(125993, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49)

*E-mail: efrolova06@mail.ru

Для цитирования:

Фролова Е. В., Рогач О. В., Разов П. В. Инициативное бюджетирование как механизм повышения качества жизни населения // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 2. – С. 66-77. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.6; EDN: WWGUPF

Аннотация: Достаточность объектов социальной инфраструктуры и их эффективное функционирование выступает одним из условий повышения качества жизни населения. Финансовая недостаточность региональных и местных бюджетов актуализирует поиск новых инструментов привлечения средств для развития территориальной инфраструктуры, обеспечивающей создание достойных условий жизнедеятельности населения. Одним из таких инструментов выступает механизм инициативного бюджетирования. Результаты исследования показали противоречие между признанием преимуществ данного механизма (решение острых территориальных проблем, рычаг влияния на власть, формирование площадки для диалога) в оценках населения и отсутствием готовности жителей к включению в новые финансовые инициативы. Ключевыми ограничениями реализации проектов инициативного бюджетирования выступают следующие: недостаточность информационного обеспечения, низкий уровень осведомлённости жителей о проблемах развития территории, дистанцированность от практик местного самоуправления. Результаты исследования показали, что респонденты в большинстве своём готовы включиться в решение социально-экономических проблем территории в случае, если они затрагивают личные интересы субъекта. В сложившихся условиях необходимо совершенствование информационно-коммуникационных мероприятий, направленных на популяризацию механизма инициативного бюджетирования, формирование социальной сплочённости местных сообществ, развитие территориальной идентичности граждан, интеграцию усилий власти и населения в решении социально-значимых проблем территории.

Ключевые слова: инициативное бюджетирование, муниципальные образования, органы местного самоуправления, общественный контроль.

Введение

Обеспечение высокого качества жизни населения представляет собой одну из наиболее значимых целей стратегического развития России и её территорий. Представляется важным фокусировка внимания на таких ключевых показателях качества жизни, как качество населения (демография, здоровье, уровень образования), характеристики трудовой жизни, безопасность жизнедеятельности, благосостояние, состояние экологии, удовлетворённость жизнью, уровень развития инфраструктуры [1]. Можно отметить, что качество жизни включает в себя комплекс ресурсов, которые обеспечивают удовлетворение потребностей населения и развитие человеческого потенциала [2]. В данном контексте обоснованным представляется подход, ориентированный на рассмотрение качества жизни в рамках конкретной территории, где реализуются социальные интересы личности, формируются необходимые условия жизнедеятельности, удовлетворяются потребности в получении образовательных, медицинских услуг, самореализации, развитии карьеры [3]. Как справедливо отмечается в ряде исследований, объекты территориальной инфраструктуры (медицинские, культурно-досуговые, образовательные учреждения, организации рекреационной сферы и профилактики заболеваний) обеспечивают условия для комфортного проживания населения [4]. Однако, развитие социальной инфраструктуры в РФ характеризуется высокими показателями региональной дифференциации, неравномерностью территориального распределения, недостаточным уровнем доступности её объектов в ряде регионов, что создаёт предпосылки для ухудшения ситуации в экономической, социальной сфере, формирования деструктивных демографических процессов [5].

В условиях финансовой недостаточности местных и региональных бюджетов представляется необходимым поиск новых инструментов развития territori-

альной инфраструктуры в целях повышения качества жизни населения [6]. Одним из таких инструментов может выступать механизм инициативного бюджетирования. Как отмечается в работе А. А. Гребенюк, эффективность данного механизма связана с экономией бюджетных средств, прежде всего, за счет привлечения дополнительных финансовых ресурсов от местных жителей, рациональности расходования денежных средств, функционирования системы общественного контроля за подготовкой и реализацией социально значимых проектов [7]. Кроме того, механизм инициативного бюджетирования направлен на выявление и решение приоритетных проблем, имеющих наиболее высокую актуальность для местных жителей, тем самым достигается развитие социальной инфраструктуры территории и повышение качества жизни населения [8]. Позитивным последствием внедрения механизма инициативного бюджетирования в муниципальную практику может стать рост доверия населения к власти, создание площадки для конструктивного диалога между ними [9–11]. Учитывая высокую значимость механизмов инициативного бюджетирования для решения инфраструктурных проблем российских территорий и повышения качества жизни населения, как научную, так и практическую значимость приобретают исследования специфики реализации данных практик, определение «узких мест» и проблем в ходе их внедрения.

Материалы и методы исследования

Цель исследования заключалась в анализе специфики реализации механизма инициативного бюджетирования в РФ, его преимуществ в контексте обеспечения качества жизни населения, определении ключевых ограничений его развития. Авторами ставились исследовательские задачи: 1) анализ включённости населения в практики инициативного бюджетирования: уровень осведомлённости, готовность к участию; 2) определение преиму-

ществ реализации механизма инициативного бюджетирования в оценках населения; 3) анализ зависимости между вовлечённостью населения в решение проблем местных сообществ и готовностью к участию в реализации практик инициативного бюджетирования. Авторами выдвигается гипотеза о том, что недостаточный уровень готовности населения к участию в практиках инициативного бюджетирования детерминирован дистанционностью жителей от проблем местных сообществ, наличием информационного вакуума по возможностям финансовой включённости в решение задач территориального развития.

Для достижения целей и проверки гипотезы авторы опирались на эмпирические данные, полученные в ходе пилотажного исследования. Выбор данного типа исследования обусловлен ограниченным характером распространения практик инициативного бюджетирования, недостаточностью эмпирических данных, характеризующих отношение населения к механизмам софинансирования муниципальных проектов. В виду неоднозначности восприятия новых инициатив, отсутствием достаточной теоретической и эмпирической базы, авторы, несмотря на ограничения в достижении репрезентативности данных, посчитали возможным провести пилотажное исследование с целью определения ключевых тенденций в данной сфере, оценки осведомлённости населения о механизмах инициативного бюджетирования. Число респондентов составило 447 человек. Анкета была размещена на платформе Google foorms. Выборка формировалась двумя способами: стихийно через безличное приглашение респондентов (распространение ссылки на анкетный опрос в городских цифровых сообществах), а также методом снежного кома. Среди опрошенных женщины составили 53%, мужчины — 47%. Преимущественно на вопросы анкеты отвечали молодые люди в возрасте 18–29 лет (64%), что может быть объяснено их более массовым присутствием в цифровых сете-

вых сообществах. Смещение пропорций отбора респондентов может рассматриваться в качестве ограничения данного исследования. Доминирующее представление молодежи в выборке обусловило характер ответов респондентов, в частности, более высокую готовность участия личными финансами при низкой осведомлённости о насущных проблемах локальной территории. Данные смещения необходимо учитывать при интерпретации результатов исследования.

Результаты и обсуждение

Как показали результаты исследования, большинство опрошенных респондентов (61%) полагает, что новые практики софинансирования позволят снизить стоимость проектов и повысить эффективность расходования бюджетных средств (рис. 1). Кроме того, респонденты согласились с утверждением о повышении качества выполняемых работ благодаря общественному контролю (61%).

Среди утверждений, характеризующих преимущества инициативного бюджетирования, наибольший отклик у респондентов вызвало суждение о развитии территориальной идентичности. По мнению 65,5% опрошенных, «гражданин, внёсший пусть небольшой, но персональный денежный вклад в развитие местного сообщества, ощущает свою причастность к решаемым проблемам». На основании данных результатов можно заключить, что преимущества механизма инициативного бюджетирования охватывают не только пространство жизнеобеспечения граждан, но формируют систему коллективно разделяемых смыслов, территориальную общность интересов и целей. Большинство опрошенных разделяют идею о развитии коллективной ответственности за финансируемые жителями объекты, что обеспечивает более бережное отношение к ним. Можно предположить, что денежный вклад обеспечивает трансформацию ценностного отношения местного населения к муниципальной

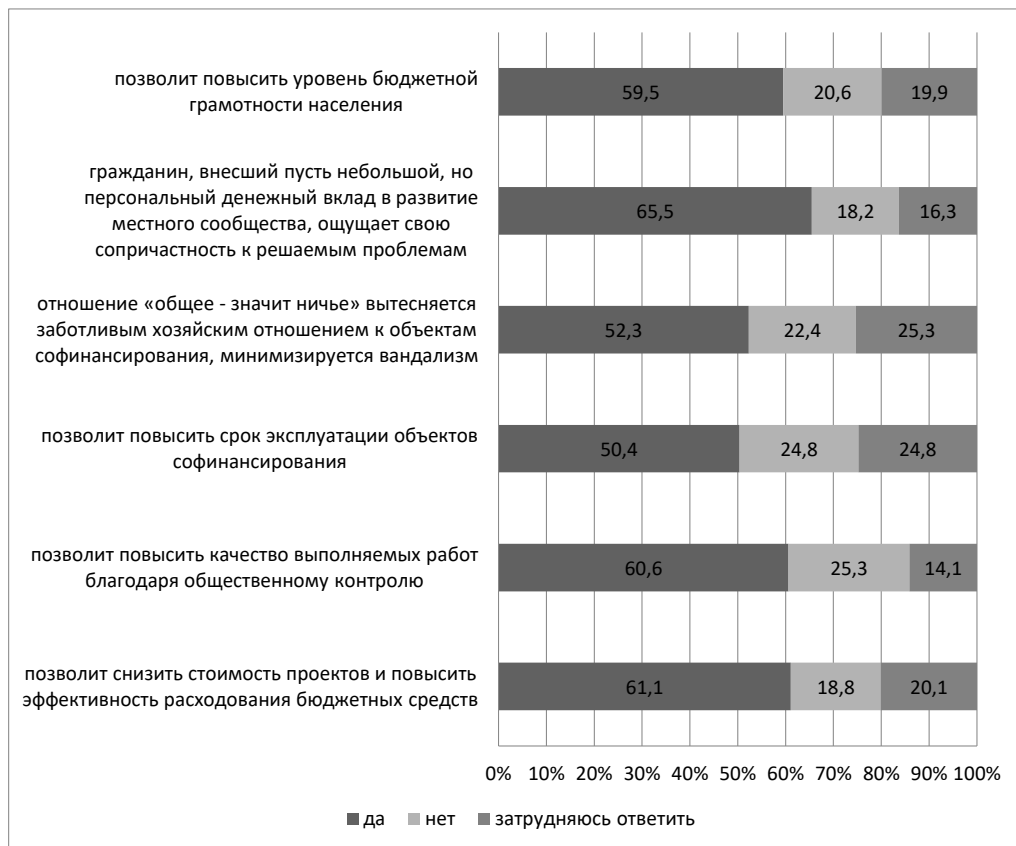

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Согласны ли Вы со следующими утверждениями о преимуществах софинансирования в решении вопросов местного значения?»,%

Fig. 1. Distribution of answers to the question: “Do you agree with the following statements regarding the advantages of using co-financing in solving issues of local importance?”,%

Источник: расчёты авторов по данным исследования.

собственности, территориальной инфраструктуре, объектам общественного пространства. Результаты исследований подтверждают выводы российских учёных о роли механизмов инициативного бюджетирования в повышении эффективности государственных и муниципальных расходов за счёт общественного контроля, бережного отношения к эксплуатации объектов [12]. Респонденты обозначили преимущества использования инициативного бюджетирования, ключевым из которых (54,4%) стала возможность «реше-

ния наболевших проблем, о которых много говорится, но мало делается» (рис. 2).

Почти половина опрошенных видит в новых финансовых инициативах возможность влияния на решения местных властей (44,1%). Можно предположить, что граждане, беря на себя финансовую ответственность за социально-экономическое развитие территории, функционирование её инфраструктурных объектов, готовы к определению новых границ диалога с властью. В данном контексте принципами социального партнёрства населе-

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Какие преимущества использования механизма инициативного бюджетирования Вы видите?»,%

Fig. 2. Distribution of answers to the question: "What benefits of using the initiative budgeting mechanism do you see?,"%

Источник: расчёты авторов по данным исследования.

ния и органов местного самоуправления должны стать: учёт мнений жителей при идентификации проблем, выбор приоритетов их решения для повышения качества жизни, открытость деятельности муниципалитетов, предоставление ими полной информации о расходовании бюджетных средств, развитие системы общественного контроля.

Результаты исследования показывают определённое противоречие между признанием общественной значимости механизма инициативного бюджетирования в оценках населения и низким уровнем личного участия граждан в данных практиках, отсутствием потенциальной готовности к софинансированию муниципальных проектов у большинства опрошенных респондентов. Так, при ответе на вопрос: «Готовы ли вы вкладывать свои средства (софинансирование) в проекты развития местных сообществ»: 64% респондентов ответили отрицательно. Полученные результаты обращают внимание на анализ факторов, лимитирующих финансовые инициативы населения.

На наш взгляд, насыщение информационного поля по вопросам реализации механизмов инициативного бюджетирования может рассматриваться в качестве одного из факторов повышения включённости населения в данные практики. В ходе исследования выяснилось, что только 20% респондентов понимают сущность механизмов инициативного бюджетирования (в том числе 2% считают себя экспертами по этому вопросу). Результаты иллюстрируют наличие информационного вакуума вокруг механизмов инициативного бюджетирования: почти половина опрошенных респондентов (42,7%) никогда не слышали о данных практиках, каждый третий (35,8%) имеет весьма размытое представление, не может объяснить суть механизма. Низкий уровень осведомлённости граждан о проектах инициативного бюджетирования во многом определяет и низкий уровень готовности к включению в данные практики. Тем не менее, результаты исследования свидетельствуют о наличии потенциальных возможностей для реализации механизмов инициатив-

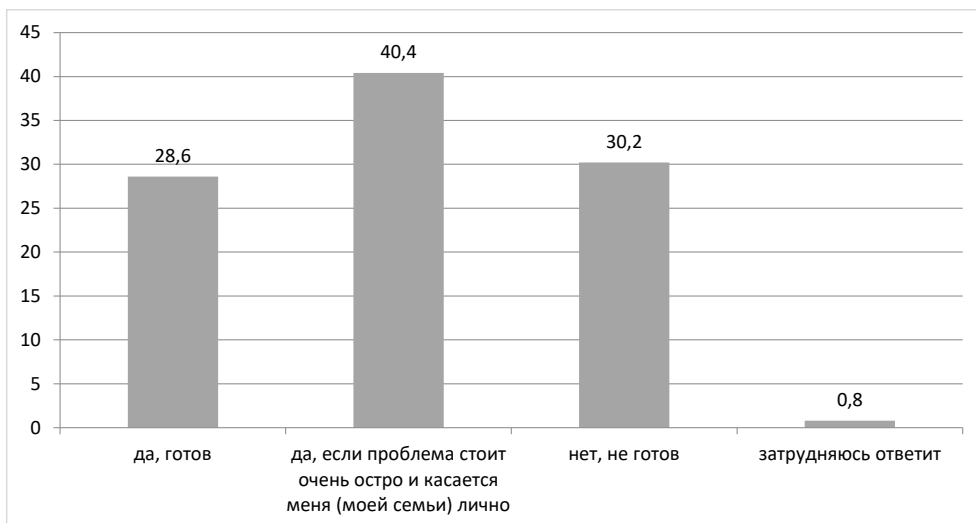

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Готовы ли Вы внести свой вклад в решение вопросов развития Вашего города/села/двора?», %

Fig. 3. Distribution of answers to the question: “Are you ready to contribute to the solution of the issues of development of your city/village/yard?”, %

Источник: расчёты авторов по данным исследования.

ного бюджетирования: 25,5% респондентов готовы к участию в софинансировании муниципальных проектов, 10,5% выбрали вариант ответа — «при определённых условиях».

Дополнительным фактором, свидетельствующим о перспективах привлечения населения к новым финансовым инициативам, является готовность респондентов к внесению личного вклада в решение территориальных проблем (рис. 3). Отметим, что наиболее распространённой является практика расширения диапазона включённости в условиях актуализации проблемы в ближнем радиусе жизнедеятельности, ее непосредственном отношении к личным интересам и потребностям респондента.

На наш взгляд, популяризация механизмов инициативного бюджетирования требует активной информационно-коммуникационной политики местных властей не только при проведении разъясни-

тельных мероприятий по данным практикам, но и при формировании общей муниципальной повестки, фокусировки внимания жителей на территориальных проблемах и перспективах их решения. Как справедливо отмечается в работах российских учёных [13], успешность процессов привлечения граждан к проектам софинансирования во многом определяется эффективностью организации информационно-просветительских мер по данному направлению. Целями информационной политики должно становится не только пропаганда инициативного бюджетирования, но и формирование положительного восприятия проектов софинансирования, развитие территориальной идентичности граждан. Подтверждением данных выводов служит наличие зависимости между готовностью респондентов вкладывать финансовые средства в проекты развития местных сообществ и осведомлённостью о проблемах муниципального образова-

ния (табл. 1). Так, среди респондентов, полностью осведомлённых о проблемах своего муниципального образования, значительно выше доля тех, кто готов вкладывать свои средства в проекты развития местных сообществ (60,3%, что выше сред-

них значений по выборке в 2,4 раза). Аналогичным образом прослеживается отсутствие мотивации к софинансированию проектов местных сообществ среди жителей, информационно дистанцированных от проблем своей территории.

Таблица 1

Зависимость между готовностью вкладывать финансовые средства в проекты развития местных сообществ и осведомлённостью о проблемах муниципального образования, %

Table 1

The relationship between the willingness to invest in local community development projects and awareness of the problems of the municipality, %

Готовы ли вы вкладывать свои средства (софинансирование) в проекты развития местных сообществ?	Насколько Вы осведомлены о проблемах своего муниципального образования?				Среднее значение по выборке
	Полностью осведомлён	Скорее осведомлён, чем нет	Скорее не осведомлён, чем да	Полностью не осведомлён	
Да	60,3	31,3	16,4	5,9	25,5
Нет	34,5	54,0	72,5	89,7	64,0
При определённых условиях	5,2	14,7	11,1	4,4	10,5

Источник: расчёты авторов по данным исследования.

Половина опрошенных не осведомлены о проблемах своей территории (53,5%, из которых 15,8% — полностью, а 38,3% выбрали вариант ответа «скорее нет, чем да»). В этих условиях маловероятным становится прогноз об активном внедрении механизмов инициативного бюджетирования в муниципальную практику. Как отмечается в ряде исследований, одним из возможных путей решения проблемы дистанцирования жителей от местных территориальных проблем должна стать трансформация форм участия граждан в местном самоуправлении, передача им полномочий в части идентификации проблем, определения приоритетов их разрешения [14]. По мнению российских учёных, нарушение коммуникаций между органами власти и местным сообществом лимитирует становление партисипаторных подходов к повышению качества жизни граждан. Результаты исследований иллюстрируют низкий уровень доверия населения к власти, ограниченные возможности осуществления открытого диалога [15, с. 234–235]. Аналогичный вывод делается в работе Т.Н. Ключниковой, которая под-

чёркивает необходимость совершенствования процессов взаимодействия населения и власти. В частности, речь идёт о повышении роли гражданского участия в принятии решений при формировании и расходовании бюджетных средств, качеству услуг, тарифам, функционировании объектов муниципальной собственности [16].

Заключение

В ходе исследования было установлено противоречие между признанием общественно значимых преимуществ механизма инициативного бюджетирования и низким уровнем готовности населения к участию в данных практиках. Почти 2/3 респондентов отметили, что не готовы вкладывать свои личные средства в проекты развития местных сообществ. Результаты исследования позволяют высказать предположение, что детерминантами отсутствия мотивации выступает недостаточный уровень эффективности информационно-разъяснительных мероприятий о сущности механизмов инициа-

тивного бюджетирования, а также низкая осведомлённость жителей о насущных проблемах своей территории. Результаты исследования показали наличие корреляционной зависимости между готовностью жителей к финансовому участию в проектах развития местных сообществ и их информированностью о проблемах своего муниципального образования. Локализация территориальных проблем в ближнем радиусе жизнедеятельности респондента формирует его готовность внести свой личный вклад в ее решение.

Результаты исследования подтвердили гипотезу о наличии следующих ограничений, лимитирующих готовность населения к участию в практиках инициативного бюджетирования: недостаточность информации, а также дистанцированность жителей от проблем местных сообществ. Кроме того, низкий уровень доверия населения к местной власти, дисфункции обратной связи и ограниченность форм участия в местном самоуправлении существенным образом снижают готовность граждан в софинансированию проектов территориального развития. Можно пред-

положить, что более открытые позиции органов муниципального управления, их ориентация на партнерское взаимодействие с населением и учёт мнений местных сообществ при принятии управленческих решений создадут основу для развития инициативного бюджетирования.

Ключевые преимущества механизма инициативного бюджетирования связаны с расширением границ участия граждан в местном самоуправлении, повышением качества жизни, решением наиболее острых проблем территориального развития за счёт привлечения дополнительных денежных ресурсов. По мнению респондентов, именно те проблемы, о «которых много говорится, но мало делается» могут быть устранены в рамках новых финансовых инициатив местных сообществ. Можно отметить, что инициативное бюджетирование обеспечивает создание новых каналов коммуникации между властью и населением, формирует коллективно разделяемые ценности местных сообществ, территориальную общность жителей, их ответственность за развитие своего города/поселения.

Литература и Интернет-источники

1. **Шамаева, Е. Ф.** О методических подходах к моделированию качества жизни населения / Е. Ф. Шамаева // Уровень жизни населения регионов России. — 2021. — Т. 17. — № 1. — С. 87–101. EDN: FASAEQ
2. **Волкова, М. И.** Выявление факторов удовлетворённости жизнью в России и Европе / М. И. Волкова // Социальная политика и социология. — 2017. — Т. 16. — № 5(124). — С. 6–15. EDN: YMW1HX
3. **Терентьева, К. Д.** Формирование системы показателей качества жизни для оценки уровня устойчивого развития региона / К. Д. Терентьева, А. Г. Шейкин // Общество: политика, экономика, право. — 2022. — Т. 4. — № 105. — С. 65–70. EDN: HBVVQM
4. **Макар, С. В.** Демографическая ситуация в России и социальная инфраструктура / С. В. Макар, Ю. А. Симагин, А. В. Ярашева // Народонаселение. — 2020. — Т. 23. — № 1. — С. 67–75. EDN: TKHGEK
5. **Аитова, Ю. С.** Взаимосвязь уровня развития и финансирования социальной инфраструктуры в Российской Федерации / Ю. С. Аитова, В. В. Орешников // Вестник НГИЭИ. — 2020. — Т. 11. — № 114. — С. 160–174. EDN: GTZGSH
6. **Медведева, Н. В.** Взаимодействие и перспективы партнерства территориального общественного самоуправления с местной властью / Н. В. Медведева, Е. В. Фролова, О. В. Рогач // Социологические исследования. — 2021. — № 10. — С. 132–137. EDN: NHSLVN
7. **Гребенюк, А. А.** Психологические особенности инициативного бюджетирования. Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского / А. А. Гребенюк // Социология. Педагогика. Психология. — 2021. — Т. 7. — № 73(3). — С. 118–126. EDN: ACLZJN

8. **Бехер, В. В.** Практика инициативного бюджетирования на муниципальном уровне. / В. В. Бехер // Пробелы в российском законодательстве.— 2017.— № 1.— С. 242–244. EDN: XWUEVT
9. **Вагин, В. В.** Инициативное бюджетирование и качество жизни / В. В. Вагин // Народонаселение.— 2016.— № 3.— С. 95–101. EDN: WWRJYP
10. **Goncalve, S.** The Effects of Participatory Budgeting on Municipal Expenditures and Infant Mortality in Brazil / S. Goncalve // World Development.— 2014.— Vol. 53.— P. 94–110. DOI: 10.1016/j.worlddev.2013.01.009
11. **Рогач, О. В.** Драйверы формирования гражданской активности населения в муниципальных образованиях Российской Федерации / О. В. Рогач, Е. В. Фролова // Ars Administrandi. Искусство управления.— 2022.— Т. 14.— № 2.— С. 306–326. EDN: MKALPP
12. **Бехер, В. В.** Некоторые размышления о местном бюджете: мониторинг и практика инициативного бюджетирования / В. В. Бехер // Современная научная мысль.— 2017.— № 4.— С. 301–306. EDN: ZDNCVZ
13. **Вагин, В. В.** Информационное сопровождение инициативного бюджетирования: содержание и принципы успешной реализации / В. В. Вагин, Н. А. Шаповалова // Власть.— 2016.— № 12.— С. 63–69. EDN: XIQZEX
14. **Саркер, М. Х.** Достижение самодостаточности и стабильности развития муниципального управления с привлечением к сотрудничеству граждан. Опыт муниципального управления в Бангладеш / М. Х. Саркер; перевод с англ. Э. Г. Зверевой // Вопросы государственного и муниципального управления.— 2012.— № 1.— С. 106–126. EDN: OUKLEP
15. **Партисипаторный подход в повышении качества жизни населения: Монография / под общей ред. Н. М. Римашевской, Н. Н. Иващенко.**— Нижний Новгород, Москва : Изд-во Нижегородского государственного университета, 2013.— 268 с. EDN: SMIJFH
16. **Ключникова, Т. Н.** Социальная активность граждан как источник преобразований в местном самоуправлении / Т. Н. Ключникова // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал).— 2015.— Т. 2.— № 46.— С. 155–170. EDN: TTMMOX

Сведения об авторах:

Фролова Елена Викторовна, д.соц.н., проф., проф. Департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: efrolova06@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8958-4561; Web of Science Researcher ID: C-8429-2016; Scopus Author ID: 55511159600; РИНЦ AuthorID: 639721.

Рогач Ольга Владимировна, к.соц.н., доцент, доцент Департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: rokach16@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3031-4575; Web of Science Researcher ID: W-4432-2017; Scopus Author ID: 57191411110; РИНЦ AuthorID: 800637.

Разов Павел Викторович, д.соц.н., проф., проф. Департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: PVRazov@fa.ru; ORCID: 0000-0003-2714-8622; Web of Science Researcher ID: E-7058-2017; Scopus Author ID: 57195972099; РИНЦ AuthorID: 902295.

DOI: 10.19181/population.2023.26.2.6

INITIATIVE BUDGETING AS A MECHANISM FOR RAISING THE QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION

Elena V. Frolova*, Olga V. Rogach, Pavel V. Razov

Financial University under the Government of the Russian Federation
(125993, Russia, Moscow, Leningradsky prospect, 49)

*E-mail: efrolova06@mail.ru

For citation:

Frolova E.V., Rogach O.V., Razov H.V. Initiative budgeting as a mechanism for raising the quality of life of the population. *Narodonaselenie* [Population]. 2023. Vol. 26. No. 2. P. 66-77. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.6 (in Russ.)

Abstract. *The sufficiency of social infrastructure facilities and their effective functioning in a particular area is one of the conditions for improving the quality of life of the population. The financial insufficiency of regional and local budgets actualizes the search for new tools to raise funds for the development of territorial infrastructure that ensures creation of decent living conditions for the population. One of these tools is mechanism of initiative budgeting. The results of the study showed a contradiction between the recognition of the undoubted advantages of this mechanism (solving acute territorial problems, leverage on the authorities, creating a platform for dialogue) in the assessments of the population and the lack of readiness of residents to be included in new financial initiatives. The key limitations to the implementation of initiative budgeting projects are the following: lack of information support, low level of awareness of residents about the problems of territorial development, distancing from local self-government practices. The results of the study showed that the majority of respondents are ready to get involved in solving the socio-economic problems of the territory if they affect the personal interests of individuals. Under the current conditions, it seems necessary to improve information and communication activities aimed at popularizing the mechanism of initiative budgeting, building social cohesion of local communities, developing the territorial identity of citizens, integrating the efforts of the authorities and the population in solving socially significant problems of the territory.*

Keywords: *initiative budgeting, municipalities, local governments, public control.*

References and Internet sources

1. Shamaeva E.F. O metodicheskikh podkhodakh k modelirovaniyu kachestva zhizni [On methodological approaches to modeling the quality of life]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2021. Vol. 17. No. 1. P. 87–101. (in Russ.)
2. Volkova M.I. Vyyavleniye faktorov udovletvorennosti zhizn'yu v Rossii i Yevrope [Revelation of factors of life satisfaction in Russia and Europe]. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya* [Social Policy and Sociology]. 2017. Vol. 16. No. 5(124). P. 6–15. (in Russ.)
3. Terentieva K.D., Sheykin A.G. Formirovaniye sistemy pokazatelej kachestva zhizni dlya otsenki urovnya ustojchivogo razvitiya regiona [Formation of life quality indicators system to assess the level of sustainable development of the region]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: Politics, Economics, Law]. 2022. Vol. 4. No. 105. P. 65–70. (in Russ.)
4. Makar S.V., Simagin Yu. A., Yarasheva A.V. Demograficheskaya situatsiya v Rossii i sotsial'naya infrastruktura [Demographic situation in Russia and social infrastructure]. *Narodonaselenie* [Population]. 2020. Vol. 23. No. 1. P. 67–75. (in Russ.)

5. Aitova Yu. S., Oreshnikov V.V. Vzaimosvyaz' urovnya razvitiya i finansirovaniya sotsial'noj infrastruktury v Rossijskoj Federatsii [The relationship between the level of development and financing of social infrastructure in the Russian Federation]. *Vestnik NGIEI [Vestnik NGIEI]*. 2020. Vol. 11. No. 114. P. 160–174. (in Russ.)
6. Medvedeva N.V., Frolova E.V., Rogach O.V. Vzaimodejstviye i perspektivy partnerstva territorial'nogo obshchestvennogo samoupravleniya s mestnoj vlast'yu [Territorial public self-government and local government: interaction and prospects for partnership]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological Studies]*. 2021. No. 10. P. 132–137. (in Russ.)
7. Grebenyuk A.A. Psihologicheskiye osobennosti initsiativnogo byudzhetrovaniya. [Psychological features of initiative budgeting]. *Uchonyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Sotsiologiya. Pedagogika. Psihologiya. [Scientific Notes of the VI. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology]*. 2021. Vol.7. No. 73(3). P. 118–126. (in Russ.)
8. Bekher V.V. Praktika initsiativnogo byudzhetrovaniya na munitsipal'nom urovne. [Practice of initiative budgeting at the municipal level]. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve [Gaps in Russian Legislation]*. 2017. No. 1. P. 242–244. (in Russ.)
9. Vagin V.V. Initsiativnoye byudzhetrovaniye i kachestvo zhizni [Initiative budgeting and quality of life]. *Narodonaselenie [Population]*. 2016. No. 3. P. 95–101. (in Russ.)
10. Goncalve S. The Effects of participatory budgeting on municipal expenditures and infant mortality in Brazil. *World Development*. 2014. Vol. 53. P. 94–110. DOI: 10.1016/j.worlddev.2013.01.009
11. Rogach O.V., Frolova E.V. Drajvery formirovaniya grazhdanskoj aktivnosti naseleniya v munitsipal'nyh obrazovaniyah Rossijskoj Federatsii [Drivers of the formation of civil activity of the population in the municipalities of the Russian Federation]. *Ars Administrandi. Iskusstvo upravleniya [Ars Administrandi]*. 2022. Vol. 14. No. 2. P. 306–326. (in Russ.)
12. Bekher V.V. Nekotoryye razmyshleniya o mestnom byudzhete: monitoring i praktika initsiativnogo byudzhetrovaniya [Some reflections about the local budget: monitoring and practice of initiative budgeting]. *Sovremennaya nauchnaya mysl' [Modern Scientific Thought]*. 2017. No. 4. P. 301–306. (in Russ.)
13. Vagin V.V., Shapovalova N.A. Informatsionnoye soprovozhdeniye initsiativnogobyudzhetrovaniya: soderzhaniye i printsipy uspeshnoj realizatsii [Information Campaign of initiative budgeting: the content and principles of successful realization]. *Vlast' [The Authority]*. 2016. No. 12. P. 63–69. (in Russ.)
14. Sarker M.H. Dostizheniye samodostatochnosti i stabil'nosti razvitiya munitsipal'nogo upravleniya s privilecheniem k sotrudnichestvu grazhdan. Opyt munitsipal'nogo upravleniya v Bangladesh [Attaining self-reliance and sustainability of local level development through citizen participation. Experience from Bangladesh. (translated from English by E. G. Zvereva)]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya [Public Administration Issues]*. 2012. No. 1. P. 106–126. (in Russ.)
15. Partisipatornyy podkhod v povyshenii kachestva zhizni naseleniya [Participatory Approach to Improving the Quality of Life of the Population]. Eds. N.M. Rimashevskaya and N.N. Ivashinenko. Nizhny Novgorod, Moscow. Izd-vo Nizhegorodskogo gosuniversiteta, [Nizhny Novgorod Publishers] 2013. 268 p. (in Russ.)
16. Klyuchnikova T.N. Sotsial'naya aktivnost' grazhdan kak istochnik preobrazovaniy v mestnom samoupravlenii [Social activity of citizens as a source of transformations in a local government]. *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem [Modern Studies of Social Issues]* (electronic scientific journal). 2015. Vol. 2. No. 46. P. 155–170. (in Russ.)

Information about authors:

Frolova Elena Viktorovna, Doctor of Sociology, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: efrolova06@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8958-4561; Researcher ID Web of Science: C-8429-2016; Scopus Author ID: 55511159600; Elibrary AuthorID: 639721.

Rogach Olga Vladimirovna, Candidate of Sociology, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: rogach16@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3031-4575; Researcher ID Web of Science: W-4432-2017; Scopus Author ID: 57191411110; Elibrary AuthorID: 800637.

Razov Pavel Viktorovich, Doctor of Sociology, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: PVRazov@fa.ru; ORCID: 0000-0003-2714-8622; Researcher ID Web of Science: E-7058-2017; Scopus Author ID: 57195972099; Elibrary AuthorID: 902295.

Статья поступила в редакцию 07.11.2022, утверждена 03.05.2023, опубликована 30.06.2023.

DOI: 10.19181/population.2023.26.2.7
EDN: XEYNSD

ОСОБЕННОСТИ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В МОНОГОРОДЕ НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ПАВЛОВО НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

А.В. Куликова*, В.В. Михайлова, Ю.Ю. Клемятич, М.Л. Теодорович

Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского
(603000, Россия, Нижний Новгород, пер. Университетский, 7)

* E-mail: kulikova-alex@yandex.ru

Для цитирования:

Куликова А.В., Михайлова В.В., Клемятич Ю.Ю., Теодорович М.Л. Особенности занятости населения в моногороде на примере города Павлово Нижегородской области // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 2. – С. 78-90. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.7; EDN: XEYNSD

Аннотация. В статье описаны основные особенности рынка труда города Павлово Нижегородской области, анализируются стратегии занятости населения из разных имущественных групп. Павлово выбран как типичный пример модели моногорода, так как своими социально-демографическими и социально-экономическими характеристиками, а также географическим положением (удалённость от столицы России) наиболее к ней близок. В статье представлены результаты эмпирического исследования, проведённого в Павлово в 2011 г. (500 домохозяйств) и 2021 г. (500 домохозяйств). Исследование 2011 г. было проведено ИСЭПН РАН (Москва) совместно с университетом имени Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород), при участии университетов Упсала (Швеция) и Глазго (Шотландия). Исследование 2021 г. — университетом имени Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород) совместно с университетами Упсала (Швеция) и Глазго (Шотландия) при поддержке Научно-образовательного центра Нижегородской области. Анализ данных позволил выявить четыре социальные группы, отличные по своим стратегиям поведения на рынке труда. Несмотря на размытость материально-имущественного расслоения между группами, относительно обеспеченные семьи имеют ряд специфических черт: наличие высшего образования, отсутствие иждивенцев в семье и высокий уровень экономической активности. Высшее образование и достаточная квалификация не только позволяют занимать более высокооплачиваемые должности, но также дают возможность диверсифицировать карьерные стратегии в условиях моногорода, где присутствует монопсонический характер рынка труда. Специфическими чертами малообеспеченных домохозяйств являются: отсутствие постоянной работы или эпизодическая занятость, наличие в семье детей или пенсионеров, неквалифицированный труд в промышленной сфере.

Ключевые слова: моногорода, малые города, занятость, стратегии занятости, рынок труда, уровень жизни, неравенство, имущественные группы, безработица.

Введение

Специфика моногородов заключается в том, что в различных кризисных социально-экономических ситуациях они находятся в зоне особого риска из-за своей монофункциональности [1]. Сегодня особую актуальность приобретает изучение проблемы сохранения и развития трудового потенциала на рынках труда малых городов, поскольку способствует решению и других социально значимых вопросов, в том числе выявлению возможностей устойчивого существования моногородов.

В статье представлены результаты эмпирического исследования, проведённого в городе Павлово Нижегородской области в 2011 г. (500 домохозяйств) и 2021 г. (500 домохозяйств). Исследование 2011 г. было проведено Институтом социально-экономических проблем народонаселения РАН (Москва) совместно с Нижегородским государственным университетом имени Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород — ННГУ), при участии университетов Упсала (Швеция) и Глазго (Шотландия). Исследование 2021 г. — ННГУ совместно с уни-

верситетами Упсала (Швеция) и Глазго (Шотландия). Павлово выбран как типичный пример модели малого города России, так как своими социально-демографическими и социально-экономическими характеристиками, а также географическим положением (удалённость от столицы России) наиболее к ней близок. Несмотря на численность населения (в 2021 г. в городе проживало 56 тыс. человек), Нижегородстат относит Павлово к категории малых городов Нижегородской области¹. При этом инструментарий формализованного интервью был составлен таким образом, что позволил сопоставлять результаты опросов 2011 и 2021 годов. Выборочная совокупность репрезентировала жителей по полу, возрасту и составу домохозяйств. Домохозяйства для опроса отбирались на базе маршрутной случайной выборки. Ранее был опубликован ряд работ по результатам данного лонгитюдного исследования. [2–6] В ходе многомерного кластерно-

¹ Территориальный орган Федеральная служба государственной статистики по Нижегородской области (Нижегородстат). — URL: <https://nizhstat.gks.ru/folder/175502/document/175504> (дата обращения: 06.04.2023).

Таблица 1
Распределение ответивших по доходу на одного члена домохозяйства в прошлом месяце
Table 1

Distribution of respondents by income per household member last month

Доход, тыс. рублей	2021 г. по группам, %			
	1-я	2-я	3-я	4-я
до 5	0	0	0	1
5–7	0		0	6
7–10	0	7	1	14
10–12	0	13	7	35
12–17	0	32	37	29
17–22	14	29	22	8
22–28	26	5	22	2
28–33	27	0	2	0
33–40	17	0	2	1
40–50	9	0	0	0
Свыше 50	3	0	0	0
Отказ от ответа	0	3	2	2
Затруднились ответить	5	9	3	3

Источник: рассчитано авторами по результатам исследования.

Таблица 2
Распределение ответивших по доходу на всех членов домохозяйства в прошлом месяце

Table 2

Distribution of respondents by income for all household members last month

Доход, тыс. рублей	2021 г. по группам, %			
	1-я	2-я	3-я	4-я
до 5	0	0	0	0
5-6	0	0	0	1
6-8	0	0	0	0
8-10	0	0	0	7
10-12	0	0	0	12
12-15	0	0	0	15
15-20	0	0	0	18
20-25	0	0	6	14
25-30	0	0	16	16
30-35	0	12	13	0
35-40	0	14	13	0
40-50	2	28	15	0
50-60	20	25	1	0
60-70	18	4	0	0
70-80	21	1	0	0
80-90	14	0	0	0
90-100	5	0	0	0
Свыше 100	15	0	0	0
Отказ от ответа	6	8	9	4
Затруднились ответить	0	6	0	7

Источник: рассчитано авторами по результатам исследования.

го анализа были выделены четыре группы домохозяйств по признакам дохода и потребительских возможностей (табл. 1-2): 1) относительно обеспеченные (1-я группа); 2) с детьми, обеспеченные средне и ниже среднего (2-я группа); 3) без детей, обеспеченные средне и ниже среднего (3-я группа) и 4) можно отнести к малообеспеченным (4-я группа).

Обзор литературы

Сегодня в научно-исследовательских работах широко обсуждаются специфические особенности рынка труда малых городов России. В частности, отмечается, что рынок труда в моногородах характеризуется монополистическим характером отношений (между основным работодателем в лице градообразующего предприя-

тия и трудоспособными жителями города), определяющим спрос на рабочую силу и условия жизни населения [7]. Одной из главных существенных проблем является внутренний дисбаланс рынков труда российских малых городов. Дисбаланс проявляется в недостатке квалифицированной рабочей силы из-за оттока населения в близлежащие крупные города, а также в высоком уровне безработицы по причине ограниченного предложения рабочих мест [8]. Вследствие трудовой миграции в моногородах «вымывается» слой интеллигенции и высококвалифицированных рабочих и повышается удельный вес низкоквалифицированной рабочей силы [9]. Есть ряд исследований, которые регистрируют уровень безработицы в малых городах на более низком уровне, чем по России в среднем [10], однако необходимо отме-

тить, что официальная статистика учитывает только общий уровень безработицы, в то время как для малых городов характерен большой уровень скрытой безработицы [10, с. 119]. Кроме того, статистика не учитывает высокий процент тех, кто постоянно проживает в городе, но фактически работает за его пределами: вахтовый метод, сезонные работы, трудовая маятниковая миграция в соседние территории и регионы. Подобное снижение безработицы, как отмечают исследователи, характерно скорее для тех моногородов, которые находятся в непосредственной близости от крупных городских центров, где больше шансов на трудоустройство [11]. Такое снижение ослабляет остроту проблем трудоустройства на локальном рынке труда. Однако при этом малые города покидает, в основном, активное трудоспособное население, что является основной причиной уменьшения доли экономически активного населения и повышение доли лиц пенсионного возраста. Как след-

ствие — неблагоприятная демографическая ситуация, отсутствие рабочей силы необходимой квалификации, в том числе и управленческих кадров, существенное снижение инвестиционной привлекательности малых городов [12].

Динамика занятости в городе Павлово за последние десять лет

Структура занятости на рынке труда Павлово определяется, прежде всего, тем, что город — важный центр машиностроения и металлообработки. Так, около трети населения заняты в промышленном производстве. Строительство, транспорт и связь — отрасли, где традиционно занята значимая доля населения (17% — табл. 3). При этом специфика города проявляется в том, что за последние 10 лет число занятых в сферах строительства, транспорта и связи сократилось, тогда как, наблюдается рост занятых именно в промышленном секторе экономики. Соответственно

Распределение ответивших по отраслям занятости, %

Таблица 3

Table 3

Distribution of respondents by industry, %

Отрасль	2011 г.	2021 г. всего	2021 г. по группам:			
			1-я	2-я	3-я	4-я
Промышленность	23	35	31	32	49	47
Торговля, общественное питание, бытовое обслуживание	14	20	20	19	12	19
Строительство, транспорт и связь	24	17	16	23	11	9
Образование, здравоохранение, социальная защита	11	10	15	13	12	10
Государственное управление, силовые структуры	5	5	7	3	2	3
Сельское и лесное хозяйство	4	4	3	2	0	2
Культура, искусство, наука	5	4	3	0	0	0
Жилищно-коммунальное хозяйство	6	2	2	3	7	0
Финансы, кредит, страхование	5	2	2	1	0	2
Прочие услуги (юридические, рекламные, туристические и другие)	2	1	2	5	5	3
Другое	1	1	0	0	2	5

Источник: рассчитано авторами по результатам исследования.

выросла и доля квалифицированных рабочих (с 22% до 41% — табл. 4). ИТР и служащие — следующая группа должностей, наиболее распространённых в городе.

Таблица 4

Распределение ответивших по должности, %

Table 4

Distribution of respondents by position, %

Должность	2011 г.	2021 г. всего	2021 г. по группам:			
			1-я	2-я	3-я	4-я
Неквалифицированный или малоквалифицированный рабочий, младший обслуживающий персонал	15	11	8	11	9	10
Квалифицированный рабочий (4 разряд и более)	22	41	36	39	46	36
Служащий без высшего образования	21	19	20	20	25	31
ИТР или служащий с высшим образованием	27	20	23	23	18	14
Руководитель низшего или среднего звена	8	4	7	5	0	0
Руководитель высшего звена	3	1	2	1	2	0
Предприниматель, самозанятый	3	3	3	2	2	5
Другое	1	1	2	0	0	3

Источник: рассчитано авторами по результатам исследования.

Если говорить о формах собственности, то увеличилось число тех, кто занят на государственных предприятиях или акционерных обществах с участием государства (с 26% до 38%). Мы можем наблюдать уменьшение доли занятых на частных предприятиях и индивидуальных предпринимателей (с 33% до 13% и с 15% до 8% соответственно).

Характер основной работы не поменялся — подавляющее большинство занято по основному месту работы (96%), что

может говорить о стабильности ситуации на рынке труда Павлово. Средний размер начисленной заработной платы за последний месяц существенно ниже, чем по Нижегородской области в целом, и составляет 23667 рублей. При этом подрабатывают регулярно или время от времени только 14% членов домохозяйств, что приносит в среднем ежемесячно около 9,5 тыс. рублей. Чаще всего подработка — это или работа по совместительству с основной, или любая другая, приносящая доход (табл. 5).

Таблица 5

Распределение ответивших по виду подработки, %

Table 5

Distribution of respondents by type of part-time work, %

Вид подработки	2011 г.	2021 г. всего	2021 г. по группам:			
			1-я	2-я	3-я	4-я
Любая быстро приносящая доход	26	38	33	30	36	50
Совместимая с основной работой	18	37	37	33	26	18
По специальности	33	13	26	16	23	14
Не требующая особой квалификации	15	8	14	11	8	20
Недалеко от дома	0	3	5	23	19	28
Вместе с родственниками, друзьями	2	1	5	4	4	0
Удалённая с использованием Интернета	6	10	9	9	11	12

Источник: рассчитано авторами по результатам исследования.

Социальные выплаты получают либо те члены домохозяйства, которые достигли пенсионного возраста, либо те, кто претендует на получение социальных пенсий (соответственно 44% и 11%). Около 40% получали разовые выплаты на детей в связи с пандемией COVID-19. Только 12% жителей Павлово получают иные ежемесячные пособия, лишь единицы из них — пособия по безработице или семьям, находящимся в сложных жизненных ситуациях. Размер ежемесячных социальных выплат в среднем составил 13170 рублей. Средний интервал доходов всех членов семьи за последний месяц: 40–60 тыс. рублей.

Различия стратегий занятости на рынке труда жителей Павлово из разных социально-экономических групп

1. Домохозяйства относительно обеспеченные. Группа наиболее малочисленная и составляет 13% от домохозяйств, принявших участие в исследовании. В данной группе встречается наибольший совокупный доход: от 50 до 90 тыс. рублей в месяц. Однако по своим имущественным характеристикам группа разнородна: в некоторых семьях на одного человека приходится 2–2,5 прожиточных минимума (ПМ) (50%), а в других значительно больше — 3–4 ПМ и более (25%). Представители домохозяйств в этой группе относят себя к семьям со средним относительно стабильным достатком. Они оценивают качество своего питания как «хорошее», тратя при этом на еду от 1/3 до 1/2 своего дохода. Семьи с детьми имеют возможность покупать детям качественную и дорогую одежду и обувь. Во время пандемии материальное положение этих семей практически не изменилось.

Относительно обеспеченные домохозяйства представлены работающими по найму или занимающимися предпринимательством молодыми людьми и людьми среднего возраста (25% из них в возрасте до 25 до 34 лет, 17% — от 35 до 44 лет, 30% — от 45 до 54 лет). Здесь почти нет пен-

сионеров, и чаще всего это супружеские пары ещё без детей. Как и в целом по выборке, среди обеспеченных основная отрасль, в которой заняты работающие члены домохозяйства — это промышленность (31%), что специфично для рынка труда Павлово как моногорода. От остальных имущественных групп данную группу отличает то, что здесь несколько больше занятых в сфере услуг и торговле, образовании и здравоохранении, а также в сфере государственного управления или силовых структурах. Имущественный статус определяет и должность, занимаемую представителями данной группы, здесь заметно больше ИТР и служащих с высшим образованием, чем среди малообеспеченных, и самый большой процент тех, кто занимает руководящие позиции (см. табл. 4.) Соответственно и средняя заработная плата также оказывается самой высокой среди разных имущественных групп — 28605 рублей.

Представители данной группы демонстрируют большую экономическую активность: так или иначе 22% имели подработку в предыдущие годы (это самый высокий процент среди подгрупп). При этом речь идёт все же о высококвалифицированных специалистах, которые выстраивают свои стратегии занятости, совмещая подработку с основной работой и по специальности (см. табл. 5). Удалённость дополнительной работы от дома или использование интернета здесь не имеют значения. Размер подработки, соответственно, также наибольший в сравнении с другими и составил в среднем 17950 рублей.

2. Домохозяйства с детьми, обеспеченные средне и ниже среднего. Рождение детей может быть фактором, снижающим уровень материального обеспечения семьи (подробнее см. [13]). Данная группа представлена в основном домохозяйствами, состоящими из супружеской пары с детьми (более 50%) или родителя, воспитывающего детей самостоятельно (около 30%), они могут проживать как отдельно, так и вместе с бабушками и дедушками. Соответственно большинство из данной

группы — люди трудоспособного возраста, поэтому более 70% работают или занимаются бизнесом. В группе высока доля женщин, которые в настоящий момент не работают, а ухаживают за ребёнком (9%), что может быть фактором, влияющим на снижение общего дохода семьи.

Данная группа семей наиболее многочисленная и составляет 41% от всех опрошенных домохозяйств. На одного члена семьи этой группы в основном приходится 1–1,5 ПМ (12–17 тыс. рублей). У некоторых семей группы доход ещё ниже. В основном это домохозяйства, обеспеченные ниже среднего, хотя сами члены домохозяйств часто относили себя к среднеобеспеченным. Они удовлетворительно оценивают качество своего питания, хотя траты на еду составляют около половины дохода. Семьи, имеющие детей, могут позволить себе покупать детям качественную одежду и обувь. Члены домохозяйств данной группы (46%) говорили о снижении своих доходов за период пандемии. Общий доход таких семей в месяц 30–60 тыс. рублей.

Отрасли, в которых в основном заняты представители данного типа домохозяйств — это промышленность (около трети, как и предыдущей группе) и строительство (23%). Здесь уже больше доля рабочих, квалифицированных и малоквалифицированных, хотя есть и служащие (см. табл. 4). Средняя заработная плата не самая низкая из всех имущественных групп, выделенных по результатам исследования, и составила 22358 рублей. Демографический состав данного типа домохозяйств определяет тот факт, что 66% получали единовременные социальные выплаты на ребёнка, средний размер которых 13880 рублей. Жители Павлово из этого имущественного слоя демонстрируют средний уровень экономической активности — только 15% из них регулярно или нерегулярно имеют подработку, хотя 8% искали, но не нашли. Для них важна любая подработка, быстро приносящая доход, хотя лучше, чтобы она была совместима с основной работой. Для семей, имею-

щих детей, важна удалённость: 23% опрошенных отдадут предпочтение подработке недалеко от дома. Средний размер дополнительного заработка здесь составил 10261 рубль.

3. Домохозяйства без детей, обеспеченные средне и ниже среднего. Этот тип домохозяйств составляет 25%. Общий денежный доход на всех членов семьи варьируется от 25 до 50 тыс. рублей. Представители домохозяйств данной группы критично оценивают своё материальное положение — 20% семей оценивают себя как «бедные», хотя в сравнении с предыдущими группами здесь значительно меньше семей, доход которых менее одного ПМ. Примерно треть семей (30%) относят себя к группе со средним доходом. Объективные количественные данные показали, что доход на одного члена домохозяйства составляет 1–2 ПМ (60%), в некоторых семьях доход даже более высокий (около 20%). Семьи данной группы тратят на еду половину или одну треть бюджета и считают своё питание удовлетворительным, а в некоторых случаях хорошим. Показатели благосостояния семей в данной группе выше, чем в семьях с аналогичным уровнем доходов с детьми (группа 2). Также в этой имущественной группе больше семей, не ощутивших ухудшение своего материального положения в период пандемии. Несмотря на это, субъективное восприятие своего статуса представителями домохозяйств в этой группе в целом более пессимистичное, поскольку большая их часть (по сравнению с семьями с детьми) относят себя к бедным (20% против 6%).

Домохозяйства без детей, обеспеченные средне и ниже среднего, состоят в основном из супружеских пар-пенсионеров, тех, кто старше 55 лет, здесь больше, чем в других подгруппах (60%). Только 40% членов таких домохозяйств работают. Большинство (76%) получают пенсию по возрасту, данная выплата больше, чем в предыдущей группе, и составила 14550 рублей. Однако размер этой выплаты также ниже, чем в среднем по Нижегород-

родской области. Среди занятых на рынке труда около половины работает в промышленной отрасли, и в основном это квалифицированные рабочие (46%). Для тех, кто обеспечен средне и ниже среднего, все же характерно наличие постоянной работы (96%). Средняя заработная плата таких работников составила 21489 рублей в месяц (третье место среди четырёх групп). Экономическая активность представителей данной имущественной группы средняя: здесь относительно небольшой процент тех, кто имел подработку за предыдущие полгода (7%), однако 15% искали её, но не нашли, что может быть объяснено демографическими характеристиками группы — людям пенсионного возраста сложнее трудоустроиться. Характер подработки, который они бы предпочли, определяется уровнем квалификации: это должна быть работа по специальности или совместимая с основной работой, если речь идёт о занятых гражданах. Средний размер оплаты за дополнительную работу составил 7500 рублей, что ниже, чем в первой и второй группах, где уровень квалификации и образования выше, но все же заметно выше среднего размера подработки неквалифицированного персонала из малообеспеченной четвёртой группы.

4. Домохозяйства малообеспеченные. Они составляют 21% от опрошенных. Группа в основном представлена домохозяйствами, где доход на одного члена семьи — 1–1,5 ПМ (65%). Именно в этой группе 20% семей живут за чертой прожиточного минимума. Общий доход таких семей 10–30 тыс. рублей — это самый низкий уровень совокупного дохода среди всех групп.

Траты на питание являются самой большой статьёй расходов в бюджете семьи, и его качество оценивается как неудовлетворительное. Семьи не всегда имеют возможность покупать новую одежду детям. В данной имущественной группе более 60% семей заявили о значительном ухудшении своего материального положения в период пандемии. Более половины (53%) представителей домохозяйств не считают

себя бедными, обозначают свой уровень дохода как «ниже среднего», некоторые даже считают свой доход «средним» (17%). Почти треть (30%) респондентов группы все-таки причисляют себя к социальному слою бедных или крайне бедных.

Помимо рождения детей, на уровень обеспеченности семьи влияет и статус родителя-одиночки или разведённого с детьми. Среди малообеспеченных больше всего таких домохозяйств (36%). При этом одиноко проживающие также чаще оказываются малообеспеченными, особенно женщины (16%). В принципе группа представлена в основном женщинами (72%), также здесь больше пенсионеров, чем в других группах домохозяйств (40%). Социально-демографический состав малообеспеченных будет определять стратегии занятости на рынке труда: 37% из них пенсионеры, и около половины — работающие граждане. При этом именно в данной имущественной группе больше тех, кто занимается предпринимательской деятельностью (5%), однако другой показатель экономической активности, наличие подработки, здесь невысок — только 13% так или иначе имели подработку в предшествующие полгода, большинство даже не искали (80% — самый высокий процент среди подгрупп). И именно представители данной группы согласны на любую подработку, быстро приносящую доход, они выберут скорее работу, не требующую какой-либо квалификации, что соответственно определяется уровнем их образования, а также подработку недалеко от дома (см. табл. 5). Также они ищут работу, выполнять которую можно удалённо с использованием интернета. Уровень оплаты подобных работ в Павлово невысок — средний размер выплат составил 5200 рублей.

Статус Павлова как моногорода определяет основную отрасль, на которой занято большинство жителей трудоспособного возраста, однако именно это обстоятельство, как мы видим по результатам исследования, является фактором более низкого материального положения — около половины малообеспеченных занято имен-

но в промышленной отрасли (см. табл. 3). Также среди малообеспеченных есть те, кто занят в сфере торговли, питания или бытовых услуг, образования, здравоохранения. Социальный статус определяется и наличием образования — здесь больше тех, кто является служащим без высшего образования или квалифицированным рабочим, также есть и неквалифицированный персонал. Более подробно о влиянии образования на имущественный статус и качество жизни см. [14; 15]. Средняя полученная заработная плата у малоимущих оказывается самой низкой из выделенных подгрупп — 18023 рубля, размеры социальных выплат (в основном это государственная пенсия в связи с достижением соответствующего возраста) также самые низкие в сравнении с другими группами — 13131 рубль, что ниже среднего размера пенсии в 2021 г. по Нижегородской области (по данным Нижегородстата — 16754 рубля²).

Выводы

Особенности занятости на рынке труда Павлово определяются его статусом моногорода — более трети трудоспособного населения заняты в промышленной отрасли. В целом, ключевыми изменениями за последние десять лет стали рост занятых в промышленном секторе экономики, рост доли квалифицированных рабочих в общей структуре занятости, сокращение занятых в таких отраслях, как транспорт, строительство, связь, уменьшение доли занятых на частных предприятиях и индивидуальных предпринимателей.

В выстраивании стратегий занятости отчётливо просматривается взаимосвязь между уровнем образования и положением на рынке труда. В группе обеспеченных домохозяйств большинство их пред-

ставителей имеют высшее образование. Высшее образование и уровень квалификации не только позволяют занимать более высокооплачиваемые должности, но также дают возможность диверсифицировать карьерные стратегии даже в условиях моногорода: в группе высокодоходных домохозяйств больше, чем в других группах, занятых в непромышленных сферах, в то время как в малообеспеченных группах больше доля тех, кто занят в промышленной сфере, в частности, на градообразующем предприятии.

Экономическая активность является фактором повышения дохода. Обеспеченные домохозяйства проявляют наибольшую экономическую активность, совмещая при этом дополнительные способы заработка с основной специальностью. Чем меньше уровень совокупного дохода домохозяйства, тем реже его представители используют возможности дополнительно заработка. Основными критериями выбора способа дополнительного заработка для малоимущих домохозяйств являются: быстрый доход, близость от дома или удалённый формат, реже — совместимость с основной специальностью. Наличие нескольких подработок вместо одной постоянной работы и эпизодическая занятость также являются особенностью стратегий занятости представителей из малообеспеченных домохозяйств — среди них меньше тех, кто имеет постоянную работу.

Люди пенсионного возраста при сохранении среднего уровня экономической активности и достаточного трудового потенциала (образование, уровень квалификации) сильно ограничены в возможностях трудоустройства. Факторами понижения материального благосостояния семьи являются наличие несовершеннолетних детей, положение родителя-одиночки, статус пенсионера. Одинокое проживающие также часто оказываются малообеспеченными, особенно женщины.

² Нижегородстат. — URL: <https://nizhstat.gks.ru/folder/32657> (дата обращения: 20.11.2022).

Литература и Интернет-источники

1. **Гарнов, А. П.** Формирование инновационной занятости населения в моногородах / А. П. Гарнов // Россия: тенденции и перспективы развития.— 2019.— № 14–2.— С. 795–801. EDN: NEMCIK
2. **Варызгина, А. А.** Образовательные стратегии жителей малых городов из разных имущественных групп / А. А. Варызгина, А. В. Куликова, В. В. Михайлова // Вестник ННГУ. Серия: Социальные науки.— 2022.— № 2.— С. 97–103. EDN: WTUKTD
3. **Партисипаторный подход в повышении качества жизни населения / ред. Н. М. Римашевская, Н. Н. Иващенко.**— Нижний Новгород-Москва, 2013.— 268 с. EDN: SMIJFH
4. **Таганрогские исследования: полвека спустя / ред. Н. М. Римашевская, В. В. Локосов.**— Москва : Экономическое образование, 2017.— 288 с. EDN: YXJAFV
5. **Иващенко, Н. Н.** Формирование цифрового капитала у населения России / Н. Н. Иващенко, А. А. Варызгина, В. В. Михайлова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки.— 2022.— № 5.— С. 50–54. EDN: DPGMMT
6. **Михайлова, В. В.** Интернет-поведение и социальная стратификация в моногороде: преодолеваем или закрепляем неравенство? / В. В. Михайлова, Н. Н. Иващенко, А. А. Варызгина // Теория и практика общественного развития.— 2022.— № 6(172).— С. 21–28. EDN: CSXDPF
7. **Пятишева, Е. Н.** Социальная структура занятости в условиях моногородов России / Е. Н. Пятишева // Социология.— 2021.— № 5.— 150–156. EDN: YCUBPR
8. **Андрюхин, А. В.** Привлечение рабочей силы в малые города в контексте стратегического развития территорий на примере города Большой Камень / А. В. Андрюхин, В. А. Осипов, Е. В. Красова // Национальная безопасность.— 2019.— № 2.— С. 33–43. EDN: KJXKKG
9. **Бобков, В. Н.** Регулирование неустойчивой занятости в моногородах / В. Н. Бобков., Ю. Г. Одеров, А. П. Гарнов // Экономика региона.— 2020.— № 2.— С. 522–534. EDN: RZJEJZ
10. **Малые города в социальном пространстве России / А. Ю. Ардалянова, П. В. Бизюков, Р. Г. Браславский [и др.].**— Москва : ФНИСЦ РАН, 2019.— С. 119. EDN: YCUNFD
11. **Кулай, С. В.** Анализ критериев отнесения муниципальных образований к моногородам / С. В. Кулай // Социум и власть.— 2019.— № 3(77).— С. 50–62. EDN: QTWTUI
12. **Попов, А. В.** Стратегии инновационного развития малых городов России: специфика проблем и ресурсный потенциал / А. В. Попов, М. А. Гнатюк // Гуманитарий Юга России.— 2017.— № 2.— С. 251–259. EDN: YLOBSV
13. **Варызгина, А. А.** Семьи с детьми: факторы, определяющие выбор стратегии выживания в малых городах / А. А. Варызгина // Социальное неравенство современности: новая реальность научного осмысления. Материалы VI Международной научной конференции (Саратов, 13 апреля 2018 г.).— Саратов, 2018.— С. 440–445. EDN: XRYBHN
14. **Куликова, А. В.** Образование и качество жизни / А. В. Куликова, В. В. Михайлова // Народонаселение.— 2016.— № 3(73).— С. 124–134. EDN: WWRJZT
15. **Куликова, А. В.** Образование как стратегия преодоления социального неравенства / А. В. Куликова, В. В. Михайлова // Инновационная экономика: регулирование и конкуренция. Материалы Десятой Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 23–24 июня 2016 г.).— Нижний Новгород : Изд-во ННГУ, 2017.— С. 700–706. EDN: WTUKTD

Сведения об авторах:

Куликова Александра Владимировна, к.соц.н., доцент кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования факультета социальных наук Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия.

Контактная информация: e-mail: kulikova-alex@yandex.ru; ORCID: 0000–0002–2393–6560; РИНЦ AuthorID: 360583.

Михайлова Вероника Валерьевна, к.соц.н., доцент кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования факультета социальных наук Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия.

Контактная информация: e-mail: mihaylovav.v@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-0138-6705; РИНЦ AuthorID: 824246.

Клемятч Юлия Юрьевна, к.соц.н., доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия.

Контактная информация: e-mail: yulka207@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-6878-5295; РИНЦ AuthorID: 1095972.

Теодорович Михаил Леонидович, д.соц.н., доцент, зав. кафедрой социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования факультета социальных наук Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия.

Контактная информация: e-mail: mt231@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8750-9691; РИНЦ AuthorID: 498595.

DOI: 10.19181/population.2023.26.2.7

FEATURES OF EMPLOYMENT IN A SINGLE-INDUSTRY TOWN ON THE EXAMPLE OF PAVLOVO, NIZHNY NOVGOROD OBLAST

Aleksandra V. Kulikova*, Veronika V. Mikhailova,
Yulia Yu. Klemyatich, Mikhail L. Teodorovich

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
(7 Universitetskyy per, Nizhniy Novgorod, Russia, 603000)

*E-mail: kulikova-alex@yandex.ru

For citation:

Kulikova A.V., Mikhailova V.V., Klemyatich Yu. Yu., Teodorovich M.L. Features of employment in a single-industry town on the example of Pavlovo, Nizhny Novgorod oblast. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 2. P. 78-90. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.7 (in Russ.)

Abstract. *The article describes the main features of the labor market in Pavlovo, Nizhny Novgorod oblast, analyzes employment strategies of the population from different property groups. Due to its geographical location, socio-demographic structure, Pavlovo was chosen as an example of a typical small town in the European part of Russia. The article presents the results of sociological survey conducted in 2011 and 2021. The 2011 survey was carried out by the Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS (Moscow) and Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod) with participation of the universities of Glasgow (Scotland) and Uppsala (Sweden). The 2021 survey — by the Center for the Study of Social Systems, the Department of Sociology of Project Activity and Pro-Competitive Regulation of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod., the universities of Glasgow (Scotland), Uppsala (Sweden) with the support of the Scientific Information Center, Nizhny Novgorod. As a result of the cluster analysis, four social groups were identified that differ from each other in socio-economic characteristics and strategies of behavior in the labor market. The relationship between the level of education and the position on the labor market is clearly visible. In the group of affluent households, there are more people who have higher education. Higher education and qualification level allow one to occupy higher-paying positions, diversify career strategies even in a single-industry city. While in low-income families, the share of those who are employed in the industrial sector, in particular, at the city-forming enterprise,*

is higher. Affluent households show the greatest economic activity, while combining additional ways of earning with the main specialty. It is important to note that the lower the family income level, the less often they use the opportunities for additional earnings. People of retirement age, while maintaining an average level of economic activity and sufficient labor potential (education, skill level), are quite severely limited in employment opportunities. Factors reducing the material well-being of family are the presence of minor children, the position of a single parent, the status of a pensioner. Those living alone are also often low-income, especially women.

Keywords: single-industry cities, small towns, employment, employment strategies, labor market, standard of living, inequality, property groups, unemployment.

References and Internet sources

1. Garnov A. P. Formirovaniye innovatsionnoj zanyatosti naseleniya v monogorodakh [Formation of innovative employment of the population in single-industry towns]. Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya [Russia: Trends and Prospects for Development]. 2019. No. 14–2. P. 795–801. (in Russ.)
2. Varyzgina A. A., Kulikova A. V., Mikhailova V. V. Obrazovatel'nyye strategii zhitelej malyh gorodov iz raznykh imushchestvennykh grupp. [Educational strategies of residents of small towns from different property groups]. Vestnik NNGU. Seriya: Sotsial'nye nauki [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Series: Social Sciences]. 2022. No. 2. P. 97–103. (in Russ.)
3. Partisipatornyy podkhod v povyshenii kachestva zhizni naseleniya [Participatory Approach to Improving the Quality of Life of Population]. Eds. N. M. Rimashevskaya, N. N. Ivashinenko. Nizhny Novgorod-Moscow. 2013. 268 p. (in Russ.)
4. Taganrogskie issledovaniya: polveka spustya. [Taganrog Studies: Half a Century Later]. Eds. N. M. Rimashevskaya, V. V. Lokosov. Moscow. Ekonomicheskoye obrazovaniye. [Economic Education], 2017. 288 p. (in Russ.)
5. Ivashinenko N. N., Varyzgina A. A., Mikhailova V. V. Formirovaniye tsifrovogo kapitala u naseleniya Rossii [Formation of digital capital of the population of Russia]. Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki [Humanities, Socio-Economic and Social Sciences]. 2022. No. 5. P. 50–54. (in Russ.)
6. Mikhailova V. V., Ivashinenko N. N., Varyzgina A. A. Internet-povedeniye i sotsial'naya stratifikatsiya v monogorode: preodolevayem ili zakreplyayem neravenstvo? [Internet behavior and social stratification in a single-industry town: are we overcoming or consolidating inequality?] Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [Theory and Practice of Social Development]. 2022. No. 6(172). P. 21–28. (in Russ.)
7. Pyatsheva E. N. Sotsial'naya struktura zanyatosti v usloviyakh monogorodov Rossii [Social structure of employment in single-industry towns in Russia]. Sotsiologiya [Sociology]. 2021. No. 5. P. 150–156. (in Russ.)
8. Andryukhin A. V., Osipov V. A., Krasova E. V. Privlecheniye rabochej sily v malyye goroda v kontekste strategicheskogo razvitiya territorij: na primere goroda Bol'shoj Kamen', Primorskiy kraj [Mobilization of workforce into smaller cities within the context of strategic territorial development on the example of the town of Bolshoy Kamen in Primorsky Krai]. Natsional'naya bezopasnost' [National Security]. 2019. No. 2. P. 33–43. (in Russ.)
9. Bobkov V. N., Odegov Yu. G., Garnov A. P. Regulirovaniye neustojchivoj zanyatosti v monogorodakh [Regulation of precarious employment in single-industry towns]. Ekonomika regiona [Economy of Region]. 2020. No. 2. P. 522–534. (in Russ.)
10. Malyye goroda v sotsial'nom prostranstve Rossii [Small Towns in the Social Space of the Russian Federation]. Ardal'yanova A. Yu., Bizyukov P. V., Braslavsky R. G. et al. Moscow. FNISTS RAN [Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS]. 2019. 119 p. (in Russ.)
11. Kulay S. V. Analiz kriteriyev otneseniya munitsipal'nykh obrazovaniy k monogorodam [Analyzing criteria for classifying municipalities as single-industry cities]. Sotsium i vlast' [Socium and Power]. 2019. No. 3 (77). P. 50–62. (in Russ.)

12. Popov A. V., Gnatyuk M. A. Strategii innovatsionnogo razvitiya malyh gorodov Rossii: spetsifika problem i resursnyj potentsial [Strategies for innovative development of small cities in Russia: the specificity of problems and resource potential]. *Gumanitarij Yuga Rossii. [Humanities of the South of Russia]*. 2017. No. 2. P. 251–259. (in Russ.)
13. Varyzgina A. A. Sem'i s det'mi: faktory, opredelyayushchiye vybor strategii vyzhivaniya v malyh gorodah [Families with children: factors determining the choice of survival strategy in small towns]. *Sotsial'noye neravenstvo sovremennosti: novaya real'nost' nauchnogo osmysleniya Mezhdunarodnoj [Social Inequality of Modernity: a New Reality of Scientific Understanding]*. Proceedings of the VI International Scientific Conference. Saratov. 2018. P. 440–445. (in Russ.)
14. Kulikova A. V., Mikhailova V. V. Obrazovaniye i kachestvo zhizni [Education and quality of life]. *Narodonaseleniye [Population]*. 2016. No. 3(73). P. 124–134. (in Russ.)
15. Kulikova A. V., Mikhailova V. V. Obrazovaniye kak strategiya preodoleniya sotsial'nogo neravenstva [Education as a strategy for overcoming social inequality]. *Innovatsionnaya ekonomika: regulirovaniye i konkurentsia [Innovative Economy: Regulation and Competition]*. Proceedings of the Tenth International Scientific and Practical Conference. Nizhny Novgorod. 2017. P. 700–706. (in Russ.)

Information about the authors:

Kulikova Aleksandra Vladimirovna, Candidate of Sociology, Associate Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.

Contact information: e-mail: kulikova-alex@yandex.ru; ORCID: 0000–0002–2393–6560; Elibrary AuthorID: 360583.

Mikhailova Veronika Valerievna, Candidate of Sociology, Associate Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.

Contact information: e-mail: mihaylovav.v@yandex.ru; ORCID: 0000–0002–0138–6705; Elibrary AuthorID: 824246.

Klemiyatich Yulia Yurievna, Candidate of Sociology, Associate Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.

Contact information: e-mail: yulka207@yandex.ru; ORCID: 0000–0001–6878–5295; Elibrary AuthorID: 1095972.

Teodorovich Mikhail Leonidovich, Doctor of Sociology, Head of Department, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.

Contact information: e-mail: mt231@yandex.ru; ORCID: 0000–0001–8750–9691; Elibrary AuthorID: 498595.

Статья поступила в редакцию 29.11.2022, утверждена 03.05.2023, опубликована 30.06.2023.

ИНТЕРНЕТ И СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯDOI: 10.19181/population.2023.26.2.8
EDN: XGXNFG**СТРАТЕГИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНТЕРНЕТА
СТАРШИМ ПОКОЛЕНИЕМ****Галкин К. А., Парфенова О. А.***Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН
(190005, Россия, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, 25)

*E- mail: oparfenova@socinst.ru

Для цитирования:

Галкин К. А., Парфенова О. А. Стратегии использования Интернета старшим поколением // Народонаселение. — 2023. — Т. 26. — № 2. — С. 91-101. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.8; EDN: XGXNFG

Аннотация. В статье приведён анализ практик использования (или отказа от использования) интернета с применением элементов STAM-модели (Senior Technology Acceptance Model) и понятия цифровых разрывов. Пожилой человек рассматривается нами как актор, который находится в ситуации, когда он зачастую не может продолжать делать то, что делал раньше, не используя новые технологии. Мы определяем факторы, которые влияют на то, как и для чего пожилой человек начинает пользоваться Интернетом, а также выявляем барьеры для преодоления цифрового разрыва. Эмпирической базой исследования выступают полуструктурированные интервью с людьми 60 лет и старше из Санкт-Петербурга, Республики Карелия, Тюмени и Салехарда (n=36). По результатам исследования выделены 4 стратегии использования интернета: стратегия потребления информации; стратегия коммуникации; стратегия использования ресурсов; стратегия отрицания. На практике чаще всего пользователи соединяют первые 3 стратегии. Прохождение стадий от объективации (намерения использовать) до конверсии (принятии окончательного решения об использовании) зависит от типа ресурсов интернета — в случае с коммуникацией и потреблением информации принятие происходит быстро, в отличие от более специализированных интернет-сервисов и приложений. Основными факторами, влияющими на выбор стратегии являются: возраст, наличие профессиональной занятости и её специфика, социальное окружение и семья, наличие смартфона (как более легкого и быстрого устройства в сравнении с персональным компьютером — ПК). Часто драйверами и источниками компетенций для использования интернета выступают близкие родственники и специальные курсы (в том числе на работе). Активные профессионалы до 75 лет склонны использовать максимальное количество возможностей интернета, в том числе с профессиональными целями. Пандемия и технологический прогресс (появление большого количества удобных смартфонов с выходом в интернет в качестве замены ПК) способствовали сокращению цифрового разрыва, стимулировав старшее поколение к более активному использованию интернета. К барьерам можно отнести отсутствие мотивации либо для использования интернета в целом, либо для расширения возможностей его использования, а также материальное обеспечение (дефицит средств на покупку техники и оплату интернета).

Ключевые слова: пожилые люди; интернет; социальные сети; STAM (Senior Technology Acceptance Model); цифровые разрывы.

Введение

Опыт интеграции пожилых в новые технологии — это всегда опыт испытаний и развития [1]. Ранние исследования отмечают положительный вклад новых технологий в улучшение качества жизни пожилых людей. Информационно-компьютерные технологии (ИКТ) решают проблему изоляции, расширяют возможности контактов, а также создают особую комфортную среду для общения и взаимодействия пожилых [2–4]. Освоение новых технологий, в частности персонального компьютера (ПК), рассматривалось как исключительно позитивный опыт, связанный с повышением личной самооценки и уверенности в себе. Также, использование новых технологий способствовало преодолению социальной эксклюзии пожилых, расширению их участия, интегрированности в социальную жизнь, разнообразию досуга и занятости [5; 6]. Столь позитивный взгляд на развитие и применение новых технологий, появившийся в ранних исследованиях, не предполагал рефлексии о практиках и смыслах использования данных технологий в жизни пожилых, которая появилась чуть позже. На сегодняшнем этапе роль цифровых технологий в жизни старшего поколения рассматривается сквозь призму критического взгляда на их доступность, наличие пользовательских компетенций и страновых различий. По мнению исследователей, на современном этапе при проектировании новой техники и повышении участия различных групп в использовании ИКТ интересы пожилых людей учитываются недостаточно. Это способствует возникновению различных эйджистских стереотипов и исключению пожилых пользователей [7].

Переходя к российскому контексту, стоит отметить, что данные Росстата отражают стабильный рост доли пожилых россиян, использующих интернет. Так, за пять лет (2017–2021 гг.), доля активных¹ пользователей интернета в возрасте 60 лет

и старше (60+) выросла почти вдвое — с 8,3% до 16,1% в 2021 году². Отчасти способствовала этому и пандемия COVID-19, ускорившая темпы цифровизации и, как следствие, спровоцировавшая рост использования ИКТ пожилыми. В период самоизоляции старшее поколение активно осваивало гаджеты, интернет и мессенджеры для того, чтобы поддерживать общение с близкими и находить нужную информацию, а также получать информационную поддержку в онлайн-сообществах на тему здоровья, что особенно актуальным оказалось в сельской местности [8; 9]. Практики использования компьютера и интернета в старшей группе все меньше отличаются от более младших возрастных групп. Интернет для пожилых также является источником информации, инструментом для поддержания коммуникации в социальных сетях и мессенджерах [10]. Кроме того, почти четверть пользователей старше 55 лет пользуется интернетом для онлайн-доступа к госуслугам (здравоохранение и медицина, оплата налогов и ЖКХ), а 10% пользователей приобретает товары и пользуется онлайн-услугами (в частности, денежными переводами)³.

Обзор исследований за последние годы показывает, что российские пожилые чаще всего используют интернет для поиска новой информации и повышения уровня знаний. В то же время, различные специальные курсы, направленные на обучение использованию ИКТ россиянами 60+, не способствуют их дальнейшему трудоустройству [11]. Информационное неравенство (или цифровой разрыв) у пожилых россиян, выражающийся в более низких показателях использования интернета в сравнении с европейскими странами, по мнению исследователей, обусловлен низкой компьютерной грамотностью и отсутствием устройств для выхода в интернет [12].

² Использование населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей // Росстат: [сайт]. — URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud5-1.xlsx> (дата обращения: 01.09.2022).

³ Треть пожилых людей в России являются активными пользователями интернета // Росстат, 01.10.2019: [сайт]. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/63640> (дата обращения: 23.03.2023).

¹ Пользующихся интернетом не менее 1 раза в неделю.

Наше исследование, продолжая уже сложившееся направление в изучении пожилых и ИКТ, является попыткой изучить и отразить практики использования интернета старшим поколением с помощью качественных методов. Используя материалы глубинных интервью, мы делаем акцент на реконструкции и плотном описании смыслов, барьеров и роли использования информационных технологий в жизни пожилых людей, обозначая стратегии использования ИКТ.

Теоретические подходы

Изначально важным и значимым в освоении новых технологий и преодолении цифрового разрыва пожилыми людьми выступает понятие интереса, которое обуславливает преодоление самого порога между пользователями ПК и теми, кто не использует его [13]. Трактовка, основывающаяся на принципах акторно-сетевой теории, приводит нас к пониманию пожилого пользователя как актора в использовании новых технологий, который достигает определённого рубежа в зажатости между двумя разнонаправленными силами (желанием и нежеланием осваивать ИКТ). Актор — пожилой человек, находится в ситуации, когда он не может продолжать делать то, что делал раньше, не используя новые технологии. Иначе говоря, происходит нарушение привычного мира, а общение и взаимодействие в таком мире становятся возможными благодаря применению третьей силы — освоению технологий, и достижению баланса между желанием и нежеланием быть интегрированными в сферу ИКТ. В таком случае происходит сближение интереса и необходимости использования технологий. Как результат, возникает напряжение между новым и старым опытом, общением без использования и с использованием ИКТ. Освоение ПК начинается, как только опыт использования компьютера приобретает смысловую и экзистенциальную релевантность повседневному опыту. Важным при такой трактовке использования ИКТ

выступает именно субъективное желание (или нежелание) преодоления сложностей и напряжений, интегрировать и использовать новый опыт в повседневности [14–16]. Современные обзоры выделяют 4 теоретических модели для изучения принятия технологий и их использования пожилыми, а также факторов, влияющих на это. Модели развивались в хронологическом порядке — каждая следующая базировалась на предыдущей, предлагая свои обновления и дополнения [17]. Так, модель принятия технологии пожилыми (Senior Technology Acceptance Model — STAM) была разработана и предложена исследователями в 2008 г. на основе гибрида собственного качественного исследования и результатов других исследований, посвященных использованию мобильных телефонов пожилыми [18]. Модель предполагает 3 этапа — объективация (когда формируется намерение использовать то или иное устройство), инкорпорация (этап активного использования и тестирования) и конверсия (этап, на котором принимается окончательное решение об использовании технологии). На каждом из этапов присутствуют компоненты (начиная от характеристик юзера и социального влияния и заканчивая простотой и полезностью использования устройства), которые влияют на то, как будет реализована каждая стадия и будет ли в конечном итоге пожилой активным пользователем мобильного телефона.

В рамках нашего исследования использования интернета мы рассматриваем опыт пожилых в контексте всех 3 этапов и пытаемся определить факторы, влияющие на то, как в конечном итоге информанты пользуются (или отказываются пользоваться) интернетом. В данном случае именно субъективное осмысление использования интернета, куда мы включаем общение в мессенджерах, на форумах, использование социальных сетей и взаимодействие с компьютерами, становится элементом опыта пожилых людей, анализ которого возможен через обращение к нарративным историям и рассказам о преодолении (или непреодолении) по-

вседневных барьеров [19]. Ключевым для нас выступает описание опыта использования интернета, его восприятия и роли в жизни людей 60+. На основании этого опыта мы определяем, как конструируются неравенства (цифровой разрыв) в жизни пожилых и их рефлексия самими пожилыми людьми [20; 21]. В данной статье мы представляем цифровой разрыв, прежде всего, как совокупность субъективных качеств: желание и нежелание пожилых пользователей осваивать ИКТ, преодолевать трудности, различия и сложности, которые возникают с использованием новых гаджетов, а также решать проблемы, связанные с встраиваемостью данных гаджетов и их функций в повседневную жизнь, нарушение (или ненарушение) привычных, принятых порядков [22–24]. Таким образом, перед нами стоит задача проанализировать практики использования (или отказа от использования) интернета с применением элементов STAM-модели, и определить, какие факторы влияют на разных этапах — от начала использования до принятия решения или отказа, а также какие существуют барьеры для преодоления цифрового разрыва.

Результаты

Изучение опыта пожилых людей проводилось с помощью метода полуструктурированного глубинного интервью, в рамках которого мы делали акцент на нарративах об опыте использования интернета, его роли в жизни наших информантов 60+ и анализе того, как эти истории связаны с их повседневностью. Всего было взято 36 интервью с информантами в возрасте от 60 до 95 лет. Из них 20 человек не работают (на пенсии) и 16 — работающие. Все информанты имели доступ или возможность для доступа в интернет. Анализ проводился с помощью метода тематического кодирования. Несмотря на то, что мы пользуемся STAM-моделью, которая предполагает наличие конкретных факторов на каждом из трех этапов — объективация, инкорпорация и конверсия, перед нами не стояло

задачи протестировать каждый из предлагаемых факторов применительно к нашему исследованию. В ходе анализа были реконструированы стратегии использования интернета. Затем, после соотнесения стратегий с биографическими обстоятельствами и соответствующими нарративами информантов мы сформулировали ключевые факторы и барьеры, влияющие на то, какой стратегией (или микса стратегий) будет придерживаться человек.

Как правило, освоение пожилым пользователем интернета является результатом его/её сознательного выбора, на который влияют различные факторы. Реже это продиктовано профессиональной необходимостью (например, когда произошёл перевод на удалённую работу и работающим 60+ пришлось активно использовать возможности интернета). В отличие от использования конкретных технических устройств, в случае с использованием интернета период инкорпорации (тестирования) имеет размытые границы и сильно зависит от того, какие конкретно функции используются. Так, принятие происходит довольно быстро, когда человек обучился использовать какие-то простые функции интернета (читать новостные ресурсы, пользоваться мессенджером) — он от них не отказывается из-за неудобства или неспособности привыкнуть. Однако в случае более специальных функций дело обстоит иначе — специальные приложения (банковские, такси, Госуслуги или сервисы записи к врачам и подобное) пожилые используют довольно редко. Другими словами, пожилые люди осваивают интернет и его возможности довольно избирательно, тщательно анализируя необходимость в изучении и применении конкретной функции. На основе анализа мы выделили 4 наиболее выраженные стратегии использования интернета пожилыми, а также основные факторы и барьеры, влияющие на практики его использования (или отказа от использования). К стратегиям относятся: потребление информации; коммуникация; использование ресурсов; отрицание. На практике нередко люди со-

единяют разные стратегии. Далее рассмотрим подробнее каждую из них.

Стратегия потребления информации. Эту стратегию можно назвать «стартовой». Часто именно с неё начинается освоение интернета. Данная стратегия предполагает использование интернета преимущественно как средства получения необходимой информации. Все пользователи интернета её придерживаются. Практически всегда эта стратегия миксуется со следующей — коммуникационной. *«В основном это Яндекс, Mail.ru, я смотрю новости. И очень много смотрю в Яндексе и в Гугле поиск чего-то. Я смотрю какие-то фильмы, о каких-то людях известных, какую-то литературу смотрю. С удовольствием это делаю. Как только я свободна, новости все время я держу на контроле»* (женщина, 75 лет, Санкт-Петербург).

Стратегия коммуникации. Наряду с потреблением информации, данная стратегия также служит стартовой. Ключевой здесь является ориентированность на коммуникацию. Мессенджеры и социальные сети используются для общения и расширения своего круга общения. Сами мессенджеры в этом случае рассматриваются индивидами как средство для адаптации в современном обществе и информационном пространстве. Особенно актуальной стратегия стала в пандемию, когда пожилые активизировали общение с родственником с помощью мессенджеров и видеозвонков. *«Вообще, давно уже [пользуюсь интернетом]. Во всяком случае, ВКонтакте. А сейчас в Watcane очень много у меня приятелей, знакомых, общаюсь с ними»* (женщина, 88 лет, Санкт-Петербург).

Стратегия использования ресурсов. Для данной стратегии характерна ориентированность на инструментальные возможности интернета и его ресурсы. Здесь мы наблюдаем использование интернета в профессиональных целях, с целью самообразования и повышения уровня знаний, а также использование различных цифровых сервисов (он-лайн приёмных, электронных библиотек, запись к врачу и подобное). Иногда расширение в использо-

вании возможностей интернета в профессиональных целях носило вынужденный характер (например, в период пандемии). В этом случае на этапе инкорпорации (тестирования) пользователи испытывали сложности и на заключительном этапе (конверсии) произошёл отказ от дальнейшего использования сервисов, как только это стало возможным. Так одна из информанток, аккомпаниатор, описывает опыт участия в дистанционном преподавании занятий танцами: *«Педагогов научили, как настраивать Зум, вот эти конференции. Это все педагоги, мы при них, на нас не такая ответственность. Они всей аппаратурой пользовались. Было очень тяжело, все жаловались, что аппаратура отказывает, Интернет уходит куда-то, дети пропадают из кадра. Но это все педагоги в основном. Мы только рядом сидим и делаем, а дома сам открываешь Яндекс диск, находишь папку. Записываешь сам музыку. Её отсылаешь. В папку помещаешь, эту папку отсылаешь [...] Сложно, я до сих пор очень мало чем пользуюсь»* (женщина, 67 лет, Санкт-Петербург).

Для представителей трёх перечисленных стратегий субъективный опыт освоения компьютера и сокращение дистанции от того социального мира, который существует в рамках информационных технологий, представляет собой опыт, который обусловлен двумя выборами. Первый выбор — сознательный, он связан с тем, что сами пожилые люди определяют для себя необходимость и значимость использования новых технологий и параллельно выбирают между тем, насколько релевантным представляется для них использование компьютера в повседневности. Второй выбор — определение и освоение необходимых функций с их последующим использованием в повседневной жизни. Изначально пользователи начинают освоение ИКТ в терминах «интерес», «необходимость» и «важность коммуникации». Интернет и персональный компьютер, а нередко и другие гаджеты, которые заменяют стационарный ПК, становятся для пожилых людей объектами интереса, средствами связи и получения необходи-

мой информации, расширения своего круга общения, продолжения самосовершенствования в профессии, самообразования, в том числе после выхода на пенсию. Интернет становится средством для удовлетворения своих потребностей — профессиональных, коммуникативных, досуговых, образовательных и иных.

Стратегия отрицания. Наконец, последняя стратегия — отрицания, свойственна для пожилых людей, которые не проявляли интерес к общению и использованию ресурсов интернета, социальных сетей и мессенджеров. Стоит отметить, что представителей этой стратегии в нашем исследовании очень мало (несколько человек). Приверженцы этой стратегии, как правило, считали использование интернета ненужным и незначимым, старались игнорировать его роль. Как отмечали представители данной стратегии, в целом использование интернета и мессенджеров будет отнимать большое количество времени, но при этом не будет необходимой связи и коммуникации. Кроме того, для представителей стратегии отрицания немаловажную роль играет страх, который выступает одним из ключевых барьеров для использования новых технологий и применения их в повседневности. Обычно для представителей данной стратегии характерно снижение уровня коммуникации и утрата многих прежних социальных связей.

В других исследованиях отмечается, что после 75 лет наблюдается резкое снижение пользователей технологий в связи с ухудшением ментального и физического здоровья [17]. Тем не менее, самая пожилая информантка во время интервью признается, что просила у сына приобрести ей смартфон «как у всех», но получила отказ и была разочарована: «У меня нет этих. Я говорю [сыну]: купи мне как у всех телефоны. А он говорит: зачем тебе, когда ты меня просишь сбросить лишнее. Зачем тебе? Не надо такого. У меня нет, я не пользовалась Интернетом никогда» (женщина, 95 лет, Санкт-Петербург). Вполне вероятно, что, получив соответствующую под-

держку от родственников, информантка смогла бы освоить мессенджер и использовать коммуникационную стратегию. Поэтому в данном случае можно говорить о вынужденном отрицании.

Факторы и барьеры, влияющие на использование (или отказ от использования) Интернета. Описав основные стратегии и проанализировав соотношение практик использования с биографическими обстоятельствами, мы выделили несколько основных факторов, влияющих на то, будет ли пожилой человек пользоваться интернетом и с какой целью. Ключевыми факторами являются возраст, наличие и род профессиональной занятости, социальное окружение и семья, наличие смартфона. Соединяют все 3 стратегии, как правило, активные профессионалы до 75 лет. При этом, приверженцы преимущественно первых двух «стартовых» стратегий (потребления информации и коммуникационной) — это, как правило, неработающие либо занятые неинтеллектуальным трудом. Они отмечали сложность более глубокого освоения технологий и выражали желание ограничиться минимальным набором функций. Семейное и социальное окружение оказывает важное влияние на этапе объективации — именно они часто являются драйверами практик использования интернета пожилыми. Близкие родственники, а также специальные курсы — основные источники интернет-навыков для пожилых. Нередко эти источники соединяются: «Я пошла учиться по компьютеру в немецкую церковь. Там можно было учиться, старикам преподавали. Это было уже давно. Больше 5 лет точно, наверное, около 10 лет. Хотя осваивать сам по себе так компьютер мне, конечно, помогает сын и особенно младший внук, если мне что-то непонятно» (женщина, 85 лет, Санкт-Петербург).

Наличие смартфона мы считаем одним из важных факторов, облегчающих доступ в интернет и позволяющих легко и быстро следовать коммуникационной стратегии. Сами информанты проводят четкое разделение между мобильными устройства-

ми: смартфоном, планшетами и ПК, подключёнными к интернету. Мобильные устройства позволяют экономить время, быть более включёнными в цифровую среду, в то время как стационарный ПК труднее использовать, он немобилен и не так удобен в том, что касается наиболее востребованных функций интернета (общение, чтение информации, использование приложений). Вот как комментирует информантка свой опыт «эволюции» гаджетов: «Начнём с того, что произошла эволюция моих гаджетов. Поначалу это был стационарный компьютер. [...], потом мы размножились компьютерами. И у меня все было. И диктофоны, и фотоаппараты, и телефоны, как только они появились. И потом смартфон. И планшет у меня был, и компьютер стационарный. И последнее, чем мне нравится моя работа, у меня есть собственный ноутбук, в нем есть все материалы. Я его перевожу на машине из дома на работу, с работы домой. И в свободное от ноутбука время у меня есть смартфон, которым я пользуюсь, там много приложений, которые я узнаю от детей, прежде всего, от студентов. Если что-то новенькое, они как-то там мне подсказывают» (женщина, 62 года, Санкт-Петербург).

К ключевым барьерам, как показали интервью, можно отнести отсутствие мотивации либо для использования интернета в целом, либо для расширения возможностей его использования. Кроме того, материальное положение пожилых людей не всегда позволяет покупать дорогостоящую технику и регулярно оплачивать интернет.

Заключение

Проведённое исследование позволило выделить и проанализировать 4 различные стратегии людей 60+ при использовании Интернета и его ресурсов: 1) потребления информации; 2) коммуникации; 3) использования ресурсов; 4) отрицания. На практике пользователи 60+ часто соединяют первые три стратегии. Основными

отличиями в выявленных стратегиях выступают мотивация и цели при использовании интернета. Прохождение стадий от объективации (намерения использовать) до конверсии (принятии окончательного решения о дальнейшем использовании) зависит от типа ресурсов интернета — в случае с коммуникацией и потреблением информации принятие происходит быстро, в отличие от более специализированных интернет-сервисов и приложений.

Основными факторами, влияющими на то, какой стратегии будет придерживаться пожилой человек, являются возраст, наличие профессиональной занятости и ее специфика, социальное окружение и семья, наличие смартфона (как более удобного в использовании по сравнению со стационарным компьютером). Часто драйверами и источниками компетенций для использования Интернета выступают близкие родственники и специальные курсы. Активные профессионалы до 75 лет склонны использовать максимальное количество возможностей интернета, в том числе с профессиональными целями.

Пандемия COVID-19 и технологический прогресс (появление большого количества удобных смартфонов с выходом в интернет) способствовали сокращению цифрового разрыва, стимулировав пожилых к более активному использованию интернета в первую очередь для коммуникации и получения информации. К барьерам можно отнести отсутствие мотивации либо для использования интернета в целом, либо для расширения возможностей его использования. Среди репертуара практик информантов нам не встретились такие форматы, как компьютерные игры или блоггинг, что косвенно может говорить о слабой распространённости использования подобных форматов пожилыми.

Литература и Интернет-источники

1. **Latour, B.** The pasteurization of France / B. Latour — Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1993. — 273 p.
2. **Czaja, S.J.** Computer communication as an aid to independence for older adults / S.J. Czaja // Behaviour & Information Technology.— 1993.—Vol. 12.—No. 4.—P. 197–207. DOI: 10.1080/01449299308924382
3. **White, H.** Surfing the net in later life: A review of the literature and pilot study of computer use and quality of life / H. White //Journal of Applied Gerontology.— 1999.— Vol. 18.—No. 3.—P. 358–378. DOI: 10.1177/073546489901800306
4. **Kanayama, T.** Ethnographic research on the experience of Japanese elderly people online / T. Kanayama // New Media & Society.— 2003.—Vol. 5.—No. 2.—P. 267–288. DOI: 10.1177/1461444803005002007
5. **Morris, J.M.** Computer training needs of older adults / J.M. Morris // Educational Gerontology: An International Quarterly.— 1994.—Vol. 20.—No. 6.—P. 541–555. DOI: 10.1080/0360127940200601
6. **Timmermann, S.** The role of information technology in older adult learning / S. Timmermann // New directions for adult and continuing education.— 1998.— Vol. 77.—P. 61–71.
7. **Chu, C.H.** Digital ageism: challenges and opportunities in artificial intelligence for older adults / S.H. Chu // The Gerontologist.— 2022.— Vol. 62.—No. 7.—P. 947–955. DOI: 10.1093/geron/gnab167
8. **Парфенова, О.А.** Влияние пандемии COVID-19 на жизнь старшего поколения в городском и сельском контекстах / О.А. Парфенова, И.С. Петухова // Социологические исследования.— 2022.— № 5.—С. 71–80. DOI: 10.31857/S013216250018704-7; EDN: ZXNOOC
9. **Галкин, К.А.** E-HEALTH и онлайн-сообщества здоровья в повседневности пожилых сельских жителей в период пандемии / К.А. Галкин // Успехи геронтологии.— 2021.— Т. 34.— № 4.—С. 538–544. DOI: 10.34922/AE.2021.34.4.005; EDN: LGXSWD
10. **Биккулов, А.С.** «Компьютер не роскошь, а средство...»: включенность в цифровой мир старших возрастных групп по результатам эмпирического исследования / А.С. Биккулов, О.В. Сергеева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки.— 2016.— № 2 (42).—С. 95–103. EDN: WOUZJT
11. **Григорьева, И.А.** Интернет-практики пожилых: 10 лет развития и изучения / И.А. Григорьева, И.С. Петухова // Государство и граждане в электронной среде.— 2019.— № 3.—С. 78–90. DOI: 10.17586/2541-979X-2019-3-78-90; EDN: UVKSPI
12. **Корнилова, М.В.** Интернет как адаптационный ресурс пожилых пользователей / М.В. Корнилова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология.— 2018.— Т. 18.— № 3.—С. 250–259. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-250-259 EDN: YASVWH
13. **Law, J.** Power, action and belief. A new sociology of knowledge? / J. Law // The Sociological Review. Keele.— 1986.— No. 32.— P. 1–280.
14. **Furlong, M.** Cyber seniors: Technology as a means, not an end to online community / M. Furlong // Digital Media.— 1995.— Vol. 5.—No. 5.—P. 27–28.
15. **Oudshoorn, N.** How users matter: the co-construction of users and technology (inside technology) / N. Oudshoorn, T. Pinch.— London : MIT Press, 2003.— 352p.
16. **Richardson, M.** 'Getting on': older New Zealanders' perceptions of computing / M. Richardson, C.K. Weaver, T.E. Zorn // New Media & Society.— 2005.— Vol. 7.—No. 2.—P. 219–245. DOI: 10.1177/1461444805050763
17. **Klimova, B.** Older people and technology acceptance / B. Klimova, P. Poulouva, // Human Aspects of IT for the Aged Population. Acceptance, Communication and Participation. Conference proceedings / Zhou J, Salvendy G. eds.— Cham : Springer, 2018.—P. 85–94. DOI: 10.1007/978-3-319-92034-4_7
18. **Renaud, K.** Predicting technology acceptance and adoption by the elderly: a qualitative study / K. Renaud, J. Van Biljon // Proceedings of the 2008 annual research conference of the South African Institute of Computer Scientists and Information Technologists on IT research in developing countries: riding the wave of technology.— 2008.—P. 210–219. DOI: 10.1145/1456659.1456684

19. **Шюц, А.** О множественности реальностей / А. Шюц; перевод А. Корбута // Социологическое обозрение. — 2003. — Т. 3. — № 2. — С. 3–34. EDN: TRRQVT
20. **Lee, O. E. K.** Bridging the digital divide for older adults via intergenerational mentor-up / O. E. K. Lee, D. H. Kim // Research on Social Work Practice. — 2019. — Vol. 29. — No. 7. — P. 786–795. DOI: 10.1177/1049731518810798
21. **Neves, B. B.** Old and afraid of new communication technologies? Reconceptualising and contesting the 'age-based digital divide' / B. B. Neves, J. Waycott, S. Malta // Journal of Sociology. — 2018. — Vol. 54. — No. 2. — P. 236–248. DOI: 10.1177/1440783318766119
22. **Pierce, J.** Digital divide / J. Pierce // The International Encyclopedia of Media Literacy. — 2019. — P. 1–8.
23. **Van Dijk, J. A. G. M.** Digital divide: Impact of access / J. A. G. M. Van Dijk // The international encyclopedia of media effects. — Cambridge : Polity Press, 2017. — P. 1–11.
24. **Ragnedda, M.** The double digital divide and social inequality in Asia: Comparative research on Internet cafes in Taiwan, Singapore, Thailand, and the Philippines / M. Ragnedda, G. W. Muschert // The Digital Divide / M. Ragnedda, G. W. Muschert eds. — London : Routledge, 2013. — P. 305–316. DOI: 10.4324/9780203069769

Сведения об авторах:

Галкин Константин Александрович, к.соц.н., старший научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.

Контактная информация: e-mail: kgalkin1989@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6403-6083; Scopus Author ID: 57210917850; РИНЦ AuthorID: 850737.

Парфенова Оксана Анатольевна, к.соц.н., старший научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.

Контактная информация: e-mail: oparfenova@socinst.ru; ORCID: 0000-0001-6187-7947; Scopus Author ID: 57200126427; РИНЦ AuthorID: 821051.

DOI: 10.19181/population.2023.26.2.8

STRATEGIES FOR USE OF THE INTERNET BY THE OLDER GENERATION

Konstatin A. Galkin, Oksana A. Parfenova*

*Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — branch of the Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
(25 Krasnoarmeyskaya str., Saint-Petersburg, Russia, 190005)*

*E- mail: oparfenova@socinst.ru

For citation:

Galkin K. A., Parfenova O. A. Strategies for use of the Internet by the older generation. *Narodonaselenie. [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 2. P. 91-101. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.8 (in Russ.)

Abstract. *Based on the data of semi-structured in-depth interviews, strategies for use of the Internet by older people are considered. The theoretical perspective of the study consisted of studies on the use of the Internet and information technologies by older people, actor-network theory in the context of the use of computer by the elderly and the elements of integration of older people into the use of the Internet from the objectification and conversion of the Senior Technology Acceptance Model (STAM). Older people appear in the field of technology research as a specific group of Internet users with their characteristic experience of mastering the meanings and roles of the Internet in everyday*

life. It is noted that development of the Internet by older people is reflexive and involves a number of difficulties. The empirical basis of the study is semi-structured interviews with people over 60 years of age from St. Petersburg, the Republic of Karelia, Tyumen and Salekhard (n=36). Based on the conducted research, we identified 4 strategies for the use of the Internet by older people: information consumption strategy; communication strategy; resource use strategy; rejection strategy. The main differences in the identified strategies are motivation and goals when using the Internet. The passage of the stages from objectification (intention to use) to conversion (making a final decision on further use) depends on the type of Internet resources—in the case of communication and information consumption, acceptance occurs quickly, unlike more specialized Internet services and applications. The main barriers are age, availability of professional employment and its specifics, social environment and family, availability of a smartphone. Drivers and sources of competencies for using the Internet are close relatives and special courses. Active professionals under the age of 75 tend to use the maximum number of Internet opportunities, including for professional purposes. The strategies highlighted in the study can be used both for further research in the field of interaction of older people and their communication on the Internet and as practical data for improving the quality of work and integration of older people into the Internet.

Keywords: older people; Internet; social networks; digital divide; Senior Technology Acceptance Model (STAM).

References and Internet sources

1. Latour B. *The Pasteurization of France*. Cambridge, Massachusetts. Harvard University Press. 1993. 273 p.
2. Czaja S.J. Computer communication as an aid to independence for older adults. *Behaviour & Information Technology*. 1993. Vol. 12. No. 4. P. 197–207. DOI: 10.1080/01449299308924382
3. White H. Surfing the net in later life: A review of the literature and pilot study of computer use and quality of life. *Journal of Applied Gerontology*. 1999. Vol. 18. No. 3. P. 358–378. DOI: 10.1177/073346489901800306
4. Kanayama T. Ethnographic research on the experience of Japanese elderly people online. *New Media & Society*. 2003. Vol. 5. No. 2. P. 267–288. DOI: 10.1177/1461444803005002007
5. Morris J.M. Computer training needs of older adults. *Educational Gerontology: An International Quarterly*. 1994. Vol. 20. No. 6. P. 541–555. DOI: 10.1080/0360127940200601
6. Timmermann S. The role of information technology in older adult learning. *New Directions for Adult and Continuing Education*. 1998. Vol. 77. P. 61–71.
7. Chu C. H. Digital ageism: challenges and opportunities in artificial intelligence for older adults. *The Gerontologist*. 2022. Vol. 62. No. 7. P. 947–955. DOI: 10.1093/geront/gnab167
8. Parfenova O.A., Petuhova I.S. Vliyaniye pandemii COVID-19 na zhizn' starshego pokoleniya v gorodskom i sel'skom kontekstah [COVID-19 pandemic impact on older people in urban and rural contexts]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological Studies]* 2022. No. 5. P. 71–80. DOI: 10.31857/S013216250018704-7 (in Russ.)
9. Galkin K.A. E-HEALTH i onlajn-soobshchestva zdorov'ya v povsednevnosti pozhilyh sel'skih zhitelej v period pandemii [E-HEALTH and online health communities in the daily lives of older rural residents during the pandemic]. *Uspekhi gerontologii [Advances of Gerontology]*. 2021. No. 4(34). P. 538–544. DOI: 10.34922/AE.2021.34.4.005 (in Russ.)
10. Bikkulov A.S., Sergeeva O.V. «Komp'yuter ne roskosh', a sredstvo...»: vkluchennost' v tsifrovoy mir starshih vozrastnyh grupp po rezul'tatam empiricheskogo issledovaniya [Personal computer as everyday technology: empirical research of computer usage among Russian elderly]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I.Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Series: Social Sciences]*. 2016. No. 2(42). P. 95–103. (in Russ.)

11. Grigorieva I. A., Petukhova I. S. Internet-praktiki pozhiyih: 10 let razvitiya i izucheniya [Internet practices of the elderly: 10 years of development and study]. *Gosudarstvo i grazhdane v elektronnoy srede [The State and Citizens in the Electronic Environment]*. 2019. No. 3. P. 78–90. DOI: 10.17586/2541-979X-2019-3-78-90 (in Russ.)
12. Kornilova M. V. Internet kak adaptatsionnyj resurs pozhiyih pol'zovatelej [The Internet as an adaptive resource for older users]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Sotsiologiya. Politologiya [Izvestia of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politics]*. 2018. No. 3 (18). P. 250–259. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-250-259 (in Russ.)
13. Law J. Power, action and belief. A new sociology of knowledge? *The Sociological Review. Keele*. 1986. No. 32. P. 1–280.
14. Furlong M. Cyber seniors: Technology as a means, not an end to online community. *Digital Media*. 1995. Vol. 5. No. 5. P. 27–28.
15. Oudshoorn N., Pinch T. *How Users Matter: The Co-Construction of Users and Technology (Inside Technology)*. London. MIT Press. 2003. 352 p.
16. Richardson M., Weaver C. K., Zorn T. E. 'Getting on': older New Zealanders' perceptions of computing. *New Media & Society*. 2005. Vol. 7. No. 2. P. 219–245. DOI: 10.1177/1461444805050763
17. Klimova B., Poulouva P. Older people and technology acceptance. *Proceedings of the International Conference on Human Aspects of IT for the Aged Population*. Springer. 2018. P. 85–94.
18. Renaud K., Van Biljon J. Predicting technology acceptance and adoption by the elderly: a qualitative study. *Proceedings of the 2008 annual research conference of the South African Institute of Computer Scientists and Information Technologists on IT research in developing countries: Riding the Wave of Technology*. 2008. P. 210–219.
19. Schütz A. O. mnozhestvennosti real'nostej [On multiple realities]. Transl. by Korbut A. *Sociologicheskoe obozrenie [The Russian Sociological Review]*. 2003. Vol. 3. No. 2. P. 3–34. (in Russ.)
20. Lee O. E. K., Kim D. H. Bridging the digital divide for older adults via intergenerational mentor-up. *Research on Social Work Practice*. 2019. Vol. 29. No. 7. P. 786–795.
21. Neves B. B., Waycott J., Malta S. Old and afraid of new communication technologies? Reconceptualising and contesting the 'age-based digital divide'. *Journal of Sociology*. 2018. Vol. 54. No. 2. P. 236–248.
22. Pierce J. Digital divide. *The International Encyclopedia of Media Literacy*. 2019. P. 1–8.
23. Van Dijk J. A. G. M. Digital divide: Impact of access. *The International Encyclopedia of Media Effects*. Cambridge. Polity Press. 2017. P. 1–11.
24. Ragnedda M., Muschert G. W. The double digital divide and social inequality in Asia: Comparative research on Internet cafes in Taiwan, Singapore, Thailand, and the Philippines. *The Digital Divide*. London. Routledge. 2013. P. 305–316.

Information about authors:

Galkin Konstantin Aleksandrovich, Candidate of Sociology, Senior Researcher, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia.

Contact information: e-mail: kgalkin1989@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6403-6083; Scopus Author ID: 57210917850; Elibrary AuthorID: 850737

Parfenova Oksana Anatolievna, Candidate of Sociology, Senior Researcher, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia.

Contact information: e-mail: oparfenova@socinst.ru; ORCID: 0000-0001-6187-7947; Scopus Author ID: 57200126427; Elibrary AuthorID: 821051.

Статья поступила в редакцию 04.10.2022, утверждена 03.05.2023, опубликована 30.06.2023.

DOI: 10.19181/population.2023.26.2.9
EDN: XLFRNG

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Скворцова Е. Е.

*Институт социально-экономических проблем народонаселения
имени Н. М. Римашиевской ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)*

E-mail: skvortsova_e@mail.ru

Для цитирования:

Скворцова Е. Е. Интерпретация показателей цифровизации российской системы общего образования // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 2. – С. 102-113. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.9; EDN: XLFRNG

Аннотация. В статье анализируются показатели цифровизации российской системы общего образования Федеральной службы государственной статистики (Росстат) и Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС), а также данные вторичного анализа результатов социологического исследования «Подростки 360°» (в рамках стратегической программы «Подростки России» Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка) и других источников. В качестве показателей рассматриваются: использование специальных программных средств, доступных для обучающихся в образовательных организациях; численность обучающихся с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий; численность учащихся организаций, осуществляющих образовательную деятельность по дополнительным общеобразовательным программам для детей; доля детей, посещающих дополнительные образовательные занятия; цели использования интернета детьми. Прослеживается их динамика за последние несколько лет. Интерпретация влияния цифровизации на образование представлена на количественном и качественном уровнях. Проанализированы мнения специалистов в области социальных и педагогических наук, преподавателей и врачей, непосредственно связанных с образованием и детством, о влиянии цифровизации на здоровье, умственные способности, усвояемость знаний и приобретение трудовых навыков. Делается вывод о том, что чрезмерное внедрение цифровых технологий во все сектора отечественного общего образования, в том числе в дополнительное школьное, может мешать получению и систематизации базовых знаний и не способствовать воспитанию молодого поколения в традиционно-нравственном ключе. Цифровые образовательные новшества полезны как дополнительные обучающие средства, но с качественным и серьёзным контентом.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая трансформация, искусственный интеллект, общее образование, дополнительное образование, технологии, ремёсла, школьная профилизация.

© Скворцова Е. Е., 2023.

Трансформация образования в России путём внедрения цифровых технологий в предметные образовательные области, повсеместно осуществляемая проектами «Цифровая экономика» (часть общемировой программы Всемирного банка) и «Образование-2030», ведёт к изменению традиционной образовательной системы, как следствие, изменению сознания молодого поколения, направляя его на иные стандарты мышления и поведения, увеличивая межпоколенческий разрыв [1]. Проекты продвигаются и осуществляются государственными чиновниками, финансовым и IT-бизнесом, которые зачастую являются приверженцами не только идеи тотальной цифровизации, но и трансгуманизма. Внедрение цифровых технологий во все сектора образования может наносить ущерб получению знаний и воспитанию молодёжи. Об этом предупрежда-

ют отечественные учёные — историки, педагоги, медики и психологи [2; 3].

Степень внедрения цифровизации в образовательные учреждения кроме показателей, связанных с технологической оснащённостью школ (наличие компьютеров, интерактивных досок, скоростного интернета и подобное), отслеживается показателем использования специальных программных средств, доступных для детей в школах. В 2019–2020 гг. в России электронные дневники и журналы были на первом месте по использованию школами — 83% от общего числа организаций. Использование обучающих компьютерных программ по отдельным предметам занимало второе место (60%); электронных учебных пособий, справочников, энциклопедий, словарей — третье (53%); 46% школ пользовались электронными учебниками (рис. 1).

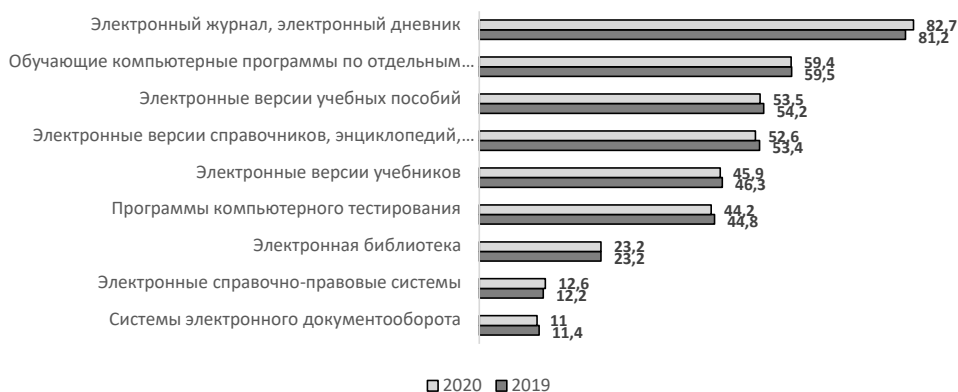

Рис. 1. Использование специальных программных средств, доступных для обучающихся в образовательных организациях, % от общего числа организаций

Fig. 1. Use of special software tools available to students in educational institutions, % of the total number of institutions

Источник: Образование в цифрах 2022: краткий стат. сб. — Москва : НИУ ВШЭ, 2022. — 132 с.

В 2021–2022 гг. росло число обучающихся с применением электронного и дистанционного обучения (табл. 1). Особенно заметно это в отношении дистанционных образовательных технологий за время пандемийных ограничений — в 2021/2022 учебном году более чем в 3 раза увеличи-

лось количество обучающихся по сравнению с 2019/2020 годом и составило 17% от общей численности обучающихся. По данным Росстата, в 2020 г. пользовались интернетом ежедневно 98% подростков 15–18 лет, то есть почти все (в 2011 г. таких было 84%)

Таблица 1

Численность обучающихся с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий в образовательных программах начального, основного и среднего общего образования (на начало учебного года)

Table 1

Number of students using e-learning and distance learning educational technologies in educational programs of primary, basic and secondary general education (at the beginning of the academic year)

Показатель	Применение электронного обучения			Применение дистанционных образовательных технологий		
	2019/2020	2020/2021	2021/2022	2019/2020	2020/2021	2021/2022
Количество, тыс. человек	2694,8	3095,4	3543,4	797,2	2621,3	2940,7
В % от общей численности	16	18	21	5	16	17,0

Источник: Образование в цифрах 2022: краткий стат. сб. — Москва : НИУ ВШЭ, 2022. — 132 с.

Использование интернета подростками для «общения в социальных сетях» занимало в 2020 г. первую позицию — 95% (в 2011 г. — 85,6%), на втором месте — всевозможные развлечения: фильмы, музыка, игры — 77,6% (в 2011 г. — 67%). На третьем — дистанционное обучение по обязательной или дополнительной программе (77,3%), использование которого резко увеличилось — почти в 3 раза по сравнению с 2018 г. (26,5%). Далее — пользование электронными библиотеками (65,2%) и получение новостной информации (54,4%). В данных Росстата занятия творческой деятельностью, вероятно, можно отнести к ответу «для других целей», что составило 12% в 2021 году. В 2021 г. почти в 2 раза увеличилось «осуществление финансовых операций» по сравнению с 2018 г. — 19% и 10% соответственно (в 2011 г. только 1% подростков осуществляли финансовые операции в Интернете) (рис. 2). По результатам исследования «Подростки 360» целевые приоритеты использования интернета подростками от 14 до 17 лет в 2022 г. остались теми же. В опросе 2022 г. «общение» составляло 76% от числа опрошенных, «занятия творческой деятельностью» — 15%. Повышение успеваемости оказалось более весомой причиной использования интернета, чем творческая и профессиональная реализация (рис. 3)¹.

¹ Исследование «Подростки 360» проводилось с июня по сентябрь 2022 г.: участвовали более 300 тыс. человек из всех субъектов РФ. Целевые группы: подростки в возрасте

Искусственный интеллект (ИИ) может «подтянуть учёбу», но не помочь развитию самостоятельного мышления. ИИ решает задачи точных наук, справляется с гуманитарными и творческими заданиями, анализирует массив культурного кода из открытого доступа², причём непрерывно совершенствуясь и обучаясь. Российские школьники быстро освоили возможности нейросети ChatGPT после её выхода в конце осени 2022 г. через VPN (77% подростков пользуются VPN). Заметим, что в январе 2023 г. в некоторых штатах США запретили использование ChatGPT на компьютерах и других гаджетах, принадлежащих учебным заведениям³.

В 2022 г. 10% от числа опрошенных подростков 14–17 лет получали доход от своей деятельности в интернете. Заработок в интернете посредством своего творчества отмечается у 38% респондентов, 28% зарабатывают посредством фриланса, 21% — киберспортом и торговлей

от 14 до 17 лет; родители/опекуны подростков в возрасте от 12 до 17 лет; педагоги и специалисты образовательных учреждений, в том числе учреждений дополнительного образования; специалисты государственных и некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность по подростковой тематике.

² СМИ: российские школьники активно используют нейросеть ChatGPT в домашних заданиях и других учебных работах. — URL: <https://mel.fm/novosti/762538-smi-rossyskiye-shkolniki-aktivno-ispolzuyut-neyroset-chatgpt-v-domashnikh-zadaniyakh-i-drugikh-uche> (дата обращения: 05.04.2023).

³ Schools Shouldn't Ban Access to ChatGPT / Time. — URL: <https://time.com/6246574/schools-shouldnt-ban-access-to-chatgpt/> (дата обращения: 05.04.2023).

Рис. 2. Распределение целей использования интернета подростками в возрасте от 15 до 18 лет в% к общему числу подростков этого возраста, пользующихся выходом в Интернет

Figure 2. Distribution of purposes for using the Internet by children aged 15 to 18 in% of the total number of children of the corresponding age who use the Internet

Источник: Государственная статистика ЕМИИС.— URL: <https://fedstat.ru/organizations/?expandId=1838179#fpsr1838179> (дата обращения: 05.04.2023).

Рис. 3. Распределение в 2022 г. ответов на вопрос «Насколько ты согласен(-на) со следующими утверждениями?», %

Figure 3. Distribution of answers to the question “How much do you agree with the following statements?” in 2022, %

Источник: здесь и далее: Социологическое исследование «Подростки 360°» в рамках стратегической программы «Подростки России» Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребёнка.— URL: <https://rosprodos.ru/polls> (дата обращения: 05.04.2023).

игровыми аккаунтами. Что имели в виду разработчики анкеты под словами «моё творчество» неясно (формулировка не раскрывает смысл), но, тем не менее, за-

работок в интернете, понимаемый учениками-респондентами как творчество, занимает первую позицию в ранговом ряду (рис. 4).

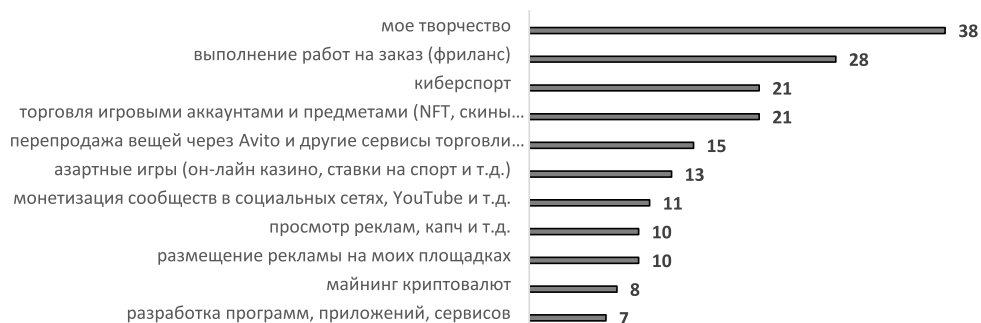

Рис. 4. Распределение в 2022 г. ответов на вопрос «Что приносит тебе доход в интернете? Выбери все подходящие варианты.», %

Figure 4. Distribution of answers to the question “What brings you income on the Internet? Please select all that apply.” in 2022, %

Источник: Социологическое исследование «Подростки 360».

Усилителем процессов цифровизации системы общего образования явилась пандемия COVID-19. Следствием (хотя и временного) перехода к дистанционному обучению из-за локдауна, ограничения социальных контактов, изменений в организации медицинской помощи стало увеличение детей, нуждающихся в реабилитации с диагнозами: двигательные и/или ментальные нарушения, постковидные состояния, психосоматические расстройства, синдромальная патология, цифровая и другие виды зависимости. Об этом говорили врачи, учёные, педагоги на ежегодном семинаре «Актуальные вопросы охраны здоровья детей, демографической политики и реализации программ активного долголетия в Союзном государстве Россия-Беларусь»⁴.

Здоровье детей в России год от года ухудшается. Более чем у половины школьников есть хронические заболевания; с 2010 по 2017 гг. частота нарушений здоровья детей увеличилась в 1,5 раза, хронических болезней — в 2 раз⁵. Все больше детей не могут критически мыслить, испыты-

вают трудности развития эмоционального интеллекта и сложности реального общения, растёт число агрессивного поведения детей, чаще возникают проблемы в обучении, раннее формирование синдрома хронической усталости, нарушения пищевого поведения, головные боли. Депрессия, тревожность и поведенческие нарушения, вызванные цифровой зависимостью и другими видами зависимостей, входят в число причин заболеваемости и инвалидности среди подростков.

Психологи и врачи-психиатры постоянно сталкиваются с жалобами родителей, что «ребёнок не хочет общаться со сверстниками, а потом и с родными, всё свободное время (а также и время, которое должно быть потрачено на учёбу) проводит в социальных сетях, отстраняется от жизни своей семьи, становится все более безразличным, эмоционально холодным, нарушается взаимопонимание. Этих детей выхолащивает Интернет: ведь общаясь с человеком напрямую, возникает необходимость в сопереживании, в умении разделить радость или печаль собеседника — это, безусловно, требует каких-то затрат. А в социальных сетях все просто: выбрал нужный смайлик — и нет проблем»⁶.

⁴ Семинар при Парламентском Собрании Союза Беларуси и России по теме «Актуальные вопросы охраны здоровья детей, демографической политики и реализации программ активного долголетия в Союзном государстве» (Калининград, 20–21 октября 2022 г.).

⁵ Роспотребнадзор назвал число абсолютно здоровых детей в России // Пресс-служба Роспотребнадзора.— URL: <https://ria.ru/20170913/1504653450.html> (дата обращения: 05.04.2023).

⁶ Кулебякина Е.Н. Риски цифровизации для здорового развития школьников / Завтра: [сайт].— URL: https://zavtra.ru/blogs/o_n_chetverikova_i_vrach_e_n_kulebyakina_tcfirovoj_totalitarizm (дата обращения: 05.04.2023).

Именно отсутствие каких-либо усилий (освоить интернет легко) психологически делает ребёнка «приставкой» к гаджету. Результатами цифровизации являются задержка речевого развития у детей, а также рост аутизма. По данным ВОЗ, в мире в 2012 г. аутизмом страдал 1 ребёнок из 88 детей, по прогнозу, к 2025 г. аутистом может быть 1 из 30 новорождённых.

Показательно мнение подростков возраста 14–17 лет относительно продуктивности дистанционного обучения⁷. Оно демонстрирует в основном неприятие формата из-за неусвоения материала и трудностей психологического характера: удалённое плохое восприятие материала (63% опрошенных), нехватка общения с учителями (49%) и одноклассниками (51%), плохая концентрация внимания (50%), ощущение высокой загруженности (46%) и чувство одиночества (34%). Исследователи этого опроса выяснили, что из наиболее частых причин для прогулов уроков в школе является плохое психическое состояние — апатия, депрессия, выгорание. При этом подростки активно используют инструменты анонимности при работе с интернетом, большинство используют инструменты анонимности для входа на запрещённые в стране сайты. Скрытие информации от окружающих взрослых и сокрытие своих данных широко распространено.

В «Манифесте спасения массовой школы в России» говорится, что «в последнее время наблюдается практически насильственное внедрение цифровых технологий в школьное образование (например, СберКласс). Сейчас ситуация усугубляется подписанным Председателем Правительства РФ М. В. Мишустинным документом «Стратегическое направление в области цифровой трансформации образования». Эта стратегия направлена по сути на решение проблемы кадрового дефицита школы за счёт частичной или полной замены учителей «технологиями»: искусственным интеллектом, дистанционными консультациями «с лучшими столичны-

ми учителями», видеоуроками и интерактивным контентом. Необходимо отметить, что согласно мнению вовлечённых в реальный образовательный процесс лиц, уроки с экрана не являются ни полноценной, ни даже частичной заменой живого педагогического процесса. Доктрина русской (отечественной, родной) школы, а также пакет срочных мер по её воплощению призывает к запрету использования личных смартфонов в школе, многократному снижению объёма заданий, требующих электронных носителей [3].

Замена учителя цифровыми технологиями вредна не только в обучении точным наукам. Учитель важен и в предметах гуманитарного профиля (история и литература), на которых в основном лежит воспитательная функция. Только живое общение может научить человека быть гражданином своей страны, воспринять национальные традиции и ценности. Именно таким классическим способом прививались духовно-нравственные ценности на уроках труда и домоводства. До 2000-х гг. им отводилось 3 часа в неделю. Затем эти уроки были заменены уроками технологии с обучением 1 час в неделю, причём без гендерного разделения. В настоящее время предмет Технология включает в себя блоки, которые школы могут самостоятельно вводить, исходя из имеющегося оборудования и потребностей учеников — робототехника, информационные технологии, ведение хозяйства, деревообработка, знакомство с металлом, домоводство, оформление дома, дизайн, домашняя экономика.

С 2018 г. Министерство просвещения РФ утвердило концепцию урока, где больше внимания уделяется изучению робототехники, цифровым технологиям, а не ручному труду. При этом почти исчез труд школьников по уборке классных комнат и проведение субботников. Обучение традиционным ремёслам встречается редко⁸ и, скорее, вносится в разряд факультативных или от-

⁸ Одеркова Д. Без труда: чему сегодня учат на уроках технологии? // Педсовет: [сайт] – URL: <https://pedsovet.org/article/bez-truda-cemu-segodna-ucat-na-urokah-tehnologii> (дата обращения: 05.04.2023).

⁷ Социологическое исследование «Подростки 360°».

сылается в ведомство школ искусств и центров развития и творчества. А ведь именно в массовой школе требуется освоение ремесла, где физический и умственный труд одновременно важны. Мелкая моторика реабилитирует и оздоравливает, помогает в проблемах нарушения речи, не говоря уже о психотерапевтическом эффекте, связанном с культурной и эстетической составляющих предметной области.

Пользу в освоении ремёсел и ручного труда могут принести образовательные и обучающие программы, фильмы, мастер-классы, опубликованные в интернете на различных видеохостингах. Например, на телеканале «Загородная Жизнь» в 2010 г. вышла программа «Ремесло», которая насчитывает 96 получасовых передач в основном о русских ремёслах (режиссёр О. Климова). Преподавательница центра творчества «Русские начала» совместно с коллегами-единомышленниками, путешествуя по различным регионам в течении нескольких лет, знакомила с историей народных ремёсел и уникальными мастерами-подвижниками, которые не только с увлечением рассказывают о конкретном традиционном промысле, но и демонстрируют некоторые секреты своего мастерства на практике. Мастера в основном являются преподавателями профессиональных училищ, центров дополнительного образования или работают на производствах. Кроме показа на ТВ, программы размещены на YouTube и имеют на сегодняшний день около 356 тыс. просмотров⁹. Среди всех программ с ремёслами по количеству просмотров «коврики, кругляши из уголков» и «куклы-ангелы» перегнали такие, как: виды вышивки и кружева, различные росписи, гончарное, кузнечное, эмальерное дело, виды резьбы и керамики, изразцы. Вероятной причиной недостаточного внимания интернет-зрителей к перечисленным видам ручного труда можно назвать необходимость специальных знаний и умений для освоения, наличие инструмента и неути-

литарность. Но это не означает, что такие виды ремесленного творчества не интересны. Они уникальны, и имеют первоочередность для сохранения и освоения. Несомненно, цикл программ «Ремесло» (или сходного с ним по содержанию) был бы полезен на уроках технологии (труда) для расширения знаний о народном творчестве и практических занятий.

Пользе трудового воспитания, и, в частности, рукоделия в школе, посвящены научные труды родоначальника системы трудового воспитания К.Д. Ушинского, который писал: «Воспитание в труде и через труд определяет нравственный подход к жизни: жизнь без труда — жизнь паразитическая, лишаящая человека элементарного достоинства»; «...не должно бы быть ни одной школы, в которой бы учитель и учительница не учили бы по возможности разнообразным мастерствам и рукодельям или при которой не было бы сада, огорода, куска поля, на котором бы могли работать дети...» [4]. Великий русский педагог более всего ценил крестьянский труд, сравнивая его значение для общества с ролью корневой системы дерева, который сплетаясь с христианской духовностью и народной культурой, сберегал в поколениях людей важные черты русского менталитета — общинность, трудолюбие, добросовестность, умение понимать других, сочувствовать и помогать им, а также обуздывать себя и свою гордыню. Миссию народной школы и педагогики К.Д. Ушинский видел в бережном сохранении и трансляции крестьянской трудовой культуры.

Концепцию сохранения, трансляции этнокультуры является одним из основных направлений развития в России. По справедливому утверждению В.В. Локосова: «Этническая структура социума не менее важна для его развития, чем структура классовая или какая-то иная» [5, с. 442]. Сохранение и трансляция трудовой этнокультуры потребует изменений в школьном преподавании предмета «Технология»¹⁰. Уроки технологии (труда) влия-

⁹ Ремесло // ZagorodLifeTV: [сайт]. — URL: <https://www.youtube.com/playlist?list=PL447547D347F861CF> (дата обращения: 05.04.2023).

¹⁰ Осенью 2022 г. Председатель Государственной Думы РФ В.В. Володин предложил подготовить законопроект о возвращении трудовой составляющей воспитания школьников, и Министр просвещения С.С. Кравцов поддержал эту

ют на профессиональную ориентацию детей, они помогают понять тягу к тому или иному виду труда через собственный опыт. Напротив, ранняя профилизация школьного образования представляет опасность. Навязывание индивидуальных траекторий, а по сути выбора профессии уже в начальной школе при неосознанности, как следствие, неспособности выбора в этом возрасте, может привести к ошибочному вектору развития человека. Возрастом осознанного выбора профессии является субурбанный возраст.

Московская электронная школа (МЭШ)¹¹ предлагает школьникам, уже начиная с 5 класса, заполнить интерактивную анкету о своих увлечениях, интересах и хобби для получения рекомендации по выбору образовательной вертикали и предпрофессионального класса¹². На основании ответов на вопросы анкеты система формирует «персональные рекомендации, которые отражат потенциальную сферу профессиональных интересов ребенка». Система также рекомендует кружки и секции на основе интересов, в которые можно записаться. «Родители не могут заполнять новый раздел сервиса, но могут просматривать его. В нём также можно увидеть набор карточек с визуализацией, раскрывающей область интересов ребёнка и показывающей, как глубоко он погружен в тему». В МЭШ утверждают, что «постепенно электронный сервис сможет помогать в построении карьерной траектории от школы и до рабочего места»¹³. На основе автоматизированного анкетирования детей даётся оценка направленности увлечений и рекомендации по их развитию. Методология оценки и выработки рекомен-

даций не публикуется, поэтому неясно, как учитываются реальные условия жизни ребёнка, психологические особенности, вопросы и сомнения, эмоциональный фон. Нет самой главной составляющей рекомендации — совета человека, педагога, наставника, знающего ребёнка лично, которого цифровыми тьютерами не заменишь. Выбор кружков и секций из большого количества предложений сервиса сложен (например, 119 предложений в примере описания продукта). Тревожит и то, как будут использованы в дальнейшем эти «оцифрованные увлечения», учитывая проблемы с безопасностью сервиса — в декабре 2022 г. был взлом базы данных пользователей МЭШ. Но, тем не менее, школы экономически заставляют регистрироваться именно на МЭШ, Сферуме и тому подобных.

Сервис как дополнительный помощник в выборе хобби, как удалённый способ записи в кружки полезен, если помогает с выбором профилирующего направления. Но не приемлем, если навязывает, особенно для детей младшего возраста, карьерную траекторию, с которой не так просто «свернуть», не оставив в базе данных свой «цифровой след».

В 2019–2021 гг. росло число учащихся по направлениям техническое, естественнонаучное и социально-гуманитарное в организациях, предлагающих дополнительные общеобразовательные программы для детей, а по направлению туристско-краеведческое — уменьшалось (табл. 2). Также значительно уменьшилась численность учащихся по общеразвивающим программам художественной направленности.

Рис. 5 иллюстрирует динамику посещаемости дополнительных (развивающих) занятий¹⁴ детьми. Общим вектором является постепенное снижение получающих допол-

инициативу. — URL: <https://v102.ru/news/113261.html> (дата обращения: 05.04.2023).

¹¹ «Московская электронная школа» (МЭШ) — совместный проект Департамента образования и науки и Департамента информационных технологий Москвы, реализуется с 2016 г. и представляет собой единую цифровую платформу для учеников, учителей и родителей.

¹² Раздел МЭШ «Мой профиль». — URL: <https://school.mos.ru/help/instructions/portfolio-student/opportunities-portfolio/myprofile/> (дата обращения: 05.04.2023).

¹³ Московским школьникам помогут определиться с профессией по-новому // Lenta.ru: [сайт]. — URL: <https://lenta.ru/news/2023/01/19/school/> (дата обращения: 05.04.2023).

¹⁴ В том числе на бесплатной основе. Платные услуги населению в системе дополнительного образования представляют собой услуги по содержанию детей в дошкольных образовательных организациях, обучению на платной основе в образовательных организациях всех форм собственности, услуг по дополнительному образованию и обучению детей и взрослых в спортивных, музыкальных, художественных и хореографических и прочих школах, на платных курсах, в секциях, кружках, студиях, услуг частных репетиторов и других услуг в системе образования.

Таблица 2

Численность учащихся организаций, осуществляющих образовательную деятельность по дополнительным общеобразовательным программам для детей, по направлениям программ, тыс. человек

Table 2

Number of students of organizations engaged in educational activities under additional general educational programs for children, by program areas, thousand people

Направления дополнительных общеобразовательных программ:	2019	2020	2021
техническое	2401,4	2823,4	3217,5
естественнонаучное	2773,5	2917,9	3198,2
туристско-краеведческое	1120,6	1044,9	1063,4
социально-гуманитарное	6362,9	6189,6	6789,4
общеразвивающие программы:			
– художественной направленности	7313,3	6699,5	7008,2
– физкультурно-спортивной направленности	4993,5	4748,5	4979,4
предпрофессиональные программы:			
– в области искусств	1006,2	926,9	1014,5
– в области физической культуры и спорта	742,9	618,2	759,4

Источник: Росстат: [сайт] — URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/education> (дата обращения: 05.04.2023).

Рис. 5. Доля детей в возрасте 3–18 лет, посещающих дополнительные образовательные (развивающие) занятия (в % к общему числу детей в соответствующем возрасте)*

Figure 5. Proportion of children aged 3–18 attending additional educational (developing) classes (in % of the total number of children of the corresponding age)

*включая детей в возрасте 3–8 лет, не посещавших дошкольные образовательные организации и детей в возрасте 15–18 лет, закончивших школу и не учащихся.

Источник: ЕМИИС Государственная статистика ЕМИИС. — URL: <https://fedstat.ru/organizations/?expandId=1838179#fpr1838179> (дата обращения: 05.04.2023).

нительное образование доли детей (отношение числа детей, посещающих дополнительные образовательные занятия, к общему числу детей в соответствующем возрасте). Доля детей уменьшилась в 2021 г. в 1,8 раз по сравнению с 2013 годом.

Возможной причиной общей тенденции снижения можно назвать сокращение числа культурно-досуговых учреждений Минкультуры России, которое уменьшилось с 48,4 тыс. единиц в 2007 г. до 41,5 тыс. единиц в 2021 году. Если в 2020–2021 гг. снижение можно объяснить закрытием учреждений, связанным с пандемическим локдауном, то в непандемические годы вероятно были другие причины, связанные с недофинансированием, закрытием одних и объединением других. При этом число специалистов этих учреждений в 2021 г. увеличилось на 8,8 тыс. человек по сравнению с 2007 годом. Одной из причин является переход преподавателей музыки и рисования из школы в досуговые образовательные центры (ДОЦ).

Численность учащихся в детских музыкальных, художественных, хореографических школах и школах искусств Минкультуры России (ДШИ) увеличилась с 1,3 млн. в 2007 г. до 1,7 млн. человек в 2021 году. Численность же преподавателей ДШИ уменьшалась от 125 тыс. человек в 2010 г. до 105 тыс. в 2022 г. (по данным ЕМИСС Государственная статистика).

Опрос среди подростков¹⁵ показал, что более половины из них (67%) принимают участие во внеурочных занятиях в школе. Преобладают развлекательные мероприятия: экскурсии, туристические выезды, юмористические мероприятия, а также школьные квесты, викторины. Мастер-классы и профориентационные мероприятия значительно отстают в этом отношении.

При ответе на вопрос «Как ты обычно проводишь своё свободное время?» подростки чаще всего отвечали, что общаются в социальных сетях (65% опрошенных), гуляют с друзьями (59%), смотрят фильмы (53%), спят (48%), играют онлайн игры

(46%), пребывают в интернете (40%). Занимаются хобби (34%), спортом (29%), посещают различные кружки (27%). Занимаются самообразованием треть опрошенных подростков, что показывает более низкий уровень вовлечённости в развивающие виды досуга. Причинами, по которым не могут заниматься интересной им деятельностью назывались недостаток времени, финансовых средств и инфраструктуры. Вообще не посещали внешкольные досуговые занятия 44% подростков, а наиболее распространёнными для посещений являются спортивные секции.

Данные этого и других исследований подтверждают, что дети и хотели бы заниматься интересными им развивающими видами деятельности, не связанными с «цифрой», но существуют различного рода препятствия, под которыми камуфлируется главное — «погружение» в интернет. Анализ динамики показателей внедрения цифровизации в школьное и дополнительное образование подтверждает все больший в рамках школы и дома уход детей в цифровой мир, превращения их в хороших пользователей, не более. Иными словами, цель «цифровизации всего и вся», с которой выступили реформаторы отечественной системы общего образования, достигается быстрыми темпами, но, зачастую, в ущерб способностям к реальной жизни.

Цифровые образовательные новшества полезны как дополнительные обучающие средства с качественным и серьёзным контентом (например, для визуализации микромира в биологии, Вселенной или для приобретения каких-либо навыков, обучения ремёслам), но повсеместное навязывание сторонниками цифровизации онлайн-курсов, тестирования, геймификации и прочих, там, где эти инструменты не уместны или даже вредны, негативно влияют на отечественную систему общего образования. Отсутствие упорного ежедневного труда ребёнка в добывании и усвоении знаний в непосредственном контакте с преподавателем, принижение роли ремесленно-

¹⁵ Социологическое исследование «Подростки 360».

го труда в школе и замена труда умственного получением цифровой информации приводит к отсутствию базовых знаний, а по сути — к имитации образования. Ранняя профилизация детей, а также использование формально тестирующих цифро-

вых программ в определении направления будущей деятельности молодого человека нежелательны, и представляют риск предопределённости будущей профессии и её зависимость от «цифрового следа».

Литература и Интернет-источники

1. **Тимченко, А. А.** Разрыв поколений в российском обществе XXI века: социологический анализ / А. А. Тимченко // Общество и право. — 2018. — № 3(65). — С. 182–185. EDN: UZGFFS
2. **Четверикова, О. Н.** «Цифровые эксперименты» в российском образовании: явные и скрытые угрозы / О. Н. Четверикова // Сильное государство — выбор России. Угрозы, ценности, приоритеты. Монография. / под научной редакцией И. М. Братищева. — Москва : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2022. — С. 383–405. EDN: OORCLK
3. **Савватеев, А. В.** Манифест спасения массовой школы в России / А. В. Савватеев // Родная школа: [сайт]. — URL: <https://роднаяшкола.рф/manifest/> 10.05.2022 (дата обращения: 05.04.2023).
4. **Ушинский, К. Д.** Труд в его психическом и воспитательном значении / К. Д. Ушинский // Народное образование. — 2013. — № 5 — С. 283–295. EDN: QIVCYX
5. **Локосов, В. В.** Социология радикальных изменений: трансформация российского общества в 1987–2020 годах: Монография / В. В. Локосов. — Москва : ФНИСЦ РАН, 2022. — С. 442. EDN: WMPHWZ

Сведения об авторе:

Скворцова Елена Евгеньевна, научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.

Контактная информация: skvortsova_e@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1693-7247; PИНЦ AuthorID: 74333.

DOI: 10.19181/population.2023.26.2.9

INTERPRETATION OF DIGITALIZATION INDICATORS OF THE RUSSIAN SYSTEM OF GENERAL EDUCATION

Elena E. Skvortsova

*Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)*

E-mail: skvortsova_e@mail.ru

For citation:

Skvortsova E. E. Interpretation of digitalization indicators of the Russian system of general education. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 2. P. 102-113. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.9 (in Russ.)

Abstract. *The article analyzes digitalization indicators of the Russian general education system provided by the Federal State Statistics Service (Rosstat) and the Unified Interdepartmental Information and Statistical System (EMISS), as well as data from a secondary analysis of the results of the sociological survey “Teenagers 360” (within the framework of the strategic program*

“Teenagers Russia” of the Commissioner for Children’s Rights under the President of the Russian Federation) and other sources. The following indicators are considered as indicators: the indicator of the use of special software tools available to students in educational organizations; the number of students using e-learning and distance learning technologies; the number of students in organizations engaged in educational activities under additional general educational programs for children; the proportion of children attending additional educational classes; the purposes of using the Internet by children. Their dynamics over the past few years is traced. The interpretation of the digitalization impact on education is presented at the quantitative and qualitative levels. There are analyzed the opinions of specialists in the field of social and pedagogical sciences, teachers and physicians directly related to education and childhood on the digitalization impact on health, mental abilities, assimilation of knowledge and acquisition of craft and work skills. It is concluded that the excessive introduction of digital technologies in all sectors of domestic general education, including additional school education, can interfere with acquisition and systematization of basic knowledge and not contribute to upbringing of the younger generation in a traditional and moral way. Digital educational innovations are perhaps useful as additional educational tools, but only with a quality and serious content.

Keywords: digitalization, digital transformation, artificial intelligence, general education, school education, additional education, technology, crafts, school profiling.

References and Internet sources

1. Timchenko A. A. Razryv pokolenij v rossijskom obshchestve 21 veka: sotsiologicheskij analiz [The generation gap in Russian society of the 21st century: sociological analysis]. *Obshchestvo i pravo. [Society and Law]*. 2018. No. 3(65). P. 182–185. (in Russ.)
2. Chetverikova O. N. «Tsifrovyye eksperimenty» v rossijskom obrazovanii: yavnyje i skrytyje ugrozy [“Digital experiments” in Russian education: explicit and hidden threats]. *Sil’noje gosudarstvo — vybor Rossii. Ugrozy, tsennosti, priorityty [A Strong State is Russia’s Choice. Threats, Values, Priorities]*. Ed. I. M. Bratishchev. Moscow. Izdatel’sko-torgovaya korporatsiya «Dashkov i K» [Publishing and Trade Corporation “Dashkov and K”]. 2022. P. 383–405. (in Russ.)
3. Savvateev A. V. Manifest spaseniya massovoj shkoly v Rossii. [Manifesto for saving mass schools in Russia]. Available at: <https://rodnayashkola.rf/manifest/> 10.05.2022. (Accessed: 5 April 2023). (in Russ.)
4. Ushinsky K. D. Trud v jego psikhicheskom i vospitatel’nom znachenii [Labor in its mental and educational meaning]. *Narodnoye obrazovaniye [People’s Education]*. 2013. No. 5. P. 283–295. (in Russ.)
5. Lokosov V. V. Sotsiologiya radikal’nykh izmenenij: transformatsiya rossijskogo obshchestva v 1987–2020 godakh. [Sociology of Radical Changes: Transformation of the Russian Society in 1987–2020]. Moscow. FNISTS RAN [Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS]. 2022. P. 442. (in Russ.)

Information about the author:

Skvortsova Elena Evgenievna, Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Contact information: skvortsova_e@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1693-7247; Elibrary AuthorID: 74333.

Статья поступила в редакцию 20.02.2023, утверждена 03.05.2023, опубликована 30.06.2023.

DOI: 10.19181/population.2023.26.2.10
EDN: XNKKPA

ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО И НАПРАВЛЕНИЯ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Троян И.А.*, Кравченко Л.А., Гиндес Е.Г.

*Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
(295007, Россия, Симферополь, проспект Академика Вернадского, 4)*

*E-mail: troyan.irin@mail.ru

Для цитирования:

Троян И.А., Кравченко Л.А., Гиндес Е.Г. Цифровое неравенство и направления его преодоления в контексте развития человеческого капитала // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 2. – С. ...114-126. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.10; EDN: XNKKPA

Аннотация. Целью статьи является анализ исследования концептуальных аспектов цифрового неравенства и определение направлений его преодоления. Рассмотрены основные подходы к пониманию цифрового неравенства и проведён междисциплинарный анализ данной категории. Уточнено определение цифрового неравенства как различного доступа к цифровым возможностям в социальной, экономической, политико-демографической, культурной, образовательной и других областях, которые существуют в результате неполного, неравномерного или недостаточного доступа к информационно-коммуникационным, компьютерным, телекоммуникационным и цифровым технологиям. Выделены концептуальные составляющие цифрового неравенства: социально-экономический доступ, компетенции, знания и навыки, психологические и мотивационные факторы, цифровая грамотность и культура, цена, скорость, содержание и качество информационно-коммуникационных технологий и цифровых ресурсов, инфраструктура, институциональная структура и политическое устройство. Высказывается и обосновывается авторская позиция относительно существенной роли цифрового неравенства в высшем образовании в формировании человеческого капитала и улучшения качества жизни населения. Предложено понимать под цифровым неравенством в высшем образовании различия в доступе, в качестве использования и в получаемых эффектах от цифровых ресурсов, информационно-коммуникационных технологий и интернета в процессе обучения. Проведён анализ цифрового неравенства в высшем образовании в разрезе трёхуровневой модели исследования данной категории. Рассмотрены возможности и барьеры цифровизации высшего образования в Российской Федерации, выявлены характерные факторы усиления цифрового неравенства и определены направления его снижения, а именно: инфраструктурное, социально-мотивационное, институциональное. Практическая значимость исследования связана с возможностью и необходимостью использования предложенных мероприятий в вузах, региональных и федеральных программах развития.

Ключевые слова: цифровое неравенство, информационно-коммуникационные технологии, цифровые ресурсы, качество жизни, высшее образование, человеческий капитал.

Введение

Цифровые технологии настолько прочно вошли в нашу жизнь, что цифровое неравенство не позволяет людям, не имеющим достаточного доступа к информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ), эффективно участвовать в жизни общества. Такая всеобъемлющая цифровизация общества ведёт к тому, что доступ к компьютерным технологиям и их использование были стратифицированы множеством факторов, в том числе: возрастом, образованием, этнической принадлежностью, мотивацией, структурой семьи, полом, доходом, занятием и родом деятельности, местом жительства. Эти и другие факторы стали предпосылками распространения такого явления, как цифровое неравенство. Несмотря на то, что технологии продолжают становиться всё более доступными, вопросы исследования цифрового неравенства не теряют своей актуальности. Кроме того, пандемия COVID-19 и её последствия, а также нарастание глобальной политической, экономической и информационной дестабилизации актуализируют исследование цифрового неравенства населения, его влияние на качество жизни. Высокий уровень цифрового неравенства приводит к углублению и обострению внутригосударственных и мировых дисбалансов, его проникновение во многие сферы жизнедеятельности человека вызывает необходимость междисциплинарного анализа этой категории на различных уровнях.

Цифровое неравенство: подходы к пониманию, составляющие и уровни

Ещё два десятилетия назад Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) обратила внимание на цифровое неравенство и определяет его как «разрыв между отдельными людьми, домохозяйствами, предприятиями и географическими районами в различных социально-экономических условиях от-

носителю доступа к информационным и коммуникационным технологиям и использованию Интернета в разных видах деятельности»¹. Изначально естественной причиной цифрового разрыва выступала стоимость компьютеров, разделяя людей на тех, кто может себе их позволить и тех, кому это недоступно. Во многих зарубежных и отечественных исследованиях сохраняется сущностное понимание цифрового неравенства как разрыва между теми, кто располагает доступом к современным информационно-коммуникационным технологиям, и теми, кто ими не располагает [1; 2]. Однако сегодня явно недостаточно технологического детерминизма для объяснения возникновения и распространения цифрового неравенства. Оно представляет собой многогранное явление, обусловленное влиянием многочисленных определяющих факторов в различных областях жизнедеятельности человека: экономической, социальной, информационной, политической и других.

Концептуальная эволюция категории «цифровой разрыв» шла по трём направлениям: 1) смещение понимания роли интернета от преимущественно одного из носителей информации к его рассмотрению как широкодоступного ресурса; 2) растущее осознание сложности явления: от вопросов физического доступа к цифровым системам, обозначенных как «разрыв 1-го уровня», до различий в цифровых навыках, способах и целях использования (разрыв 2-го уровня) и более широкие социально-экономические последствия применения цифровых технологий (разрыв 3-го уровня); 3) расширение уровня анализа: от разделения между социальными группами внутри одной страны к межстрановым сравнениям к изучению различий на уровне субнациональных регионов [3, с. 4]. Модель трёхуровневого подхода к анализу цифрового неравенства (уровни доступа к интернету, цифровым ресурсам; цифровых компетенций и навыков пользователей; социально-эко-

¹ OECD: «Understanding the Digital Divide» // OECD Digital Economy Papers. No. 49. – Paris: OECD Publishing, 2001. DOI: 10.1787/236405667766

номических преимуществ и эффектов от «качественного» использования ИКТ и цифровых технологий, интернета в образовательной, профессиональной и общественной деятельности) широко популяризирована среди зарубежных и отечественных учёных [4–6].

Учёные отмечают, что новые виды абсолютного и относительного неравенства порождают новые типы цифрового разрыва [7]. В социальных науках цифровое неравенство рассматривают как «фактор усиления социальной дифференциации населения, которая формируется на базе неравномерного распределения и доступа к социальным благам, а также описывают цифровой разрыв как «новый вид социальной дифференциации, связанный с обладанием различными возможностями использования современных ИКТ»². Глубоко исследуется психологическое содержание цифрового неравенства, в том числе в межпоколенческом разрезе [8]. В международных исследованиях цифрового неравенства распространены модель принятия технологии, теория мотивированного действия и теория запланированного поведения [9]. Социально-управленческий подход к содержанию цифрового неравенства охватывает технологическую оснащённость и неравенство в овладении цифровыми компетенциями [10]. Что касается социально-экономического аспекта цифрового неравенства, то следует назвать теорию Н. Сильвайна, где обосновывается формирование цифрового неравенства как следствие неравномерного распределения доступа к технологиям по регионам и внутри них [11]. В российских исследованиях также актуален региональный анализ цифрового неравенства [12]. Социально-демографический подход акцентирует внимание на таких факторах формирования цифрового неравенства, как доход, пол, раса, этническая принадлежность, образование, возраст, что в совокупности обеспечивает доступ к социальной инфраструктуре, ко-

торая поддерживает ИКТ [13]. Также рассматривают проявление цифрового неравенства и в других сферах жизнедеятельности человека, в частности при получении высшего образования [14–15], в сфере здравоохранения [16]. Цифровое неравенство следует связывать с социальной дифференциацией населения, обусловленной разными возможностями доступа к базовой инфраструктуре, необходимой для цифрового обучения.

Несмотря на разные интерпретации, полагаем, что цифровое неравенство, прежде всего, используется для обозначения различий в возможностях доступа к информации и к цифровым ресурсам для разных категорий населения, и как современный стратификационный модус активно исследуется на междисциплинарном уровне. Его ключевые составляющие представлены на рис. 1.

В исследованиях возникновения и усиления цифрового неравенства широко используется факторный анализ. Отмечается, что цифровое неравенство продолжает существовать под влиянием следующих факторов: низкого уровня грамотности, разрыва в доходах, ограничений по географическому признаку, возрастного и гендерного разрыва, отсутствия необходимых навыков, доступа к технологиям, мотивации и интереса, языкового барьера [17]. Кроме того, цифровое неравенство может быть вызвано и факторами, произошедшими в результате чрезвычайного происшествия, например, из-за вандальных действий в инфраструктуре оператора. Таким образом, мы полагаем, что под цифровым неравенством следует понимать различия в доступе к цифровым возможностям в социальной, экономической, демографической, культурной, образовательной и других сферах, которые существуют или углубляются в результате неполного, неравномерного или недостаточного доступа к информационно-коммуникационным, компьютерным, телекоммуникационным и цифровым технологиям.

² Глоссарий по информационному обществу / под общ. ред. Ю.Е. Хохлова. — Москва : Институт развития информационного общества, 2009. — С. 62.

Рис. 1. Концептуальные составляющие цифрового неравенства

Fig. 1. Conceptual components of digital inequality

Источник: разработано авторами.

Цифровое неравенство в высшем образовании

Переход к новому качеству экономического роста, способному обеспечить существенное улучшение благосостояния населения, напрямую связан с формированием и развитием человеческого капитала, который создается именно в сфере высшего образования. Оно является одним из базовых этапов формирования цифровых навыков и умений в процессе профессионального обучения. На данном этапе развития личности закладывается основа цифровой финансовой грамотности и культуры в социуме, навыков в получении базовых общественных услуг через цифровые платформы. «Владение компьютером и умение работать с цифровой информацией тем шире, чем выше уровень профессиональной квалификации» [18, с. 193]. Сформированная база цифровых компетенций в процессе получения высшего образования становится основой человеческого капитала, реализация которого напрямую связана с качеством жизни. Цифровые образовательные тех-

нологии улучшают учебный процесс, повышают мотивацию к обучению, развивают навыки критического мышления, социокультурного обучения, позволяют обучающимся получать информацию, использовать учебные материалы и участвовать в дистанционном обучении.

Под цифровым неравенством в высшем образовании следует понимать различия в доступе, в качестве использования, в получаемых эффектах от цифровых ресурсов, информационно-коммуникационных технологий и интернета в процессе обучения. В данном контексте следует различать цифровое неравенство между: вузами; структурными подразделениями вуза; преподавателями; обучающимися.

Целесообразно проанализировать цифровое неравенство в образовании через призму модели трёх уровней. Первый уровень развития цифрового неравенства связан с доступом к инфраструктуре цифровизации. «Виртуальная учебная среда, платформы электронного портфеля, студенческие порталы и т.п. являются стандартным технологическим средством в большинстве передовых вузов» [19]. Несмотря на то, что

наличие электронной образовательной информационной среды является обязательным условием аккредитации всех вузов, сохраняются проблемы различного качества предоставляемого широкополосного интернета, неодинаковыми возможностями технической оснащенности «домашних» рабочих и учебных мест, обусловленными дифференциацией доходов населения. Пандемия показала, что онлайн-образование в России достаточно развито, однако только 8% россиян использовали интернет для дистанционного обучения в 2021 г. (в Канаде — 29%, в США — 23%³). Руководители вузов имеют уникальную возможность организовать сотрудничество в цифровой сфере для преодоления цифрового неравенства, делясь своими ресурсами, опытом и информацией о возможностях и ограничениях цифровизации высшего образования.

Второй уровень связан с возможностями реализации цифровых преимуществ, с компетенциями и навыками, необходимыми для использования приложений, платформ, устройств, с соответствующей дифференциальной цифровой практикой. Так, если обучающиеся регулярно используют новые

технологии в образовании, то некоторые преподаватели могут их не использовать, аргументируя снижением качества образования. Педагогам, которые не относятся к поколению Z, необходимо такое взаимодействие с обучающимися, которое минимизирует эффекты уже существующего цифрового неравенства между поколениями [20, с. 5]. На данном этапе важно уделять внимание социальной мотивации и заинтересованности к использованию цифровых технологий в образовании.

Третий уровень следует характеризовать через призму полученного эффекта от цифровизации высшего образования, оценки опыта использования цифровых технологий, реализации человеческого капитала в процессе образовательной деятельности. Преимущества цифрового преподавания и обучения во многом зависят от режима обучения, дизайна учебной программы, качества и стиля преподавания.

Развитие цифровизации будет способствовать созданию современного качества жизни. В научных исследованиях была выявлена прямая взаимосвязь между индексом цифровой жизни и среднемесячным доходом в России: в целом по стране с доходом от 30 до 39 тыс. руб. индекс принимает наивысшее значение — более 0,45 (рис. 2)

³ Цифровая экономика 2023: краткий стат. сборник. — Москва : НИУ ВШЭ, 2023. — 120 с.

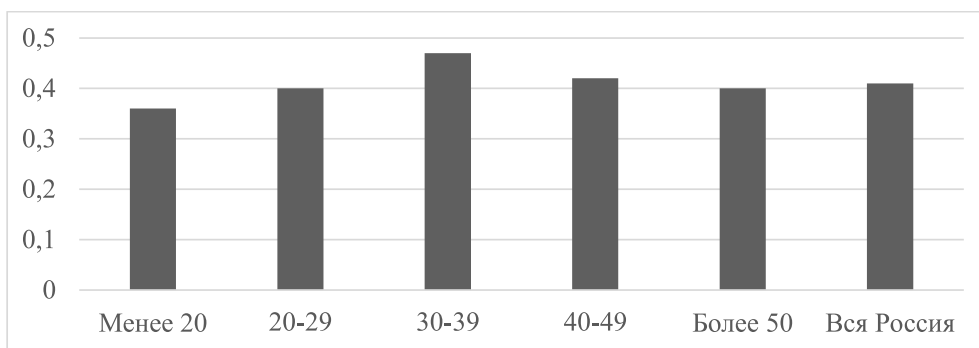

Рис. 2. Общее значение индекса цифровой жизни в зависимости от среднемесячного дохода (тыс. рублей) в городе

Fig. 2. Total value of the digital life index depending on the average monthly income (thousand rubles) in cities

Источник: составлено по данным: Цифровая жизнь регионов России 2020: что определяет цифровое неравенство? // Институт исследований развивающихся рынков, Бизнес-школа СКОЛКОВО (IEMS), 2020 г. — URL: <https://ssrn.com/abstract=3622418> (дата обращения: 25.10.2022).

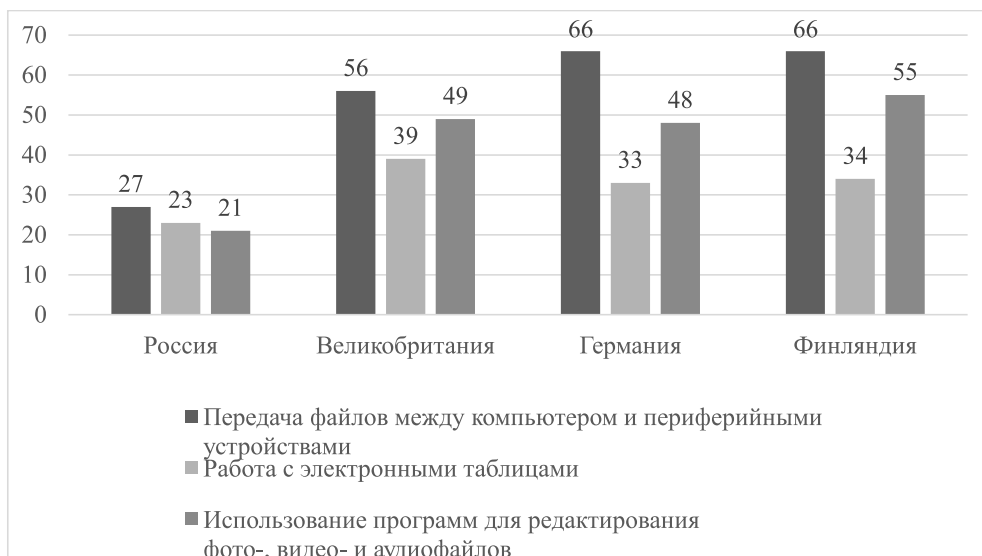

Рис. 3. Цифровые навыки населения России и трёх стран-лидеров, 2020 г., в процентах от общей численности населения в возрасте 15 лет и старше

Fig. 3. Digital skills of the population of Russia and the top three countries, 2020, as a percentage of the total population aged 15 and over

Источник: составлено по данным: Цифровая экономика 2022: краткий стат. сборник.— Москва : НИУ ВШЭ, 2022.— 124 с.

Действительно, базовые цифровые навыки, необходимые, в том числе для получения образовательных услуг, в России в сравнении со странами-лидерами почти в 2 раза ниже (рис. 3).

В образовательной среде следует говорить о цифровой готовности как индикаторе восприятия и понимания работы с цифровыми платформами у преподавателей, научных работников и обучающихся. Кроме того, важно понимать динамику ключевых показателей цифровизации и уровня жизни населения (табл. 1.)

Анализ основных показателей уровня жизни населения в России отражает изменение доходов населения при неравномерной динамике фактического конечного потребления домашних хозяйств (падение в 2020 г.). При этом практически все показатели использования ИКТ в учебном процессе и управлении образовательным учреждением имеют положительную динамику. Матричный подход к анализу ци-

фрового неравенства в высшем образовании позволит глубоко рассмотреть неравенство на всех уровнях, выявив причинно-следственные связи. Так, на индивидуальном и институциональном уровнях возникают возможности цифровизации высшего образования, а также барьеры, усиливающие цифровое неравенство (рис. 4).

Среди факторов цифрового неравенства в сфере образования в России следует отметить разрыв в уровнях цифровой, технической и инфраструктурной оснащённости; доходов; среднего образования; урбанизации; региональной дифференциации, а также факторы геополитической нестабильности и обусловленные ею ограничивающие социально-экономические условия. Снижение цифрового неравенства в высшем образовании России должно носить системный характер, что включает несколько направлений его преодоления: инфраструктурное, социально-

Таблица 1

Показатели уровня жизни населения и использования ИКТ в учебном процессе в высшем образовании России, 2018–2020 годы

Table 1

Indicators of the population living standards and the use of ICT in the educational process in higher education of Russia, 2018–2020

Показатель	2018	2019	2020
Основные показатели уровня жизни населения, в текущих ценах			
Фактическое конечное потребление домашних хозяйств, млрд. рублей	60104	64564	62645
Фактическое конечное потребление домашних хозяйств, на душу населения, рублей	409339	439914	427627
Среднедушевые денежные доходы населения (в месяц), рублей	33266	35338	36073
Использование ИКТ в учебном процессе и управлении образовательным учреждением			
Число персональных компьютеров, используемых в учебных целях, находящихся в составе локальных вычислительных сетей (ЛВС), в расчёте на 100 обучающихся, штук	23	25	25
Число персональных компьютеров, используемых в учебных целях, имеющих доступ к Интернету, в расчёте на 100 обучающихся, штук	24	27	25
Доля образовательных учреждений, имеющих веб-сайт в Интернете, в общем числе, %	100	100	99,7
Доля образовательных учреждений, реализующих образовательные программы с использованием дистанционных образовательных технологий для реализации основных образовательных программ, в общем числе, %	37,6	60,0	82,7

Источник. составлено по данным Росстата, 2021: Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации. — URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/infocommunity> (дата обращения: 20.10.2022).

мотивационное, институциональное. Инфраструктурное — нацелено на обеспечение и расширение равномерного и технологически бесперебойного доступа к цифровым технологиям. Важно обеспечить дооснащение современными ИКТ вузов, которые находятся постоянно в поиске различных стратегий: от создания «горячих точек» интернета на территории до предоставления студентам USB-модемов и сотрудничества с бизнесом. Также перспективными инструментами преодоления цифрового неравенства в высшем образовании могут стать технологии адаптивного обучения на базе онлайн-образовательных систем, использование искусственного интеллекта в образовательном процессе (применение чат-ботов), развитие непрерывного образования.

Однако, само по себе использование интернета не означает, что люди обладают достаточным набором цифровых навыков для равного использования цифровых средств. Социально-мотивационное направление связано с развитием цифровой культуры в обществе, с обеспечением стимулов к использованию цифровых технологий. Здесь важна разработка и внедрение системы социальной помощи в электронном виде незащищённым группам населения, в первую очередь, инвалидам, пожилым, мигрантам. Институциональное направление преодоления цифрового неравенства связано с государственной поддержкой распространения цифровых технологий. Инструментами реализации в данном контексте являются обеспечение и актуализация законодательной базы ци-

уровень	Возможности и барьеры		Содержание
Индивидуальный	Возможности	Гибкое индивидуальное обучение	Цифровое обучение позволяет использовать индивидуальные, адаптивные пути обучения
		Доступ к образованию	Цифровые технологии дают возможности обучения на протяжении всей жизни, инклюзивности обучения, получение высшего образования малообеспеченным слоям населения
	Барьеры	Инфраструктура и устройства	Отсутствие инфраструктуры широкополосного доступа в том числе в регионах; нехватка технологических устройств и/или программного обеспечения
		Домашняя среда	Домашняя среда обучающихся как непригодная для обучения
		Системное неравенство	Дополнительные барьеры могут возникать у неблагополучных семей; обучающиеся и сотрудники могут сталкиваться с примерами системного неравенства (обязанности по уходу за родственниками-инвалидами, насилие в семье, отсутствие продовольственной безопасности, психическое здоровье)
		Цифровые навыки, опыт и признание	Нежелание студентов и сотрудников переходить на цифровое/дистанционное обучение
Институциональный	Возможности	Техническая поддержка	Действия учебных заведений по устранению технологических и инфраструктурных пробелов путём предоставления устройств, обеспечения для них доступа в Интернет или предоставления аналоговых альтернатив
		Корпуса	Предоставление жилья нуждающимся студентам
		Сотрудничество и совместное использование ресурсов	Возможность для нескольких форм сотрудничества на разных уровнях, включая студентов, преподавателей или руководителей вузов
		Глобальное сотрудничество	Необходимость глобальной солидарности и совместных действий между вузами. Цифровое высшее образование может способствовать новым формам интернационализации и студенческой мобильности
	Барьеры	Системное неравенство	Неравенство по таким факторам, как раса, пол, доход, регион, отражается в системе вузов, что приводит к неравномерному распределению ресурсов внутри и между регионами страны
		Государственная поддержка	Объём и тип государственной поддержки и финансирования, которые выделяются вузам для цифровизации, сильно различаются

Рис. 4. Матрица возможностей и барьеров цифровизации высшего образования в России

Fig. 4. Matrix of the opportunities and barriers to digitalization of higher education in Russia

Источник: разработано авторами.

фровизации, принятие и реализация программ финансовой и методической помощи. Сегодня активно реализуется на платформе «Госуслуги» программа «Цифровые профессии», с помощью которой можно получить ИТ-специальность со скидкой 50, 75 или 100%, а также специальный проект – бесплатные ИТ-курсы «Код будущего». Цифровой трансформацией в области образования является создание финансируемой государством онлайн-платформы

«Университет 20.35». Системная работа по подготовке кадров для ИТ-отрасли, повышает качество обучения специалистов, которые в будущем внесут свой вклад в достижение технологического суверенитета и экономической безопасности России.

Заключение

Ключевым вопросом анализа цифрового неравенства является наличие прин-

ципиальной возможности его ускоренного преодоления, так как в дальнейшем оно может вызывать социально-экономические, демографические и миграционные проблемы развития общества, что будет тормозить решение задач по эффективному использованию и развитию человеческого капитала, что, в свою очередь, будет мешать улучшению качества жизни населения. Исследование цифрового неравенства в высшем образовании в разрезе трёхуровневой модели позволили определить ключевые проблемы, барьеры и риски цифровизации высшего образования в РФ, а также определить важнейшие направления его снижения.

В сложившихся условиях необходимо создание комплексной национальной системы развития цифровой грамотности и равнодоступности цифровых технологий с целью преодоления цифрового неравенства, в том числе через объединение усилий правительственных федеральных и муниципальных, академических и неформальных институтов на основе государственно-частного партнёрства; разработки и реализации профильными министерствами перечня цифровых навыков и компетенций для отдельных отраслей; создания технических условий использования ИКТ; актуализации нормативной базы в соответствии с вызовами цифровизации общества.

Литература и Интернет-источники

1. **Brown, R. H.** Falling through the net: A Survey of the «Have Nots» in Rural and Urban America / R. H. Brown.— Washington, D.C. : U. S. Dept. of Commerce, National Telecommunications and Information Administration, 1995.— 42 p.
2. **Dobrinskaya, D. E.** Defining the Digital Divide in Russia: Key Features and Trends / D. E. Dobrinskaya, T. S. Martynenko // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes.— 2019.— Vol. 5(153).— P. 100–119. DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.06; EDN: MGF AVL
3. **Korovkin, V.** Towards conceptualization and quantification of the digital divide / V. Korovkin, A. Park, E. Kaganer // Information Communication and Society.— 2022.— Vol. 6.— P. 1–36. DOI: 10.1080/1369118X.2022.2085612; EDN: ZHV BXV
4. **Norris, P.** The digital divide: Civic engagement, information poverty, and the Internet worldwide / P. Norris.— Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2001.— 320 p. DOI: 10.1017/CBO9781139164887
5. **Van Dijk, J.** A theory of the digital divide / J. van Dijk. // The digital divide: The internet and social inequality in international perspective / M. Ragnedda, G. W. Muschert (eds.).— New York, NY: Routledge, 2013.— P. 28–51.
6. **Гладкова, А. А.** Модель трёх уровней цифрового неравенства: современные возможности и ограничения (на примере исследования Республики Татарстан) / А. А. Гладкова, В. З. Гарифуллин, М. Рagnедда // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика.— 2019.— № 4.— С. 41–72. DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2019.4172; EDN: GZLUXO
7. **Van Dijk, J.** Inequalities in the Network Society / J. van Dijk, A. G. M. Johannes // Digital sociology: critical perspectives / ed. K. Orton-Johnson; N. Prior.— Basingstoke : Palgrave Macmillan Ltd., 2013.— P. 105–124.
8. **Солдатова, Г. У.** «Цифровой разрыв» и межпоколенческие отношения родителей и детей / Г. У. Солдатова, Е. И. Рассказова // Психологический журнал.— 2016.— Т. 37.— № 6.— С. 83–93. EDN: XDNH ZX
9. **Hsieh, J. J.** Understanding digital inequality: Comparing continued use behavioral models of the socio-economically advantaged and disadvantaged / J. J. Hsieh, R. A. Po-An, M. Keil // MIS quarterly.— 2008.— Vol. 32(1).— P. 97–126.
10. **Гелих, О. Я.** Цифровой разрыв как контекст институционализации передачи знаний в пре-

- фигуративной модели культурной трансмиссии / О. Я. Гелих, Н. Н. Покровская, С. Ю. Трапичин // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета.— 2022.— № 2(134).— С. 107–111; EDN: OYBNQJ
11. *Selwyn, N.* Reconsidering political and popular understandings of the digital divide / N. Selwyn // *New Media & Society*.— 2004.— Vol. 6.— No. 3.— P. 341–362.
 12. *Александрова, Т. В.* Цифровое неравенство регионов России: причины, оценка, способы преодоления / Т. В. Александрова // *Экономика и бизнес: теория и практика*.— 2019.— № 8.— С. 9–12; EDN: YCOUAG
 13. *Rooksby, E.* The Rural Digital Divide / E. Rooksby, J. Weckert, R. Lucas // *Rural Society*.— 2014.— Vol. 12(3).— P. 197–210. DOI: 10.5172/rsj.12.3.197
 14. *Corlataan, T.* Risks, discrimination and opportunities for education during the times of COVID-19 Pandemic / T. Corlataan // *Proceedings of the 17th International RAIS Conference, June 1–2, 2020. Research Association for Interdisciplinary Studies*.— URL: <http://rais.education/wp-content/uploads/2020/06/004TC.pdf> (дата обращения: 25.10.2022).
 15. *Костина, Н. Б.* К вопросу о разграничении понятий «цифровой раскол», «цифровое неравенство» и «цифровой разрыв» / Н. Б. Костина, А. А. Чижов // *Уфимский гуманитарный научный форум*.— 2022.— № 1(9).— С. 56–63. DOI: 10.47309/2713–2358_2022_56_63; EDN: NIZYAB
 16. *Saeed, S. A.* Disparities in Health Care and the Digital Divide / S. A. Saeed, R. M. Masters // *Curr Psychiatry Rep*.— 2021.— Jul 23.— Vol. 23 (9).— P. 61. DOI: 10.1007/s11920–021–01274–4
 17. *Головенчик, Г.* Цифровой разрыв: причины возникновения, последствия и пути преодоления / Г. Головенчик // *Наука и инновации*.— 2021.— № 6(220).— С. 32–37; EDN: ZDETAQ
 18. *Коленникова, О. А.* Владение медицинскими специалистами цифровыми технологиями / О. А. Коленникова // *Народонаселение*.— 2022.— Т. 25.— № 3.— С. 189–199. DOI: 10.19181/population.2022.25.3.15; EDN: ZNJVOT
 19. *Троян, И. А.* Современная парадигма и модернизационные компоненты высшего образования / И. А. Троян, Л. А. Кравченко // *Образование и саморазвитие*.— 2021.— Т. 16.— № 3.— С. 100–114. DOI: 10.26907/esd.16.3.10; EDN: FNMAZU
 20. *Щербина, Е. Ю.* К педагогике эпохи цифрового разрыва / Е. Ю. Щербина, А. Г. Кислов // *Профессиональное образование и рынок труда*.— 2020.— № 1.— С. 49–59. DOI: 10.24411/2307–4264–2020–10105; EDN: THHDOJ

Сведения об авторах:

Троян Ирина Анатольевна, к.э.н., доцент, доцент кафедры экономической теории Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Россия.

Контактная информация: e-mail: troyan.irin@mail.ru, ORCID: 0000–0002–5694–9843; РИНЦ AuthorID: 760078.

Кравченко Лариса Анатольевна, к.э.н., доцент, доцент кафедры экономической теории Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Россия.

Контактная информация: e-mail: kravchenko_la@mail.ru, ORCID: 0000–0003–1621–4495; РИНЦ AuthorID: 828434.

Гиндес Елена Григорьевна, д.н.гос.упр., доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь, Россия.

Контактная информация: e-mail: gindes79@gmail.com, ORCID: 0000–0001–6996–480X; РИНЦ AuthorID: 945468.

DOI: 10.19181/population.2023.26.2.10

DIGITAL INEQUALITY AND DIRECTIONS FOR OVERCOMING IT IN THE CONTEXT OF HUMAN CAPITAL DEVELOPMENT

Irina A. Troyan*, Larisa A. Kravchenko, Elena G. Gindes

V.I. Vernadsky Crimean Federal University
(4 prospekt Vernadskogo, Simferopol, Russia, 295007)

*E-mail: troyan.irin@mail.ru

For citation:

Troyan I.A., Kravchenko L.A., Gindes E.G. Digital inequality and directions for overcoming it in the context of human capital development. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 2. P. 114-123. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.10 (in Russ.)

Abstract. *The article is devoted to study of the conceptual aspects of digital inequality. The authors conducted an interdisciplinary analysis of this category. They reviewed the main approaches to understanding digital inequality. The definition of digital inequality has been clarified as a difference in access to digital opportunities in social, economic, political-demographic, cultural, educational and other areas that exist or deepen as a result of incomplete, uneven or insufficient access to information and communication, computer, telecommunications and digital technologies. There were examined conceptual components of the digital inequality: socio-economic access, competencies, knowledge and skills, psychological and motivational factors, digital literacy and culture, price, speed, content and quality of information and communication technologies and digital resources, infrastructure, institutional structure and political structure. The authors express and substantiate their position concerning the significant role of the digital divide in higher education in the formation of human capital and improvement of the population quality of life. It is proposed to understand the digital inequality in higher education as differences in access, quality of use and in the resulting effects of digital resources, information and communication technologies and the Internet in the learning process. There was made analysis of the digital divide in higher education in the context of a three-level research model for this category. The authors considered the opportunities and barriers to digitalization of higher education in the Russian Federation. They also identified characteristic drivers of the growing digital inequality and directions for reducing it the field of higher education, and namely: infrastructural, socially motivational, institutional. The practical significance of the study is related to the possibility and necessity of using the proposed activities in universities, regional and Federal development programs.*

Keywords: *digital inequality, information and communication technologies, digital resources, quality of life, higher education, human capital.*

References and Internet sources

1. Brown R.H. *Falling Through the Net: A Survey of the «Have Nots» in Rural and Urban America*. Washington, D.C. U.S. Dept. of Commerce, National Telecommunications and Information Administration. 1995. 42 p.
2. Dobrinskaya D.E., Martynenko T.S. Defining the digital divide in Russia: Key features and trends. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2019. No. 5(153). P. 100–119. DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.06

3. Korovkin V., Park A., Kaganer E. Towards conceptualization and quantification of the digital divide. *Information Communication and Society*. 2022. No. 6. P. 1–36. DOI:10.1080/1369118X.2022.2085612
4. Norris P. *The Digital Divide: Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet Worldwide*. Cambridge, UK. Cambridge University Press. 2001. 320 p. DOI: 10.1017/CBO9781139164887
5. Van Dijk J. A theory of the digital divide. *The Digital Divide: The Internet and Social Inequality in International Perspective*. Eds. M. Ragnedda, G. W. Muschert. New York. Routledge. 2013. P. 28–51.
6. Gladkova A. A., Garifullin V. Z., Ragnedda M. Model' trjoh urovnej tsifrovogo neravenstva: sovremennye vozmozhnosti i ogranichenija (na primere issledovaniya Respubliki Tatarstan) [Model of three levels of the digital divide: current advantages and limitations (Exemplified by the Republic of Tatarstan)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 10. Zhurnalistika [Moscow University Bulletin. Series 10. Journalism]*. 2019. No. 4. P. 41–72. DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2019.4172 (in Russ.)
7. Van Dijk J., Johannes A. G. M Inequalities in the network society. *Digital Sociology: Critical Perspectives*. Eds. K. Orton-Johnson, N. Prior. Basingstoke. Palgrave Macmillan Ltd. 2013. P. 105–124
8. Soldatova G. U., Rasskazova E. I. «Tsifrovoy razryv» i mezhpokolencheskije otnoshenija roditel'ej i detej ["Digital gap" and intergenerational relations of parents and children]. *Psihologicheskij zhurnal [Psychological Journal]*. 2016. Vol. 37. No. 6. P. 83–93. (in Russ.)
9. Hsieh J. J., Po-An R. A., Keil M. Understanding digital inequality: Comparing continued use behavioral models of the socio-economically advantaged and disadvantaged. *Management Information Systems Quarterly*. 2008. Vol. 32(1). P. 97–126.
10. Gelikh O. Ya., Pokrovskaya N. N., Trapitsyn S. Yu. Tsifrovoy razryv kak kontekst institutsionalizatsii peredachi znanij v prefigurativnoj modeli kul'turnoj transmissii [Digital divide as a context to implement the knowledge transfer to the pre-figurative model of cultural transmission]. *Izvestija Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta [Bulletin of St. Petersburg State University of Economics]*. 2022. No. 2(134). P. 107–111. (in Russ.)
11. Selwyn N. Reconsidering political and popular understandings of the digital divide. *New Media & Society*. 2004. Vol. 6. No. 3. P. 341–362
12. Aleksandrova T. V. Tsifrovoje neravenstvo regionov Rossii: prichiny, otsenka, sposoby preodolenija [Digital inequality of Russian regions: causes, assessment, ways to overcome]. *Ekonomika i biznes: teorija i praktika [Economy and Business: Theory and Practice]*. 2019. No. 8. P. 9–12. (in Russ.)
13. Rooksby E., Weckert J., Lucas R. The rural digital divide. *Rural Society*. 2014. No. 12(3). P. 197–210. DOI:10.5172/rsj.12.3.197
14. Corlatean T. Risks, discrimination and opportunities for education during the times of COVID-19 Pandemic. *Proceedings of the 17th international conference of the Research Association for Interdisciplinary Studies (RAIS)*. June 1–2, 2020. Research Association for Interdisciplinary Studies. Available at: <http://rais.education/wp-content/uploads/2020/06/004TC.pdf> (Accessed: 25 October 2022)
15. Kostina N. B., Chizhov A. A. K voprosu o razgranichenii ponjatij «tsifrovoy raskol», «tsifrovoje neravenstvo» i «tsifrovoy razryv» [On the issue of distinction between the concepts of «digital gap», «digital inequality» and «digital divide»]. *Ufimskij gumanitarnyj nauchnyj forum [Ufa Humanitarian Scientific Forum]*. 2022. No. 1(9). P. 56–63. DOI: 10.47309/2713–2358_2022_56_63 (in Russ.)
16. Saeed S. A., Masters R. M. Disparities in health care and the digital divide. *Current Psychiatry Reports*. 2021. No. 23 (9). P. 61. DOI: 10.1007/s11920–021–01274–4
17. Golovenchik G. Tsifrovoy razryv: prichiny voznikovenija, posledstvija i puti preodolenija [Digital divide: causes, consequences and ways to overcome]. *Nauka i innovatsii [Science and Innovations]*. 2021. No. 6 (220). P. 32–37 (in Russ.)
18. Kolennikova O. A. Vladenije meditsinskimi spetsialistami tsifrovymi tehnologijami [Using digital technologies by medical professionals]. *Narodonaselenie [Population]*. 2022. Vol. 25. No. 3. P. 189–199. DOI: 10.19181/population.2022.25.3.15 (in Russ.)

19. Troyan I. A., Kravchenko L. A. Sovremennaja paradigma i modernizatsionnyje komponenty vysshego obrazovaniya [The modern paradigm and components for modernization of higher education]. *Obrazovaniye i samorazvitiye [Education and Self-Development]*. 2021. No. 3(16). P. 100–114. DOI: 10.26907/esd.16.3.10 (in Russ.)
20. Shcherbina E. Yu., Kislov A. G. K pedagogike epohi tsifrovogo razryva [Towards a pedagogy of the digital divide era]. *Professional'noye obrazovaniye i rynek truda [Vocational Education and Labor Market]*. 2020. No. 1. P. 49–59. DOI 10.24411/2307–4264–2020–10105 (in Russ.)

Information about the authors:

Troyan Irina Anatolyevna, Candidate of Economics, Associate Professor, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia.

Contact information: e-mail: troyan.irin@mail.ru, ORCID: 0000–0002–5694–9843; Elibrary AuthorID: 760078.

Kravchenko Larisa Anatolyevna, Candidate of Economics, Associate Professor, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia.

Contact information: e-mail: kravchenko_l.a@mail.ru; ORCID: 0000–0003–1621–4495; Elibrary AuthorID: 828434.

Gindes Elena Grigorievna, Doctor of Science in Public Administration, Associate Professor, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia.

Contact information: e-mail: gindes79@gmail.com; ORCID: 0000–0001–6996–480X; Elibrary AuthorID: 945468.

Статья поступила в редакцию 07.11.2022, утверждена 03.05.2023, опубликована 30.06.2023.

ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

DOI: 10.19181/population.2023.26.2.11
EDN: XOZVXW

СОВРЕМЕННЫЕ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩИЕ ПРАКТИКИ РОССИЯН

Ярашева А. В.^{1*}, Макар С. В.^{2,3}, Аликперова Н. В.^{1,2,4}

¹Институт социально-экономических проблем народонаселения
имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН

(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

²Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

(125993, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49)

³Национальный исследовательский Мордовский государственный университет

(430005, Россия, Саранск, ул. Большевикская, 68)

⁴НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента

Департамента здравоохранения города Москвы

(115088, Россия, Москва, ул. Шарикоподшипниковская, 9)

*E-mail: baktriana@rambler.ru

Для цитирования:

Ярашева А. В., Макар С. В., Аликперова Н. В. Современные здоровьесберегающие практики россиян // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 2. – С. 127-138. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.11; EDN: XOZVXW

Аннотация. В статье рассматривается относительно новый аспект демографической проблемы, связанный с возможностью увеличения ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) населения России в соответствии с достижением цели национального проекта «Здравоохранение». Авторами показано, что помимо совершенствования функционирования системы национального здравоохранения, большое значение имеет поведение человека — его индивидуальный подход к сохранению собственного здоровья через здоровьесберегающие практики. В этой связи теоретический и практический интерес представляет сравнение двух векторов поведения — соблюдения принципов здорового образа жизни (ЗОЖ) и биохакинга. Результатами исследования стал анализ значений показателя ожидаемой продолжительности здоровой жизни (ОПЗЖ) россиян по макрорегионам (федеральным округам) в период 2019–2021 гг., включившим пандемию коронавируса. Анализ позволил выделить наиболее и наименее «благополучные» регионы по отмеченному показателю. За трёхлетний период проведён количественный и качественный анализ тенденций распространения ЗОЖ среди россиян. Приведены более сложные для реализации индивидуумом принципы биохакинга и отмечены его основные аудитории. Показано, что биохакинг, при наличии множества общих черт с принципами здорового образа жизни, представляет собой «надстройку» над ЗОЖ. Выводы отмечают роль поведенческих аспектов в предпочтениях выбора здоровьесберегающих практик. Возможен организационный подход в отношении ЗОЖ и биохакинга, при этом необходимо оценить риски применения последнего для России. С целью расширения аудитории, практикующей реализацию стратегии здоровьесберегающего поведения, значима политика государства, реализуемая, в частности, в лице медицинского персонала. Культура физического здоровья, обеспечивающая, в том числе, повышение производительности труда, является частью общей культуры нации.

Ключевые слова: ожидаемая продолжительность жизни, здоровьесберегающие практики, ЗОЖ, биохакинг, качество жизни, человеческий капитал, самосохранительное поведение.

© Ярашева А. В., Макар С. В., Аликперова Н. В., 2023.

Постановка проблемы

Увеличение ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) населения до 78 лет к 2024 г. и до 80 лет к 2030 г.— одна из целей российского национального проекта «Здравоохранение»¹ [1]. Достижение такой цели предполагает, с одной стороны, эффективное функционирование системы здравоохранения, с другой — разумное отношение людей к своему здоровью (самосохранительное поведение, здоровьесберегающие практики). Не только уровень развития медицины и доступность (в том числе финансовая) медицинских услуг влияют на качество жизни человека и состояние его организма, в последнее время исследователи «всё чаще выделяют ответственность самих граждан за профилактику заболеваний, которая связана с соблюдением здорового образа жизни» (ЗОЖ) в физическом, психологическом и социальном аспектах [2]. Хорошее самочувствие человека подразумевает необходимость инвестиций в здоровье, что означает активную деятельность индивида по профилактике заболеваний [3] и соблюдению ЗОЖ. По экспертным оценкам, здоровье человека на 70% зависит от его образа жизни (на 15% — от внешней среды обитания, и ещё на 15% от генетической предрасположенности к заболеваниям), поэтому вклад в индивидуальный человеческий капитал можно увеличивать за счёт ЗОЖ.

В последние годы активное распространение в России получила ещё одна здоровьесберегающая практика — биохакинг, как системный подход к биологии человека и «возможность продления молодости, увеличения продолжительности здоровых лет жизни» [4–6]. Данное направление в самосохранительном поведении связано с новейшими достижениями в медицине и технических науках. В 2002 г. была осуществлена полная расшифровка генома человека, а в 2009 г. Нобелевскую премию по физиологии и медицине получили Э. Блэкберн, К. Грейдер

и Д. Шостак «за открытие механизмов защиты хромосом теломерами (концевые участки хромосом) и фермента теломеразы» [7]. Учёными было доказано, что изменение с возрастом размеров (укорочение/удлинение) теломер влияют на состояние здоровья человека: «психоземotionalная и гормональная сферы влияют на биологический возраст человека через модулирование работы теломер и фермента теломеразы» [7, с. 13]. Было показано, что ряд заболеваний (например, диабет второго типа) обладают признаком обратимости: «правильное» поведение человека может способствовать не только смягчению симптомов хронических состояний, но и частичному или полному излечению. То есть изменение образа жизни может предотвратить болезнь не только на клеточном уровне, но и на уровне участков хромосом. Такого рода научное открытие послужило одной из предпосылок (наряду с возможностями использования новых smart-технологий) возникновения и быстрого распространения биохакинга², как персонализированной «настройки» организма человека, желающего не просто «знать» свой геном, но и предотвращать («отодвигать» по времени) заболевания, в том числе переданные по наследству. Теоретический и практический интерес представляет сравнительный анализ принципов ЗОЖ и биохакинга, как здоровьесберегающих практик.

Результаты исследования

Поведение населения в отношении бережения собственного здоровья оказывает прямое воздействие не только в целом на ОПЖ, но и особенно на ожидаемую продолжительность здоровой жизни (здоровых лет жизни — ОПЗЖ), как важного демографического и социального индикатора, отражающего общее состояние развития человеческого капитала в стране, а также возможности активного долго-

¹ Указ Президента России от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

² Биохакаеры — учёные, проводящие биологические исследования. В данном случае термин «hacking» используется в научной литературе в значении «настраивать», «брать под полный контроль».

летия и трудоспособности. В российских макрорегионах можно увидеть динамику показателя ОПЗЖ за 2019, 2020 и 2021 гг. (табл. 1). В целом в РФ значения показателя ОПЗЖ уменьшилось на 0,87 лет. Наибольшее сокращение анализируемого показателя зафиксировано в ЦФО — 1,97 лет. В трёхлетний период произошло «преседание» значения данного показателя в 2020 году. Пандемия коронавируса внесла негативный вклад в формирование ка-

питала здоровья россиян и в сокращение ожидаемой продолжительности здоровых лет жизни. В регионах страны, в зависимости от масштабов распространения пандемии и её последствий для россиян разных демографических групп, данный процесс протекал с неравномерной интенсивностью. Самое незначительное сокращение показателя ОПЗЖ на трёхлетнем периоде было в СКФО. Значения в УФО и ДФО близки к среднестрановому.

Таблица 1

Показатели ожидаемой продолжительности здоровой жизни россиян (2019–2021 гг.), лет

Table 1

Indicators of healthy life expectancy of Russians (2019–2021), years

Территория	Ожидаемая продолжительность здоровой жизни, лет		
	2019	2020	2021
Российская Федерация	60,3	58,9	59,43
Центральный федеральный округ (ЦФО)	61,2	59,6	59,63
Северо-Западный федеральный округ (СЗФО)	60,6	58,7	59,47
Южный федеральный округ (ЮФО)	60,0	58,7	59,56
Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО)	62,2	61,3	62,05
Приволжский федеральный округ (ПФО)	60,6	59,7	59,32
Уральский федеральный округ (УФО)	59,2	57,5	59,40
Сибирский федеральный округ (СФО)	58,6	56,9	58,35
Дальневосточный федеральный округ (ДФО)	58,9	57,4	58,06

Источник: составлено авторами на основе сборника «Регионы России. Социально-экономические показатели». — Москва : Росстат, 2019, 2020, 2021.

Продолжительность здоровой жизни населения может зависеть от бережного отношения к собственному физическому и психологическому состоянию. По данным официальной статистики³, процент россиян, ведущих ЗОЖ⁴, «за последние 3 года снизился (хотя в 2010 г. составлял лишь 5%): в 2019 г. он достигал 12,0%, в 2020 г. — 9,1% а в 2021 г. — 7,3%. Однако и доля «антизожников», согласно кри-

териям Росстата, сократилась: с 50,1% в 2019 г. до 33,5% в 2020 г.»⁵.

Отрицательная динамика в 2021 г. по сравнению с 2020 г. (рис. 1) может объясняться временным закрытием в стране фитнес-клубов и административным ограничением на прогулки (парки и скверы) в острый период пандемии коронавируса. При этом те люди, которые относят себя к «убеждённым зожникам», продолжали дома заниматься физкультурой и спортом самостоятельно или с помощью онлайн-тренеров. Если рассматривать анализируемый нами показатель по рос-

³ ЕМИСС. Государственная статистика. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59457> (дата обращения: 16.06.2022).

⁴ Согласно методике Росстата (2019 г.) выделено 5 официальных условий ЗОЖ: отсутствие курения; потребление овощей и фруктов ежедневно в количестве не менее 400 г; адекватная физическая активность (не менее 150 минут умеренной или 75 минут интенсивной физической нагрузки в неделю); потребление соли не выше 5 г в сутки; употребление алкоголя не более 168 г чистого спирта в неделю для мужчин и не более 84 г для женщин.

⁵ Доля ведущих здоровый образ жизни россиян уменьшилась в пандемию, но сократилось и число антизожников // РБК: [сайт]. — URL: <https://www.rbc.ru/society/08/07/2021/60e452749a794722f7e8612a> (дата обращения: 17.06.2022).

сийским федеральным округам, то можно заметить, что в лидерах — ЮФО. Однако по всем округам (кроме ЮФО) заметна отрицательная динамика в части приверженности населения к ЗОЖ.

Следование принципам ЗОЖ, помимо правильного питания, физической активности и соблюдения режима дня предполагает регулярную профилактику заболеваний. Национальное агентство финансовых исследований (НАФИ) провело опрос⁶, согласно результатам которого «53% респондентов посещают врача менее 1 раза в год, у 48% опрошенных ненормированный рабочий день и нерегулярное питание. Более трети россиян постоянно находятся в состоянии стресса (39%), по 37%

респондентов имеют вредные привычки и не занимаются спортом». Как отмечают эксперты агентства, «в зоне риска находятся россияне экономически активного возраста (35–54 года): они проходят профилактические обследования реже других возрастных групп (молодёжи и пожилых), чаще других перерабатывают». Респонденты в возрасте от 18 до 34 лет «менее подвержены стрессу, но не уступают россиянам среднего возраста по наличию вредных привычек. Люди в возрасте 55 лет и старше работают по ненормированному графику реже остальных, но чаще не соблюдают режим питания и физически не активны».

Что касается самооценки человеком собственных действий в отношении здоровья, то, по данным Росстата⁷, респонденты двух возрастных категорий — в возрасте 20–24 года и старше 60 лет — «в рав-

⁶ Всероссийский опрос проведён Аналитическим центром НАФИ в январе 2021 г. Опрошено 1600 человек старше 18 лет в 153 населённых пунктах в 53 регионах России. Выборка построена на данных официальной статистики Росстата и репрезентирует население РФ по полу, возрасту, уровню образования и типу населённого пункта // НАФИ: Половина россиян ведут нездоровый образ жизни. — URL: <https://naf.ru/analytics/polovina-rossiyan-vedut-nezdorovyy-obraz-zhizni/> (дата обращения: 05.02.2023).

⁷ Мнение в возрастных группах о полезности физической культуры и спорта. — URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/ZDOR/Factors2018_2812/PublishData/Reports/Files/Рабочая%20095.xlsx (дата обращения: 18.01.2023).

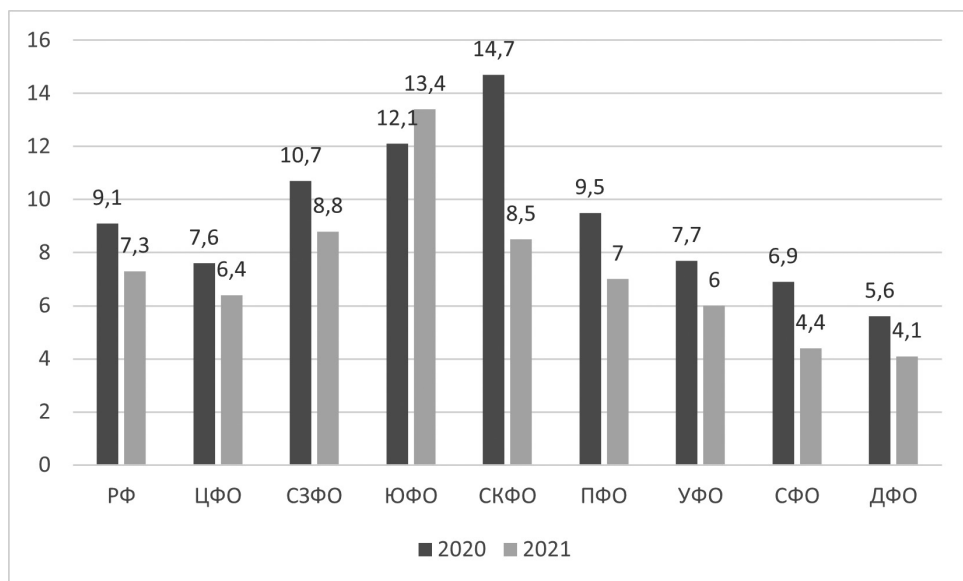

Рис. 1. Доля граждан, ведущих здоровый образ жизни (2020–2021 гг.), %

Fig. 1. The share of persons leading a healthy lifestyle (2020–2021), %

Источник: составлено авторами на основе сборника «Регионы России. Социально-экономические показатели». — Москва : Росстат, 2021. — 1112 с.

ной степени высоко оценивают важность занятий физкультурой для увеличения продолжительности своей жизни. Основными мотивами для занятий физкультурой у представителей всех возрастных групп служат укрепление здоровья» (как составная часть процесса увеличения ОПЖ) и сохранение физической формы. Если говорить о нездоровом образе жизни⁸, то «наличие вредных привычек и различного рода зависимости больше присущи представителям сильного пола (48% против 26% среди женщин), но одновременно у мужчин выше процент физической активности по сравнению с женщинами (42% против 31%).

Стремление к ЗОЖ, возможности и предпринимаемые действия в данной сфере тесно связаны с материальным положением населения; «представители социальных слоёв с более высокими доходами больше внимания уделяют физической культуре и здоровью, систематически проходят диспансеризацию, употребляют в пищу качественные продукты питания (могут позволить себе «правильное» питание)» [8]. Желание наиболее продвинутых сторонников ЗОЖ к увеличению возможностей человеческого организма привело часть из них к новой самосохранительной практике — биохакингу. Данное направление представляет собой систему, позволяющую концентрироваться на всех аспектах жизнедеятельности, объединяя «медицинскую и оздоровительную практику, направленную на повышение качества жизни и замедление процессов старения при помощи оптимизации питания, сна, физических нагрузок, отказа от вредных привычек» [9]. На первый взгляд, такая система не отличается от ЗОЖ. Однако, биохакинг, в отличие от более простых принципов ЗОЖ, тесно связан с индустриями биомедицинских и информационных технологий, это так называемая «антивозрастная медицина», способ управления здоровьем. Рассмотрим общие черты (выделены в табл. 2 курсивом)

⁸ НАФИ: Половина россиян ведут нездоровый образ жизни. — URL: <https://naf.ru/analytics/polovina-rossiyan-vedut-nezdorovyy-obraz-zhizni/> (дата обращения: 06.02.2023).

ЗОЖ и биохакинга, а также их отличительные особенности.

Обе здоровьесберегающие практики предполагают взаимосвязь и взаимозависимость отдельных компонентов, обозначенных в таблице, то есть, например, соблюдение гигиены сна положительно отражается на душевном здоровье и гормональном статусе человека, а рациональное питание и физические занятия помогают контролировать вес и отдельные важные показатели состояния (уровень холестерина, глюкозы и необходимых микроэлементов в крови). Таким образом, путь к увеличению продолжительности жизни (и особенно количества здоровых лет) — постоянное соблюдение всего комплекса принципов оздоровления человека.

Если считать ЗОЖ более «мягкой» практикой сбережения здоровья, то занятие биохакингом может нести за собой и определённые риски, так, например, увлечённость приёмом биологически активных добавок (БАДов) и других медикаментов без контроля врача, неврозы по поводу потери контроля над состоянием тела (здоровья), в некоторых случаях чрезмерная зависимость от гаджетов с необходимыми для биохакинга приложениями и так далее.

Выявление особенностей мужской и женской аудитории в применении современных технологий биохакинга не показало большие различия [12]. Не наблюдается значительной разницы относительно использования самых популярных смарт-технологий (часы) биохакинга между мужчинами и женщинами, но мужчины чаще используют мобильные приложения по контролю за состоянием организма во время физических нагрузок. В одинаковой степени сторонники биохакинга обоих полов придерживаются необходимости регулярного прохождения медицинских обследований. Приверженцами ЗОЖ чаще становятся представители женского пола, особенно, когда это касается правил рационального питания и отказа от вредных привычек.

Интерес учёных в последние годы сосредоточился на восприятии молодёжью

Таблица 2

Общие и особенные аспекты здорового образа жизни и биохакинга

Table 2

General and special aspects of healthy lifestyle and biohacking

ЗОЖ	Биохакинг
<i>Цель – оздоровление, увеличение продолжительности жизни (здоровых лет жизни), повышение качества жизни («менеджмент здоровья»)</i>	
<i>Отказ от вредных привычек (курение, злоупотребление спиртными напитками и подобные)</i>	
допущение небольшого количества спиртных напитков, например, красного вина для профилактики сердечных заболеваний	соблюдение принципа: «безвредная норма алкоголя – ноль граммов»
Правильное (рациональное) питание	
<i>дробное питание, ограничение калорийности продуктов, обязательное ежедневное присутствие в рационе овощей и фруктов (более 500 гр.), клетчатки, сокращение потребления соли и сахара и так далее</i>	
система умеренного, дробного, интуитивного питания, отказ от голодания	голодание, индивидуальный подбор продуктов питания в зависимости от динамики результатов анализов (например, крови), лабораторный контроль за состоянием микробиоты [10]
Занятие физкультурой и спортом	
общеоздоровительные практики, закаливание, преобладание зарядки (физкультуры) над спортивными занятиями, использование «простых» гаджетов – шагомер и другое	выявление индивидуальных (согласно проведенным анализам, обследованиям) видов конкретной физической нагрузки, постоянный контроль во время физической занятости и в обычной жизни с помощью всевозможных гаджетов (смарт-часы и другие интеллектуальные устройства, вплоть до имплантации подкожных чипов) [11]
Контроль за весом тела	
избавление (постепенное) от лишнего веса; поддержание стабильных показателей (в зависимости от возраста) веса тела	регулярное измерение соотношения между мышечной и жировой тканью; контроль за превышением первой над второй
Гигиена сна	
<i>соблюдение режима дня, обязательный 7–8 часовой сон в сутки (полное затемнение окон, отключение всех гаджетов за 1–2 часа до сна, соблюдение индивидуальных традиционных ритуалов перед сном, создание температурного режима и влажности в спальне, отсутствие светового «загрязнения» в виде мелких источников света (ночных, светящихся часов, пультов, телефонов)</i>	
соблюдение общих требований: необходимого количества и качества сна	соблюдение обязательного принципа «засыпать сегодня, просыпаться завтра», использование специальных исследований при нарушениях сна (сомнография и другие)
Мониторинг здоровья	
диспансеризация, профилактические обращения к врачам	постоянный мониторинг здоровья (биомаркеры), лабораторные обследования (например, в зависимости от показателей анализа крови и микробиоты – прием биологически активных добавок и витаминов, коррекция их количества), генетический тест на определение предрасположенности к заболеваниям
<i>Поддержание душевного здоровья, информационный детокс, профилактика депрессий и эмоционального выгорания</i>	
создание благоприятного психологического климата в ближайшем окружении, медитация, аутотренинг, занятия йогой и другое	медитация и иные духовные практики, занятия йогой и дыхательной гимнастикой, посещение психолога, тайм-менеджмент, применение ноотропов и другое

Источник: составлено авторами.

принципов ЗОЖ и биохакинга [13; 14]. Именно эта возрастная категория населения наиболее восприимчива к новым информационным технологиям, связанным с биохакингом, быстрее всего находит нужную информацию как на специализированных медицинских, так и на любительских сайтах в интернете [15]. При этом опросы студентов и учеников школ [9] в 2021 г. показали, что 40% респондентов никогда не слышали о системе биохакинга, а 15% — наоборот, хорошо осведомлены о новой оздоровительной технологии. В то же время принципы ЗОЖ, как широко и давно распространённые в обществе здоровьесберегающие практики [16], знакомы молодёжи, поэтому и чаще используются ею.

Выводы

При рассмотрении проблемы «увеличения продолжительности жизни, и здоровых лет жизни, необходимо принимать во внимание показатели, отражающие поведенческие аспекты населения» [8]. Из двух здоровьесберегающих практик биохакинг выступает своеобразной надстройкой над ЗОЖ: та часть населения, которая уже ведёт правильный образ жизни, может склоняться (и готова) к принципам биохакинга, как более продвинутому способу поддержания здоровья, совершенствования возможностей организма и отодвигания «приближения» старости. Одновременно можно выделить и риски в случаях чрезмерной увлечённости биохакингом, связанные с бесконтрольным применением лекарственных и нелекарственных средств (особенно в России, где распространена продажа препаратов без рецепта врача). В отличие от относительно нового феномена, ЗОЖ более понятен и доступен для населения, широк в интерпретациях, его правила можно легко и с минимальными рисками адаптировать к человеку любого возраста и состояния здоровья. При осуществлении населением здоровьесберегающих практик «особая роль дол-

жна отводится медицинским работникам, которые со своей стороны должны вести постоянную работу в области формирования приверженности населения к заботе о своём здоровье, ответственности за свою жизнь и долголетие, своевременному обращению к врачам за консультацией или медицинской помощью; систематическому соблюдению предписаний врачей, особенно если речь идёт о пациентах с уже имеющимися хроническими заболеваниями» [8].

Неправильное питание, вредные привычки и отсутствие физической активности представляют собой риски возникновения хронических заболеваний у населения. Выбор человеком стратегии поведения, стержнем которой является здоровьесберегающие практики, приводит не только к личному благополучию, но и к сокращению экономического бремени для страны. Культуру физического здоровья необходимо прививать человеку с дошкольного возраста «путём внедрения в систему образования основных элементов первичной профилактики, таких как: навыки гигиенического поведения, правила пищевого поведения, физической активности и регулярного мониторинга ключевых показателей здоровья» [8]. Кроме самого человека для формирования культуры самосохранения важным звеном выступает государство, реализующее программы, направленные на повышение социальной значимости здоровья. К ним относятся инструменты маркетингового характера, в частности, социальная реклама, а также программы, направленные на развитие доступной спортивной инфраструктуры. С экономической точки зрения, и увеличение доступности медицинских услуг высокого качества, и активность отдельного индивида в формировании ценностных установок на ЗОЖ и биохакинг, могут обеспечить повышение производительности труда, и, соответственно, рост благосостояния, который, в свою очередь, будет способствовать «отдалению» старости и увеличению здоровых лет жизни.

Литература и интернет-источники

1. **Ярашева, А. В.** Региональные особенности национального проекта «Здравоохранение»: потребность и доступность квалификационного роста медицинских работников / А. В. Ярашева, С. В. Макар // Экономика. Налоги. Право.— 2020.— Т. 13.— № 3.— С. 102–111. DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-3-102-111; EDN: YXWGAR
2. **Мельникова, Т. Б.** Влияние факторов социальной активности и образа жизни на ожидаемую продолжительность здоровой жизни населения региона / Т. Б. Мельникова, А. Ю. Пьянкова // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Экономика и управление.— 2021.— Т. 7.— № 2.— С. 53–60. EDN: ALBONH
3. **Сокольская, М. В.** Здоровье личности как составляющая структуры человеческого капитала / М. В. Сокольская, А. В. Ткаченко // Журнал научных статей Здоровье и образование в XXI веке.— 2016.— Т. 18.— № 2.— С. 802–806. EDN: WDCPIJ
4. **Поздеева, Е. А.** Здоровый образ жизни и биохакинг: анализ понятий, составляющих и основных принципов / Е. А. Поздеева, А. Н. Мелентьев, О. Н. Руссу, Ю. В. Коричко, С. А. Давыдова // Вестник Томского государственного университета.— 2022.— № 477.— С. 191–200. DOI: 10.17223/15617793/477/21; EDN: RLQERC
5. **Макарова, Е. В.** Влияние биохакинга на организм человека / Е. В. Макарова // Вестник научных конференций.— 2020.— № 10–3 (62).— С. 72–74.; EDN: AZBDVK
6. **Двинских, Е. Д.** Применение системы «биохакинг» для профилактики и лечения профессиональных заболеваний органов дыхания / Е. Д. Двинских, А. Е. Пирожков // EUROPEAN RESEARCH. Сборник статей XXVI Международной научно-практической конференции (Пенза, 7 апреля 2020 г.).— Пенза, 2020.— С. 179–181. EDN: XFTCAO
7. **Блэкберн, Э. Э.** Эффект теломер: революционный подход к более молодой, здоровой и долгой жизни / Э. Э. Блэкберн, Э. Эпель.— Москва : Эксмо, 2020.— 384 с.
8. **Аликперова, Н. В.** Ожидаемая продолжительность жизни населения: роль самосохранительного поведения / Н. В. Аликперова, О. Н. Махрова // Самоуправление.— 2022.— № 4(132).— С. 170–174. EDN: XRWLUI
9. **Бичев, В. Г.** Исследование уровня осведомлённости молодёжи о биохакинге / В. Г. Бичев, Р. Е. Горюнова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук.— 2021.— № 6–1(57).— С. 64–67. DOI: 10.24412/2500-1000-2021-6-1-64-67; EDN: FGQMGV
10. **Вековцев, А. А.** Микробиом и биохакинг: парадигма управления здоровьем / А. А. Вековцев, Е. М. Серба, Б. Бямбаа, В. М. Позняковский // Индустрия питания.— 2021.— Т. 6.— № 2.— С. 16–22. DOI 10.29141/2500-1922-2021-6-2-2; EDN: MMZHEE
11. **Федоренко, И. Н.** Здоровый образ жизни и биохакинг: маркетинг, инфокоммуникационные технологии / И. Н. Федоренко, В. Д. Хурда // Лучшие научные исследования 2022. Сборник статей VIII Международного научно-исследовательского конкурса (Пенза, 20 октября 2022 г.).— Пенза, 2022.— С. 30–33. EDN: VTJKLP
12. **Крылова, Н. П.** Гендерные особенности использования технологий биохакинга / Н. П. Крылова, Е. Н. Левашов, Н. Н. Яшалова // Человек. Спорт. Медицина.— 2021.— Т. 21.— № 3.— С. 73–83. DOI: 10.14529/hsm210309; EDN: BQVKPE
13. **Забабурин, Е. С.** Биохакинг как форма здорового образа жизни студентов / Е. С. Забабурин, Е. А. Поздеева // Актуальные вопросы физической культуры и спорта в вузах. Материалы 74-й Всероссийской студенческой научно-практической конференции, посвященные 200-летию со дня рождения П. А. Ильенкова (Москва, 23–24 марта 2021 г.).— Москва, 2021.— С. 22–25. EDN: BPCFTL
14. **Захарова, А. Н.** Мониторинг и менеджмент здоровья, образа жизни и физической активности студенческой молодежи / А. Н. Захарова, Ю. А. Карвунис, Л. В. Капилевич // Вестник Томского государственного университета.— 2021.— № 464.— С. 203–215. DOI: 10.17223/15617793/464/23; EDN: VVUQUQ

15. **Томчук, М. С.** Вредные привычки как фактор риска внешнему виду и здоровью современной молодежи и их отношение к биохакингу / М. С. Томчук / Сборник материалов конференции студентов и молодых ученых, посвященный 95-летию со дня рождения профессора Г. А. Обухова (Гродно, 25–26 апреля 2019 года). — Гродно, 2019. — С. 475–476. EDN: UIGGEV
16. **Новоселова, Е. Н.** Физическая культура и спорт как факторы здоровья и формирования здорового образа жизни / Е. Н. Новоселова // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. — 2021. — Т. 27. — № 1. — С. 112–130. DOI: 10.24290/1029–3736–2021–27–1–112–131; EDN: XRZEME

Сведения об авторах:

Ярашева Азиза Викторовна, д.э.н., проф., проф. РАН, зав. лабораторией, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: baktriana@rambler.ru; ORCID: 0000–0002–6041–7700; Researcher ID Web of Science: A-9976–2017; РИНЦ AuthorID: 519466.

Макар Светлана Владимировна, д.э.н., доцент, ведущий научный сотрудник Центра региональной экономики и межбюджетных отношений Финансового университета при Правительстве РФ; проф. кафедры физической и социально-экономической географии Национального исследовательского Мордовского государственного университета, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: svetwn@mail.ru; ORCID: 0000–0002–1681–8814; Researcher ID Web of Science: M-5794–2018; РИНЦ AuthorID: 374039.

Аликперова Наталья Валерьевна, к.э.н., ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; доцент Финансового университета при Правительстве РФ; научный сотрудник НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: natalie_danilina@mail.ru; ORCID: 0000–0002–5028–078X; Researcher ID Web of Science: S-1899–2018; Scopus Author ID: 57215341618; РИНЦ AuthorID: 754213.

DOI: 10.19181/population.2023.26.2.11

MODERN HEALTH-SAVING PRACTICES OF RUSSIANS

Aziza V. Yarasheva^{1*}, Svetlana V. Makar^{2,3}, Natalia V. Alikperova^{1,2,4}

¹*Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)*

²*Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky prospect, Moscow, Russia, 125993)*

³*Ogarev Mordovia State University*

(68 Bolshevistskaya str., Saransk, Russia, 430005)

⁴*Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management of Moscow Healthcare Department (9 Sharikopodshipnikovskaya str., Moscow, Russia, 115088)*

**E-mail: baktriana@rambler.ru*

For citation:

Yarasheva A. V., Makar S. V., Alikperova N. V. Modern health-saving practices of Russians. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 2. P. 127–138. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.11 (in Russ.)

Abstract. *The article considers a relatively new aspect of the problem of sparsely populated Russia, associated with the possibility of increasing the life expectancy of the population. The ways to solve this problem are connected with the need to achieve the goal of the national project “Healthcare”. The authors show that in addition to improving the functioning of the national health system, human behavior is of great importance—his individual approach to preserving his own health through health-saving practices. In this regard, it is of theoretical and practical interest to compare two vectors of behavior—compliance with the principles of a healthy lifestyle (HLS) and biohacking. The results of the study were an analysis of the values of the indicator of healthy life expectancy of Russians by macro-regions (federal districts) for the three-year period 2019–2021, which included the beginning of the coronavirus pandemic. The analysis made it possible to identify the most “prosperous” and “least prosperous” regions according to the noted indicator. Over the three-year period, a quantitative and qualitative analysis of the trends in the spread of healthy lifestyle among Russians was carried out. The principles of biohacking that are more difficult for an individual to implement are given and its main audiences are noted. It is shown that biohacking, in the presence of many common features with the principles of healthy lifestyle, is a “superstructure” over healthy lifestyle. The conclusions of the article note the role of behavioral aspects in the preferences for choosing health-saving practices. An organizational approach is possible in relation to healthy lifestyle and biohacking, while it is necessary to assess the risks of using the latter for Russia. In order to expand the audience practicing the implementation of the strategy of health-saving behavior, the policy of the State, implemented in particular by medical personnel, is significant. The culture of physical health, which ensures an increase in labor productivity, is a part of the general culture of the nation.*

Keywords: *life expectancy, health-saving practices, healthy lifestyle, biohacking, quality of life, human capital, self-preserving behavior.*

References and Internet sources

1. Yarasheva A. V., Makar S. V. Regional'nyye osobennosti natsional'nogo proyekta «Zdravookhraneniye»: potrebnost' i dostupnost' kvalifikatsionnogo rosta meditsinskikh rabotnikov [Regional features of the national project “Healthcare” implementation: the need and availability of qualification growth for medical professionals]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo [Economics, Taxes and Law]*. 2020. Vol. 13. No. 3. P. 102–111. DOI: 10.26794/1999–849X-2020–13–3–102–111 (in Russ.)
2. Melnikova T. B., Pyankova A. Yu. Vliyaniye faktorov sotsial'noy aktivnosti i obraza zhizni na ozhidayemuyu prodolzhitel'nost' zdorovoy zhizni naseleniya regiona [The impact of factors of social activity and lifestyle on the healthy life expectancy of the population of the region]. *Uchonyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seriya: Ekonomika i upravleniye [Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Economics and Management]*. 2021. Vol. 7. No. 2. P. 53–60. (in Russ.)
3. Sokolskaya M. V., Tkachenko A. V. Zdorov'ye lichnosti kak sostavlyayushchaya struktury chelovecheskogo kapitala [Personal health as a component of the structure of human capital]. *Zhurnal nauchnykh statey Zdorov'ye i obrazovaniye v 21 veke [The Journal of Scientific Articles “Health and Education Millennium”]*. 2016. Vol. 18. No. 2. P. 802–806. (in Russ.)
4. Pozdeeva E. A., Melentyev A. N., Russu O. N., Korichko Yu. V., Davydova S. A. Zdorovyy obraz zhizni i biokhaking: analiz ponyatiy, sostavlyayushchikh i osnovnykh printsipov [Healthy lifestyle and biohacking: Analysis of concepts, components and basic principles]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*. 2022. No. 477. P. 191–200. DOI: 10.17223/15617793/477/21 (in Russ.)

5. Makarova E. V. Vliyanie biokhakinga na organizm cheloveka [The effect of biohacking on human body]. Vestnik nauchnykh konferentsiy [Bulletin of Scientific Conferences]. 2020. No. 10–3(62). P. 72–74. (in Russ.)
6. Dvinskikh E. D., Pirozhkov A. E. Primeneniye sistemy «biokhaking» dlya profilaktiki i lecheniya professional'nykh zabolevaniy organov dykhaniya [Application of the “biohacking” system for the prevention and treatment of occupational respiratory diseases]. EUROPEAN RESEARCH. Proceedings of the XXVI International Scientific and Practical Conference. (Penza, 7 April 2020). Penza. 2020. P. 179–181. (in Russ.)
7. Blackburn E. E., Epel E. Effekt telomer: revolyutsionnyy podkhod k boleye molodoy, zdorovoy i dolgoy zhizni [The Telomere Effect: A Revolutionary Approach to Living Younger, Healthier, Longer]. Moscow. EKSMO. 2020. 384 p. (in Russ.)
8. Alikperova N. V., Makhrova O. N. Ozhidayemaya prodolzhitel'nost' zhizni naseleniya: rol' samosokhranitel'nogo povedeniya [Life expectancy of the population: the role of self-preservation behavior]. Samoupravleniye [Self-Government]. 2022. No. 4(132). P. 170–174. (in Russ.)
9. Bichev V. G., Goryunova R. E. Issledovaniye urovnya osvedomlennosti molodozhi o biokhakinge [Study of youth awareness about biohacking]. Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk [International Journal of Humanities and Natural Sciences]. 2021. No. 6–1(57). P. 64–67. DOI: 10.24412/2500–1000–2021–6–1–64–67 (in Russ.)
10. Vekovtsev A. A., Serba E. M., Byambaa B., Poznyakovskiy V. M. Mikrobiom i biokhaking: paradigma upravleniya zdorov'yem [Microbiome and biohacking: health management paradigm]. Industriya pitaniya [Food Industry]. 2021. Vol. 6. No. 2. P. 16–22. (in Russ.)
11. Fedorenko I. N., Khurda V. D. Zdorovyy obraz zhizni i biokhaking: marketing, infokommunikatsionnyye tekhnologii [Healthy lifestyle and biohacking: marketing, infocommunication technologies]. Luchshiyе nauchnyye issledovaniya 2022 [The Best Scientific Studies 2022]. Collection of the articles presented at the VIII international research competition. Penza. 2022. P. 30–33. (in Russ.)
12. Krylova N. P., Levashov E. N., Yashalova N. N. Gendernyye osobennosti ispol'zovaniya tekhnologiy biokhakinga [Gender features of biohacking technologies]. Chelovek. Sport. Meditsina [Human. Sport. Medicine]. 2021. Vol. 21. No. 3. P. 73–83. DOI: 10.14529/hsm210309 (in Russ.)
13. Zababurina E. S., Pozdeyeva E. A. Biokhaking kak forma zdorovogo obraza zhizni studentov [Biohacking as a form of healthy lifestyle of students]. Aktual'nyye voprosy fizicheskoy kul'tury i sporta v vuzakh [Topical Issues of Physical Culture and Sports in Universities]. Proceedings of the 74th All-Russian student scientific and practical conference dedicated to the 200th anniversary of P. A. Ilyenkov's birth (Moscow, 23–24 March 2021). Moscow. 2021. P. 22–25. (in Russ.)
14. Zakharova A. N., Karvunis Yu. A., Kapilevich L. V. Monitoring i menedzhment zdorov'ya, obraza zhizni i fizicheskoy aktivnosti studencheskoy molodezhi [Monitoring and management of students' health, lifestyle and physical activity]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]. 2021. No. 464. P. 203–215. DOI: 10.17223/15617793/464/23 (in Russ.)
15. Tomchuk M. S. Vrednyye privyчки kak faktor riska vneshnemu vidu i zdorov'yu sovremennoy molodezhi i ikh otnosheniye k biokhakingu [Bad habits as a risk factor for the appearance and health of modern youth and their attitude to biohacking]. Sbornik materialov konferentsii studentov i molodykh uchenykh, posvyashchenny 95-letiyu so dnya rozhdeniya professora G. A. Obukhova [Proceedings of the Conference of Students and Young Scientists Dedicated to the 95th Anniversary of Professor Obukhov's Birth] (Grodno, 25–26 April 2019). Grodno. 2019. P. 475–476. (in Russ.)
16. Novoselova E. N. Fizicheskaya kul'tura i sport kak faktory zdorov'ya i formirovaniya zdorovogo obraza zhizni [Physical education and sport as factors of health and formation of a healthy lifestyle]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science]. 2021. Vol. 27. No. 1. P. 112–130. DOI: 10.24290/1029–3736–2021–27–1–112–131 (in Russ.)

Information about the authors:

Yarasheva Aziza Viktorovna, Doctor of Economics, Professor, Head of laboratory, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Contact Information: e-mail: baktriana@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-6041-7700; Researcher ID Web of Science: A-9976-2017; Elibrary AuthorID: 519466

Makar Svetlana Vladimirovna, Doctor of Economics, Associate Professor, Leading Researcher, Financial University under the Government of the Russian Federation; Professor, Ogarev Mordovia State University, Moscow, Russia.

Contact Information: e-mail: svetwn@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1681-8814; Researcher ID Web of Science: M-5794-2018; Elibrary AuthorID: 374039

Alikperova Natalia Valerievna, Candidate of Economics, Leading Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation; Researcher, Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management of Moscow Healthcare Department, Moscow, Russia.

Contact Information: e-mail: natalie_danilina@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5028-078X; Researcher ID Web of Science: S-1899-2018; Scopus Author ID: 57215341618; Elibrary AuthorID: 754213.

Статья поступила в редакцию 17.02.2023, утверждена 03.05.2023, опубликована 30.06.2023.

DOI: 10.19181/population.2023.26.2.12

EDN: YEDGYO

ОБРАЩЕНИЯ В ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И ЧАСТНЫЕ МЕДИЦИНСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ: ВЫБОР ПАЦИЕНТОВ

Давитадзе А. П.^{1,2*}, Александрова Е. А.^{1,2}

¹Первый МГМУ имени И. М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет)
(119991, Россия, Москва, ул. Трубецкая, 8)

²Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)
(101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20)

*E-mail: davitadzeap@gmail.com

Для цитирования:

Давитадзе А. П., Александрова Е. А. Обращения в государственные и частные медицинские организации: выбор пациентов // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 2. – С. 139-152. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.12; EDN: YEDGYO

Аннотация. В российской системе здравоохранения пациенты имеют возможность выбора получения медицинской помощи в государственных или частных учреждениях. Согласно теоретической модели Андерсена, выбор пациента обусловлен тремя основными группами факторов: предрасполагающие факторы (*predisposing factors*), факторы возможности (*enabling factors*) и факторы потребности (*need factors*). Цель данного исследования — идентифицировать характеристики, определяющие выбор пациентов государственных или частных медицинских организаций в России. На основе данных «Выборочного наблюдения качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения» за 2019 г. был предпринят статистический и регрессионный анализ, который показал, какие группы пациентов более склонны обращаться в государственные клиники, а какие — в частные. Установлено, что мужчины и представители старших возрастных групп более вероятно обращались в государственные клиники, а люди с высшим образованием, имеющие работу и проживающие в крупных населённых пунктах более вероятно обращались в частные. Высокие доходы, наличие полиса добровольного медицинского страхования и получение медицинских услуг вне своего населённого пункта проживания оказались характеристиками, связанными с более вероятным использованием частных медицинских организаций пациентами. Также определено, что люди с плохим состоянием здоровья более вероятно обращаются в частные клиники, а люди, имеющие инвалидность, более склонны пользоваться услугами государственных клиник.

Ключевые слова: потребительский выбор, система здравоохранения, выбор пациента, модель Андерсена, государственные медицинские организации, частные медицинские организации.

Введение

В системах здравоохранения разных стран, в том числе и в России, предполагается определённая свобода в выборе пациентами провайдеров медицинских услуг, больниц, врачей [1; 2]. Исследование факторов, влияющих на принятие решений пациентами в отношении выбора в сфере здравоохранения, является актуальным в областях общественного здоровья и экономики здоровья, поскольку способствует определению оптимальных стратегий развития системы здравоохранения, повышению качества оказания медицинской помощи и удовлетворению потребностей населения.

Выбор медицинской помощи пациентами зависит от многих характеристик и определяется условиями системы здравоохранения, в которой он осуществляется [3]. Характеристики пациентов, которые влияют на принятие ими решений о получении медицинской помощи, варьируются между странами из-за различий в устройстве систем здравоохранения. На данный момент поведение российских потребителей услуг системы здравоохранения недостаточно изучено, чтобы утверждать, как ведут себя группы населения, имеющие различные социально-демографические и другие характеристики. Цель данного исследования — идентифицировать характеристики, определяющие выбор пациентов государственных или частных медицинских организаций в России.

В качестве теоретической модели, позволяющей определить эти характеристики, была выбрана модель Андерсена [4]. В соответствии с указанной моделью на решение индивида об использовании системы здравоохранения влияют три группы факторов. Первая группа состоит из predisposing factors — социальных характеристик пациентов. Под ними понимаются пол, возраст, место проживания, семейное положение, а также представления индивидов о здоровье и здравоохранении (health beliefs). Вторая группа

включает факторы возможности (enabling factors), связанные с доходами индивидов, наличием медицинского страхования и близостью медицинских организаций. Третья группа объединяет факторы, определяющие потребности индивида в получении медицинской помощи (need factors), а именно — необходимость конкретной помощи для пациента, срочность её оказания и её объем. Модель Андерсена используется для описания большого количества различных ситуаций выбора в разных системах здравоохранения [5; 6].

В России модель Андерсена ранее не применялась для изучения поведения индивидов при выборе медицинской помощи. Между тем международная практика показывает, что применение этой модели позволяет определить, какие группы населения более склонны пользоваться услугами одних организаций по сравнению с другими. К примеру, использование модели для изучения принятия решений пациентами в выборе частной или государственной медицинской помощи в развитых странах показывает, что люди с более высоким социально-демографическим статусом (большие доходы, медицинское страхование) предпочитают обращаться в частные медицинские организации [3]. В развивающихся странах (Китай, Индия) получены противоположные результаты: люди с более высоким социально-демографическим статусом предпочитают пользоваться услугами государственных учреждений [7; 8].

Данные и методы

Работа основана на данных эмпирического исследования «Выборочное наблюдение качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения», проведённого Росстатом в 2019 году¹. Раздел «Здравоохра-

¹ Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Выборочное наблюдение качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения 2019. — URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KDU_2019/index.html (дата обращения: 18.01.2023).

нение» данного наблюдения позволяет изучить поведение респондентов в части обращения за медицинской помощью за последние 12 месяцев. Наибольший интерес для данного исследования представляют две ситуации получения помощи: «Первичная доврачебная и врачебная медицинская помощь» и «Обращение к врачу-специалисту». Для каждой ситуации определён факт получения помощи, место её получения (в государственных или частных учреждениях) и стоимость этой помощи для индивида. Из 90307 совершеннолетних респондентов 48,6% сообщили о том, в каких организациях они преимущественно получали первичную медицинскую помощь за последние 12 месяцев, а 34,8% опрошенных сообщили о том,

где они проходили консультации (медицинские обследования) у врачей-специалистов хотя бы однажды за последний год.

Выявить характеристики, определяющие выбор пациентов между государственными или частными медицинскими организациями, позволяет построение логит-моделей для нескольких этапов в каждой ситуации получения медицинской помощи (табл. 1). Основные результаты представлены в моделях 1.1 и 2.1, остальные модели необходимы для проверки устойчивости. Модели 1.2 и 2.2 построены для проверки качества зависимых переменных моделей 1.1 и 2.1, а модель 2.3 позволила провести дополнительную проверку результатов модели 2.1 с учётом гетерогенности респондентов.

Таблица 1
Этапы оценки логит-моделей и использованные в них переменные

Table 1

Stages of logit models estimation and variables used

Ситуация получения медицинской помощи	Этап оценки модели	Зависимая переменная	Независимые переменные (факторы модели Андерсена)
Первичная медицинская помощь	Модель 1.1	1 – респондент обращался за первичной помощью преимущественно в частные медицинские организации; 0 – преимущественно в государственные	Предрасполагающие факторы: пол, возраст, достигнутый уровень образования, семейное положение, статус основной занятости, размер населённого пункта проживания, федеральный округ проживания, восприятие эффективности получаемой медицинской помощи; Факторы возможности: доход индивидов относительно доступности платных медицинских услуг, наличие только полиса обязательного медицинского страхования или также полиса добровольного страхования, отдалённость от мест получения медицинских услуг; Факторы потребности: оценки индивидами собственного здоровья, наличие у них функциональных ограничений, хронических заболеваний и инвалидности
	Модель 1.2	1 – респондент преимущественно платил за первичную медицинскую помощь по счетам за отдельные виды услуг; 0 – преимущественно получал её бесплатно благодаря полису медицинского страхования	
Обращения к врачам-специалистам	Модель 2.1	1 – респондент обращался за помощью врачей-специалистов в частные медицинские организации; 0 – только в государственные	
	Модель 2.2	1 – респондент платил за помощь врачей-специалистов по счетам за отдельные виды услуг; 0 – получал её только бесплатно благодаря полису медицинского страхования	
	Модель 2.3	1 – респондент обращался за помощью врачей-специалистов только в частные медицинские организации; 0 – только в государственные	

Источник: расчёты авторов.

Результаты

Большинство респондентов пользовались услугами государственных учреждений в обеих ситуациях получения медицинской помощи: 42747 респондентов из 43936 (97,3%) преимущественно обращались за первичной медицинской помощью в государственные организации, а 24790 респондентов из 31424 (78,9%) обращались за помощью врачей-специалистов только в государственные клиники. Также в обеих ситуациях получения медицинской помощи большинство респондентов получали необходимые услуги бесплатно: 95,6% преимущественно не платили за первичную медицинскую помощь и 72,2% респондентов не платили за услуги врачей-специалистов.

Результаты анализа показали, что сре-

ди пациентов, обращавшихся за первичной помощью, редко встречаются те, кто получали платную помощь в государственных клиниках и бесплатную помощь в частных клиниках (табл. 2). При посещении врачей-специалистов получение бесплатной помощи в частных клиниках остаётся редким, в то время как получение платной помощи в государственных клиниках встречается в три раза чаще (хотя доля таких случаев небольшая — 8% среди всех респондентов). Выявлена связь между видом медицинской организации (государственная или частная) и способом получения помощи (платно или бесплатно), что подтверждает возможность использования альтернативных зависимых переменных для проверки устойчивости результатов регрессионных моделей.

Таблица 2
Поведение пациентов в отношении обращений за первичной медицинской помощью и получения консультаций у врача-специалиста

Table 2

Health care utilization by patients in primary care and specialist care cases

Причина и место обращения		Бесплатно, человек (%)	Платно, человек (%)	Коэффициент корреляции (p-значение)
Получали первичную помощь				
Обращались за первичной помощью	в государственные клиники	41791 (95,12%)	956 (2,18%)	0,64 (0,00)
	в частные клиники	205 (0,46%)	984 (2,24%)	
Получали помощь у врачей-специалистов				
Обращались к врачам-специалистам	в государственные клиники	22380 (71,22%)	2410 (7,67%)	0,78 (0,00)
	в частные клиники	324 (1,03%)	6310 (20,08%)	

Источник: расчёты авторов.

Статистический анализ с помощью теста хи-квадрат Пирсона показал значимые различия в спросе на первичную медицинскую помощь, оказываемую государственными и частными клиниками, среди разных групп населения (табл. 3). Например, среди представителей старших возрастных групп более распространены обращения в государственные клиники чем среди представителей более молодых возрастных

групп. Более высокий спрос на услуги частных клиник наблюдается среди занятого населения и среди респондентов с высшим образованием. Также выявлено, что среди респондентов, которые оценивают получаемую ими медицинскую помощь как полностью эффективную, использование государственных клиник встречается реже чем среди тех, кто видит в этой помощи меньшую эффективность.

Таблица 3

**Частота обращений за первичной медицинской помощью среди
разных подгрупп по предрасполагающим факторам**

Table 3

Primary care visits frequency in different subgroups by predisposing factors

Факторы	Наименование переменных	Обращались за первичной помощью в клиники, человек (%)		Тест хи-квадрат (р-значение)
		государственные	частные	
Пол	Женский	29210 (97,42%)	774 (2,58%)	5,59 (0,02)
	Мужской	13537 (97,03%)	415 (2,97%)	
Возраст	18–29 лет	3971 (96,48%)	145 (3,52%)	263,44 (0,00)
	30–39 лет	6516 (95,47%)	309 (4,53%)	
	40–49 лет	6532 (96,03%)	270 (3,97%)	
	50–59 лет	8653 (97,38%)	233 (2,62%)	
	60–69 лет	10438 (98,49%)	160 (1,51%)	
	от 70 лет	6637 (98,93%)	72 (1,07%)	
Достигнутый уровень образования	Основное или среднее общее	9429 (98,49%)	145 (1,51%)	299,69 (0,00)
	Среднее профессиональное	19889 (98,08%)	390 (1,92%)	
	Высшее	13429 (95,36%)	654 (4,64%)	
Семейное положение	Не состоят в браке	16972 (97,67%)	404 (2,33%)	15,86 (0,00)
	Состоят в браке	25775 (97,04%)	785 (2,96%)	
Статус основной занятости	Не работают	19188 (98,52%)	289 (1,48%)	198,56 (0,00)
	Работают	23559 (96,32%)	900 (3,68%)	
Населённый пункт проживания (по численности населения)	до 50 тыс. чел.	21251 (98,38%)	351 (1,62%)	197,24 (0,00)
	50–100 тыс. чел.	3354 (96,68%)	115 (3,32%)	
	100–250 тыс. чел.	3907 (95,64%)	178 (4,36%)	
	250–999 тыс. чел.	8861 (96,28%)	342 (3,72%)	
	от 1 млн. чел.	5374 (96,36%)	203 (3,64%)	
Федеральный округ	Центральный	10284 (97,48%)	266 (2,52%)	22,82 (0,00)
	Северо-Западный	4871 (97,01%)	150 (2,99%)	
	Приволжский	8816 (97,68%)	209 (2,32%)	
	Уральский	2934 (97,28%)	82 (2,72%)	
	Сибирский	4911 (96,54%)	176 (3,46%)	
	Дальневосточный	3925 (97,49%)	101 (2,51%)	
	Южный	4299 (96,91%)	137 (3,09%)	
	Северо-Кавказский	2707 (97,55%)	68 (2,45%)	
Эффективность медицинской помощи	Неэффективна	6937 (98,08%)	136 (1,92%)	263,49 (0,00)
	Частично эффективна	23080 (98,14%)	438 (1,86%)	
	Полностью эффективна	12730 (95,39%)	615 (4,61%)	

Источник: расчёты авторов.

Более высокий спрос на услуги частных клиник найден среди групп респондентов с высокими доходами. Результаты статистического анализа для групп респондентов с разными уровнями здоровья показали, что среди тех, кто имеет больше проблем со здоровьем, обращения в государственные клиники встречаются чаще, чем среди тех, кто сообщает об отсутствии проблем со здоровьем (табл. 4).

Аналогичный статистический анализ респондентов, которые обращались за помощью к врачам-специалистам, дал схожие результаты (табл. 5). Более высокие доли обращений в государственные клиники обнаружены среди представителей старших возрастных групп, респондентов, не имеющих высшее образование, неработающих индивидов, а также тех, кто оценивает оказываемую им медицинскую по-

Таблица 4

Частота обращений за первичной медицинской помощью среди разных подгрупп по факторам возможности и факторам потребности

Table 4

Primary care visits frequency in different subgroups by enabling and need factors

Группа факторов	Факторы	Наименование переменных	Обращались за первичной помощью, человек (%)		Тест хи-квадрат (p-значение)
			в государственные клиники	в частные клиники (%)	
Факторы возможности (enabling factors)	Доходы (относительно доступности платных медицинских услуг)	Нет достаточных средств	6347 (99,81%)	12 (0,19%)	319,62 (0,00)
		При существенных ограничениях расходов	29210 (97,37%)	790 (2,63%)	
		Без ограничений	7190 (94,89%)	387 (5,11%)	
	Медицинское страхование	Имеют только ОМС	42165 (97,51%)	1076 (2,49%)	492,63 (0,00)
		Имеют ДМС	582 (83,74%)	113 (16,26%)	
	Отдалённость от мест получения медицинских услуг	Не покидали место проживания для получения медицинских услуг	36553 (97,56%)	916 (2,44%)	66,12 (0,00)
Покидали место проживания для получения медицинских услуг		6194 (95,78%)	273 (4,22%)		
Факторы потребности (need factors)	Самооценка здоровья	Плохое	4745 (98,63%)	66 (1,37%)	87,54 (0,00)
		Удовлетворительное	26020 (97,53%)	659 (2,47%)	
		Хорошее	11982 (96,27%)	464 (3,73%)	
	Функциональные ограничения	Не имеют	31057 (96,90%)	992 (3,10%)	68,09 (0,00)
		Имеют хотя бы одно	11690 (98,34%)	197 (1,66%)	
	Хронические заболевания	Не имеют	17375 (96,75%)	584 (3,25%)	34,35 (0,00)
		Имеют хотя бы одно	25372 (97,67%)	605 (2,33%)	
	Инвалидность	Не имеют	38258 (97,13%)	1130 (2,87%)	38,25 (0,00)
Имеют		4489 (98,70%)	59 (1,30%)		

Источник: расчёты авторов.

мощь как полностью эффективную. В этом анализе более ярко выражены гендерные различия в использовании разных видов клиник: среди женщин чаще встречаются обращения к врачам-специалистам в частные клиники чем среди мужчин.

Среди респондентов, посещавших врачей-специалистов, не для всех факторов получены значимые различия (табл. 6). Между имеющими и не имеющими хронические заболевания не обнаружены различия в долях обращений за помощью в различные

Таблица 5

Частота обращений за помощью врачей-специалистов среди разных подгрупп по predisposing факторам

Table 5

Specialist care visits frequency in different subgroups by predisposing factors

Факторы	Наименование переменных	Обращались за первичной помощью в клиники, человек (%)		Тест хи-квадрат (р-значение)
		государственные	частные	
Пол	Женский	17331 (78,00%)	4889 (22,00%)	36,19 (0,00)
	Мужской	7459 (81,04%)	1745 (18,96%)	
Возраст	18–29 лет	2091 (77,47%)	608 (22,53%)	256,85 (0,00)
	30–39 лет	3504 (74,55%)	1196 (25,45%)	
	40–49 лет	3632 (75,90%)	1153 (24,10%)	
	50–59 лет	4984 (77,08%)	1482 (22,92%)	
	60–69 лет	6344 (80,92%)	1496 (19,08%)	
	от 70 лет	4235 (85,83%)	699 (14,17%)	
Достигнутый уровень образования	Среднее общее	5403 (84,47%)	993 (15,53%)	429,63 (0,00)
	Среднее профессиональное	11812 (81,12%)	2750 (18,88%)	
	Высшее	7575 (72,38%)	2891 (27,62%)	
Семейное положение	Не состоят в браке	9993 (80,18%)	2470 (19,82%)	20,72 (0,00)
	Состоят в браке	14797 (78,04%)	4164 (21,96%)	
Статус основной занятости	Не работают	11921 (83,70%)	2321 (16,30%)	362,50 (0,00)
	Работают	12869 (74,90%)	4313 (25,10%)	
Населённый пункт проживания	до 50 тыс. человек	12131 (81,65%)	2726 (18,35%)	209,65 (0,00)
	50–100 тыс. человек	1878 (73,56%)	675 (26,44%)	
	100–250 тыс. человек	2185 (74,62%)	743 (25,38%)	
	250–999 тыс. человек	5357 (75,41%)	1747 (24,59%)	
	от 1 млн. человек	3239 (81,34%)	743 (18,66%)	
Федеральный округ	Центральный	5773 (78,48%)	1583 (21,52%)	143,42 (0,00)
	Северо-Западный	2807 (75,09%)	931 (24,91%)	
	Приволжский	5435 (82,06%)	1188 (17,94%)	
	Уральский	1748 (81,04%)	409 (18,96%)	
	Сибирский	2999 (80,86%)	710 (19,14%)	
	Дальневосточный	2442 (80,22%)	602 (19,78%)	
	Южный	2291 (75,56%)	741 (24,44%)	
	Северо-Кавказский	1295 (73,37%)	470 (26,63%)	
Эффективность медицинской помощи	Неэффективна	3908 (73,43%)	1414 (26,57%)	202,88 (0,00)
	Частично эффективна	13490 (78,30%)	3739 (21,70%)	
	Полностью эффективна	7392 (83,31%)	1481 (16,69%)	

Источник: расчёты авторов.

виды медицинских организаций. Результаты статистического анализа для респондентов, обращавшихся к врачам-специалистам, свидетельствуют о наименьшем спросе на услуги государственных клиник среди всех рассмотренных подгрупп населения: чуть больше половины людей, имеющих полис добровольного медицинского страхования (ДМС), предпочитали использовать государственные клиники частным.

Результаты логистического регрессионного анализа (табл. 7) представлены в виде отношения шансов (odds ratio). Для всех этапов оценки моделей характерны общие ре-

зультаты, с помощью которых идентифицированы характеристики, определяющие выбор пациентов государственных или частных медицинских организаций. Принадлежность к старшим возрастным группам связана с более низкой вероятностью посещения частных клиник как для получения первичной медицинской помощи, так и для получения консультаций у врачей-специалистов. Оценки каждой из пяти моделей подтверждают, что наличие высшего образования и проживание в крупных населённых пунктах связаны с более высокой вероятностью обращений в частные клиники.

Таблица 6

Частота обращений за помощью врачей-специалистов среди разных подгрупп по факторам возможности и факторам потребности

Table 6

Specialist care visits frequency in different subgroups by enabling and need factors

Группы факторов	Факторы	Наименование переменных	Обращались к врачам-специалистам, человек (%)		Тест хи-квадрат (p-значение)
			в государственные клиники	в частные клиники (%)	
Факторы возможности (enabling factors)	Доходы (относительно доступности платных медицинских услуг)	Нет достаточных средств	4173 (99,24%)	32 (0,76%)	1241,43 (0,00)
		При существенных ограничениях расходов	16728 (76,46%)	5150 (23,54%)	
		Без ограничений	3889 (72,81%)	1452 (27,19%)	
	Медицинское страхование	Имеют только ОМС	24482 (79,38%)	6360 (20,62%)	240,09 (0,00)
		Имеют ДМС	308 (52,92%)	274 (47,08%)	
	Отдалённость от мест получения медицинских услуг	Не покидали место проживания для получения медицинских услуг	18384 (81,29%)	4231 (18,71%)	279,58 (0,00)
Покидали место проживания для получения медицинских услуг		6406 (72,72%)	2403 (27,28%)		
Факторы потребности (need factors)	Самооценка здоровья	Плохое	3238 (82,52%)	686 (17,48%)	36,65 (0,00)
		Удовлетворительное	15607 (78,54%)	4265 (21,46%)	
		Хорошее	5945 (77,94%)	1683 (22,06%)	
	Функциональные ограничения	Не имеют	17330 (77,84%)	4933 (22,16%)	50,22 (0,00)
		Имеют хотя бы одно	7460 (81,43%)	1701 (18,57%)	
	Хронические заболевания	Не имеют	8673 (79,09%)	2293 (20,91%)	0,41 (0,52)
		Имеют хотя бы одно	16117 (78,78%)	4341 (21,22%)	
	Инвалидность	Не имеют	21605 (78,01%)	6090 (21,99%)	108,09 (0,00)
Имеют		3185 (85,41%)	544 (14,59%)		

Источник: расчёты авторов.

Таблица 7
Результаты логистического регрессионного анализа: предрасполагающие факторы

Table 7

Results of logistic regression analysis: predisposing factors

Переменные	Значения переменных	Первичная помощь		Помощь врачей-специалистов		
		Модель 1.1	Модель 1.2	Модель 2.1	Модель 2.2	Модель 2.3
Пол	Женский	Ref.	Ref.	Ref.	Ref.	Ref.
	Мужской	1,06 (0,07)	0,96 (0,05)	0,81*** (0,03)	0,76*** (0,02)	0,88** (0,04)
Возраст	18–29 лет	Ref.	Ref.	Ref.	Ref.	Ref.
	30–39 лет	1,13 (0,13)	0,97 (0,09)	0,96 (0,06)	1,06 (0,06)	0,97 (0,08)
	40–49 лет	1,04 (0,12)	1,02 (0,10)	0,87* (0,06)	0,96 (0,06)	0,91 (0,07)
	50–59 лет	0,75* (0,09)	0,80* (0,08)	0,82** (0,05)	0,93 (0,05)	0,83* (0,07)
	60–69 лет	0,53*** (0,07)	0,67*** (0,07)	0,78*** (0,05)	0,88* (0,05)	0,81* (0,07)
	от 70 лет	0,42*** (0,07)	0,48*** (0,06)	0,62*** (0,05)	0,69*** (0,05)	0,61*** (0,06)
Достигнутый уровень образования	Основное или среднее общее	Ref.	Ref.	Ref.	Ref.	Ref.
	Среднее профессиональное	1,10 (0,12)	1,06 (0,08)	1,10* (0,05)	1,08 (0,04)	0,87* (0,05)
	Высшее	1,89*** (0,20)	1,69*** (0,13)	1,50*** (0,07)	1,44*** (0,06)	1,37*** (0,08)
Семейное положение	Не состоят в браке	Ref.	Ref.	Ref.	Ref.	Ref.
	Состоят в браке	0,95 (0,07)	1,04 (0,06)	0,94 (0,03)	0,88*** (0,03)	0,87** (0,04)
Статус основной занятости	Не работают	Ref.	Ref.	Ref.	Ref.	Ref.
	Работают	1,19 (0,11)	1,27*** (0,09)	1,24*** (0,05)	1,25*** (0,05)	1,38*** (0,08)
Населённый пункт проживания (по численности населения)	до 50 тыс. чел.	Ref.	Ref.	Ref.	Ref.	Ref.
	50–100 тыс. чел.	2,92*** (0,35)	1,96*** (0,19)	2,69*** (0,16)	2,56*** (0,14)	2,17*** (0,17)
	100–250 тыс. чел.	4,26*** (0,47)	2,82*** (0,24)	2,43*** (0,14)	2,17*** (0,11)	2,39*** (0,17)
	250 тыс. чел. – 1 млн. чел.	3,63*** (0,35)	2,43*** (0,18)	2,67*** (0,13)	2,69*** (0,11)	2,14*** (0,13)
	от 1 млн. чел.	3,07*** (0,34)	2,53*** (0,22)	1,94*** (0,11)	2,01*** (0,10)	1,82*** (0,14)
Федеральный округ	8 федеральных округов	Вкл.	Вкл.	Вкл.	Вкл.	Вкл.
Эффективность медицинской помощи	Неэффективна	Ref.	Ref.	Ref.	Ref.	Ref.
	Частично эффективна	0,90 (0,09)	0,75*** (0,05)	0,69*** (0,03)	0,67*** (0,02)	0,66*** (0,04)
	Полностью эффективна	2,25*** (0,23)	1,27** (0,09)	0,52*** (0,02)	0,47*** (0,02)	0,67*** (0,04)
Константа		0,01*** (0,00)	0,02*** (0,00)	0,26*** (0,02)	0,18*** (0,02)	0,12*** (0,01)
Наблюдения		43936	43936	31424	31424	27996
Псевдо-R ²		0,137	0,114	0,135	0,117	0,104

*p<0,05; **p<0,01; ***p<0,001.

Источник: расчёты авторов.

Таблица 8

**Результаты логистического регрессионного анализа:
факторы возможности и факторы потребности**

Table 8

Results of logistic regression analysis: enabling and need factors

Группы факторов	Переменные	Значения переменных	Первичная помощь		Помощь врачей-специалистов		
			Модель 1.1	Модель 1.2	Модель 2.1	Модель 2.2	Модель 2.3
Факторы возможности (enabling factors)	Доходы (относительно доступности платных медицинских услуг)	Нет достаточных средств	0,06*** (0,02)	0,01*** (0,00)	0,02*** (0,00)	0,02*** (0,00)	0,03*** (0,01)
		При существенных ограничениях расходов	0,62*** (0,04)	0,71*** (0,04)	0,83*** (0,03)	0,91** (0,03)	0,77*** (0,04)
		Без ограничений	Ref.	Ref.	Ref.	Ref.	Ref.
	Медицинское страхование	Имеют только ОМС	Ref.	Ref.	Ref.	Ref.	Ref.
		Имеют ДМС	4,37*** (0,50)	0,66 (0,12)	2,67*** (0,24)	0,54** (0,05)	3,27*** (0,33)
	Отдалённость от мест получения медицинских услуг	Не покидали место проживания для получения медуслуг	Ref.	Ref.	Ref.	Ref.	Ref.
Покидали место проживания для получения медуслуг		4,35*** (0,41)	5,08*** (0,34)	2,95*** (0,13)	3,38*** (0,13)	2,61*** (0,15)	
Факторы потребности (need factors)	Самооценка здоровья	Плохое	1,30 (0,21)	1,24 (0,15)	1,22** (0,08)	1,24*** (0,08)	1,06 (0,10)
		Удовлетворительное	1,27** (0,10)	1,22** (0,08)	1,18** (0,05)	1,18** (0,05)	1,15** (0,06)
		Хорошее	Ref.	Ref.	Ref.	Ref.	Ref.
	Функциональные ограничения	Не имеют	Ref.	Ref.	Ref.	Ref.	Ref.
		Имеют хотя бы одно	1,00 (0,09)	1,13 (0,08)	1,04 (0,04)	1,03 (0,04)	1,03 (0,06)
	Хронические заболевания	Не имеют	Ref.	Ref.	Ref.	Ref.	Ref.
		Имеют хотя бы одно	1,13 (0,08)	1,10 (0,06)	1,18*** (0,04)	1,14*** (0,04)	0,95 (0,04)
	Инвалидность	Не имеют	Ref.	Ref.	Ref.	Ref.	Ref.
Имеют		0,74 (0,11)	0,67*** (0,07)	0,70** (0,04)	0,78** (0,04)	0,64*** (0,05)	
Константа		0,01*** (0,00)	0,02*** (0,00)	0,26*** (0,02)	0,18** (0,02)	0,12*** (0,01)	
Наблюдения		43936	43936	31424	31424	27996	
Псевдо-R ²		0,137	0,114	0,135	0,117	0,104	

*p<0,05; **p<0,01; ***p<0,001.

Источник: расчёты авторов.

На всех этапах оценки моделей низкие доходы и наличие инвалидности оказались значимо связанными с более низкой вероятностью использования частных клиник, а наличие полиса ДМС, посещение учреждений вдали от места проживания и «удовлетворительное» здоровье — значимо связанными с повышением вероятности обращений в частные клиники (табл. 8). Гендерные различия в регресси-

ях найдены среди респондентов, которые ходили к врачам-специалистам: мужчины менее вероятно пользовались услугами частных клиник.

Незначительные колебания величины коэффициентов и потеря статистической значимости оценок преимущественно объясняются либо спецификой определения зависимых переменных, которые значимо коррелируют с доходами респон-

дентов, либо особенностью формирования выборок респондентов на каждом этапе оценки моделей. Например, значительное число тех, кто имел хотя бы одно хроническое заболевание, попадают в группу посетителей обоих видов клиник, данные о которых не были включены в модель 2.3.

Выводы

Проведённое исследование позволило идентифицировать характеристики, определяющие выбор населения между государственными и частными медицинскими организациями в России. Тестирование модели Андерсена с использованием данных выборочного наблюдения Росстата позволяет сделать вывод о том, что ряд факторов из всех трёх групп (предрасполагающие факторы, факторы возможности и факторы потребности) способен предсказывать поведение пациентов в ситуации выбора медицинской помощи.

В группе предрасполагающих факторов практически все переменные показали взаимосвязь с предпочтениями индивидов в выборе частных или государственных медицинских организаций. Мужчины и представители старших возрастных групп более вероятно обращались в государственные клиники, в то время как люди с высшим образованием, имеющие работу и проживающие в населённых пунктах с высокой численностью населения более вероятно обращались в частные. В других странах наблюдались схожие тенденции в поведении индивидов [5; 9; 10]. Вместе с тем наши результаты не позволяют однозначно определить, как ведут себя индивиды с различными представлениями о здравоохранении в случае выбора места получения медицинской помощи. Также отметим, что семейное положение не оказалось значимой переменной в определении предпочтений индивидов [7; 8].

Все переменные группы факторов возможности — более высокие доходы, наличие полиса ДМС и получение медицинских услуг вне своего населённого пункта

проживания — оказались связаны с повышением вероятности использования частных медицинских организаций. В отличие от двух других переменных, отдалённость от медицинских услуг отражает более низкий уровень факторов возможности, поскольку людям приходится получать помощь в другом городе, другом регионе, другом федеральном округе или даже вне РФ. Однако, эта переменная может отражать более высокий уровень доходов, поскольку такие пациенты могут позволить себе транспортные издержки. Исследования, проведённые в других странах, показали аналогичные результаты для отдалённости пациента от места получения медицинских услуг [5; 6]. Для переменных дохода и наличия дополнительного медицинского страхования только в некоторых работах были найдены схожие с данным исследованием оценки [5; 9], а в других — противоположные эффекты [3; 7; 8].

Из группы факторов потребности оценки собственного здоровья ниже «хорошего» и наличие хотя бы одного хронического заболевания, то есть худшее состояние здоровья, были связаны с повышенной вероятностью обращений в частные медицинские организации. Такая же взаимосвязь была найдена в исследованиях для других стран [7; 9]. Противоположный эффект [5] получился для людей с инвалидностью, которые с повышенной вероятностью обращались в государственные медицинские организации.

Ограничением проведённого анализа является то, что были выбраны не самые актуальные доступные на момент исследования данные (за 2021 г.), а данные за 2019 год. Это решение было принято в связи с влиянием на выбор пациентов пандемии COVID-19, которая могла исказить их привычное поведение. В дальнейшем планируется проведение сравнительного анализа данных за 2019 и 2021 годы с целью определения эффекта пандемии на потребительский выбор в системе здравоохранения.

Литература и Интернет-источники

1. **Шейман, И.М.** Расширение потребительского выбора в здравоохранении: теория, практика, перспективы / И.М. Шейман, С.В. Шишкин. — Москва : Высшая Школа Экономики, 2012. — 262 с.
2. **Sheiman, I.** Opportunities and limitations of patient choice: the case of the Russian Federation / I. Sheiman, S. Shishkin, H. Markelova // Health Policy and Planning. — 2014. — Vol. 29(1). — P. 106–114. DOI: 10.1093/heapol/czs139; EDN: SKKTYN
3. **Victoor, A.** Determinants of patient choice of healthcare providers: a scoping review / A. Victoor, D. Delnoij, R. Friele, J. Rademakers // BMC Health Services Research. — 2012. — No. 272. — URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/22913549/>. (дата обращения: 10.01.2023.). DOI: 10.1186/1472-6963-12-272
4. **Andersen, R.M.** Revisiting the Behavioral Model and Access to Medical Care: Does it Matter? / R.M. Andersen // Journal of Health and Social Behavior. — 1995. — Vol. 36(1). — P. 1–10.
5. **Gil, M.R.** Factors affecting the choice of national and public hospitals among outpatient service users in South Korea / M.R. Gil, C.G. Choi // INQUIRY: The Journal of Health Care Organization, Provision, and Financing. — 2019. — Vol. 56. — P. 1–11. DOI: 10.1177/0046958019833256
6. **Zeng, Y.** Healthcare-seeking behavior among Chinese older adults: patterns and predictive factors / Y. Zeng, Y. Wan, Z. Yuan, Y. Fang // International Journal of Environmental Research and Public Health. — 2021. — Vol. 18(6). DOI: 10.3390/ijerph18062969
7. **Wang, Q.** Insurance coverage and socioeconomic differences in patient choice between private and public health care providers in China / Q. Wang, D. Zhang, Z. Hou // Social Science & Medicine. — 2016. — Vol. 170. — P. 124–132. DOI: 10.1016/j.socscimed.2016.10.016
8. **Dey, D.K.** Determinants of choice of healthcare services utilization: empirical evidence from India / D.K. Dey, V. Mishra // Indian Journal of Community Health. — 2014. — Vol. 26(4). — P. 356–363.
9. **Kundu, J.** The interregional disparity in the choice of health care utilization among elderly in India / J. Kundu, M.P. Bharadwaz, S. Kundu, D.W. Bansod // Clinical Epidemiology and Global Health. — 2022. — Vol. 15. DOI: 10.1016/j.cegh.2021.100929
10. **Nguyen, T.A.** Factors Influencing the Vietnamese Older Persons in Choosing Healthcare Facilities / T.A. Nguyen, L. T. Giang // Health Services Insights. — 2021. — Vol. 14. — P. 1–14. DOI: 10.1177/11786329211017426

Сведения об авторах:

Давитадзе Арсен Паатович, младший научный сотрудник, Междисциплинарный центр исследований общественного здоровья Первого МГМУ имени И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет); аспирант Департамента прикладной экономики, НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: davitadzeap@gmail.com; ORCID: 0000-0002-5243-3671; РИНЦ AuthorID: 1089825.

Александрова Екатерина Александровна, к.э.н., директор, Междисциплинарный центр исследований общественного здоровья Первого МГМУ имени И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет); доцент Департамента прикладной экономики НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: eaaleksandrova@yahoo.com; ORCID: 0000-0001-6498-2865; РИНЦ AuthorID: 790794.

DOI: 10.19181/population.2023.26.2.12

UTILIZATION OF PUBLIC AND PRIVATE HEALTHCARE FACILITIES: PATIENT CHOICE

Arsen P. Davitadze^{1,2*}, Ekaterina A. Aleksandrova^{1,2}

¹First Moscow State Medical University (Sechenov University)
(8 Trubetskaya str., Moscow, Russia, 119991)

²Higher School of Economics
(20 Myasnitskaya str., Moscow, Russia, 101000)

*Email: davitadzeap@gmail.com

For citation:

Davitadze A.P., Aleksandrova E.A. Utilization of public and private healthcare facilities: patient choice. *Narodonasilenie* [Population]. 2023. Vol. 26. No. 2. P. 139-152. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.12 (in Russ.)

Abstract. *Healthcare system in Russia lets patients choose where they want to get medical services: at public or private healthcare facilities. This choice may depend on several factors. According to Andersen's healthcare utilization model, these factors can be divided into three groups: predisposing, enabling and need factors. The purpose of this study is to identify factors determining patient choice between public and private healthcare providers in Russia. Statistical and regression analysis was carried out using 2019 Rosstat data. We found that men and people from older age groups were more likely to attend public facilities, while people with higher education, employed and living in larger cities were more likely to attend private clinics. Higher income, having supplemental health insurance, and receiving medical services outside one's city were associated with an increase in probability of using private healthcare providers. Analysis of need factors showed that worse health in individuals was associated with increased probability of choosing private medical organizations, whereas disability was associated with decreased probability of making the same choice.*

Keywords: *consumer choice, healthcare system, patient choice, Andersen model, public healthcare facilities, private healthcare facilities.*

References and Internet sources

1. Sheiman I.M., Shishkin S.V. *Rasshireniye potrebitel'skogo vybora v zdravookhraneni: teoriya, praktika, perspektivy* [Expanding Consumer Choice in Healthcare: Theory, Practice, Prospects]. Moscow. Vysshaya Shkola Ekonomiki [Higher School of Economics]. 2012. 262 p. (in Russ.)
2. Sheiman I., Shishkin S., Markelova H. Opportunities and limitations of patient choice: the case of the Russian Federation. *Health Policy and Planning*. 2014. Vol. 29(1). P. 106–114. DOI: 10.1093/heapol/czs139
3. Victoor A., Delnoij D., Friele R., Rademakers J. Determinants of patient choice of healthcare providers: a scoping review. *BMC Health Services Research*. 2012. No. 272. Available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/22913549/>. (Accessed: 10 January 2023.). DOI: 10.1186/1472-6963-12-272
4. Andersen R.M. Revisiting the Behavioral Model and Access to Medical Care: Does it Matter? *Journal of Health and Social Behavior*. 1995. Vol. 36(1). P. 1–10.
5. Gil M.R., Choi C.G. Factors affecting the choice of national and public hospitals among outpatient service users in South Korea. *INQUIRY: The Journal of Health Care Organization, Provision, and Financing*. 2019. Vol. 56. P. 1–11. DOI: 10.1177/0046958019833256
6. Zeng Y., Wan Y., Yuan Z., Fang Y. Healthcare-seeking behavior among Chinese older adults: patterns and predictive factors. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2021. Vol. 18(6). DOI: 10.3390/ijerph18062969

7. Wang Q., Zhang D., Hou Z. Insurance coverage and socioeconomic differences in patient choice between private and public health care providers in China. *Social Science & Medicine*. 2016. Vol. 170. P. 124–132. DOI: 10.1016/j.socscimed.2016.10.016
8. Dey D.K., Mishra V. Determinants of choice of healthcare services utilization: empirical evidence from India. *Indian Journal of Community Health*. 2014. Vol. 26(4). P. 356–363.
9. Kundu J., Bharadwaz M.P., Kundu S., Bansod D.W. The interregional disparity in the choice of health care utilization among elderly in India. *Clinical Epidemiology and Global Health*. 2022. Vol. 13. DOI: 10.1016/j.cegh.2021.100929
10. Nguyen T.A., Giang L.T. Factors influencing the Vietnamese older persons in choosing healthcare facilities. *Health Services Insights*. 2021. Vol. 14. P. 1–14. DOI: 10.1177/11786329211017426

Information about the authors:

Davidadze Arsen Paatovich, Junior Researcher, Centre for Public Health Studies, First Moscow State Medical University (Sechenov University); Postgraduate student, Higher School of Economics, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: davidadzeap@gmail.com; ORCID: 0000-0002-5243-3671; Elibrary AuthorID: 1089825.

Aleksandrova Ekaterina Aleksandrovna, Candidate of Economics, Director, Centre for Public Health Studies, First Moscow State Medical University (Sechenov University); Assistant Professor, Higher School of Economics, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: eaaleksandrova@yahoo.com; ORCID: 0000-0001-6498-2865; Elibrary AuthorID: 790794.

Статья поступила в редакцию 31.01.2023, утверждена 03.05.2023, опубликована 30.06.2023.

DOI: 10.19181/population.2023.26.2.13
EDN: YUIJSEX

КЛИЕНТЫ ВИЧ-СЕРВИСНОЙ НКО: СТРУКТУРА, ТИПОЛОГИЯ, ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНИЯ

Назарова И. Б.^{1*}, Нестеров Р. С.^{2,3}

¹Институт социально-экономических проблем народонаселения
имени Н.М. Римашевской ФНИСЦ РАН

(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, д. 32)

²Российский университет дружбы народов

(117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6)

³Российский национальный исследовательский медицинский
университет имени Н.И. Пирогова

(117321, Россия, Москва, ул. Островитянова, д. 1)

*E-mail: inna-nazarova@mail.ru

Для цитирования:

Назарова И.Б., Нестеров Р.С. Клиенты ВИЧ-сервисной НКО: структура, типология, особенности поведения // Народонаселение.— 2023.— Т. 26.— № 2.— С. 153-164. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.13; EDN: YUIJSEX

Аннотация. В России ежегодно увеличивается численность зарегистрированных ВИЧ-инфицированных, которая на конец 2021 г. составила 851,8 тыс. человек. В связи с чем актуальна организация работы по профилактике и лечению ВИЧ-инфекции. На основе опроса 6313 представителей ключевой группы: клиентов ВИЧ-сервисной некоммерческой организации (НКО)— 4793 россиянина и 1520 граждан других стран Определены риск-группы, в отношении которых необходимо выстраивать основные стратегии лечения и профилактики. У каждого десятого клиента Благотворительного фонда «Поддержки социальных инициатив и общественного здравоохранения» (далее — Фонд) — ВИЧ-инфекция и гепатит С, болели ранее или болеют в настоящее время ИППП каждый четвёртый, сифилисом — 4,6% мужчин и 1,4% женщин. Группа отличается рискованным поведением в отношении ВИЧ-инфекции, инфекций, передаваемых половым путём (и других опасных заболеваний), в том числе: потребляют наркотики (18% — инъекционно и 46% — не инъекционно), занимаются проституцией (14% мужчин и 15% женщин), потребляют секс-услуги (17% мужчин и 5% женщин). На основании аналитико-математических методов выделены восемь основных условных групп пациентов Фонда, что позволит выстраивать стратегии работы в зависимости от ряда основных социально-демографических характеристик (возраста, сексуальной ориентации), достижимости клиентов, заболеваемости, рискованного поведения и установок в отношении заболеваемости, лечения и профилактики. Выделены наиболее сложные для работы в Фонде группы клиентов — мигранты легальные и нелегальные, мужчины, вовлечённые в проституцию. Все эти группы объединяет то, что они зависят от своего работодателя и для них приоритетом является сохранение рабочего места, ради которого они готовы жертвовать здоровьем и вести девиантный образ жизни.

Ключевые слова: ВИЧ-инфекция, уязвимые группы населения, здоровье, рискованное поведение.

Эпидемия ВИЧ является серьёзной проблемой и развивается быстрыми темпами. Ежегодно увеличивается численность зарегистрированных ВИЧ-инфицированных, которая на конец 2021 г. составила 851,8 тыс. человек. Но число зарегистрированных больных с диагнозом, установленным впервые в жизни «болезнь, вызванная вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ)» уменьшается и в 2021 г. составило 58,8 тыс. человек. Можно предположить, что уровень заболеваемости в России выше, чем показывают данные официальной статистики, поскольку не все пациенты обращаются за медицинской помощью, сообщают о своей принадлежности к группе риска или предпочитают услуги частных клиник, где заболеваемость не всегда регистрируется [1, с. 29; 2, с. 156].

Рискованное поведение связано с потреблением наркотиков [3, с. 84], множественными сексуальными контактами, потреблением сексуальных услуг за плату¹ и занятием проституцией² [4], гомосексуальными контактами (включая трансгендерных людей) [5, с. 86] и пренебрежением средствами предохранения [4]. Люди, пребывающие в сложных жизненных ситуациях (бездомные, попавшие в приюты, находящиеся в пенитенциарных учреждениях, мигранты) подвержены высокому риску злоупотребления психоактивными веществами и небезопасного сексуального поведения [6, с. 72; 7, с. 53].

Ряд наркотиков потребляется с целью повышения сексуальной активности. И, в частности, особую роль в распространении ВИЧ-инфекции играют потребители инъекционных наркотиков [8, с. 109]. Мужчины, которые практикуют секс с мужчинами и с женщинами, считая себя гетеросексуалами (МСМ), имеют риск ин-

фицирования ВИЧ и другими инфекциями, преимущественно, передаваемыми половым путём, выше, чем среди общего населения³ [9, с. 7].

Наибольшее число тех, кто живёт с ВИЧ-инфекцией и установленным диагнозом — люди в возрасте 20–40 лет [10, с. 79]. Рискованное поведение присуще молодым, которые не осведомлены о последствиях смены множества партнёров и реже склонны предохраняться во время секса [11, с. 46]. Специалисты отмечают сочетание рисков в поведении и в заболеваемости социальными болезнями [12, с. 89]. В частности, определено, что ВИЧ-инфицированных пациентов зачастую сопровождает вирус гепатита [7, с. 52; 13].

Структура ключевых групп и пути передачи инфекции за последние 25 лет изменилась. До 1997 г. основной путь передачи инфекции — гомосексуальный контакт, с 1997 г. — парентеральный⁴ контакт при употреблении наркотиков. И сегодня существуют два основных пути передачи инфекции — парентеральный путь и гетеросексуальные контакты [14, с. 48]. Среди ВИЧ-инфицированных меняется гендерное соотношение. Идёт феминизация заражения ВИЧ-инфекцией: среди новых случаев ВИЧ-инфекции в последние 5 лет доля женщин увеличивается и к концу 2020 г. в России, среди инфицированных ВИЧ, женщины и девочки составляли 37% от всех зарегистрированных случаев выявления ВИЧ-инфекции и 29% от числа всех умерших больных [15, с. 78].

Цель исследования — изучить особенности поведения и характеристики ключевых групп риска в отношении получения ВИЧ-инфекции и определить структуру и основные типы пациентов на основе факторов риска. В исследовании мы исходим из того, что индивидуальный выбор поведения формируется под воздействи-

¹ Покровский В.В. ВИЧ-инфекция: клиника, диагностика и лечение / В.В. Покровский, Т.Н. Ермак, В.В. Беляева, О.Г. Юрин. — Москва, 2003. — 488 с.

² UNAIDS. United Nations Joint United Nations Programme on HIV / AIDS UNAIDS AIDS epidemic update: December 1999 / Geneva. — 1999. — 24 p. — URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/12322486/> (дата обращения: 19.02.2023).

³ UNAIDS. Global AIDS Monitoring. Joint United Nations Programme on HIV/AIDS / Geneva. — 2022. — 216 p. — URL: <https://www.aidsdatahub.org/sites/default/files/resource/unaids-global-aids-monitoring-2022.pdf> (дата обращения: 19.02.2023).

⁴ Парентеральный путь — путь передачи ВИЧ с материалом, содержащим вирус, например, с кровью, при использовании общего инъекционного оборудования.

ем ценностей, эмоций и знания, при этом отсутствует априорная предпосылка, что индивид всегда действуют рационально или в поисках удовольствий [16, с. 66], а самосохранение не всегда связано с сохранением здоровья. В некоторых случаях человек рискует здоровьем ради сохранения жизни, получения средств существования. В результате формируются различные виды поведения, которые могут вести к разрушению здоровья [17, с. 52]. В исследовании используется: 1) база данных, содержащая информацию о ключевой группе — клиентах ВИЧ-сервисной НКО, специалисты которой работают с представителями группы высокого риска (респонденты, клиенты, ключевая группа); 2) экспертные интервью — 3 интервью с сотрудниками НКО, непосредственно работающими с клиентами. Исследование проведено на территории Москвы и Московской области Благотворительным фондом «Поддержки социальных инициатив и общественного здравоохранения» (Фонд) в рамках профилактической работы по ВИЧ-инфекции, вирусным гепатитам В и С, туберкулёзу и инфекциям, передаваемым половым путём (сифилис, гонорея, хламидиоз и другие — ИППП). Выборка не репрезентативна для города Москвы или Московской области, но, тем не менее, проведён сплошной опрос всех пациентов Фонда (100%), которые проходят тестирование в Фонде в течение календарного года. Мониторинг клиентов Фонда ведётся с 2018 г.; для решения задач данного исследования в опрос были включены дополнительные вопросы.

Сотрудники Фонда выделяют три основные группы, с которыми им приходится работать: МСМ — 54,7%; люди, употребляющие наркотики — 38,3%; трансгендерные люди — 6,3% и другие группы, которые не входят ни в одну из трёх названных (0,6%). Сотрудники понимают, что деление клиентов на три группы — упрощение и выделение других групп на основании множества характеристик позволит сформировать более рациональные подходы в работе с пациентами.

Результаты исследования

Социально-демографическая характеристика исследуемой группы. В 2021 г. опрошено 6313 человек, из них 955 — женщины (16%) в возрасте от 18 до 93 лет. Среди респондентов выделяются прежде всего молодые люди в возрасте 20–30 лет — 57% от общей численности респондентов. Люди 50 лет и старше составили менее 1%. Россияне составляют большинство — 4793 человека (мужчины — 81% и женщины — 19%) и граждане других стран — 1520 человек (мужчины — 98% и женщины — 2%). Среди иностранных граждан, трудовая миграция — основная причина пребывания в России (97,1%), 2,3% — проходят обучение, и единицы (9 человек) — туристы. Каждый пятый мигрант находился в России нелегально, не имея регистрации (21%), 70% были зарегистрированы в Москве, 9% — в Московской области, остальные — в других российских регионах. В 2019 г. прибыли в Россию 41% клиентов, 29% — в 2020 г., десятая часть — в 2021 г. (год исследования), остальные — в 2018 г. и ранее.

Большинство клиентов Фонда, получивших услуги в 2021 г. — трансгендерные люди, чьё гендерное самоощущение совпадает с приписанным им при рождении полом (от общей совокупности клиентов Фонда — 94% (79,4% — мужчины и 14,3% — женщины), часть определили себя в качестве небинарного человека или транс-мужчины (82 человека — 1,7%), 4,6% являются транс-женщинами.

Состояние здоровья и поведенческие практики клиентов Фонда. Клиенты Фонда имеют ряд заболеваний, которые могут являться результатом рискованного поведения и относятся к социальным болезням. Болели ранее или болеют в настоящее время ИППП 26,6% мужчин и 19,8% женщин; сифилисом — 4,6% мужчин и 1,4% женщин; гепатитом С — 8,0% мужчин и 12,3% — женщин; реже гепатитом В — 1,2% от всех. Каждый десятый инфицирован ВИЧ (10,3% мужчин и 2,6% женщин) (табл. 1). Считают, что

постоянно контролируют своё здоровье 49,4% мужчин и 35,2% женщин и пришли в Фонд для того, чтобы узнать свой ВИЧ-статус 51,4% мужчин и 35,2% женщин. Самостоятельно обратились в ВИЧ-сервисную НКО (в том числе для повторного прохождения тестирования в Фонде) 27,8% мужчин и 8,8% женщин. В Фонд чаще обращаются инфицированные ВИЧ иностранные граждане (13,7%), чем россияне (7,6%). Практически все прошли тестирование на наличие сифилиса (94,2% мужчин и 88,8% женщин), ВИЧ-инфекции (76,4% мужчин и 72,7% женщин), половина прошли тестирование на наличие гепатита С и треть — на гепатит В.

Поведение большинства пациентов Фонда рискованное — только десятая часть не имеют рисков (2021 г. — 13,4%), способных привести к потере здоровья и, в частности, к заражению ВИЧ или другими ИППП. Остальные так или иначе отметили элементы рискованного поведения: потребление наркотиков у женщин чаще, чем у мужчин — в два-три раза (17,8% — инъекционно и 46,0% — не инъекционно), занятие проституцией (13,6% мужчин и 15,4% женщин), потребление секс-услуг (16,6% мужчин и 5,0% женщин), секс с МСМ (70,8% мужчин и 6,7% женщин), половые контакты с трансгендерными людьми, с ВИЧ-позитивными людьми. Причём каждый пятый или десятый пациент, среди женщин и мужчин соответственно, просто не знали статус здоровья своего партнера. Более половины отказывались от использования средств предохранения во время секса. Следует отметить, что в занятие проституцией чаще вовлечены трансгендерные и небинарные люди — 67,5%.

Факторный анализ позволит сократить количество переменных, характеризующих состояние здоровья и поведение пациентов Фонда, понять их взаимосвязь. Был предпринят метод выделения факторов: метод главных компонент (табл. 2). В результате факторного анализа были получены 8 новых переменных, которые объясняют 60,6% информации о клиен-

тах Фонда. Три фактора из восьми содержат информацию о наличии у клиентов Фонда ВИЧ-инфекции. На втором этапе предпринят корреляционный анализ, показывающий связь фактора и характеристик респондентов. На третьем — получено заключение экспертов-работников Фонда в отношении правомерности выделенных аналитическим путём групп клиентов ВИЧ-сервисной НКО и оценка по пятибалльной шкале сложности работы с группой в части привлечения в Фонд для профилактической работы и лечения (где 1 — наиболее просто и 5 — наиболее сложно). Эксперты проанализировали предложенную типологию (на основе факторного анализа) и согласились с её правомерностью, взяв за основу для разработки особых подходов работы с клиентами.

Типичные пациенты с ВИЧ (фактор 1). Пациенты, у которых в анамнезе одно или несколько заболеваний, передаваемых половым путём, включая сифилис. Очевидны признаки устоявшихся рискованных образцов поведения в отношении здоровья: секс с ВИЧ-инфицированным, с МСМ, при этом секс — незащищённый. У пациентов есть опыт посещения Фонда, и они сдавали тесты на наличие гепатитов С и В. Данный фактор имеет ярко-выраженную связь с самоидентификацией «гомосексуал» (0,549 на уровне значимости 0,001) и с отнесением интервьюера своего клиента к риск-группе МСМ (0,705 на уровне значимости 0,001). Такое состояние характерно молодым людям, в возрасте двадцати двух лет и моложе и иностранным гражданам (мигрантам).

Комментарий эксперта: «Такие клиенты чаще всего самостоятельно обращаются в Фонд, знают о своих рисках, но не готовы менять поведение на более сохранное». Работать с группой сложно на уровне 3 баллов.

Нелегальные мигранты (фактор 3). За данным фактором стоят характеристики пациентов с сочетанными заболеваниями: ИППП и гепатит С. Первичное посещение Фонда с целью узнать свой статус сочетается с отсутствием вакцинации от гепатитов В или А. При этом пациенты счи-

Таблица 1
Элементы состояния и поведения (положительные ответы по каждой строке «да»)

Table 1

Elements of health status and behavior (positive answers for each line "yes")

Характеристика клиентов	М		Ж	
	п	%	п	%
Социально-демографические характеристики				
Иностранец (мигрант)	1495	27,9	25	2,6
Отсутствие регистрации*	600	11,3	39	4,1
– россиянин без регистрации	289	7,5	32	3,4
– иностранец без регистрации	311	20,8	7	28,0
Характеристика здоровья				
Наличие ВИЧ-инфекции	551	10,3	25	2,6
Наличие гепатита С	427	8,0	117	12,3
Наличие гепатита В*	72	1,3	6	0,6
Наличие сифилиса	245	4,6	13	1,4
Наличие какой-либо ИППП (до и/или во время обращения в Фонд)	1426	26,6	189	19,8
– болел ИППП до обращения в Фонд	879	16,4	95	9,9
– выявили ИППП в день обращения	727	13,6	122	12,8
Элементы самосохранительного поведения				
Постоянно контролируют своё здоровье	2648	49,4	336	35,2
Самостоятельно обратились в ВИЧ-сервисную НКО (в том числе для повторного прохождения тестирования в Фонде)	1489	27,8	84	8,8
Обратились в Фонд, чтобы узнать свой ВИЧ-статус	2756	51,4	336	35,2
Проходили тестирование на ВИЧ-инфекцию до обращения в Фонд*	4096	76,4	694	72,7
Проходили тестирование на гепатит С до обращения в Фонд*	2534	47,3	492	51,5
Проходили тестирование на гепатит В до обращения в Фонд*	1502	28,0	313	32,8
Прошли тестирование на сифилис до обращения в Фонд	5046	94,2	848	88,8
Имеют прививку от гепатита В	1140	30,6	124	27,2
Имеют прививку от гепатита А	1181	22,0	138	14,5
Элементы рискованного поведения				
Употребляют наркотики	2241	41,8	812	85,5
Употребляют наркотики не инъекционно	2118	39,5	785	82,2
Употребляют наркотики инъекционно	866	16,2	257	26,9
Прибегают к услугам секс-работников	766	16,6	34	5,0
Вовлечены в секс-работу	650	13,6	106	15,4
Имели половые контакты с ВИЧ-положительными	1118	26,4	41	7,0
Имели половые контакты с МСМ	3387	70,8	46	6,7
Имели половые контакты с трансгендерными людьми	248	5,3	14	2,0
Не использовали средства предохранения во время секса	2771	55,3	485	65,9
Имели незащищённый вагинальный секс	758	14,1	355	37,2
Имели незащищённый анальный секс	2178	40,6	95	9,9
Имели незащищённый оральный секс	1741	32,5	91	9,5
Пребывали когда-либо в местах лишения свободы	444	9,2	60	8,5

*Результат не значимый.

Источник: расчёт авторов на основании данных исследования.

Таблица 2

Факторная структура характеристик состояния здоровья и поведения пациентов Фонда (данные 2021 г.)*

Table 2

Factor structure of the characteristics of the health status and behavior of the patients of the Foundation (2021 data)

Характеристика клиентов	Компонент							
	1	2	3	4	5	6	7	8
Наличие ВИЧ-инфекции	0,308		0,306		0,442			
Наличие гепатита С		0,520	0,341					
Наличие гепатита В								0,340
Наличие сифилиса	0,335							
Наличие какой-либо ИППП	0,431	0,437	0,411		0,433			
Постоянно контролируют своё здоровье		-0,404	0,637	0,516				
Обратились в Фонд, чтобы узнать свой ВИЧ-статус		-0,415	0,646	0,498				
Самостоятельно обратились в ВИЧ-сервисную НКО (в том числе для повторного прохождения тестирования в Фонде)	0,371						0,365	
Прошли тестирование на ВИЧ-инфекцию до обращения в Фонд	0,483				-0,321			
Прошли тестирование на гепатит С до обращения в Фонд	0,629				-0,421			
Прошли тестирование на гепатит В до обращения в Фонд	0,653				-,305			
Имеют прививку от гепатита В			-0,597	0,588	0,431			
Имеют прививку от гепатита А			-0,567	0,609	0,445			
Прошли тестирование на сифилис до обращения в Фонд								0,738
Не использовали средства предохранения во время секса							0,532	
Употребляют наркотики не инъекционно		0,622						
Употребляют наркотики инъекционно		0,655						
Прибегают к услугам секс-работников						-0,608		
Вовлечены в секс-работу						0,420	-0,384	-0,319
Имели половые контакты с ВИЧ-положительными	0,594					-0,302		
Имели половые контакты с МСМ	0,428	-0,615						
Имели незащищённый вагинальный секс		0,372						
Имели незащищённый анальный секс	0,527	-0,317			0,320			
Имели незащищённый оральный секс	0,547			-0,309				
Пребывали когда-либо в местах лишения свободы		-0,471				0,439		

*Метод выделения факторов: метод главных компонент. Извлечено компонентом — 8. В таблице представлены только значимые данные: >0,3.

Источник: расчёт авторов на основании данных исследования.

тают, что постоянно контролируют своё здоровье. Данная характеристика также соответствует мужчинам — гомосексуалам, иностранцам без регистрации, прибывшим в Россию ранее 2018 года.

Комментарий эксперта: *«Нелегальные мигранты — это группа, в которой люди не заботятся о своём здоровье, поскольку это не является для них приоритетом, главное — заработок. Часто, представители данной группы не могут покинуть своё место работы, они живут там же, где работают, не имея документов, чтобы свободно передвигаться».* Работать с группой очень сложно на уровне 5 баллов.

Молодые МСМ (фактор 5). Элементы самосохранительного поведения присутствуют, клиенты прошли вакцинацию от гепатитов А и В, но тестирование на наличие гепатитов не проходили. Рискует в своем сексуальном поведении, не применяя средства предохранения. Этот фактор, как и два предыдущих соответствует гомосексуальной ориентации респондента, а также молодым людям в возрасте 18–22 лет.

Комментарий эксперта: *«Молодёжь из числа МСМ чаще стремится к соблюдению элементов здорового образа жизни. Они регулярно проходят тестирование и следят за вакцинацией от возможных инфекций. Интересуются своим здоровьем и здоровьем половых партнёров».* Работать с группой сложно на уровне 3 баллов.

Потребители наркотиков (фактор 2). Ось данного фактора составляют переменные, характеризующие потребление наркотиков (наркотики потребляются инъекционно и не инъекционно), наличием гепатита С. Поведение сопровождается практикой рискованного секса (отказом от средств предохранения) и наличием ИППП. Отсутствует постоянный контроль здоровья, нет стремления узнать свой статус здоровья. Фактор не является женским или мужским и не связан с какой-либо самоидентификацией, в данную группу не входят МСМ.

Комментарий эксперта: *«Наркопотребители не заботятся о здоровье, не готовы*

воспринимать рекомендации врачей относительно лечения ИППП, считают, что для них в этом нет необходимости. Общество и семья, как правило отказываются от таких людей». Работать с группой сложно на уровне 4 баллов.

Мужчины, вовлечённые в проституцию (фактор 6). Основная нагрузка данного фактора связана с двумя переменными: поведение — проституция (поскольку практикуется секс за деньги, еду или наркотики) и пребывание в местах лишения свободы. Фактор значимо коррелирует с переменной, характеризующей старшую возрастную группу — 32 года и старше и со статусом МСМ. К этой же группе относятся и трансгендерные люди.

Комментарий эксперта: *«В данную группу часто попадают мужчины, совершившие «временный» транс-переход (временно сменили гендерную принадлежность с мужской на женскую), которые являются мигрантами. Поскольку «транс-переход сексуализированный» и делается только для заработка, данную группу сложно мотивировать на сохранение здоровья. Представители группы часто сталкиваются с облавами и попадают в полицейские участки. Они не готовы ради профилактики ИППП покинуть место своей привычной работы».* Работать с группой очень сложно на уровне 5 баллов.

Легальные мигранты (Фактор 8). Наличие в анамнезе гепатита В — данное заболевание является хроническим, антитела к гепатиту В сохраняются пожизненно. Прошли тестирование на сифилис до обращения в Фонд, получили результаты. Не вовлечены в занятие проституцией. Имеют временную регистрацию на территории России и находятся здесь легально.

Комментарий эксперта: *«Иностранцы с регистрацией — наиболее сложный контингент. Этим людей труднее всего пригласить в Фонд для проверки здоровья, поскольку они уверены, что их здоровью ничего не угрожает. В какой-то мере это действительно так, они следуют букве закона и регулярно проходят обязательные медицинские обследования. При обращении в Фонд они закрыты и мало рассказывают о прошлом опыте*

контроля состояния здоровья и рискованного поведения». Работать с группой очень сложно на уровне 5 баллов.

Здоровые клиенты (Фактор 7). Данный фактор образуют две переменные, связанные с самосохранительным и рискованным поведением. С одной стороны, под данный фактор попадают те, кто «уже был здесь», то есть регулярно посещают Фонд. С другой — проявляется рискованное поведение — «не использовал презерватив».

Комментарий эксперта: «Здоровые клиенты, или те, кто заботятся о своём здоровье, часто обращаются в Фонд за поддержкой и консультацией специалистов. Чаще всего это МСМ или трансгендерными людьми, которые уверены в своём статусе здоровья, используют медикаментозную доконтрактную профилактику (ДКП), которая защищает их от ВИЧ». Работать с группой проще, чем с другими группами, на уровне 2 баллов.

МСМ с наименьшими рисками (Фактор 4). Постоянный контроль за своим здоровьем, посещение Фонда с целью узнать свой статус здоровья, в том числе в отношении ВИЧ-инфекции. Наличие вакцинации от гепатитов В и А. Отсутствие практики незащищённого секса. Поведение характерно для самой старшей группы клиентов Фонда (старше 32 лет). Характерен мужчинам — гомосексуалам.

Комментарий эксперта: «Представители данной условной группы МСМ — редкие клиенты Фонда. Разборчивы в выборе партнёра, заботятся о здоровье, следят за питанием, занимаются спортом». Работать с группой проще, чем с другими группами, на уровне 2 баллов.

Заключение

Представители уязвимых групп населения отличаются особыми характеристиками — участюнками, поведением, самоидентификацией и состоянием здоровья. У каждого десятого клиента Фонда — ВИЧ-инфекция и гепатит С, болели ранее или болеют в настоящее время ИППП каждый четвёртый, сифилисом — 4,6% мужчин

и 1,4% женщин. Поведение большинства пациентов Фонда — рискованное: только десятая часть не имеют рисков, способных привести к потере здоровья и, в частности, к заражению ВИЧ или другими ИППП.

На основании аналитико-математических методов выделены 8 основных условных групп пациентов Фонда, которые подтверждены экспертами — работниками Фонда. Определение основных групп — клиентов Фонда позволит выстраивать стратегии работы в зависимости от ряда основных социально-демографических характеристик (возраста, сексуальной ориентации) клиентов, достижимости клиентов, заболеваемости, рискованного поведения и установок в отношении заболеваемости, лечения и профилактики.

В частности, выделены наиболее сложные для работы в Фонде группы клиентов — мигранты легальные и нелегальные, мужчины, вовлечённые в проституцию. Все эти группы объединяет то, что они зависят от своего работодателя и для них приоритетом является сохранение рабочего места, ради которого они готовы жертвовать здоровьем и вести девиантный образ жизни. Нелегальные мигранты наиболее бесправные, ограниченные в перемещении люди. В поведении людей, занимающихся проституцией и легальных мигрантов сильна субъективная составляющая — первые не хотят менять сферу занятости, вторые недостаточно просвещены в отношении имеющихся заболеваний.

К сложной группе (на уровне 4 баллов) также относится группа потребителей наркотиков. Это глубоко зависимые от своей привычки люди, которые сложно поддаются убеждению лечиться. Именно в отношении указанных выше групп рекомендовано разработать особенные стратегии выявления заболеваний (ВИЧ-инфекции, гепатита, ИППП), профилактики и лечения. Относительно проще работать с группами молодёжи, первая из которых — ВИЧ-позитивные с дополнительным комплексом заболеваний. Обе группы — представители МСМ.

Положение и поведение представителей каждой группы обусловлены рядом факторов объективного и субъективного характера, которые также необходимо учитывать при организации работы. Объективные, которые не зависят или вышли

из-под контроля клиентов, например, отсутствие регистрации и наличие определённых заболеваний. Субъективные — зависят от самих пациентов: нежелание менять образ жизни, заниматься профилактикой, лечиться.

Литература и интернет-источники

1. **Плавинский, С. Л.** Инфекции, передаваемые половым путём (ИППП) и ВИЧ-инфекция в группах риска. Распространяются ли возбудители по одним и тем же сетям? / С. Л. Плавинский, А. Н. Барина, К. М. Ерошина [и др.] // Российский семейный врач. — 2009. — № 1. — С. 26–31. EDN: KHXNUL
2. **Peterson, J. A.** Targeted Sampling in Drug Abuse Research: A Review and Case Study / J. A. Peterson, H. S. Reisinger, R. P. Schwartz and al. // Field Methods. — 2008. — № 20. — 155–170 p. DOI: 10.1177/1525822X08314988; EDN: YATFFB
3. **Антонова, Д. В.** Рискованное сексуальное поведение лиц с вирусом иммунодефицита человека / Д. В. Антонова, В. В. Бочаров, Н. С. Хрусталева // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. — 2019. — № 4. — С. 79–87. DOI: 10.25016/2541-7487-2019-0-4-79-87; EDN: УОЕРРО
4. **Гиясова, Г. М.** Социально-демографическая характеристика женщин, оказывающих интимные услуги за вознаграждение, до и после проведения превентивных мероприятий по ВИЧ/СПИДу / Г. М. Гиясова // ВИЧ-инфекция и иммуносупрессии. — 2011. — Т. 3. — № 1. — С. 76–79. EDN: NQZDVV
5. **Демедецкая, Я. А.** ВИЧ в транс*популяции: local case study / Я. А. Демедецкая, Б. П. Денисов, А. В. Лапицкая // Демографическое обозрение. — 2019. — Т. 6. — № 3. — С. 85–97. DOI: 10.17323/demreview.v6i3.9856; EDN: ADBHWL
6. **Ennett, S. T.** Social network characteristics associated with risky behaviors among runaway and homeless youth / S. T. Ennett, S. L. Bailey, E. B. Federman // Journal of Health and Social Behavior. — 1999. — No. 40(1). — P. 63–78. EDN: GXQPWR
7. **Базыкина, Е. А.** Распространенность и молекулярно-генетические особенности парентеральных вирусных гепатитов В и С среди ВИЧ-позитивных граждан Дальневосточного федерального округа, в том числе осужденных к лишению свободы / Е. А. Базыкина, В. В. Туркутюков, О. Е. Троценко [и др.] // Здоровье населения и среда обитания. — 2019. — № 2. — С. 51–55. EDN: TXCWKZ
8. **Позднякова, М. Е.** Рискованное сексуальное поведение как фактор распространения ВИЧ-инфекции в России. Часть 2 / М. Е. Позднякова // СНИСП. — 2018. — № 4. — С. 105–116. DOI: 10.19181/snsp.2018.6.3.6005; EDN: TXCWKZ
9. **Beyrer, C.** Global epidemiology of HIV infection in men who have sex with men / C. Beyrer, S. D. Baral, F. V. Griensven [and al.] // The Lancet. — July 20, 2012. — P. 367–377. DOI: 10.1016/S0140-6736(12)60821-6; EDN: ROVKXJ
10. **Покровский, В. В.** ВИЧ-инфекция: информационный бюллетень № 46 / В. В. Покровский, Н. Н. Ладная, Е. В. Соколова. — Москва, 2021. — 81 с.
11. **Morales, A.** Personality profiles of sexual risk among Spanish adolescents / A. Morales, X. Méndez, M. Orgilés, J. P. Espada // Revista de Psicología Clínica con Niños y Adolescentes. — 2017. — Vol. 4. — No. 1. — P. 41–49.
12. **Нечаев, В. В.** Эпидемиология социально-значимых сочетанных инфекций. Факторы риска летальных исходов / В. В. Нечаев, А. К. Иванов, А. А. Яковлев [и др.] / ТМЖ. — 2018. — № 3(73). — С. 68–71.

13. **Кузнецова, А. В.** Парентеральные вирусные гепатиты на Дальнем Востоке России: вирусологические и эпидемиологические особенности у моноинфицированных и пациентов с ко-инфекцией ВИЧ / А. В. Кузнецова, А. В. Витько, Т. Н. Каравянская [и др.] // Клиническая фармакология и терапия. — 2015. — Т. 24. — № 1. — С. 34–37. EDN: TPXTXRV
14. **Кондратова, С. Е.** Анализ структуры ВИЧ-инфицированных лиц по полу, путям заражения, возрасту в регионе с высоким уровнем пораженности ВИЧ на примере Тюменской области / С. Е. Кондратова, А. Н. Марченко, С. В. Петрова, О. А. Нестерова // Здоровье населения и среда обитания. — 2019. — № 7. — С. 44–49. DOI: 10.35627/2219–5238/2019–316–7–44–49; EDN: IXQXCD
15. **Этциони, А.** Социоэкономика: дальнейшие шаги / А. Этциони // Экономическая социология. — 2002. — Т. 3. — № 1. — С. 65–71. EDN: OYUTUR
16. **Назарова, И. Б.** Здоровье занятого населения / И. Б. Назарова. — Москва : Макс Пресс, 2007. — 526 с. EDN: QOHGDХ

Сведения об авторах:

Назарова Инна Борисовна, д.э.н., главный научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н.М. Римашевской Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: inna-nazarova@mail.ru; ORCID: 0000–0001–8086–1617; РИНЦ AuthorID: 75816.

Нестеров Роман Сергеевич, аспирант кафедры социологии, Российский университет дружбы народов; ассистент кафедры биозитики лечебного факультета, Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: rnesterov100@gmail.com; ORCID: 0000–0001–6492–2985.

DOI: 10.19181/population.2023.26.2.13

CLIENTS OF A HIV-SERVICE NPO: STRUCTURE, TYPOLOGY, BEHAVIORAL FEATURES

Inna B. Nazarova^{1*}, Roman S. Nesterov^{2,3}

¹*Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)*

²*Peoples' Friendship University of Russia (6 Miklukho Maklay str., Moscow, Russia, 117198)*

³*Pirogov Russian National Research Medical University (1 Ostrovityanova str., Moscow, Russia, 117321)*

*E-mail: inna-nazarova@mail.ru

For citation:

Nazarova I.B., Nesterov R.S. Clients of a HIV-service NPO: structure, typology, behavioral features. *Narodonaselenie*. [Population]. 2023. Vol. 26. No. 3. P. 153–164. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.13 (in Russ.)

Abstract. Every year the number of registered HIV-infected people is increasing, which by the end of 2021 made 851.8 thousand people. In this connection the organization of work on prevention and treatment of HIV infection is relevant. The survey of 6313 representatives of the key group, i.e. clients of HIV servicing NPOs — Russians (4793 people) and citizens of other countries (1520 people) identified the main risk groups, for which it is necessary to work out the principal activity strategies connected with treatment and prevention. Every tenth client of the Charitable Foundation is HIV-infected and hepatitis C positive, every fourth has had or is having sexually transmitted infection

(STI), and 4.6% of men and 1.4% of women have syphilis. The group is characterized by risky behavior in terms of HIV infection, STIs (and other dangerous diseases), including: drug use (17.8% of men — injecting and/or 46.1% of women — non-injecting), prostitution (13.6% of men and 15.4% of women), consume sex services (16.6% of men and 5.0% of women). Based on analytical and mathematical methods, eight basic conditional groups of patients of the Foundation were identified that will allow us to develop work strategies depending on a number of basic socio-demographic characteristics (age, sexual orientation), attainability of clients, morbidity, risk behavior and attitudes regarding morbidity, treatment and prevention. In particular, the most difficult groups of clients to work with at the Foundation have been identified: legal and illegal migrants and men involved in prostitution. What all of these groups have in common is that they depend on their employer and their priority is to keep their jobs, for the sake of which they are willing to sacrifice their health and lead deviant lifestyles.

Key words: HIV infection, vulnerable population groups, health, risk behavior.

References and Internet sources

1. Plavinsky S. L., Barinova A. N., Eroshina K. M., Bobrik A. V., Novozhilov A. V. Infektsii, peredavaemye polovym putom (IPPP) i VICH-infektsiya v gruppah riska Rasprostranyayutsya li vozбудiteli po odnim i tem zhe setyam? [Sexually transmitted diseases (STDs) and HIV infection in high risk groups. Do pathogens spread through the same networks?]. Rossijskij semejnij vrach [Russian Family Doctor]. 2009. No. 1. P. 26–31. (in Russ.)
2. Peterson J. A., Reisinger H. S., Schwartz R. P., Mitchell S. G., Kelly S. M., Brown B. S., Agar M. H. Targeted sampling in drug abuse research: a review and case study. *Field Methods*. 2008. No. 20. P. 155–170.
3. Antonova D. V., Bocharov V. V., Khrustaleva N. S. Riskovannoje seksual'noje povedenije lits s virusom immunodefitsita cheloveka [Risky sexual behavior in people living with HIV]. Mediko-biologicheskiye i sotsial'no-psihologicheskiye problemy bezopasnosti v chrezvychajnyh situatsiyah [Medico-Biological and Socio-Psychological Problems of Safety in Emergency Situations]. 2019. No. 4. P. 79–87. (in Russ.)
4. Giyasova G. M. Sotsial'no-demograficheskaya kharakteristika zhenshchin, okazyvayushchikh intimnyje usluzhi za voznagrazhdenije, do i posle provedeniya preventivnykh meropriyatij po VICH/SPIDu [Socio-demographic characteristics of women providing commercial sex services assessed before and after the implementation of preventive measures against HIV/AIDS]. VICH-infektsiya i immunosupressii [HIV Infection and Immunosuppressive Disorders]. 2011. No. 1. P. 76–79. (in Russ.)
5. Demedetskaya Y. A., Denisov B. P., Lapitskaya A. V. VICH v trans*populyatsii: local case study [HIV in trans*population: local case study]. Demograficheskoe obozrenije [Demographic Review]. 2019. Vol. 6. No. 3. P. 85–97. (in Russ.)
6. Ennett S. T., Bailey E. B., Federman E. B. Social network characteristics associated with risky behaviors among runaway and homeless youth. *Journal of Health and Social Behavior*. 1999. Vol. 40. No. 1. P. 63–78.
7. Bazykina E. A., Turkutjukov V. B., Trotsenko O. E. et al. Rasprostranennost' i molekulyarno-geneticheskiye osobennosti parenteral'nyh virusnyh gepatitov B i Ts sredi VICH-pozitivnyh grazhdan Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga, v tom chisle osuzhdonnyh k lisheniyu svobody [Prevalence and molecular genetic peculiarities of parenteral viral hepatitis B and C among HIV-positive citizens of the Far Eastern Federal District, including those persons sentenced to deprivation of freedom]. Zdorov'je naseleniya i sreda obitaniya [Public Health and Life Environment]. 2019. No. 2. P. 51–55. (in Russ.)
8. Pozdnyakova M. E. Riskovannoje seksual'noje povedenije kak faktor rasprostraneniya VICH-infektsii v Rossii. Chast' 2 [Risky sexual behavior as a factor in spreading HIV infection in Russia. Part II]. Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika [Sociological Science and Social Practice]. No. 4. 2018. P. 105–116. (in Russ.)

9. Beyrer C., Baral S.D., Van Griensven F., Goodreau S.M., Chariyalertsak S., Wirtz A.L., Brookmeyer R. Global epidemiology of HIV infection in men who have sex with men. *The Lancet*. July 20, 2012. P. 367–377. DOI: 10.1016/S0140–6736(12)60821–6
10. Pokrovsky V.V., Ladnaya N.N., Sokolova E.V. ВИЧ-инфекция: информационный бюллетень. No. 46. [HIV Infection: Fact Sheet No. 46]. 2021. 81 p. (in Russ.)
11. Morales A., Méndez X., Orgilés M., Espada J.P. Personality profiles of sexual risk among Spanish adolescents. *Revista de Psicología Clínica con Niños y Adolescentes*. 2017. Vol. 4. No. 1. P. 41–49.
12. Nechaev V.V., Ivanov A.K., Yakovlev A.A., Musatov V.B., Fedunyak O.I., Vasilieva M.V., Belyakov V.S., Kravtsova A.I. Epidemiologiya sotsial'no-znachimyh sochetannyh infektsij. Faktory riska letal'nyh iskhodov [Epidemiology of socially significant co-infections. Risk factors for deaths]. *Tihookeanskij meditsinskij zhurnal [Pacific Medical Journal]*. 2018. No. 3(73). P. 68–71. (in Russ.)
13. Kuznetsova A.V., Vit'ko A.V., Karavyanskaya T.N., Baglai I.A., Rogachikova A.E., Vorontsova G.A., Rud' S.S. Parenteral'nyje virusnyje gepatity na Dal'nem Vostoke Rossii: virusologicheskie i epidemiologicheskie osobennosti u monoinfitsirovannykh i patsientov s ko-infektsiej ВИЧ [Parenteral viral hepatitis in the Far East of Russia: virological characteristics and epidemiology of mono-infection and HIV co-infection]. *Klinicheskaya farmakologiya i terapiya [Clinical Pharmacology and Therapy]*. 2015. Vol. 24. No. 1. P. 34–37. (in Russ.)
14. Kondratova S.E., Marchenko A.N., Petrova S.V., Nesterova O.A. Analiz struktury ВИЧ-инфицированных лиц по полу, путям заражения, возрасту в регионе с высоким уровнем распространенности ВИЧ на примере Тюменской области [Analysis of the structure of HIV-infected persons according to sex, transmission routes of infection, age in the region with high level of prevalence of HIV on the example of Tyumen Region]. *Zdorov'je naseleniya i sreda obitaniya [Public Health and Life Environment]*. 2019. No. 7. P. 44–49. (in Russ.)
15. Etzioni A. Sotsioekonomika: dal'nejshije shagi [Socioeconomics: the next steps]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya [Economic Sociology]*. 2002. Vol. 3. No. 1. P. 65–71. (in Russ.)
16. Nazarova I.B. *Zdorov'je zanyatogo naseleniya [The Health of the Employed Population]*. Moscow. MAKSS Press. 2007. 526 p. (in Russ.)

Information about the authors:

Nazarova Inna Borisovna, Doctor of Economics, Chief Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: inna-nazarova@mail.ru; ORCID: 0000–0001–8086–1617; Elibrary AuthorID: 75816.

Nesterov Roman Sergeevich, postgraduate student, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia; assistant, Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: rnesterov100@gmail.com; ORCID: 0000–0001–6492–2985.

Статья поступила в редакцию 19.02.2023, утверждена 03.05.2023, опубликована 30.06.2023.

ФИНАНСОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ

DOI: 10.19181/population.2023.26.2.14
EDN: VMPFDD

ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ НА ФИНАНСОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: ЭФФЕКТ ЗД

Аликперова Н. В.

*Институт социально-экономических проблем народонаселения
имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН*

(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

Финансовый университет при Правительстве РФ

(125993, Москва, Ленинградский проспект, 49)

НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента

Департамента здравоохранения города Москвы

(115088, Россия, Москва, ул. Шарикоподшипниковская, 9)

E-mail: natalie_danilina@mail.ru

Для цитирования:

Аликперова Н. В. Факторы влияния на финансовое поведение населения России: эффект ЗД // Народонаселение. — 2023. — Т. 26. — № 2. — С. 165-175. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.14; EDN: VMPFDD

Аннотация. Российская экономика и финансовый рынок столкнулись с широким спектром вызовов в условиях беспрецедентного санкционного давления. Оперативно принятые Банком России и Правительством РФ антикризисные меры стабилизировали ситуацию, сфокусировав повестку на дальнейшее развитие российской экономики и финансового рынка в новых реалиях. Учитывая, что экстраординарное изменение обстоятельств, по всей видимости, надолго и будет иметь структурные последствия, требуется выработка системных решений в отношении развития финансового рынка, переориентация экономики на инновационные рельсы с целью обеспечения технологического суверенитета. Для такого перехода в условиях сокращения инвестиционного потенциала страны, существенную роль играют «длинные деньги», о чём неоднократно говорил Президент России. Перспективным способом решения проблемы могут служить сбережения населения, как один из возможных существенных источников инвестиционных ресурсов для отечественной экономики. Однако, важно понимать — существуют ли сегодня условия для формирования сбережений населением и возможности их дальнейшего инвестирования в экономику страны. Сегодняшнее социально-экономическое положение страны, а также состояние финансового рынка отражает возможности реализации различных моделей финансового поведения населения, обусловленные такими факторами как доход, доверие и доступность, которые нашли своё отражение в «эффекте ЗД». Автором выделены данные факторы как основополагающие при формировании программы экономического поведения индивидуума, когда речь идёт о располагаемом ресурсном потенциале, а также среде, в которой реализуется программа. В ходе проведённого исследования выявлено, что составляющие «эффекта ЗД» отражают негативные тенденции в формировании финансового поведения граждан, в частности, их сберегательно-инвестиционных стратегий. В связи с чем остро встают вопросы, связанные с обеспечением качественного нового уровня ресурсной базы, а также среды ее реализации.

Ключевые слова: сбережения, инвестиции, финансовое поведение, финансовые институты, доходы, доверие, доступность.

© Аликперова Н. В., 2023.

Введение

В настоящее время перед Россией стоит важная задача перехода от ресурсно-ориентированной экономики к инновационной, обеспечивающей, как заявлял Президент России В. В. Путин, технологический суверенитет нашей страны¹. Опыт развитых стран показывает широкое использование рыночных механизмов стимулирования инвестиционной деятельности, формирование программ привлечения внутренних и внешних инвестиций, создание системы инвестиционных фондов различного типа, что повышает активность экономического поведения населения. Для эффективного использования инвестиций и наращивания технологического потенциала в России не хватает привлечения в экономику «длинных денег», которые представляют собой, в том числе, сбережения населения. Как сказал Президент России в Послании Федеральному собранию в 2022 г.: «Для уверенного роста инвестиций экономике нужны так называемые длинные деньги»². Данный тезис особенно актуален в условиях санкционного давления, ограничения притока внешних инвестиций и ограничения в возможностях реализации внутреннего инвестиционного потенциала. Однако сегодня на российском рынке инвестиций эти денежные средства играют весьма скромную роль, обусловленную вопросами экономической нестабильности, невысоким уровнем доверия населения к финансовому сектору, участвовавшимися случаями кибермошенничества и в целом размытым вектором развития финансовых институтов.

Перспективным способом решения

проблемы могут служить сбережения населения, как одного из возможных источников инвестиционных ресурсов для эффективной реструктуризации и оздоровления отечественной экономики. Сбережения населения — это внутренний источник кредитования экономики, основа потенциала внутренних инвестиций, являющейся устойчивым к колебаниям мирового рынка капиталов, источником свободных денежных средств. Но возникает закономерный вопрос: существуют ли в России действующие механизмы, позволяющие эффективно осуществлять указанные процессы. Есть ли стимулы, побуждающие население делать свой выбор в пользу сбережения и последующего инвестирования? Имеются ли возможности осуществлять сбережения в разных формах? В связи с этим, целью настоящего исследования выступает выявление основополагающих факторов, влияющих на активность финансового поведения, в частности, формирование сберегательно-инвестиционных стратегий населения России в условиях экономической и геополитической турбулентности.

Разработанность темы исследования

Анализ существующих концепций и теорий в области исследования вопросов формирования экономического поведения и его основного вида — финансового поведения, позволяет утверждать, что экономическое поведение людей это, прежде всего, деятельность, обусловленная широкой палитрой внешних и внутренних факторов, принимая во внимание которые, регулирующие органы имеют рычаги влияния на трансформационные процессы, способны улучшить материальное положение населения путём расширения его включённости в финансовый сектор за счёт новых возможностей использования различных финансовых инструментов. Примечательно, что классификации факторов микро- и макросреды постоянно расширяются в связи с устойчивым развитием междисциплинарного

¹ Шесть ключевых задач в экономике России на 2023 год. Стенограмма выступления Владимира Путина на заседании Совета по стратегическому развитию и национальным проектам // Российская газета: [сайт]. — URL: <https://rg.ru/2022/12/15/stenogramma-vystupleniia-vladimiraputina-na-zasedanii-soveta-po-strategicheskomu-razvitiuu-i-nacionalnym-proektam.html> (дата обращения: 07.02.2023).

² Нужны ли длинные деньги экономике России. — URL: <https://dzen.ru/media/id/5dc569d9faa9fe536eeed045e/nujny-li-dlinnye-dengi-ekonomike-rossii-5f6d7e33730d4120c2243d3e> (дата обращения: 07.02.2023).

подхода к исследованию экономического поведения, а также изменчивостью и непредсказуемостью внешней среды.

Различные классификации факторов, определяющих финансовое поведение населения, представлены в работах Н. Гондик, Е. Галишниковой, А. Зотовой, И. Давыденко, Т. Куимара, Д. Шевченко и других [1–4], где в качестве объективных или, как их ещё детерминируют, внешних факторов выделены: уровень процентных ставок, уровень инфляции, состояние финансовых институтов и доступность финансовой инфраструктуры; экономические условия; а субъективных или так называемых, внутренних факторов: доверие к финансовой системе, экономические ожидания, мотивы сбережений, финансовая грамотность, а также демографические и психологические характеристики.

В российских источниках имеется немало публикаций на тему факторов финансовой грамотности и финансового поведения. Так, в ряде публикаций [5–8] делают акцент на доступности финансовой информации; наличии материальных средств; уровне доверия к финансовым институтам; горизонте планирования; инфраструктурной доступности и эффективности финансового просвещения. Учёные из Вологды предлагают свою классификацию факторов, группируя их в подвиды: социально-экономические, политико-правовые, факторы уровня жизни, демографические, финансовые, социокультурные [9].

Основные результаты

Выявленные факторы находят отражение в формировании программы экономического поведения индивидуума. В моей ранее опубликованной статье [10] была представлена авторская модель микроэкономики личности, представляющая собой многоуровневую конструкцию, ядром которой является индивид с присущими ему личностными особенностями, которые проявляются в той или иной модели поведения, обусловленные наличием и качеством ресурсного потенциала, а также внешней средой (кон-

текстом). Роль личностных особенностей и их влияние на реализацию программы экономического поведения также была подробно описана в этой статье.

Согласно проведённому анализу факторов финансового поведения и их влияния на дальнейшую сберегательно-инвестиционную активность, центральными звеньями являются ресурсные и средовые факторы финансового поведения. И основополагающими из них можно выделить (группируя отдельные элементы) доход, доверие и доступность в самом широком смысле этих слов: инфраструктурная доступность, образовательная доступность, финансовая доступность, информационная доступность. Такой эффект, оказывающий наибольшее влияние на финансовое поведение населения, можно назвать «эффектом ЗД». Примечателен факт, что все три составляющие «эффекта» зависят друг от друга. Сложно представить формирование финансового поведения (именно в активной его форме: формирование сбережений с последующим инвестированием) без одной из этих составляющих. Чем сильнее проявляется эффект ЗД, тем выше уровень финансовой активности населения и вариативность моделей и стратегий. Слабый эффект ЗД свидетельствует не только о низком уровне активности россиян на финансовом рынке, но и отражает состояние финансового здоровья общества и государства в целом.

Доход. Основным барьером на пути к формированию сбережений является низкий уровень доходов населения. С 2014 по 2017 гг. реальные доходы населения в России сокращались, в 2018 г. показали почти нулевой рост (+0,1%), а по итогам 2019 г. увеличились на 1% в годовом выражении. По итогам 2020 г. они отстают на 10,6% от уровня 2013 г. — последнего года устойчивого роста доходов³. На фоне спада реальных располагаемых доходов численность россиян, живущих на доходы ниже прожиточ-

³ Росстат оценил масштаб снижения реальных располагаемых доходов россиян. Число, живущих за чертой бедности, выросло на 400 тыс. человек // РБК: [сайт]. — URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/01/2021/60129a749a7947cf1ca85d53> (дата обращения: 07.02.2023).

ного минимума, по итогам января-сентября 2020 г. достигла 19,6 млн. человек, или 13,3% от всего населения. Это больше, чем за аналогичный период 2022 г. (19,2 млн. человек, или 13,1% населения).

Регионы в течение 2021–2022 гг. встретились с рисками ухудшения экономического благосостояния населения вследствие геополитического давления и макроэкономической нестабильности. По итогам третьего квартала 2022 г. реальные располагаемые доходы населения (доходы за вычетом обязательных платежей, скорректированные на инфляцию) снизились на 3,4% по сравнению с тем же периодом прошлого года⁴.

Таким образом, исходя из статистики можно заключить, что россияне беднеют (или рост доходов находится на уровне около нуля) 10 лет подряд. Такая динамика негативно сказывается на уверенности домохозяйств и возможности строить долгосрочные планы, а также на сберегательной активности населения, не говоря уже об инвестиционной. Данный факт находит своё отражение в результатах исследования, проведённого в 2022 г. порталом SuperJob. Почти половина россиян (47%) признались, что у них отсутствуют сбережения на «чёрный день». Кроме того, выяснилось, что большинство граждан планируют свои расходы на минимальный срок. Почти каждый пятый (18%) респондент признался, что, лишившись дохода, смог бы прожить на накопленные деньги один-два месяца, а 15% — меньше месяца. До полугода за счёт финансовой подушки безопасности смогли бы продержаться 9% участников опроса, а до года — 6%⁵. Аналогичные данные приводит финансовый сервис Platforma и маркетплейс «Сравни»⁶.

Эмпирические данные ВЦИОМ столь же

⁴ Снижение реальных доходов россиян ускорилось к осени // РБК: [сайт]. — URL: <https://www.rbc.ru/economics/02/11/2022/6362802c9a7947d5c397cd54> (дата обращения: 07.02.2023).

⁵ В опросе приняли участие 1,6 тысячи человек старше 18 лет, проживающие в 364 населённых пунктах.

⁶ Почти половина россиян рассказала об отсутствии сбережений на чёрный день // Lenta.ru: [сайт]. — URL: <https://lenta.ru/news/2022/11/01/sberejen/> (дата обращения: 07.02.2023).

удручающие: почти 40% россиян не откладывают деньги⁷. Свободные деньги после всех расходов в течение месяца остаются у 60% россиян, основной вектор распоряжения такими финансами — хранение в наличных рублях (так поступают 22% респондентов). Стратегия «трачу и ничего не откладываю» в большей степени характерна для женщин, а стратегия «трачу, а потом откладываю» популярнее у мужчин. Почти каждый пятый (19%) предпочитает класть свободные средства на счёт в банке. А более современные способы, например, вложение в собственный бизнес (5%), покупка ценных бумаг (4%), покупка иностранной валюты (3%), взносы в НПФ (1%), не востребованы у населения⁸.

Согласно статистике ЦБ РФ, объём краткосрочных депозитов россиян за первое полугодие 2022 г. вырос в 14,5 раза (с 812 млрд. до 11,8 трлн. рублей). Под короткими вложениями в данном случае подразумеваются средства на рублёвых и валютных счетах и вкладах сроком от трёх до шести месяцев. Последние полгода россияне активно снимали деньги с долгосрочных вкладов. Депозиты на срок от одного года до трёх лет сократились в 2,5 раза: с 9,6 трлн. на 1 января до 3,8 трлн. рублей на 1 июня 2022 года.

В указанный период также отмечено снижение средств на счетах «до востребования». Активно забирать с них деньги россияне стали в марте 2022 г., к июню их объём упал почти на 44%, до 9,6 трлн. руб.⁹ На 1 января 2023 г. россияне держали на депозитах в банках за рубежом 6,63 трлн. руб., или \$94,3 млрд. по курсу на отчётную дату. За кризисный 2022 г. показатель в долларовом выражении подскочил более чем втрое: за январь — декабрь клиенты-физлица пополнили вклады в иностранных банках на \$63,7 млрд. Это рекордный прирост средств

⁷ Названа доля россиян без сбережений // Lenta.ru: [сайт]. — URL: <https://lenta.ru/news/2022/08/29/neotklad/> (дата обращения: 07.02.2023).

⁸ В опросе приняли участие 1600 россиян в возрасте старше 18 лет.

⁹ Объём вкладов на 3–6 месяцев достиг максимума за последние три с половиной года // Коммерсант: [сайт]. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5459472> (дата обращения: 07.02.2023).

на депозитах населения в кредитных организациях-нерезидентах как минимум с 2018 г., за все время раскрытия статистики ЦБ. Для сравнения: за весь 2021 г. россияне перевели на депозиты за рубежом \$5,4 млрд.—меньше, чем в отдельные месяцы прошлого года¹⁰. Данный факт говорит о коротком горизонте планирования в отношении личных финансов, а также поиске альтернативных, более привлекательных источников вложения средств, что напрямую связано с обеспечением стабильной и доверительной среды на финансовом рынке.

Доверие. Когда речь идёт о стратегии формирования сбережений, а также выборе сберегательных и инвестиционных инструментов, на первый план наряду с фактором дохода выступает фактор доверия к различным финансовым институтам, действиям правительства страны. Значительное влияние оказывают коллективные представления, которые формируются средствами массовой информации и коммуникации, мнением друзей и знакомых, а также личным опытом, определёнными экономическими знаниями, наличием навыков анализа.

Условия, в которых население часто сталкивается с неблагоприятными последствиями мисселинга, кибермошенничества, высокими процентными ставками, а также внешними обстоятельствами, такими как санкции на отечественный банковский сектор, подвергающие их давлению и дестабилизации в работе, негативным образом сказываются на доверительном отношении граждан к финансовым организациям и финансовой системе в целом. В результате, снижение доверия влечёт за собой отказ от предложения каких-либо продуктов или услуг, нежелание вникать, изучать, разбираться в тонкостях тех или иных операций, что прямым образом отражается на формировании сберегательно-инвестиционных стратегий среди россиян [11].

Согласно эмпирическим данным, большинство россиян (60%) доверяют бан-

кам¹¹. За последние два года эта доля практически не изменилась (в 2019 г. она составляла 58%). При этом снижается уровень доверия к банкам как операторам персональных данных: сегодня о защищённости персональных данных в банках говорят 53% интернет-пользователей (сокращение на 5 процентных пунктов за 4 года)¹². Одна из причин — активизация мошенников в банковской сфере: по результатам исследований НАФИ, в 2020 г. держатели банковских карт стали в полтора раза чаще сталкиваться с мошенниками¹³, а большинство россиян получают спам-звонки (89%)¹⁴. Несмотря на стабильность уровня доверия банкам, уровень лояльности клиентов своему основному банку (то есть готовность рекомендовать свой банк друзьям или знакомым) снижается пятый год подряд. Лояльность оценивается НАФИ на основе индекса NPS, и по состоянию на конец 2020 г. значение индекса составляет 1,3 пункта по шкале от –100 до 100 (в 2019 г. — 14 пунктов, в 2016–43 пункта)¹⁵.

Доступность. В отличие от других развитых стран, львиную долю инфраструктуры российского финансового рынка составляют банки (от 80 до 85%). Именно с данными финансовыми организация-

¹¹ Всероссийский опрос проведён Аналитическим центром НАФИ в августе 2021 года. Опрошено 1600 человек от 18 лет в 53 регионах России. Выборка построена на данных официальной статистики Росстат и репрезентирует население РФ по полу, возрасту, уровню образования и типу населённого пункта. Статистическая погрешность данных не превышает 3,4%.

¹² Российские интернет-пользователи: защищённость персональных данных в онлайн-сервисах выросла. // НАФИ: [сайт]. — URL: <https://nafir.ru/analytics/rossiyskie-internet-polzovateli-zashchishchennost-personalnykh-dannykh-v-onlayn-servisakh-vyrosla/> (дата обращения: 07.02.2023).

¹³ В 2020 г. держатели банковских карт в полтора раза чаще сталкивались с мошенниками // НАФИ: [сайт]. — URL: <https://nafir.ru/analytics/v-2020-godu-derzhateli-bankovskikh-kart-v-poltora-raza-chashe-stalkivalis-s-moshennikami/> (дата обращения: 07.02.2023).

¹⁴ Россиян раздражают спам-звонки, но они не готовы с ними бороться // НАФИ: [сайт]. — URL: <https://nafir.ru/analytics/rossiyan-razdrzhayut-spam-zvonki-no-oni-negotovy-s-nimi-borotsya/> (дата обращения: 07.02.2023).

¹⁵ NPS-2020: лояльность пользователей розничных банковских услуг // НАФИ: [сайт]. — URL: <https://nafir.ru/projects/finansy/nps-2020-loyalnost-klientov-rozничnykh-bankovskikh-uslug/> (дата обращения: 07.02.2023).

¹⁰ Сбережения россиян в банках за рубежом в кризисный год выросли втрое // РБК: [сайт]. — URL: <https://www.rbc.ru/finances/13/02/2023/63ea71a19a794742df7f53dc> (дата обращения: 07.02.2023).

ми чаще всего контактируют физические лица при осуществлении своих стратегий экономического поведения [12]. Доступность для физических лиц объектов финансовой инфраструктуры с целью использования банковских услуг — одно из условий динамичного развития финансового сектора и уровня жизни граждан любого государства [13–15].

В России существует спектр нерешённых проблем, связанный с финансовой доступностью, обусловленный географическими (региональными) [16], демографическими характеристиками и экономическими условиями, в частности, трудность взаимодействия с группами населения, проживающими в сельской местности, в удалённых, малонаселённых и труднодоступных районах, где затруднена возможность получать обслуживание на постоянной основе, в т.ч., онлайн.

Если с точки зрения регулятора понятие «доступность» получения финансовых услуг, нужно рассматривать как физическую доступность — онлайн и офлайн, т.е. наличие самой инфраструктуры, то более широкий авторский подход к понятию предполагает также и доступность понимания сущности того или иного финансового инструмента, т.е., уровень финансовой грамотности, в том числе цифровой, позволяющий человеку оценить результаты (эффективность, безопасность [17; 18]) своих действий при использовании финансовых продуктов и услуг. К примеру, большинство россиян имеют низкую осведомлённость о Системе быстрых платежей (СБП)¹⁶: 35% россиян ничего о ней не знают, 47% — что-то слышали, и только 18% демонстрируют

понимание принципов работы СБП. Менее осведомлённые группы — молодёжь (18–24 года) и жители небольших городов. Лишь 14% россиян указали, что совершали платежи через СБП.

При отсутствии простых базовых знаний в финансовой области значительно сокращаются возможности граждан по принятию верных решений для обеспечения своего финансового благосостояния, в частности, появляется существенный ограничитель в проявлении эффективных стратегий всех видов финансового поведения, активности граждан на финансовом рынке, получения новых знаний, т.к. зачастую люди не знают, как и из каких источников извлекать правильную информацию, утрачивается способность и вера к освоению данной информации. А развитие цифровых технологий и вместе с тем цифрового мошенничества стимулирует необходимость в постоянном повышении уровня цифровой финансовой грамотности россиян.

Обратимся к статистике: большинство жителей России имеют средний или высокий уровень цифровой финансовой грамотности (87%), разбираются в цифровых финансовых продуктах и осведомлены о возможных рисках мошенничества в цифровой среде. Вместе с тем, почти каждый третий не знает, что небезопасно совершать денежные переводы и платежи, подключаясь к интернету через общедоступный Wi-Fi (31%), никогда не меняет пароли на сайтах для онлайн-покупок (38%), а также считает криптовалюту полноценным платёжным средством (38%). В части финансовой защищённости молодёжь относится к одной из наиболее уязвимых категорий населения. Исследования этой аудитории показывают: каждый второй молодой россиянин (53%)¹⁷ считает, что ему не хватает знаний об основах финансовой безопасности, чтобы защитить себя от мошенничества и других рисков потери

¹⁶ Система быстрых платежей — сервис, позволяющий физическим лицам совершать мгновенные переводы по номеру мобильного телефона в любой банк-участник СБП, а также производить оплату товаров и услуг в розничных магазинах и сети интернет по QR-коду Всероссийский опрос проведён Аналитическим центром НАФИ в сентябре 2020 г. Опрошено 1600 человек старше 18 лет в 53 регионах России. Выборка построена на данных официальной статистики Росстат и репрезентирует население РФ по полу, возрасту, уровню образования и типу населённого пункта. Статистическая погрешность данных не превышает 3,4% // НАФИ: [сайт]. — URL: <https://nafir.ru/analytics/bolshinstvo-rossiyan-plokho-osvedomleny-o-sisteme-bystrykh-platezhey/> (дата обращения: 07.02.2023).

¹⁷ НАФИ провёл первый замер Индекса цифровой финансовой грамотности жителей России // НАФИ: [сайт]. — URL: <https://nafir.ru/analytics/nafi-provel-pervyy-zamer-indeksa-tsifrovoy-finansovoy-gramotnosti-zhiteley-rossii/> (дата обращения: 07.02.2023).

денег¹⁸, а 87% россиян моложе 35 лет заявляют о желании повысить свою осведомлённость в этой сфере¹⁹.

Кроме того, недостаток финансовой грамотности наряду с низким уровнем материального положения может вынуждать граждан, пребывающих в угнетающем положении от невозможности увеличить доходы легальным путём, прибегать к высокорисковым способам зарабатывания денег, таким как, различные финансовые пирамиды, когда 200% годовых выглядят особенно привлекательно на фоне нынешних 8–9% по рублёвым депозитам в банках.

Выводы

Данные последних лет отражают поступательное ухудшение экономического благосостояния населения, а по итогам 2022 г. — определённого усугубления ситуации. Маловероятно, что население продемонстрирует повышенный интерес к покупкам товаров и услуг, предпочтя более осторожное расходование накопленных, при этом образование дополнительного дефицита товаров будет сдерживать уже идущий процесс адаптации российского рынка, в т.ч. через импортозамещение. В сложившихся условиях помощь со стороны государства продолжит вносить значимый вклад в поддержание занятости населения, его доходов и потребительского спроса, в результате чего в худшем случае можно ожидать, что показатели экономического благосостояния населения группы рискованных регионов достигнут и возможно преодолеют негативные

отметки кризисного 2020 года. Среднероссийские значения показателей экономического состояния населения по итогам 2022 г. вряд ли окажутся хуже уровня середины 2020 года²⁰.

Вопросы доверия к финансовым институтам, к финансовому рынку являются первостепенным шагом на пути к формированию лояльности среди населения, созданию благоприятной среды в обществе в целом. Значимость данного вопроса особенно очевидна в условиях повышенной необходимости в привлечении инвестиций на рынок капитала. В связи с чем, важными шагами на пути повышения уровня доверия граждан может выступать работа в направлении обеспечения защиты прав потребителей финансовых продуктов и услуг, повышение осведомлённости и информированности граждан об изменениях в финансовой политике страны и системе в целом. Данные шаги не только благоприятно отразятся на доверительной составляющей, но и будут способствовать повышению финансовой грамотности граждан.

Повышение уровня финансовой грамотности граждан как технологической, выражающейся, к примеру, в умении считать проценты, пользоваться онлайн-банкингом и так далее, так и интеллектуальной финансовой грамотности — пониманию сути тех или иных финансовых продуктов, услуг, базовых принципов работы финансовых институтов, так называемых «правил игры» на финансовом рынке, способствует устранению барьеров между участниками финансового рынка. И эти «правила игры» должны чётко регламентироваться, регулироваться, транслироваться государством, так как граждане чувствуют себя более защищёнными, когда уверены в эффективном регулировании и защите своих прав.

¹⁸ Каждый второй представитель молодёжи считает, что ему недостаточно знаний о финансовой безопасности // НАФИ: [сайт]. — URL: <https://nafi.ru/analytics/kazhdyy-vtoroy-predstavitel-molodezhi-schitaet-chto-emu-nedostatochno-znaniy-o-finansovoy-bezopasnos/> (дата обращения: 07.02.2023).

¹⁹ Финансовая безопасность: чему и как обучать молодёжь // НАФИ: [сайт]. — URL: <https://nafi.ru/analytics/finansovaya-bezopasnost-chemu-i-kak-obuchat-molodezh/> (дата обращения: 07.02.2023).

²⁰ Экономическое здоровье населения: восстановление откладывается // Эксперт РА: [сайт]. — URL: https://www.raexpert.ru/researches/regions/economic_health_regions_2022/ (дата обращения: 07.02.2023).

Литература и Интернет-источники

1. **Гондик, Н. Ю.** Финансовое поведение населения: теоретические аспекты / Н. Ю. Гондик // *Master's Journal*.— 2014.— № 1.— С. 330–333. EDN: SKFCSL
2. **Зотова, А. И.** Компаративистский подход к исследованию финансового поведения домохозяйств / А. И. Зотова, И. Г. Давыденко // *TERRA ECONOMICUS*.— 2012.— Т. 10.— № 1–2.— С. 58–61. EDN: OWNBR
3. **Галишников, Е. В.** Финансовое поведение населения: сберегать или тратить / Е. В. Галишников // *Финансовый журнал*.— 2012.— № 2.— С. 133–140. EDN: OWFTXL
4. **Ciumara, T.** Factors Influencing Individual Financial Decisions: A literature review / T. Ciumara // *Globalization, Intercultural Dialogue and National Identity, GIDNI, At Targu Mures*,— 2014.— Vol. 1.— P. 421–428.
5. **Александрова, О. А.** Концептуальные подходы к формированию предпосылок для эффективного финансового просвещения населения России / О. А. Александрова, Н. В. Аликперова, К. В. Виноградова, Ю. С. Ненахова // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*.— 2020.— Т. 13.— № 4. С. 169–185. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.10; EDN: KXVMQB
6. **Фетюков А. В.** Подходы к изучению доверия в современной науке: основные теоретические направления и взгляды / А. В. Фетюков // *Научный журнал NovaUm.Ru*.— 2020.— № 27.— С. 151–158. EDN: ZWSQVR
7. **Медведева Е. И.** Социально-экономические аспекты феномена «доверие» / Е. И. Медведева // *Социальное пространство*.— 2022.— Т. 8.— № 4.— URL: <http://socialarea-journal.ru/article/29476>. DOI: 10.15838/sa.2022.4.36.9; EDN: UAGWJJ
8. **Сушко, Е. Ю.** Финансовое поведение населения и его детерминанты / Е. Ю. Сушко // *Финансы и кредит*.— 2017.— Т. 23.— № 12(732).— С. 670–682. DOI: 10.24891/fc.23.12.670; EDN: TLQNSH
9. **Белехова, Г. В.** Оценка факторов финансового поведения населения: опыт применения регрессионного анализа по панельным данным / Г. В. Белехова, А. И. Россошанский // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*.— 2018.— № 5.— С. 198–213. DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.13; EDN: YNRFYD
10. **Аликперова, Н. В.** Микроэкономика личности и её роль в формировании финансово грамотного поведения / Н. В. Аликперова // *Народонаселение*.— 2022.— Т. 25.— № 1.— С. 18–28. DOI: 10.19181/population.2022.25.1.2; EDN: NSIKMQ
11. **Аликперова, Н. В.** Доверие населения — фундамент стабильности функционирования финансовых институтов / Н. В. Аликперова, А. В. Ярашева // *Управление экономическими системами: электронный научный журнал*.— 2015.— № 8(80).— С. 1. EDN: UIZBNH
12. **Ярашева, А. В.** Особенности экономического поведения населения в современной России / А. В. Ярашева, С. В. Макара, С. Б. Решетникова.— Москва : Beau Bassin, 2018.— 58 с. EDN: UUQLMA
13. **Гугнюк, И. Г.** Доступность банковских услуг как финансово-правовой принцип банковской деятельности / И. Г. Гугнюк.— Москва : КноРус, 2017.— 142 с. EDN: YGLCBP
14. **Аджиева, С. А.** Доступность банковских услуг в муниципальных образованиях региона: проблемы, пути решения / С. А. Аджиева, Е. И. Багдуева // *УЭПС: управление, экономика, политика, социология*.— 2017.— № 2.— С. 62–67. DOI: 10.24411/2412–2025–2017–00029; EDN: UQDBVG
15. **Плохих, Ю. В.** Доступность банковских цифровых услуг людям с ограниченными возможностями / Ю. В. Плохих, Н. С. Ушакова // *Экономика сферы сервиса: проблемы и перспективы. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 20–22 ноября 2018 г.) / под общ. ред. А. С. Польшинского*.— Омск, 2019.— С. 88–93. EDN: VTFFRW

16. **Ткачев, А. Е.** Финансовая доступность и обеспеченность банковскими услугами населения в Омской области за 2016–2018 годы / А. Е. Ткачев // Молодёжь третьего тысячелетия. Сборник научных статей. — Омск, 2019. — С. 1563–1567. EDN: YEOfAK
17. **Земцова, Л. Н.** Доступность банковских услуг как фактор информационной безопасности банковской деятельности / Л. Н. Земцова // Информационная безопасность регионов. — 2015. — № 4 (21). — С. 92–95. EDN: UXQTSD
18. **Макар, С. В.** Финансовая инфраструктура: точки доступа для населения / С. В. Макар, А. В. Ярашева, Н. В. Аликперова // Экономика. Налоги. Право. — 2021. — Т. 14. — № 3. — С. 56–66. DOI: 10.26794/1999–849X-2021–14–3–56–66; EDN: MXNLUM

Сведения об авторе:

Аликперова Наталья Валерьевна, к.э.н., ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; доцент Департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ; научный сотрудник НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: natalie_danilina@mail.ru, ORCID: 0000-0002-5028-078X; Researcher ID Web of Science: S-1899-2018; Scopus Author ID: 57215341618; РИНЦ AuthorID: 754213.

DOI: 10.19181/population.2023.26.2.14

FACTORS OF INFLUENCE ON THE FINANCIAL BEHAVIOR OF THE RUSSIAN POPULATION: THE 3D EFFECT

Natalia V. Alikperova

*Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Center of
Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)*

*Financial University under the Government of the Russian Federation
(49 Leningradsky prospect, Moscow, Russia, 125993)*

*Research Institute for Healthcare Organization and Medical
Management of Moscow Healthcare Department
(9 Sharikopodshipnikovskaya str., Moscow, Russia, 115088)*

E-mail: natalie_danilina@mail.ru

For citation:

Alikperova N. V. Factors of influence on the financial behavior of the population of Russia: the 3D effect. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 2. P. 165-175. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.14 (in Russ.)

Abstract. *The Russian economy and financial market are facing a wide range of challenges under the unprecedented sanctions pressure. The anti-crisis measures promptly taken by the Bank of Russia and the Government of the Russian Federation stabilized the situation, focusing the agenda on the restoration and further development of the Russian economy and financial market in the new realities. Considering that the extraordinary change in circumstances is likely to last for a long time and will have structural consequences, it is necessary to develop systemic solutions for development of the Russian economy and the financial market, to reorient the economy on innovative tracks in order to ensure technological sovereignty. For such a transition in the context of the reduction of the country's investment potential, "long money" plays a significant role, as President of Russia Vladimir Putin has*

repeatedly said. A promising way to solve the problem can be savings of the population, as one of the possible significant sources of investment resources for effective restructuring and improvement of the domestic economy. However, it is important to understand whether there are conditions today for the formation of savings by the population and opportunities for their further investment in the country's economy. The current socio-economic situation of the country, as well as the state of the financial market, reflects the possibility of implementing various models of financial behavior of the population, due to such factors as income, trust and affordability, which are reflected in the "3D effect". The author singled out these factors as fundamental in the formation of an individual's economic behavior program when it comes to the available resource potential, as well as the environment in which the program is implemented. In the course of the study, it was found out that the components of the "3D effect" reflect negative trends in the formation of the financial behavior of citizens, in particular, their savings and investment strategies. In this connection, there are acute questions related to ensuring a qualitatively new level of the resource base, as well as the environment.

Keywords: savings, investments, financial behavior, financial institutions, income, trust, affordability.

References and Internet sources

1. Gondik N. Yu. Finansovoye povedeniye naseleniya: teoreticheskiye aspekty [Financial behavior of population: theoretical aspects]. *Master's Journal*. 2014. No. 1. P. 330–333. (in Russ.)
2. Zotova A. I., Davydenko I. G. Komparativistskiy podhod k issledovaniyu finansovogo povedeniya domohozyajstv [Comparative approach to the study of the financial behavior of households]. *TERRA ECONOMICUS*. 2012. Vol. 10. No. 1–2. P. 58–61. (in Russ.)
3. Galishnikova E. V. Finansovoye povedeniye naseleniya: sberegat' ili tratit' [Financial behavior of the population: saving or spending]. *Finansovyy zhurnal [Financial Journal]*. 2012. No. 2. P. 133–140. (in Russ.)
4. Ciumara T. Factors influencing individual financial decisions: A literature review. *Globalization, Intercultural Dialogue and National Identity*. Proceedings of the conference, May 2014, Targu Mures, 2014. P. 421–428.
5. Aleksandrova O. A., Alikperova N. V., Vinogradova K. V., Nenakhova Yu. S. Kontseptual'nyye podhody k formirovaniyu predposylok dlya effektivnogo finansovogo prosveshcheniya naseleniya Rossii [Conceptual approaches to creating the prerequisites for effective financial education of the Russian population]. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]*. 2020. Vol. 13. No. 4. P. 169–185. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.10 (in Russ.)
6. Fetyukov A. V. Podkhody k vere v sovremennuyu nauku: osnovnyye teoreticheskiye napravleniya i vzglyady [Approaches to studying trust in modern science: basic theoretical directions and views]. *Novaum.Ru*. 2020. No. 27. P. 151–158. (in Russ.)
7. Medvedeva E. I. Sotsial'no-ekonomicheskiye aspekty fenomena «doveriye» [Socio-economic aspects of the phenomenon of "trust"]. *Sotsial'noye prostranstvo [Social Area]*. 2022. Vol. 8. No. 4. Available at: <http://socialarea-journal.ru/article/29476>. DOI: 10.15838/sa.2022.4.36.9 (in Russ.)
8. Sushko E. Yu. Finansovoye povedeniye naseleniya i yego determinanty [Financial behavior of the population and its determinants]. *Finansy i kredit [Finance and Credit]*. 2017. Vol. 23. No. 12(732). P. 670–682. DOI: 10.24891/fc.23.12.670 (in Russ.)
9. Belekhova G. V., Rossoshansky A. I. Otsenka faktorov finansovogo povedeniya naseleniya: opyt primeneniya regressionnogo analiza po panel'nym dannym [Assessing the factors that determine people's financial behavior: an experience of using regression analysis based on panel data]. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]*. 2018. No. 5. P. 198–213. DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.13 (in Russ.)

10. Alikperova N. V. Mikroekonomika lichnosti i yeyo rol' v formirovanii finansovo gramotnogo povedeniya [Microeconomics of personality and its role in the formation of financially literate behavior]. *Narodonaselenie [Population]*. 2022. Vol. 25. No. 1. P. 18–28. DOI: 10.19181/population.2022.25.1.2 (in Russ.)
11. Alikperova N. V., Yarasheva A. V. Doveriye naseleniya – fundament stabil'nosti funktsionirovaniya finansovykh institutov [Public confidence is the foundation for the stability of the functioning of financial institutions]. *Upravleniye ekonomicheskimi sistemami [Management of Economic Systems]*. Electronic scientific journal. 2015. No. 8(80). P. 1. (in Russ.)
12. Yarasheva A. V., Makar S. V., Reshetnikov S. B. Osobennosti ekonomicheskogo povedeniya naseleniya v sovremennoj Rossii [*Features of the Economic Behavior of the Population in Modern Russia*]. Moscow. Beau Bassin. 2018. 58 p. (in Russ.)
13. Gugnyuk I. G. Dostupnost' bankovskikh uslug kak finansovo-pravovoj printsip bankovskoy deyatel'nosti [*Availability of Banking Services as a Financial and Legal Principle of Banking*]. Moscow. KnoRus Publishing House. 2017. 142 p. (in Russ.)
14. Adzhieva S. A., Bagdueva E. I. Dostupnost' bankovskikh uslug v munitsipal'nykh obrazovaniyakh regiona: problemy, puti resheniya [The availability of banking services in the municipalities of the region: problems and solutions]. *UEPS: upravleniye, ekonomika, politika, sotsiologiya [UEPS: Management, Economics, Politics, Sociology]*. 2017. No. 2. P. 62–67. – DOI: 10.24411/2412–2025–2017–00029 (in Russ.)
15. Plokhikh Yu. V., Ushakova N. S. Dostupnost' bankovskikh tsifrovyykh uslug lyudyam s ogranichennymi vozmozhnostyami [Availability of banking digital services to people with disabilities]. *Ekonomika sfery servisa: problemy i perspektivy [Economics of the Service Sector: Problems and Prospects]*. Proceedings of the V All-Russian scientific and practice conference (Omsk, 20–22 November 2018). Ed. A. S. Polynsky. Omsk. 2019. P. 88–93. (in Russ.)
16. Tkachev A. E. Finansovaya dostupnost' i obespechennost' bankovskimi uslugami naseleniya v omskoy oblasti za 2016–2018 gody [Financial accessibility and provision of banking services to the population in the Omsk region in 2016–2018]. *Molodozh' tret'yego tysyacheletiya [Youth of the Third Millennium]*. Omsk. 2019. P. 1563–1567. (in Russ.)
17. Zemtsova L. N. Dostupnost' bankovskikh uslug kak faktor informatsionnoy bezopasnosti bankovskoy deyatel'nosti [Accessibility of banking services as a factor of information security of banking]. *Informatsionnaya bezopasnost' regionov [Information Security of Regions]*. 2015. No. 4(21). P. 92–95. (in Russ.)
18. Makar S. V., Yarasheva A. V., Alikperova N. V. Finansovaya infrastruktura: tochki dostupa dlya naseleniya [Financial infrastructure: public access points]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo [Economics, Taxes and Law]*. 2021. V. 14. No. 3. P. 56–66. DOI: 10.26794/1999–849X-2021–14–3–56–66 (in Russ.)

Information about the author:

Alikperova Natalia Valerievna, Candidate of Economics, Leading Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation; Researcher, Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management of Moscow Healthcare Department, Moscow, Russia.

Contact Information: e-mail: natalie_danilina@mail.ru; ORCID: 0000–0002–5028–078X; Researcher ID Web of Science: S-1899–2018; Scopus Author ID: 57215341618; Elibrary AuthorID: 754213.

Статья поступила в редакцию 15.02.2023, утверждена 03.05.2023, опубликована 30.06.2023.

DOI: 10.19181/population.2023.26.2.15
EDN: VQXIZU

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ СТУДЕНТОВ УНИВЕРСИТЕТОВ РОССИИ

Резник С.Д.*, Черниковская М.В., Сазыкина О.А.

Пензенский государственный университет архитектуры и строительства
(440028, Россия, Пенза, ул. Германа Титова, 28)

*E-mail: disser@bk.ru

Финансирование:

Статья подготовлена в рамках гранта РФ «Стратегия формирования финансовой грамотности российского студенчества как ключевое условие обеспечения их экономической самостоятельности» (№ 22–28–20445). – URL: <https://rscf.ru/project/22–28–20445/>.

Для цитирования:

Резник С.Д., Черниковская М.В., Сазыкина О.А. Гендерные особенности формирования финансовой грамотности студентов университетов России // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 2. – С. 176–188. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.15; EDN: VQXIZU

Аннотация. В статье определены ключевые факторы, формирующие финансовую грамотность студентов российских университетов: постановка студентами жизненных целей, приоритеты жизнедеятельности студенческой молодёжи; планирование и реализация студентами личного бюджета; культура финансового поведения студентов и другие. Обосновано, что студенческая молодёжь российских университетов в большинстве имеет значительные резервы для повышения своей финансовой грамотности. Представлены гендерные различия, свойственные студентам — юношам и девушкам — в процессе формирования их финансовой грамотности. В частности, девушки в силу более ответственного подхода к обучению готовы тратить дополнительное время на своё развитие в финансовой сфере, посещая факультативные и элективные занятия. Девушки-студентки более заинтересованы в изучении технологий планирования личного бюджета и уверены в важности формирования своих жизненных целей уже на этапе обучения в вузе, в то время как больше половины опрошенных юношей-студентов не думали о формировании своих жизненных целей. Девушки более ориентированы на строгое ведение учёта доходов и расходов, среди юношей-студентов практика учёта доходов и расходов распространена реже. Девушки почти в полтора раза чаще, чем юноши, стараются сначала что-то отложить на крупные покупки, а оставшиеся деньги тратят на текущие нужды. В целом, 47% студентов не сберегают денежные средства, среди них юношей оказалось в 4 раза больше, чем девушек. Выявленные гендерные особенности важно учитывать при организации учебного процесса в вузах в рамках преподавания дисциплин, направленных на формирование универсальной компетенции студентов — «экономическая культура, в том числе финансовая грамотность».

Ключевые слова: финансовая грамотность, студенческая молодёжь, гендерные различия, жизненные цели, финансовое планирование, культура финансового поведения.

Введение

В «Стратегии повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 годы» отмечено, что «повышение уровня финансовой грамотности является главной государственной задачей в Российской Федерации»¹. Данные Минфина РФ свидетельствуют о положительных тенденциях в решении этой задачи, в 2019 году «увеличилось число тех, кто может быть отнесён к группе с высоким уровнем финансовой грамотности — до 12,4%. Женщины в целом более финансово грамотны, чем мужчины» [1, с. 26]. Ограничения, связанные с пандемией в период 2020–2022 гг., а также санкции, введённые против России странами Запада в 2022 г., увеличили неопределённость жизнедеятельности населения России и, как следствие, усилили значение повышения уровня финансовой грамотности россиян.

«Традиционно в большинстве семей, мужчины являются ответственными за финансовое положение, они думают больше о том, как обеспечить свою семью, как заработать и приумножить. Женщины, как правило, больше озабочены «внутренней» стороной жизни семьи — чтобы все были сыты, одеты, обуты, обеспечены всем необходимым» [2, с. 51]. Насколько студенты проявляют гендерные особенности, формируя своё финансовое поведение и финансовую грамотность? Ответ на этот вопрос авторы статьи пытаются дать в представляемом исследовании.

Обзор литературы

Президент России В. В. Путин отметил на заседании президиума Госсовета РФ в ноябре 2006 г. недостаточный уровень информированности россиян о банковских продуктах и потребность в повышении финансовой грамотности людей [3, с. 18–19]. С 2011 г. Минфин РФ осуществляет масштабный федеральный проект «Содействие повышению уровня финансовой

грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации», целью которого является «создание основ для формирования финансово грамотного поведения населения как необходимого условия повышения уровня и качества жизни граждан, в том числе за счёт использования финансовых продуктов и услуг надлежащего качества»².

В 2016 г. ЦБ РФ опубликовал «Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2016–2018 годов», в котором первым из десяти направлений указано «обеспечение защиты прав потребителей финансовых услуг и повышение финансовой грамотности населения Российской Федерации»³. С 2017 г. реализуется утверждённая распоряжением Правительства РФ «Стратегия повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 годы», целью которой «является создание основ для формирования финансово грамотного поведения населения как необходимого условия повышения уровня и качества жизни граждан, в том числе за счёт использования финансовых продуктов и услуг надлежащего качества»⁴.

Особое внимание государства к проблеме повышения финансовой грамотности населения нашей страны стимулировало интерес отечественных учёных к исследованиям данной проблемы. Например, коллектив учёных Волгоградского университета провёл ряд исследований, в частности: 1) гендерных особенностей формирования финансовой грамотности населения, выявив, что «самооценка финансовой грамотности у мужчин выше, чем у женщин; мужчины ориентированы на более строгое соблюдение учёта доходов и расходов домохозяйства и более склонны к долгосрочному финансово-

² Сайт Министерства финансов Российской Федерации. — URL: <https://minfin.gov.ru> (дата обращения: 25.11.2022).

³ Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2016–2018 годов. — URL: https://www.cbr.ru/analytics/develop/main_direction_2016_2018/ (дата обращения: 25.11.2022).

⁴ Стратегия повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 г. — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.10.2022).

¹ Стратегия повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 годы. — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.10.2022).

му планированию, чем женщины и др.» [4, с. 95–96]; 2) влияния возраста на финансовое поведение населения, установив, что «с возрастом одобрение и распространённость сберегательных практик растёт, а интерес к кредитам снижается» [5, с. 21]; 3) информированности и вовлечённости студентов в реализацию федеральных программ и проектов, выявив «слабую информированность студентов региональных ВУЗов о существовании федерального проекта, низкий уровень их вовлечённости в мероприятия, направленные на повышение финансовой грамотности населения, невысокую востребованность интернет-порталов, посвящённых данной тематике» [6, с. 27].

В период пандемии COVID-19 ряд исследований проведён учёными ИСЭПН ФНИСЦ РАН и Финансового университета при Правительстве РФ. Они были направлены на выявление гендерных различий в моделях финансового поведения населения и, в частности, показали, что в зарубежных странах «мужчины и женщины действительно по-разному вкладывают и управляют денежными средствами, обнаружено существенное превышение уровня финансовой грамотности у юношей по сравнению с девушками». Однако, «в России гендерные различия не столь очевидны, если рассматривать все виды и формы экономической активности» [2, с. 53–56].

В условиях ускорения процессов цифровизации экономики интерес представляют исследования учёных Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, сделавших вывод о том, что «при более низком уровне финансовой грамотности девушкам свойствен более высокий уровень оптимизма, доверчивости и склонности к расточительности, тогда как юношам в большей степени присуща склонность к риску, новаторству и нелегитимным действиям» [7, с. 112].

Важность и необходимость исследования, результаты которого представлены в статье, обусловлены и тем, что в 2021 г. приказом Минобрнауки РФ в образова-

тельные стандарты высшего образования всех направлений подготовки бакалавров включена универсальная компетенция, связанная с формированием финансовой грамотности. Новизна результатов исследования, представленных в статье, основывается на обосновании и мониторинге ключевых факторов, формирующих финансовую грамотность студентов российских вузов в период обучения в вузе, в частности, их гендерных особенностей.

Методические подходы к исследованию

В качестве объекта исследования были выбраны студенты российских университетов, представляющие одну из целевых групп населения, составляющих потенциал будущего развития России. В «Стратегии повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 годы» эта группа населения обозначена как приоритетная. Количество студентов высших учебных заведений значительно возросло в первом десятилетии XXI в., но на начало 2021/2022 учебного года оно стало ниже значений 2000–2001 годов⁵. Среди студентов, обучающихся в высших учебных заведениях, продолжают превалировать девушки — на начало 2021/22 учебного года их удельный вес составлял 52,4%⁶.

Финансовая грамотность рассматривается авторами как необходимый в современных условиях «уровень знаний и навыков в области финансов, позволяющий студенческой молодёжи правильно оценивать ситуацию на рынке труда, принимать обоснованные решения, минимизировать риски и, тем самым, повышать

⁵ Образование в цифрах 2022: краткий стат. сб. / Л.М. Гохберг, Л.Б. Кузьмичёва, О.К. Озерова [и др.]; НИУ «Высшая школа экономики». — Москва : НИУ ВШЭ, 2022. — 132 с. — С. 66–67.

⁶ Российский статистический ежегодник. 2017: Стат. сб. / Росстат. — Москва, 2017—686 с. — С. 195–196.

⁷ Женщины и мужчины России. 2016: Стат. сб. / Росстат. — Москва, 2016. — 208 с. — С. 70.

⁸ Образование в цифрах 2022: краткий стат. сб. / Л.М. Гохберг, Л.Б. Кузьмичёва, О.К. Озерова [и др.]; НИУ «Высшая школа экономики». — Москва : НИУ ВШЭ, 2022. — 132 с. — С. 66–67.

свою экономическую самостоятельность и готовность к трудовой деятельности» [8]. Студенты — юноши и девушки — находятся в начале пути по формированию своего финансового поведения. От того, насколько эффективно они сформируют уровень своей финансовой грамотности в процессе обучения в вузе, будет зависеть их дальнейшее финансовое поведение и, как следствие, их финансовое благополучие. «К 25 годам можно оценивать развитость/неразвитость финансовой грамотности. Если к моменту перехода во взрослую, самостоятельную жизнь человек не приобрёл этого качества, значит, он финансово безграмотен, и изменить ситуацию будет уже довольно-таки сложно» [4, с. 89].

Социологический опрос студентов по проблемам формирования финансовой грамотности проведён в апреле-июне 2022 года. В исследовании приняли участие 565 студентов 29 государственных вузов⁷ России, из которых 57% девушек и 43% юношей. Опрос проведён на основе специально разработанной анкеты, вопросы которой направлены на изучение самооценки студентами своей финансовой грамотности, а также факторов, формирующих финансовую грамотность студенческой молодёжи, а именно: практики постановки студентами жизненных целей и приоритетов жизнедеятельности, вопросов составления и использования студентами личного бюджета, использования финансового планирования в личной жизнедеятельности студентов, культуры финансового поведения и предпринимательского потенциала студентов университетов России.

Несмотря на то, что «финансовая гра-

⁷ В опросе приняли участие студенты: НИУ МГСУ (Москва), РЭУ имени Г. В. Плеханова (Москва), ГУУ (Москва), СПбГУП (Санкт-Петербург), СПбГУПТД (Санкт-Петербург), СКФУ (Ставрополь), УрФУ имени Б. Н. Ельцина (Екатеринбург), ЮФУ (Ростов-на-Дону), МГУ имени Н. П. Огарёва (Саранск), НИ ТГУ (Томск), КНИТУ (Казань), ВГТУ (Волгоград), ВГУ (Воронеж), ДГИ (Махачкала), КГУ (Кемерово), Кубанский ГАУ (Краснодар), НГАСУ (Сибстрин) (Новосибирск), ПГАУ (Пенза), ПГТУ (Пенза), ПГУАС (Пенза), ПГУ (Пенза), ПГТУ (Иошкар-Ола), СГМУ имени В. И. Разумовского (Саратов), СГТУ имени Ю. А. Гагарина (Саратов), СГУ (Смоленск), Среднерусский институт управления — филиал РАНХиГС (Орел), ТИУ (Тюмень), УдГУ (Ижевск), Пензенский филиал Финансового университета при Правительстве РФ (Пенза).

мотность в большей степени является социальным качеством, то есть качеством, приобретаемым человеком в процессе финансовой социализации, чем результатом финансового образования» [5, с. 21], студенты, освоившие программу бакалавриата по любому направлению подготовки⁸, должны обладать «экономической культурой, в том числе финансовой грамотностью». Опираясь на рекомендации Минобрнауки РФ и Федерального учебно-методического объединения по экономике и управлению, авторами статьи были сформулированы ключевые факторы, способствующие формированию финансовой грамотности студенческой молодёжи в период обучения в вузе. По некоторым из них выявлены существенные гендерные различия. В частности, по факторам: 1) Постановка студентами жизненных целей и приоритеты жизнедеятельности студенческой молодёжи; 2) Планирование и реализация студентами личного бюджета; 3) Культура финансового поведения студентов.

Самооценка студентами уровня своей финансовой грамотности

Результаты исследования показали, что студенты-юноши более критичны в оценке своих знаний по финансовым вопросам: 78,5% отметили, что знаний им не хватает. Девушки-студентки более оптимистичны — 18,3% из них считают, что обладают достаточным уровнем знаний по финансовым вопросам, а 13% уверены, что им не нужны знания в финансовой сфере. Необходимость изучения основ финансовой грамотности в период обучения в вузе и юноши, и девушки оценивают одинаково: 78% тех и других считают это необходимым. Однако, как показали результаты исследования, 62,5% юношей-студентов и ещё больше девушек-студенток (73,5%) не проявляют интереса к финансовой ситуации в стране и мире.

⁸ Приказ Минобрнауки РФ № 1456 от 26.11.2020 г. «О внесении изменений в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования». — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.10.2022).

При этом предпочтительными формами изучения финансовой грамотности в период обучения в вузе для 50,6% девушек-студенток являются факультативные или элективные курсы. Хотели бы пройти обучение на специальных образовательных программах, проводимых такими участниками финансовых рынков как пенсионный фонд, страховые компании, банки и др., 24,1% девушек-студенток. Юноши-студенты считают, что получение знаний по финансовым вопросам возможно в рамках или специального курса «Основы финансовой грамотности» (40,9%), или в рамках экономических и финансовых дисциплин, предусмотренных учебным планом (39,7%). Иными словами, девушки более готовы тратить дополнительное время на своё развитие в финансовой сфере.

Для получения информации по финансовым вопросам студенты используют социальные сети, а также советы друзей и знакомых. Значительные гендерные отличия наблюдаются в использовании интернета: среди опрошенных юношей-студентов используют интернет 95,4%, а среди девушек — 48,3%. В то же время, девушки-студентки (44,2%) чаще, чем юноши-студенты (20,1%) доверяют массовым и специализированным периодическим изданиям о финансах (газетам и журналам), а также телевидению как официальному источнику информации: 27,2% девушек-студенток и 18,2% юношей-студентов.

Если же анализировать ответы студентов о предпочтительных источниках получения информации по вопросам финансовой грамотности, то и здесь наблюдаются гендерные различия. Юноши-студенты (57%) в большей мере нацелены на получение информации на обучающих вебинарах и курсах в интернете. Девушки же ориентируются на использование возможности прохождения специальных курсов по месту учёбы (29,4%), обучающих программ по телевидению (29,1%) и получение консультаций у специалистов социальных учреждений (27,2%).

Используя информационные источники с целью повышения своей финансовой гра-

мотности, студенты, как юноши, так и девушки, изучают банковские услуги, пенсионную систему и деятельность пенсионного фонда, особенности налогообложения физических лиц. Гендерный разрыв выявлен при изучении технологий планирования личного бюджета: знать эти технологии более заинтересованы 55,4% девушек-студенток против 13,6% юношей-студентов. Юноши в большей мере заинтересованы в изучении фондовых рынков (32,2%) и особенностей страхования (20,7%).

Постановка студентами жизненных целей и приоритеты их жизнедеятельности

Постановка жизненных целей и определение приоритетов жизнедеятельности является неотъемлемым фактором формирования финансовой грамотности студенческой молодёжи. Результаты исследования показывают, что девушки-студентки (57,3%) больше, чем юноши, уверены в важности формирования своих жизненных целей уже на этапе обучения в вузе, в то время как более половины юношей-студентов (53,5%) о формировании жизненных целей не думают. При этом 65,1% опрошенных студентов отметили, что в период обучения в вузе у них лишь частично или вообще не формируются компетенции, способствующие правильной постановке жизненных целей. Это негативный момент образовательного процесса, который можно исправить за счёт включения в учебные планы всех направлений подготовки дисциплины «Персональный менеджмент», цель которой овладение методами и приёмами управления личной жизнедеятельностью и карьерой. Опыт такого обучения накоплен в Пензенском государственном университете архитектуры и строительства и ряде других вузов страны⁹.

В полезности использования онлайн-курсов как современных технологий обучения по различным направлениям,

⁹ Персональный менеджмент: учебник / под ред. С.Д. Резника, 6-е изд, перераб. и доп. — Москва : ИНФРА-М, 2019. — 453 с.

в том числе по формированию личных жизненных целей, уверена почти половина (47%) опрошенных девушек-студенток и 31% юношей-студентов, то есть наблюдается гендерный разрыв в понимании значимости обучения на онлайн-курсах между девушками и юношами: среди последних 62,3% не проявляют интерес к таким курсам, считают их бесполезной тратой времени. В случае, если студентам требуется помощь при постановке и достижении жизненных целей, юноши чаще, чем девушки просят помощи у других, и реже, чем девушки, действуют самостоятельно по ситуации.

Результаты исследования показали, что для 67,8% юношей-студентов приоритетны цели, связанные с финансами и удовлетворением материальных потребностей. Для девушек-студенток эти цели тоже на-

ходятся на первом месте, однако среди девушек почти в два раза больше, чем юношей, тех, кто нацелен на развитие личности — 34%. При этом, даже если студенты ставят перед собой жизненные цели, в том числе, в сфере финансов, то учёт достижения целей не ведут или пытаются всё держать в голове почти три четверти студентов: 74% девушек и 71% юношей.

Некоторые гендерные различия выявлены в отношении студентов к семье и семейным ценностям: для 40% юношей-студентов семья и семейные ценности являются вторым по важности приоритетом жизнедеятельности. Среди опрошенных девушек только 14% нацелены на семейные ценности (табл. 1). Однако, если анализировать ответы студентов о важности семейного благополучия в долгосрочной перспективе, то в этом случае 58% деву-

Таблица 1

Приоритеты жизнедеятельности студентов в период обучения в вузе (в % к числу опрошенных)

Table 1

Priorities in life activities of students during their studies at university (% of the respondents)

Варианты ответов	Всего	В том числе по полу	
		девушки	юноши
Образование	50,4	49,8	51,2
Материальное благополучие	30,9	25,1	38,8
Здоровье	26,0	21,0	32,6
Семья и семейные ценности	25,3	13,6	40,1
Профессиональное становление	24,8	26,3	22,7
Социальное общение и взаимодействие	19,3	19,2	19,4
Увлечения	14,7	4,3	28,5
Имидж и внешний вид	12,4	16,7	6,6
Душевное спокойствие и стабильность в обществе	11,3	13,0	9,1

Источник: составлено авторами по результатам анкетного опроса.

шек-студенток определили важность семьи более значительно, чем работу и профессиональную карьеру.

В оценке таких приоритетов жизнедеятельности, как увлечения, имидж, внешний вид, наблюдается гендерный разрыв. Для 28,5% юношей увлечения являются значимым приоритетом жизнедеятельности, среди девушек таких только 4,3%. Зато девушки больше внимания уделяют своему имиджу и внешнему виду: этот фактор в приоритете у 16,7% девушек и 6,6% юношей.

Один из вопросов анкеты касался изучения направлений жизнедеятельности, к которым студенты испытывают особую тягу.

Результаты исследования показали значительные отличия в ответах девушек и юношей. Так, для юношей на первом месте стоит трудовая деятельность — 68,2% работают или находятся в поиске работы. Второй ранг юноши присвоили развлечениям, а третий — спорту. Девушки-студентки, пре-

жде всего, испытывают тягу к учебной деятельности: посещают занятия и старательно учатся — 35,3%, на втором месте — участие в творческой деятельности. Третий ранг девушки присвоили своему участию в научной деятельности (табл. 2).

Таблица 2

Направления жизнедеятельности, к которым студенты испытывают особую тягу (в % к числу опрошенных)

Table 2

Areas of life activities to which students are particularly prone (% of the respondents)

Варианты ответов	Всего	В том числе по полу				
		девушки		юноши		
	%	ранг	%	ранг	%	ранг
Трудовая деятельности (ищут работу или работают)	36,5	1	12,7	4	68,2	1
Учебная деятельность	35,9	2	35,3	1	36,8	3
Творческая деятельности	32,6	3	32,8	2	32,2	5
Развлекательная деятельность	28,5	4	11,5	5	51,2	2
Спорт	19,1	5	9,0	6	32,6	4
Научная деятельность	15,4	6	17,3	3	12,8	6

Источник: составлено авторами по результатам анкетного опроса.

Гендерные различия в планировании и реализации студентами личного бюджета

По пятибалльной шкале девушки-студентки оценили важность планирования и реализации своего личного бюджета на 3,7 балла, юноши-студенты на 3,5 балла. Столь незначительная разница в оценках говорит о том, что ни девушки, ни юноши ещё не имеют финансовых средств для того, чтобы инвестировать их в какие-либо серьёзные проекты. Студенты не могут получить существенный кредит, кроме микрозайма, и, наконец, студенты не задумываются о пенсионном обеспечении.

Четверть опрошенных студентов постоянно ведут строгий учёт, фиксируют все свои поступления и расходы. Чаще в ответах студентов встречается ведение учёта приблизительно, понимание в целом, сколько у них было денег и сколько потрачено за месяц (45,2% девушек и 36,4% юно-

шей). При этом почти четверть юношей-студентов (23,5%), что в 1,7 раза больше, чем у девушек-студенток, вообще не ведут учёт, не знают, сколько у них было денег и сколько потрачено за месяц.

Как показали результаты исследования, такой низкий уровень финансового планирования и ведения учёта своих денежных средств студентами российских вузов связан с нехваткой знаний и навыков в этой области — только 29,1% девушек-студенток и 16,5% юношей-студентов не испытывают, по их мнению, проблем с нехваткой знаний и навыков в области ведения личного бюджета и составления финансового плана. В частности, не знают принципов учёта доходов и расходов 56% девушек и 77% юношей, классификацию личных доходов и расходов — 60% девушек и 88% юношей, механизмов влияния инфляции — 83% девушек и 73% юношей. Не владеют методами осуществления сбережений 69% девушек и 82% юношей, не ис-

пользуют современные программы по составлению и учёту личного бюджета 87% девушек и 97% юношей.

Студенты, являясь членами семьи (живут ли они с родителями, с супругом/супругой или отдельно), должны участвовать в формировании семейного бюджета, а для этого им важно освоить технику планирования семейных финансов. «Ведь именно в студенческие годы очень часто закладываются основы будущих семей и их благополучия. Грамотное отношение к проблемам семейной экономики позволит наладить систему в денежном хозяйстве своей семьи, вести учёт расходов и доходов, анализировать и планировать их, рационально делать покупки, приумножать сбережения, находить им достойное применение» [9, с. 94]

Влияние гендерных особенностей на культуру финансового поведения студентов

Под культурой финансового поведения авторы понимают наличие традиций и ценностей, на основании которых студенты распределяют личные денежные средства, осуществляют сбережения, инвестируют и управляют долговыми обязательствами в случае их возникновения. Важную роль здесь играет семья, ведь студенты «в значительной степени полагаются на советы родителей при решении финансовых вопросов в своей повседневной жизни» [10, с. 43]. Имея то или иное представление о текущих доходах и расходах, студенты на основе получаемых в вузе знаний и под влиянием контактных аудиторий формируют свою культуру финансового поведения в области потребления, сбережения, кредитования, инвестирования и т.д.

Гендерные особенности прослеживаются среди тех студентов, которые работают: 36,8% юношей против 9,6% девушек. Кроме того, в четыре раза больше юношей-студентов, чем девушек-студенток сами себя обеспечивают. Это коррелирует с ответами 68,2% юношей (см. табл. 2)

о том, что для них приоритетным направлением является трудовая деятельность. Часть студенток-девушек в период обучения в вузе выходит замуж, отсюда 10,8% студенток отметили, что находятся на содержании супруга. Примечательно, что юноши в четыре раза чаще берут потребительские кредиты в банке (12,8% юношей против 3,4% девушек) и в два раза чаще пользуются услугами микрокредитных организаций (7,4% юношей против 3,1% девушек).

Значимых различий в планировании девушками и юношами своих финансов не выявлено. Это и ожидаемо, ведь большинство студентов содержат родители: подавляющее большинство опрошенных, как юношей, так и девушек, обеспечиваются родителями (61%). Существенные отличия в распределении студентами своих финансов в повседневной жизни также не выявлены: 46,7% юношей и 40,9% девушек тратят все деньги на текущие нужды, а отложить ничего не удаётся; треть юношей и чуть больше четверти девушек сначала тратят деньги на текущие нужды, а если что-то остаётся — откладывают. Однако, среди девушек-студенток почти в полтора раза больше, чем среди юношей, тех, кто пытается сначала что-то отложить на крупные покупки, а оставшиеся деньги тратят на текущие нужды (29,4% девушек против 16,9% юношей).

Оказалось, что 46,7% студентов не сберегают денежные средства, но среди них юношей в 4 раза больше, чем девушек (83,1% юношей против 19,5% девушек). Возможно, это в определённой мере это связано с тем, что для 51,2% опрошенных юношей-студентов развлечения являются вторым по значимости направлением жизнедеятельности (см. табл. 2). Среди девушек-студенток в полтора раза больше, чем среди юношей, тех, кто держит различные накопления дома (39,3% девушек против 21,9% юношей), что в определённой мере свидетельствует об отсутствии у них необходимых знаний о банковских вкладах, которые позволяют не только сберегать денежные средства, но и накап-

ливать. Однако, процент девушек, имеющих накопления на банковских счетах или вкладах, всё же больше, чем юношей (21,4% девушек против 16,1% юношей).

Значимых отличий в использовании студентами современных методов контроля и управления финансами исследованием не установлено. Большинство студентов (56,6%) пользуются банковскими картами для оплаты товаров и услуг и ведут учёт операций по ним. Имеют электронный кошелек и используют электронные платёжные системы, а также пользуются интернет-банкингом в полтора раза больше юношей-студентов, чем девушек-студенток, но в целом это менее 30% респондентов. Результаты исследования показали, что 37,3% юношей и 29,4% девушек способны легко найти работу и быстро адаптируются, если нуждаются в деньгах. Как отмечают современные исследователи, «феномен совмещения учёбы в вузе с работой не является новым для современного российского общества. Студенты, в особенности старших курсов, всё чаще стремятся сочетать работу с учёбой» [11, с. 59]. Некоторый гендерный разрыв выявлен среди тех студентов, которые не умеют зарабатывать и не видят в этом необходимости (19,5% девушек-студенток против 6,6% юношей студентов).

По полученным данным, 24,4% юношей-студентов занимаются предпринимательской деятельностью в период обучения в вузе. Это в 2,5 раза больше, чем девушек-студенток. В целом, 84,1% опрошенных студентов не занимаются предпринимательской деятельностью, указав, что для ведения собственного бизнеса нужны, во-первых, связи (39,5%), достойное образование (22,8%), опыт работы (20,7%). А всего этого пока у студентов нет.

Выводы

Студенческая молодёжь российских университетов в целом характеризуется недостаточной финансовой грамотностью. Студенты — как девушки, так и юноши — оценили свой уровень финансовой

грамотности как неудовлетворительный, при этом юноши-студенты более критичны в своих самооценках. Ключевыми факторами, определяющими состояние финансовой грамотности студенческой молодёжи в период обучения в вузе, являются постановка студентами жизненных целей в сфере финансов, составление и реализация студентами личного бюджета, использование технологий финансового планирования в личной жизнедеятельности, культура финансового поведения студентов, предпринимательский потенциал и финансовые приоритеты жизнедеятельности студенческой молодёжи. По некоторым из этих факторов выявлены существенные гендерные различия:

1. Анализ постановки студентами жизненных целей и приоритетов их жизнедеятельности позволил выявить следующие гендерные особенности: 1) девушки-студентки (57,3%) больше уверены в важности формирования своих жизненных целей уже на этапе обучения в вузе, в то время как более половины юношей-студентов (53,5%) не думают о формировании жизненных целей; 2) в полезности использования онлайн-курсов как современных технологий обучения по формированию личных жизненных целей уверены почти половина (46,7%) опрошенных девушек-студенток и только 31% юношей-студентов; 3) юноши-студенты испытывают значительно большую тягу к трудовой деятельности — 68,2% работают или находятся в поиске мест работы, у девушек этот показатель значительно ниже и составил 12,7%.

2. Основные гендерные разрывы при планировании и реализации студентами личного бюджета прослеживаются в следующих позициях: 1) заинтересованность в изучении технологий планирования личного бюджета (55,4% девушек против 13,6% юношей-студентов); 2) важность планирования и реализации своего личного бюджета (девушки-студентки оценили на 3,7 балла, юноши-студенты на 3,5 балла).

3. Определены существенные гендерные различия в культуре финансового поведения студентов: 1) почти четверть юно-

шей-студентов (23,5%), а это в 1,7 раза больше, чем у девушек-студенток, не ведут учёта своих финансов, не знают своих доходов и расходов; 2) юноши в четыре раза чаще берут потребительские кредиты в банке (12,8% юношей против 3,4% девушек) и в два раза чаще пользуются услугами микрокредитных организаций (7,4% юношей против 3,1% девушек); 3) среди девушек-студенток почти в полтора раза больше, чем среди юношей, тех, кто пытается что-то откладывать на крупные покупки (29,4% девушек против 16,9% юношей); 4) 46,7% студентов вообще не откладывают на будущее денежные средства, среди них юношей в четыре раза больше, чем девушек (83,1% юношей против 19,5% девушек).

Выявленные гендерные особенности важно учитывать при организации учебного процесса в вузах в рамках преподавания дисциплин, направленных на формирование универсальной компетенции студентов — «экономическая культура, в том числе финансовая грамотность». В перспективе исследование будет дополнено анализом формирования финансовой грамотности студентов в период обучения в вузе за счёт учёта влияния таких факторов как возраст и курс обучения студентов, категория вуза (федеральный, национальный исследовательский, столичный или региональный), направление подготовки (экономическое и техническое) и других.

Литература и Интернет-источники

1. Финансовое поведение населения (мониторинговое исследование): монография / под ред. А.В. Ярашевой.— Москва : ФНИСЦ РАН, 2021.— 113 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-359-1.2021; EDN: HTIZWM
2. **Ярашева, А.В.** Гендерные различия финансового поведения населения / А.В. Ярашева, Н.В. Аликперова // Народонаселение.— 2020.— Т. 23.— № 2.— С. 51–60. DOI: 10.19181/population.2020.23.2.5; EDN: LPFFLB
3. **Карпунин, М. А.** «Свои деньги» — проект по повышению финансовой грамотности населения / М.А. Карпунин // Деньги и кредит.— 2008.— № 2.— С. 18–19. EDN: KNUBTL
4. **Дулина, Н.В.** Финансовая грамотность населения: гендерный аспект (на материалах социологического исследования «Волгоградский омнибус») / Н.В. Дулина, Д.В. Моисеева, И.А. Небыков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии.— 2017.— Т. 16.— № 1.— С. 86–99. DOI: 10.15688/jvolsu7.2017.1.10; EDN: ZCCRDP
5. **Моисеева, Д.В.** Финансовое поведение различных возрастных групп (по материалам социологического исследования) / Д.В. Моисеева, Н.В. Дулина, К.О. Сомхишвили, С.Н. Оводова // Primo Aspectu.— 2019.— № 1(37)— С. 15–22. EDN: VXJCRC
6. **Дулина, Н.В.** Проект по повышению финансовой грамотности населения: информированность и вовлечённость студентов (по материалам пилотажного социологического исследования) / Н.В. Дулина, Д.В. Моисеева, С.Н. Оводова, А.А. Попкова // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология.— 2019.— Т. 5(71)— № 4.— С. 18–32. EDN: TNUHLP
7. **Малкина, М. Ю.** Взаимосвязь финансовой грамотности в сфере цифровых технологий и личностных характеристик российских студентов: гендерный аспект / М.Ю. Малкина, Д.Ю. Рогачёв // Женщина в российском обществе.— 2018.— № 3(88)— С. 104–115. DOI: 10.21064/WinRS.2018.3.10; EDN: YABJDV
8. **Резник, С.Д.** Студенты России: жизненные приоритеты и социальная устойчивость: монография, 2-е изд. перераб. и доп. / С.Д. Резник, М.В. Черниковская; под ред. С.Д. Резника.— Москва : ИНФРА-М, 2019.— 324 с. DOI: 10.12737/monography_5c0a17c3a354f0.90572513; EDN: YSPKOT
9. **Резник, С.Д.** Финансовый портфель семьи / С.Д. Резник, В.А. Бобров // Народонаселение.— 2002.— № 4.— С. 86–96.

10. **Рогачёв, Д. Ю.** Особенности финансового поведения студенческой молодёжи / Д. Ю. Рогачёв // Народонаселение.— 2021.— Т. 24.— № 2.— С. 41–52. DOI: 10.19181/population.2021.24.2.4; EDN: LLUSAJ
11. **Желнина, Е. В.** Социальный портрет современного работающего студента: социологический анализ / Е. В. Желнина, М. А. Папчихина // Научный вектор Балкан.— 2019.— Т. 3.— № 3(5).— С. 59–66. DOI: 10.34671/SCH.SVB.2019.0303.0015; EDN: TUXMMD

Сведения об авторах:

Резник Семён Давыдович, д.э.н, проф., заслуженный деятель науки РФ, зав. кафедрой «Менеджмент» Пензенского государственного университета архитектуры и строительства, Пенза, Россия.
 Контактная информация: e-mail: disser@bk.ru; ORCID: 0000-0001-6395-1450; Researcher ID Web of Science: H-4904-2017; Scopus Author ID: 7005971908; РИНЦ AuthorID: 496260.

Черниковская Марина Витальевна, к.э.н, доцент кафедры «Менеджмент» Пензенского государственного университета архитектуры и строительства, Пенза, Россия.

Контактная информация: e-mail: m.chernikovskaya@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0994-8108; Researcher ID Web of Science: B-4831-2019; Scopus Author ID: 57148206900; РИНЦ: AuthorID: 659681.

Сазыкина Ольга Анатольевна, к.э.н, доцент кафедры «Менеджмент» Пензенского государственного университета архитектуры и строительства, Пенза, Россия.

Контактная информация: e-mail: soa02041978@bk.ru; ORCID: 0000-0003-2954-8910; Researcher ID Web of Science: C-5206-2017; Scopus Author ID: 6507534345; РИНЦ AuthorID: 427540.

DOI: 10.19181/population.2023.26.2.15

GENDER FEATURES OF DEVELOPING FINANCIAL LITERACY OF RUSSIAN UNIVERSITY STUDENTS

Semen D. Reznik*, Marina V. Chernikovskaya, Olga A. Sazykina

*Penza State University of Architecture and Construction
 (28 German Titov str., Penza, Russia, 440028)*

*E-mail: disser@bk.ru

Funding:

The article was prepared within the framework of the Russian Science Foundation grant “Strategy for the formation of financial literacy of Russian students as a key condition for ensuring their economic independence” (No. 22–28–20445). URL: <https://rscf.ru/project/22-28-20445/>.

For citation:

Reznik S. D., Chernikovskaya M. V., Sazykina O. A. Gender features of developing financial literacy of Russian university students. *Narodonasilenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 2. P. 176-188. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.15 (in Russ.)

Abstract. *The article shows the relevance of studying gender differences in the formation of financial literacy of student youth. A review of studies on various aspects of the formation of financial literacy of Russians is given. In particular, student youth as a group of the population that makes up the development potential of Russia was considered. The article justifies the need to study the processes of forming financial literacy of student youth during their studies based on the future roles and tasks of the life of men and women in Russia. There are identified the main factors that form financial literacy of Russian university students: setting life goals and priorities for life activities of youth; planning and implementation of personal student budget; culture of financial behavior. It has been established that the student youth of Russian universities for the most part has significant reserves to improve the financial literacy. The differences in students' gender characteristics—male and*

female — in the process of forming their financial literacy are presented. In particular, girls, due to a more responsible approach to education, are ready to spend additional time for their development in the financial sphere by attending elective classes. Female students (55.4%) are more interested in studying personal budget planning technologies and are more confident in the importance of forming their life goals already at the stage of studying at the university, while more than half of male students (53.5%) do not even think about forming life goals. Female students are more focused on strict accounting of income and expenses, among male students the practice of maintaining clear accounting of income and expenses is less common: 23.5% of them do not keep records, do not know how much money they had and how much was spent for a month. Female students are almost one and a half times more likely than male students first to postpone something for large purchases, and to spend the remained money on current needs. 46.7% of students do not save money, among them there are four times more boys than girls. The identified gender features should be used in organizing the educational process in universities, within teaching disciplines aimed at forming the universal competence of students — economic culture, including financial literacy.

Keywords: financial literacy, student, student youth, gender differences, life goals, life priorities, financial planning, culture of financial behavior, university.

References and Internet sources

1. Finansovoye povedeniye naseleniya (monitoringovoye issledovaniye) [Financial Behavior of the Population (monitoring study)]. Ed. A. V. Yarasheva. Moscow. FNISTS RAN. [Federal Center of the Theoretical and Applied Sociology RAS]. 2021. 113 p. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-359-1.2021 (in Russ.)
2. Yarasheva A. V., Alikperova N. V. Gendernyye razlichiya finansovogo povedeniya naseleniya [Gender differences in financial behavior of population]. *Narodonaselenie [Population]*. 2020. Vol. 23. No. 2. P. 51–60. DOI: 10.19181/population.2020.23.2.5 (in Russ.)
3. Karpunin M. A. “Svoi den’gi” — proyekt po povysheniyu finansovoy gramotnosti naseleniya [“Personal finances” — a project on raising financial literacy]. *Den’gi i kredit [Money and Credit]*. 2008. No. 2. P. 18–19. (in Russ.)
4. Dulina N. V., Moiseeva D. V., Nebykov I. A. Finansovaya gramotnost’ naseleniya: gendernyy aspekt (na materialakh sotsiologicheskogo issledovaniya “Volgogradskiy omnibus”) [Financial literacy: gender aspect (on the materials of sociological research “Volgograd omnibus”)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial’nyye tekhnologii [Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies (Logos and Praxis)]*. 2017. Vol. 16. No. 1. P. 86–99. DOI: 10.15688/jvolsu7.2017.1.10 (in Russ.)
5. Moiseeva D. V., Dulina N. V., Somkhisvily K. O., Ovodova S. N. Finansovoye povedeniye razlichnykh vozrastnykh grupp (po materialam sotsiologicheskogo issledovaniya) [Financial behavior of population: age features (based on the materials of applied sociological research)]. *Primo Aspectu*. 2019. No. 1(37). P. 15–22. (in Russ.)
6. Dulina N. V., Moiseeva D. V., Ovodova S. N., Popkova A. A. Proyekt po povysheniyu finansovoy gramotnosti naseleniya: informirovannost’ i вовлеченност’ studentov (po materialam pilotazhnogo sotsiologicheskogo issledovaniya) [Project to improve financial literacy of the population: awareness and involvement of students (based on the materials of a pilot sociological study)]. *Uchonyye zapiski Krymskogo federal’nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Sotsiologiya. Pedagogika. Psikhologiya [Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology]*. 2019. Vol. 5(71). No. 4. P. 18–32. (in Russ.)
7. Malkina M. Yu., Rogachev D. Yu. Vzaimosvyaz’ finansovoy gramotnosti v sfere tsifrovyykh tekhnologiy i lichnostnykh kharakteristik rossiyskikh studentov: gendernyy aspekt [Interrelation of financial literacy in the sphere of digital technologies and personal characteristics of Russian students: gender aspect]. *Zhenshchina v rossiyskom obschestve [Woman in Russian Society]*. 2018. No. 3(88). P. 104–115. DOI: 10.21064/WinRS.2018.3.10 (in Russ.)

8. Reznik S.D., Chernikovskaya M.V. *Studenty Rossii: zhiznennyye priority i sotsial'naya ustoychivost'* [*Russian Students: Life Priorities and Social Sustainability*]. Moscow. INFRA-M. 2019. 324 p. DOI: 10.12737/monography_5c0a17c3a354f0.90572513 (in Russ.)
9. Reznik S.D., Bobrov V.A. *Finansovyy portfel' sem'i* [*Family financial portfolio*]. *Narodonaselenie [Population]*. 2002. No. 4. P. 86–96. (in Russ.)
10. Rogachev D. Yu. *Osobennosti finansovogo povedeniya studencheskoy molodezhi* [*Features of the financial behavior of student youth*]. *Narodonaselenie [Population]*. 2021. Vol. 24. No. 2. P. 41–52. DOI: 10.19181/population.2021.24.2.4 (in Russ.)
11. Zhelnina E.V., Papchikhina M.A. *Sotsial'nyy portret sovremennogo rabotayushchego studenta: sotsiologicheskii analiz* [*Social portrait of a modern working student: a sociological analysis*] *Nauchnyy vektor Balkan [Scientific Vector of the Balkans]*. 2019. Vol. 3. No. 3(5). P. 59–66. DOI: 10.34671/SCH.SVB.2019.0303.0015 (in Russ.)

Information about the authors:

Reznik Semen Davydovich, Doctor of Economics, Professor, Head of Department, Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russia.

Contact information: e-mail: disser@bk.ru; ORCID: 0000–0001–6395–1450; Researcher ID Web of Science: H-4904–2017; Scopus Author ID: 7005971908; Elibrary AuthorID: 496260.

Chernikovskaya Marina Vitalievna, Candidate of Economics, Associate Professor, Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russia.

Contact information: e-mail: m.chernikovskaya@mail.ru, ORCID0000–0003–0994–8108; Researcher ID Web of Science: B-4831–2019, Scopus Author ID: 57148206900, Elibrary AuthorID: 659681.

Sazykina Olga Anatolyevna, Candidate of Economics, Associate Professor, Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russia.

Contact information: e-mail: soa02041978@bk.ru, ORCID: 0000–0003–2954–8910; Researcher ID Web of Science: C-5206–2017; Scopus Author ID: 6507534345; Elibrary AuthorID: 427540.

Статья поступила в редакцию 20.12.2022, утверждена 03.05.2023, опубликована 30.06.2023.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИСЭПН ФНИСЦ РАН

DOI: 10.19181/population.2023.26.2.16
EDN: GJMLFR

СЕМИНАР «ЭКОНОМИКА ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА: ОБРАЗОВАНИЕ, ЗДРАВООХРАНЕНИЕ, КУЛЬТУРА» НА VIII САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ КОНГРЕССЕ

31 марта 2023 г. сотрудники ИСЭПН ФНИСЦ РАН выступили с докладами на Семинаре «Экономика для человека: образование, здравоохранение, культура», организованном совместно Институтом социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИСЭПН ФНИСЦ РАН) и Институтом экономики РАН в рамках работы VIII Санкт-Петербургского международного экономического конгресса. Модераторами семинара, посвящённого социальной тематике, выступили О. А. Александрова, д.э.н., зам. директора по научной работе ИСЭПН ФНИСЦ РАН; проф. Департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ (далее – Финуниверситет) и Т. В. Чубарова, д.э.н., главный научный сотрудник, зав. Центром экономической теории социального сектора Института экономики РАН. На заседании прозвучали доклады, затрагивающие ситуацию в трёх важных сферах жизни современного российского общества: образовании, здравоохранении и культуре. Участники семинара подготовили для обсуждения материалы, касающиеся новых тенденций в данных секторах социальной жизни, сформировавшихся в условиях нынешних вызовов глобальной трансформации и необходимости поиска ответов на актуальные вопросы.

В своём выступлении на тему «Социальное государство в контексте задачи ускоренного промышленно-технологического развития: исторический опыт и российские реалии» О. А. Александрова отрази-

ла результаты анализа эволюции социального государства в постсоветской России. Данный анализ востребован двумя обстоятельствами: во-первых, в 2023 г. исполняется 30 лет со дня принятия Конституции Российской Федерации, седьмая статья которой провозглашает Россию социальным государством, соответственно, есть основания для подведения определённых итогов; во-вторых, в настоящий момент задача ускоренного промышленно-технологического развития страны стоит как никогда остро, причём ситуация, в которой её необходимо решать, существенно осложнена наложенными на Россию санкциями. По мнению докладчика, на этом фоне представляется важным показать, что вопреки неолиберальной парадигме, являвшейся руководством к действию российских властей весь постсоветский период, социальное государство не только не является тормозом экономического развития, но, напротив, способно выступать как один из его драйверов. Данный тезис был раскрыт О. А. Александровой как на теоретическом уровне – через описание экономического механизма, посредством которого социальное государство воздействует на такие ключевые факторы экономического развития как массовый (эффективный) платежеспособный спрос, объём инвестиций в производственный сектор экономики; качество трудовых ресурсов, так и в рамках исторического экскурса в период становления социальных государств в ряде западных стран. Такой экскурс призван показать, что, во-первых, строительство социального государства начиналось и реализовывалось там отнюдь не

в условиях экономического благополучия, и, во-вторых, что, при наличии адекватного целеполагания и политической воли впечатляющие результаты не только социального, но и промышленно-технологического развития могут достигаться в сжатые сроки. Кроме того, в докладе на основе межстрановых сравнений было показано: вопреки тому, что открыто декларировалось и делалось в 1990-е гг. и подспудно реализовывалось в 2000-е и 2010-е гг., универсальная модель социального государства оказывается более эффективной, нежели селективная (в сторону которой весь последний период двигалась Россия), как в части формирования конкурентной национальной экономики и научно-технологического лидерства страны, так и в части развития человеческого потенциала.

Н. В. Аликперова, к.э.н., ведущий научный сотрудник ИСЭПН ФНИСЦ РАН, доцент Департамента социологии Финуниверситета, в докладе: «Развитие экосистемы социальных услуг для населения: возможности безопасного для граждан финансового консультирования» подчеркнула, что отсутствие стабильности в экономическом секторе нашей страны влечёт за собой и социальные последствия, что может привести к череде неблагоприятных явлений для всех сфер общественного развития, в частности, негативным образом отразиться на финансовых установках, и в целом на экономическом поведении населения. По мнению Н. В. Аликперовой, на сегодняшний день встаёт вопрос о необходимости формирования определённой безопасной среды, в которой пользователю финансовых продуктов и услуг, было бы безопасно формировать положительный опыт, который качественным образом отражался бы на будущем благосостоянии и жизнедеятельности человека. И такую среду можно сформировать силами государства. В роли организационной площадки могут выступить многофункциональные центры «Мои документы», которые сегодня на наших глазах превращаются из места, где человек просто может решить вопросы, связанные с получением документов и справок, в экосистему, значитель-

но повышающую качество жизни граждан. Роль оказания социальных услуг выходит на первый план в концепции центров «Мои документы», как государственной структуры, действующей согласно Федеральному закону, где четко прописаны требования к соглашениям о взаимодействии. Таким образом, центры «Мои документы» становятся привлекательной площадкой для расширения возможностей по оказанию гражданам помощи самого широкого спектра действия, включая и финансовые услуги, в частности, услуги финансового консультирования. Подобные услуги, по мнению докладчика, могли бы оказывать профессионально обученные специалисты по самым разным аспектам управления личными финансами. В частности, они могли бы касаться вопросов, связанных с необходимостью разъяснения ситуаций, возникающих при оказании населению услуг кредитных (в первую очередь банковских) организаций, страховых и инвестиционных компаний, а также решения сложных для определённых категорий населения вопросов в сфере назначения пенсий, выплаты налогов, возврата налогов, открытия малого бизнеса. При этом предполагается постоянное расширение спектра услуг в рамках такого безопасного получения качественных, а, главное, неангажированных консультаций по самому широкому кругу вопросов. Для населения это могло бы служить важным условием формирования положительного опыта в финансовой сфере, определённым вкладом в «копилку» своей финансовой грамотности. Важно подчеркнуть: консультации специалистов центра «Мои документы» должны представлять собой именно информационно-консультационную поддержку, а не финансовые рекомендации как готовые решения. Пользователь такой услуги должен получить информацию по конкретному вопросу с разъяснением как потенциальных рисков, так и возможной финансовой выгоды; а уже на основе такой информации индивид должен самостоятельно принять то или иное решение. Докладчиком подчёркивалось, что финансовая безопасность и благополучие – это, прежде всего, прерогати-

ва самого человека, его зона ответственности за свои действия на финансовом рынке (будь то оформление вклада или кредита, инвестиции в ценные бумаги и другое), за способность анализировать информацию, влияющую на оценку последствий своего поведения, а задача центров «Мои документы» состоит только в помощи с получением достоверной информации.

Ю. В. Бурдастова, к.э.н., старший научный сотрудник ИСЭПН ФНИСЦ РАН в докладе «Высшее профессиональное образование в России: 2023 vs 2013. Что изменилось?» подчеркнула, что на протяжении длительного периода система образования в России считалась одной из лучших в мире. Тем не менее, с приходом рыночных отношений эта сфера была подвержена процессу реформирования, который продолжается до сих пор. В связи с этим важно понимать современные тенденции в образовании - какие технологические тренды появляются и используются, какое влияние оказала пандемия на образовательный процесс, как меняются требования на рынке труда к соискателям вакансий, и могут ли образовательные организации отвечать на этот и другие вызовы, а также отслеживать динамику изменения уровня образования населения, соответствие работы полученной специальности, удовлетворённость деятельностью образовательных организаций. Докладчиком были представлены результаты сравнительного анализа процессов, протекавших в сфере российского образования в период с 2013 по 2023 годы. В частности, рассмотрены данные: по уровню образования россиян (выделено преобладание среднего профессионального), по наличию профессионального образования у разных возрастных групп (лидеры – представители когорт: 30-34 года, 45-54 года и 25-29 лет), по формам обучения (очная – 80,1%). Ю. В. Бурдастова сделала акцент на удовлетворённости работой образовательных организаций высшего профессионального образования; выявлено, что наименьшую удовлетворённость выразили качеством практической подготовки в ВУЗах. Среди основных проблем современного российского выс-

шего образования названы: недостаточное финансирование со стороны государства, слабое взаимодействие с работодателями, проявление коррупции в ВУЗах, слабость научной и экспериментальной базы. Среди современных трендов докладчиком выделены: 1) новая технологическая реальность (распространение моделей гибридного и смешанного обучения; общий рост использования технологий в образовании); 2) серьёзная конкуренция ВУЗов с образовательными онлайн-платформами; 3) снижение мотивации получения высшего образования среди молодых людей.

В докладе «Телемедицина: современная реальность здравоохранения в России» С.В. Крошилин, к.тех.н., ведущий научный сотрудник ИСЭПН ФНИСЦ РАН, научный сотрудник НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения Москвы, доцент Рязанского государственного медицинского университета имени академика И. П. Павлова подчеркнул, что в настоящее время в России информационные технологии всё чаще применяются при оказании медицинских услуг населению. Особенно востребованными телекоммуникации в медицинской сфере оказались в период жёстких ограничений в самый разгар пандемии новой коронавирусной инфекции для сохранения работоспособности первичного звена здравоохранения (перевод взаимодействия с пациентами в дистанционный формат). На тот момент уже существовали готовые технические решения в области телемедицины, которые эффективно применялись. В России под телемедициной понимается оказание медицинских консультаций с помощью дистанционных технологий (в современных условиях трактовка значительно шире). В настоящее время телемедицина в российском здравоохранении находит всё большую поддержку со стороны Правительства и Президента России. В 2022-2023 гг. произошли существенные изменения в вопросах законодательной и практической поддержки телемедицинских технологий. Докладчик привёл хронологию событий: в конце апреля 2022 г. Президент России дал

поручение правительству по развитию телемедицины; Министерству здравоохранения и Министерству по развитию цифровизации совместно с Фондом обязательного медицинского страхования (ОМС) было поручено проработать вопрос целесообразности использования телемедицины в качестве отдельной услуги в системе ОМС, а также расширения возможностей её применения. Многие эксперты высказались в поддержку таких решений: включение телемедицины в систему ОМС логично, потому что она должна оплачиваться так же, как и все остальные медицинские услуги. Пока в разрешённый Минздравом перечень включено 20 видов услуг, которые врачи могут оказывать дистанционно в рамках ОМС. Согласно приказу Министерства по развитию цифровизации об утверждении методик расчёта целевых показателей «Цифровой трансформации», количество медицинских консультаций в онлайн-формате должно достичь 50% к 2030 г. Таким образом, телемедицина становится современной реальностью для здравоохранения в России.

А. В. Ярашева, д.э.н., проф., проф. РАН, зав. лабораторией ИСЭПН ФНИСЦ РАН выступила с докладом «Здоровьесберегающее поведение населения: ЗОЖ и биохакинг», в котором выделялась важная государственная задача (определённая в национальном проекте «Здравоохранение»): увеличение ожидаемой продолжительности жизни россиян до 78 лет к 2024 г. и до 80 лет к 2030 году. В докладе было подчёркнуто, что помимо совершенствования функционирования системы здравоохранения, большое значение имеет поведение человека – его индивидуальный подход к сохранению собственного здоровья через здоровьесберегающие практики. В этой связи теоретический и практический интерес представляет сравнение двух векторов поведения – соблюдения принципов здорового образа жизни (ЗОЖ) и биохакинга. В сравнительном анализе (по федеральным округам России в период 2019-2022 гг.) рассмотрены значения показателей ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ), ожидаемой продолжительности здоровой жизни рос-

сиян; ожидаемой продолжительности жизни граждан, достигших 55-ти летнего возраста, выделены наиболее и наименее благополучные территории по этим показателям. За четырёхлетний период проведён количественный и качественный анализ тенденций распространения ЗОЖ (по методике Росстата) среди россиян. Докладчиком показаны более сложные для реализации индивидуумом принципы биохакинга как более современной здоровьесберегающей модели поведения. Продемонстрировано, что биохакинг, при наличии множества общих черт с принципами ЗОЖ, представляет собой надстройку над ЗОЖ, но требует оценки рисков применения у населения. А. В. Ярашевой был сделан вывод: не только уровень развития медицины и доступность (в том числе, финансовая) медицинских услуг влияют на качество жизни человека и состояние его организма, важна и ответственность самих граждан за профилактику заболеваний, которая связана с соблюдением здорового образа жизни в физическом, психологическом и социальном аспектах. Поведение населения в отношении сбережения собственного здоровья оказывает прямое воздействие на ожидаемую продолжительность здоровой жизни, как демографического и социального индикатора, отражающего общее состояние развития человеческого потенциала в стране, а также возможности активного долголетия и трудоспособности; при этом здоровье как вид социальной гигиены выступает важным условием успешного экономического развития страны.

Представители научных и образовательных организаций из Москвы, Санкт-Петербурга, других регионов также выступили с докладами, посвящёнными тенденциям в развитии образовательных процессов, трансформации системы здравоохранения в России, подходам к формированию и развитию основ культуры в российском обществе, особенно в молодёжной среде. Основная масса докладов была посвящена проблемам современного образования:

О. Н. Смолин, д.филос.н., проф., первый заместитель председателя Комитета Госу-

дарственной Думы Российской Федерации по науке и высшему образованию, академик Российской академии образования, член Президиума Вольного экономического общества России, член Президиума Международного союза экономистов в докладе «Политика в области высшего образования: кадры для новой индустриализации» выявил актуальные направления современной трансформации образовательной системы России, а также сформулировал первоочередные антикризисные меры в условиях нынешних санкций (противодействие «утечки умов», решение кадровых задач, дебюрократизация образования).

Н. С. Григорьева, д.полит.н., проф., зав. кафедрой социологии управления факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова в выступлении на тему: «Трансформация интернационализации высшего образования в современных условиях в теории и на практике» обозначила основные проблемы в данном секторе развития российских ВУЗов: возможности и необходимости привлечения иностранных студентов.

М. А. Арзуманян, научный сотрудник Института экономики РАН выступила с докладом «Уровень развития человеческого потенциала как важная характеристика социально-экономического развития страны: вызовы перед сферой образования», в котором выделила важную роль системы образования для формирования государственной политики в деле повышения человеческого потенциала России.

Е. К. Климова, к. психол. н., доцент, доцент Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского, руководитель психологического центра «Успех» в выступлении на тему «Проблемы и задачи российской системы образования при переходе к новому индустриальному обществу» систематизировала современные вызовы образовательной сфере России, требующие поиска эффективных решений.

Ю. В. Котелевская, к.э.н., доцент, заместитель директора Севастопольского филиала Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова выступи-

ла с докладом «Механизм взаимодействия вузов и организаций бизнеса как система сохранения и развития интеллектуального потенциала страны», в котором отметила важность совпадения целей работодателей, учебных заведений и обучающихся.

Н. Г. Яковлева, д.э.н., доцент, ведущий научный сотрудник «Центра институтов социально-экономического развития» Института экономики РАН, доцент Центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова в докладе «Социально-ориентированная модель образования: противоречия трансформации в постсоветской России» проследила эволюцию национальной системы образования и выделила такие проблемы высшей школы как сверх-коммерциализация, менеджериализация и бюрократизация. Отмечено, что на смену этой парадигме, непродуктивной с точки зрения развития человеческого потенциала, должна прийти социально-ориентированная модель, опыт реализации которой в нашей стране есть.

С. В. Кошкарев, помощник депутата Государственной Думы Российской Федерации в выступлении на тему «Учителей нет и не будет. Кадровый кризис в региональном образовании» обозначил острую проблему серьезной нехватки учителей в российских регионах (на примере Омской области) и постоянно снижающуюся мотивацию выпускников педагогических ВУЗов поступать на работу в школы. Ключевой причиной дефицита педагогических кадров докладчик назвал сохраняющийся небольшой размер заработной платы, не соответствующий трудовой нагрузке и уровню ответственности учителей.

И. Н. Молчанов, д.э.н., проф., проф. МГУ имени М. В. Ломоносова, проф. Финуниверситета в докладе «Образование и профессиональная подготовка как ключевой вектор формирования человеческого капитала (эпоха НИО.2)» остановился на показателях эффективности работы учреждений высшего образования, в частности, на месте, которое в различных рейтингах вузов занимают финансовые показатели.

Б. И. Соколов, д.э.н., профессор, профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета представил доклад «Импортозамещение образовательной программы – фундаментальная проблема российской экономической науки», в котором сделал акцент на необходимости отхода от возникшей в 1990-е годы ситуации доминирования в экономическом образовании так называемого «мейнстрима» и соответствующих учебников.

Т. Е. Чернышева, к.социол.н., доцент, доцент кафедры общественных наук Калужского филиала Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана в докладе «Роль общественных объединений в формировании образовательной политики в постсоветской России» осветила характерную для российского социума проблему разрозненности усилий профессиональных сообществ и гражданского общества при противодействии реформам, негативно сказывающейся на сфере образования.

Актуальные проблемы российского здравоохранения были затронуты в выступлении Т. В. Чубаровой д.э.н., главного научного сотрудника, зав. Центром экономической теории социального сектора Института экономики РАН. В докладе «Воспроизводство человеческого потенциала современной России: вызовы для системы здравоохранения» она обозначила наиболее острые вопросы, связанные с финансированием и организацией медицинской помощи населению.

Тему влияния неравномерности развития социальной инфраструктуры на миграционные процессы и человеческий потенциал территорий раскрыла в докладе «Социально-демографические проблемы регионального развития» А. А. Шабунова, д.э.н., профессор, директор Вологодского научного центра РАН. Сокращение численности и усиление неравномерности распределения населения по территориям обусловлено ситуацией на рынке труда и региональной дифференциацией в социальном обеспечении. Отток более молодых и мобильных граждан ведет к ухудше-

нию качества остающегося на территории населения.

По вопросам развития культурной сферы российского общества выступили: Б. И. Пружинин, д.филос.н., главный редактор журнала «Вопросы философии», руководитель сектора «Философия естественных наук» Института философии РАН. В докладе «Экспертиза как фактор развития науки и образования» он обозначил главные риски для текущего состояния и будущего процесса формирования культурного ландшафта России. Т. Г. Щедрина, д.филос.н., профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, ответственный секретарь журнала «Вопросы философии» совместно с И. О. Щедриной, к.филос.н., руководителем гранта Президента Российской Федерации для молодых учёных, руководителем гранта Экспертного института социальных исследований по проблемам исследования мотивации студенчества на научный успех представили доклад на тему «Исследовательское образование: мотивация, интерес, исторический опыт». Проведённые докладчиками исследования выявили тревожные тенденции, распространённые среди российской молодёжи, в частности среди студентов-историков, философов, представителей других направлений, состоящие в низком уровне мотивации к изучению предшествующего научного и исследовательского опыта, овладению информацией и знаниями, содержащимися в архивных материалах, слабых навыках работы с архивными документами. Такие «провалы», по мнению докладчиков, оказывают негативное влияние на формирование не только в целом уровня культуры молодёжи, но и культуры научно-го исследования.

Материал подготовили:

Александрова О. А., д.э.н., зам. директора по научной работе ИСЭПН ФНИСЦ РАН, проф. Департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ;

Ярашева А. В., д.э.н., проф., проф. РАН, зав. лабораторией ИСЭПН ФНИСЦ РАН.

СЕКЦИЯ «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ В ПРЕДДВЕРИИ СУПЕР-КРИЗИСА: КАК ВЫБРАТЬСЯ ИЗ КОЛЕИ?» НА XII МЕЖДУНАРОДНОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ГРУШИНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

В рамках XII Международной социологической Грушинской конференции, тема которой в 2022 г. была обозначена как «Общество в поисках баланса», прошла секция «Экономическая культура и экономическое поведение населения в преддверии супер-кризиса: как выбраться из колеи?». Секция была организована Институтом социально-экономических проблем народонаселения имени Н.М. Римащевской Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИСЭПН ФНИСЦ РАН) и Департаментом социологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (далее — Финуниверситет). Со-модераторами секции выступили О.А. Александрова, д.э.н., заместитель директора по научной работе ИСЭПН ФНИСЦ РАН, и А.Г. Тюриков, д.социол.н., проф., руководитель Департамента социологии Финуниверситета.

Работа секции была отмечена оргкомитетом конференции за плодотворность и высокий содержательный уровень дискуссии. В качестве отправного пункта организаторами секции был сформулирован следующий тезис: «Специалисты отмечают цикличность в социально-экономическом развитии России: отставание — экзистенциальный вызов — модернизационный рывок — отставание... Сегодня Россия вновь стоит перед экзистенциальным вызовом. В этой ситуации ключевым исследовательским вопросом является выявление культурно-поведенческого потенциала и реальной возможности совершения российским обществом нового модернизационного рывка без последующего воз-

вращения в колею привычного цикла». В развитие этого тезиса был предложен для обсуждения ряд вопросов. Экономическая система и экономическая культура: спор между «курицей и яйцом»? Исторический опыт модернизационных рывков: что и как изменяло и формировало экономическую культуру населения России? Чем обусловлена цикличность социально-экономического развития, какова роль экономической культуры и социальной пересборки? Экономическое поведение современных россиян в сфере производства, обмена и потребления: движение по колее или выход на новую дорогу? Экономическая культура современной молодежи: фактор консервации или развития? Кто ведущий, а кто ведомый в цифровом финансиализированном обществе: родители или дети? Возможно ли конструирование искомой экономической культуры, и, если да, то с чего следует начать?

Логика работы секции строилась следующим образом: сначала прозвучали задавшие теоретико-методологическую канву дискуссии доклады теоретического характера, подготовленные учеными — философами, социологами, культурологами, экономистами, а затем — доклады, описывающие современные социальные практики.

Открыла работу секции Н.Н. Федотова, д.социол.н., доцент, проф. РАН, проф. кафедры социологии МГИМО(У) МИД РФ, с докладом на тему «Социальные науки и культура», посвященным обсуждению причин исключения культуры из сферы экономического анализа. Экономика дольше других наук и исключала культуру из своего анализа, и сопротивлялась её так называемому пе-

реоткрытие. В последнее время экономисты начали учитывать роль культуры в своих исследованиях, хотя проблемы, которые определяют сложность принятия культуры экономикой, сохраняются. Во времена А. Смита культура была частью экономической мысли, но в XVIII в. возникло представление о том, что разные общества могут находиться на разных этапах универсального пути по направлению к «культурности». В XIX в. начали разделять понятия «культура» и «цивилизация», что нашло отражение в концепции национальных культур и национальных государств, а также в представлении о культуре как наборе характеристик, связанных с идентичностью общества и направлениями его развития. Кроме того, в XIX в. экономистов от культуры отвернула её политизация, берущая начало в трудах К. Маркса, считавшего культуру инструментом гегемонии правящего класса и легитимизации существующего социально-экономического порядка. К концу XIX в. понятие «культура» окончательно уступило место понятию «цивилизация», под которым понимался спланированный рационально социально-экономический и политический прогресс. Понятие же культуры стало использоваться для характеристики отсталых обществ, отождествляться с иррациональностью, отсутствием изменений и т.д. То есть, из значения «культурация» культура превратилась в «традицию» как противоположность идее современного, в том числе, и экономического развития и, соответственно, стала тем, от чего нужно избавляться. И несмотря на то, что ряд выдающихся представителей экономической мысли (Т. Веблен, М. Вебер) доказывали иное, подобные подходы были изгнаны на обочину экономической мысли. Так разошлись пути экономической науки с социологией, антропологией и другими науками, а культура как периферия ушла к другим наукам. В результате такого понимания своего предмета и метода экономика расколола меньше, чем другие социальные науки, но платит за это высокую цену — постоянным сжатием своего поля.

Возвращение культуры в экономическую науку стало происходить в послед-

ние десятилетия XX в., чему способствовало наличие кросс-культурных массивов данных, позволяющих обнаруживать закономерности, а также падение коммунизма и рост ряда азиатских стран. В целом же социальные науки обратили внимание на культуру с конца 1960-х годов. Интерес был вызван кризисом модерна, обращением внимания на те вопросы, которые модерн игнорировал — меньшинства, гендер, расы, локальная идентичность и подобное. Но и в этих науках понимание значения культуры было достигнуто не сразу, например, лишь в 1986 г. американская Ассоциация политической науки призвала политологов серьёзно учитывать роль культуры. Социология не порывала с интересом к культуре, но он не был равномерным, что позволяло некоторым социологам утверждать, что на протяжении значительной части XX в. её интересы сосредотачивались на структурах, институтах и практиках социальных отношений в условиях капитализма, и связанных с ними вопросах неравенства и социальной стратификации. Пик возвращения интереса социологов к культуре пришёлся на 1990-е и 2000-е гг.: культура стала восприниматься как центральная категория социальной жизни, влияющая и на экономику. Сегодня культура начинает выходить на передний план, становясь политической силой, нередко действующей с перехлёстами. Таким образом, за век она прошла эволюцию от малозаметной переменной до «черной дыры», которая притязает на гегемонию как в исследованиях, так и в общественной жизни. Отсюда — призыв исследователей видеть общество там, где сегодня избыточно говорят о культуре, то есть, не совершать в отношении общества такую же редукцию, как бывшее «изгнание» культуры.

В докладе д.филос.н., главного научного сотрудника Института философии РАН В.Г. Федотовой на тему «Фактор культуры и модернизация: глядя из будущего» были раскрыты ключевые идеи методологии, согласно которой модернизацию нужно интерпретировать как процесс, исходя-

ший из целей будущего развития. Отсюда и методологический прием, при котором воображаемый культурный фактор, идентичности, образы строятся не только для существования в настоящем и понимании прошлого, но и исходя из ожиданий от будущего. Для России, которая переосмысливает прошлое и настоящее, важен именно такой взгляд, который позволил бы определить перспективы её будущего, ориентируясь на культурные и прочие достижения. Речь идет о перспективах (а не о перспективе) в силу нарастания нелинейности развития, экономических и прочих кризисов и ситуаций, которые выбивают почву у линейности. В стране есть ряд немодернизированных начал, в некоторых регионах присутствуют архаические начала, которые активно сопротивляются изменениям, которые они не понимают или не хотят принимать. Не парадоксальность идеи использования в рамках методологии «глядя из будущего» имеющихся недостатков как способа побуждения к культурно-модернизационным изменениям раскрыта А. Аузаном, подчёркивающим, что в разных странах при модернизациях требуется использовать разные ключи, позволяющие применить традиционное для движения вперед. Таким ключом может стать концепция промежуточного института — не идеального института, который способен учитывать специфические для страны ограничения и темпы процессов. Например, таким был институт земства, который, будучи институтом гражданского общества, учитывал наличие сословной иерархии и самодержавной власти, и, в результате, стал важным элементом развития, принёсшим ощутимые плоды; в Южной Корее традиционная клановость была использована как промежуточный институт. Академик В. Полтерович, также активно работающий с концепцией промежуточных институтов, определил их как работоспособные при имеющихся ограничениях институты, ведущие к ослаблению этих ограничений, что создаёт условия для дальнейших преобразований.

Демократизация Запада тоже происходила не за один шаг: в XIX в. речь шла только о белых мужчинах и был имущественный ценз, в XX в. гражданские и избирательные права получили женщины и афроамериканцы, сегодня в повестке дня права коренных народов, разнообразных меньшинств и так далее. То есть, модернизация Запада также достигалась путем строительства промежуточных институтов, которые соответствовали ценностными представлениями определённого времени, а также представлениями о модели будущего. Важно, что подход на основе промежуточных институтов не требует немедленного рывка и радикального переустройства общества, а позволяет использовать для выхода из кризисов то, что есть. Но чтобы он работал, нужно иметь образ будущего, и оттуда посмотреть на себя сегодняшних для понимания вектора развития, в том числе и в сфере культуры. В России обсуждение будущего экономического развития всегда сводится к определению её места между Востоком и Западом с разделением на почвенников, западников и евразийцев. Предлагается подходить к этому вопросу не как к характеристикам пути развития России, а как к ракурсам интерпретации, которые должны быть учтены. Тогда нет места для споров о единственной истинной точке зрения, признаётся, что в каждом подходе есть зёрна истины, и вопрос о пути будет решаться на пересечении этих ракурсов. Взгляд на себя из будущего позволяет увидеть задачу модернизации в нахождении возможностей для рационального договора о базовых национально-государственных ценностях и интересах, идентичности, и на основе понимания того, что без развития Россия не может быть великой страной и преодолеть конфликт между представителями враждующих течений.

Выступившая д.филос.н., проф. фило-софского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Л. А. Булавка-Бузгалина начала свой доклад на тему «Человек в экономике: культура versus рынок» с вопроса, что является более определяющим фак-

тором: общественные отношения в сфере экономической деятельности или, всё-таки, экономическая культура? И подчеркнула, что здесь не обойтись без диалектики. Экономическая культура — это способ включения в систему экономических отношений на основе культурных императивов, а её составляющие — это знания, умения, этические нормы, способы включения в эту деятельность и так далее. Все они целостно представлены в субъекте экономической деятельности. При этом он сам является продуктом более общей системы общественных отношений и, соответственно, культуры как таковой. Поэтому, прежде всего, важно рассмотреть, как культура в целом определяет субъекта экономической политики и экономической культуры. Здесь не обойтись без понятия отчуждения, поскольку проблема отчуждения — центральная проблема культуры. Если речь идет о художественной культуре, то отчуждение просто фиксируется — критикуется не оно, а лишь формы его проявления: например, писатель М. Булгаков, не будучи марксистом, критиковал ту действительность, которая порождена отчуждением; далее — критика самого содержания отчуждения, здесь примером служит В. Маяковский. Следующий момент — это когда культура несёт преодоление отчуждения: разотчуждение.

В какой мере современная культура соотносится с отчуждением, какие оно принимает формы? Во-первых, сегодня отношения купли-продажи стали основой универсального модуса социального бытия культуры, властвуют не только над формой произведений культуры, но и над их содержанием. Во времена создания Третьяковской галереи произведения художественной культуры приобретались, но не становились феноменом лавочной культуры — они имели только товарную форму, содержание же оставалось высокохудожественным. Во-вторых, сегодня культура оказалась в ситуации нарастающего диктата «рыночного тоталитаризма», который являет собой синкретичное един-

ство симулякров всех сфер экономики: продукт, а, точнее, товар, выступает как бренд, политическая позиция — как политический жест, а художественный феномен — как симулякр артефакта. То есть, три разных сферы — экономика, политика и культура, имеющие, казалось бы, свои особенности, пришли к общему знаменателю — всё это сферы производства товара, который представлен, прежде всего, знаком (можно добавить — пустым знаком). Именно это формирует современного субъекта. В-третьих, все это — проявление глобальной гегемонии капитала, которая своими рыночными, бюрократическими, масс-медийными щупальцами создает главный, онтологический принцип современного человека — потреблять. Причём потребление выступает не как гедонистический акт, а как симулякр. Такое потребление становится средством комфортного отчуждения индивида от реальности, формой легитимации бессубъектного существования в системе общественных отношений. Все это приводит к распаду и разложению и художника, который творит искусство как товар, и потребителя, для которого именно бренд становится навигатором при покупке произведения искусства. В-четвертых, современный рынок привнёс новый симулятивный тип потребления, когда главным является не потребительная стоимость товара, а то, в какой мере он может служить атрибутом престижного потребления, которым в рамках этой парадигмы измеряется общественная значимость человека. Сегодня стоит задача — преодолеть власть мира симулякров, найти способ снимать власть пустых знаков, отчуждения. Это возможно только на основе такой деятельности в сфере экономики и культуры, которая будет рождать новый тип общественных отношений, в котором человек не будет отчужден от своей родовой сущности, от другого человека, от своей деятельности и её результатов.

Тему поиска выхода из исторической колеи в контексте экономической культуры продолжила д.э.н., заместитель ди-

ректора по научной работе ИСЭПН ФНИСЦ РАН О. А. Александрова, выступившая с докладом на тему «Экономическая система и экономическая культура: как найти выход из замкнутого круга?». Та или иная экономическая система формирует соответствующую ей экономическую культуру, которая, в свою очередь, определяет те или иные модели экономического поведения: горизонты планирования, готовность к кооперации, терпимость к тем или иным девиациям, трудовую этику и так далее. Реализуя детерминированные экономической системой хозяйственные практики, экономические субъекты неизбежно включаются в процесс её воспроизводства. Сложившаяся в современной России экономическая система имеет немало общих черт с описанным М. Вебером «авантюристическим капитализмом», притом, что страна остро нуждается в переходе к более созидательной модели. Порождённые нынешней экономической системой культурные паттерны не соответствуют экономической культуре производительного капитализма. Для выхода из замкнутого круга, в котором неэффективная экономическая система и порождаемая ею экономическая культура и хозяйственная практика взаимно подпитывают друг друга, необходимо осознание тупикового характера нынешнего вектора развития, прежде всего, политико-экономической элитой, поскольку именно она способна, обуздав свой экономический эгоизм, изменить институциональный контекст таким образом, чтобы в выигрыше оказывались индивиды и хозяйствующие субъекты, чья экономическая культура созвучна не «авантюристическому», а производительному капитализму.

В докладе Н. В. Аликперовой, к.э.н., ведущего научного сотрудника лаборатории исследования поведенческой экономики ИСЭПН ФНИСЦ РАН «Микроэкономика личности и её роль в формировании финансово грамотного поведения» подчеркивалось, что в последнее десятилетие наблюдается экспоненциальный рост применения поведенческих подходов к реше-

нию поставленных государством задач. В связи с этим академические исследования в России и за рубежом сосредотачиваются на вопросах, связанных со способами изменения поведения отдельных индивидов, в частности, потребителей финансовых продуктов и услуг. По мере развития исследований на микроуровне всё большее внимание уделяется потенциалу поведенческих представлений для решения проблем на мезоуровне, в том числе вопросу о том, как поведенческая рефлексия может способствовать организационным изменениям. Это задает направления научного поиска: что представляет собой экономический агент — участник финансового рынка, какие факторы влияют на принятие им решений в части выбора и формирования стратегий финансового поведения, почему одни стратегии имеют правомерный характер, а другие — девиантный, как на это можно повлиять.

Ю. В. Бурдастова, к.э.н., старший научный сотрудник лаборатории исследования поведенческой экономики ИСЭПН ФНИСЦ РАН в выступлении на тему «Экономическое поведение населения как показатель уровня жизни» указала, что в современном мире уровень жизни населения играет важную роль, гарантируя стабильное развитие страны, уверенность в завтрашнем дне, высокий уровень доверия граждан к государственным и финансовым институтам. В российских же реалиях формирование продуктивного экономического поведения граждан регулярно осложняется влиянием на уровень жизни домохозяйств внешних обстоятельств. В конце XX в. это были либерализация цен 1992 г. и дефолт 1998 г., в начале XXI в. — мировой финансовый кризис 2008 г., «кризис санкций» 2014 г., кризис, вызванный пандемией COVID-19, в 2020 г., 2022 г. — геополитический кризис, который неизбежно скажется на уровне жизни и, соответственно, экономическом поведении населения. Каким оно будет — чисто адаптивным, воспроизводящим прежние, далеко не всегда продуктивные практики, или новаторским — с освоением более со-

зидательных практик, покажет время.

В своем совместном докладе на тему «Финансовое мошенничество в период пандемии: новые тренды в России» сотрудники лаборатории исследования поведенческой экономики ИСЭПН ФНИСЦ РАН к.тех.н., доцент С.В. Крошилин и д.э.н., доцент Е.И. Медведева обратили внимание на то, что современное общество сталкивается не только с вызовами, обусловленными передовыми технологическими инновациями, но и с факторами, появление которых было сложно предсказать. За два года жизни в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции населению пришлось адаптироваться к режиму «самоизоляции», удаленной работе, обязательности QR-кодов. Введенные ограничения на перемещения и непосредственное взаимодействие способствовали бурному развитию информационно-коммуникационных технологий, вовлечению населения в их использование при он-лайн покупках, получении справок и документов и т.д. Востребованность онлайн-формата обусловило не только повышенный спрос на коммуникационные услуги и развитие Интернет-торговли и банкинга, но и способствовало появлению новых видов финансового мошенничества с использованием коммуникационных технологий, к чему население оказалось не вполне готово.

Тема выступления Д.И. Маркова, заместителя заведующего учебно-научной социологической лабораторией Финуниверситета, была обозначена как «Долгосрочные экономические ожидания современной молодежи: «русская мечта», перспективные отрасли производства и накопительные пенсии». Развитие национальной производительной экономики невозможно без устойчивой системы взаимных ожиданий между государством, гражданами, бизнесом и общественными институтами. В этой связи представления молодежи о рисках на рынке труда, при взаимодействии со сферой долгосрочных инвестиций и страхования будут играть ключевую роль. Доверие молодеж-

ных поколений к государству как гаранту, способному предложить и обеспечить перспективную жизненную траекторию, является основополагающим фактором развития и реализации человеческого капитала в границах сложившейся институциональной матрицы — формальных норм и культурных ограничений (привычек, традиций и другого). Докладчик познакомил участников секции с эмпирическими данными, касающимися представлений молодежи о «русской мечте», её осуществимости и способах реализации, а также о том, чем в этом плане может и должно помочь государство.

А.Г. Тюриков, д.социол.н., проф., руководитель Департамента социологии Финуниверситета в докладе на тему «Сетевые инструменты формирования доверия населения к деятельности органов власти в кризисных ситуациях» подчеркнул, что феноменальная сущность доверия наиболее рельефно проявляется в ситуациях с высоким уровнем неопределенности, каковыми являются кризисы. Это обусловлено тем, что ожидания акторов, прежде всего, основаны на предыдущих результатах взаимодействия. В периоды кризисов население ожидает результативных действий властей, которые они уже осуществляли в стандартных ситуациях. Если их действия формировали доверие, то позитив пролонгируется, если нет, то ожидания приобретают негативный характер.

Материал подготовили:

Александрова О. А., д.э.н., зам. директора по научной работе ИСЭПН ФНИСЦ РАН, проф. Департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ;

Ярашева А. В., д.э.н., проф., проф. РАН, зав. лабораторией ИСЭПН ФНИСЦ РАН.

АВТОРАМ ЖУРНАЛА «НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ»

Материал пересылается в формате Word по электронной почте ответственному секретарю журнала – sesp-population@yandex.ru. Формат страницы – А4. Текст должен быть набран шрифтом Times New Roman, кегль 12, междустрочный интервал 1,5. Рисунки и схемы выполняются в черно-белом цвете и дополнительно предоставляются в отдельных файлах в форматах JPEG, PDF и в исходном формате. Названия таблиц и рисунков даются на русском и английском языках. Под таблицами и рисунками указывается источник информации. Список литературы формируется в порядке упоминания в тексте и приводится после текста статьи. Ссылки в тексте на источник в списке литературы даются в квадратных скобках (напр., [5, с. 8]), а на нормативно-правовые документы и статистические материалы – в виде подстрочной ссылки внизу страницы. Общий объем материала от 0,5 до 1,0 п.л. В соответствующих местах ставится буква «ё».

Для статей обязательны:

- наличие аннотации, ключевых слов, и пристатейного списка литературы, оформленного по ГОСТ Р 7.0.100–2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание: общие требования и правила составления»;
- сквозная нумерация таблиц, рисунков, схем, подстрочных ссылок, математических формул;
- в начале каждой статьи после её названия необходимо указывать фамилии автора(ов) статьи, место и почтовый адрес работы, электронный адрес автора-ответственного исполнителя;
- аннотация и ключевые слова на русском языке приводятся перед текстом статьи;
- список литературы на русском языке и другие источники информации приводятся после текста статьи;
- название статьи; имена и фамилии авторов/автора, аннотация, ключевые слова, список литературы на английском языке приводятся после списка литературы на русском языке;
- в конце статьи приводится подробная информация об авторе(ах) на русском и английском языках: фамилия, имя и отчество, учёная степень, должность и место работы с указанием города и страны, электронный адрес, ORCID, PИNC AuthorID.

Требования к написанию аннотаций

Аннотация на русском языке должна быть:

- информативной (не содержать общих слов)
- отражать основное содержание статьи и результаты исследований. Предмет, тема, цель работы указывается в том случае, если они не ясны из заглавия статьи;
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);
- объём текста должен включать от 200 (минимум) до 250 слов.

Аннотация на статью на английском языке по объёму может быть больше аннотации на русском, не быть калькой русскоязычной аннотации.

Требования к переводу на английский язык пристатейного списка литературы

В зарубежных стандартах в библиографических записях не используются разделительные знаки, применяемые в российском ГОСТе («//» и «–»). Название книги и журнала/газеты отделяются от Ф.И.О. авторов и заглавия статьи типом шрифта и точкой. Для изданий не на английском языке делаются и перевод, и транслитерация. При ссылке на книжные издания названия издательства, организации и города (места издания) приводятся полностью. Обязательно указание диапазона страниц при описании статей в журналах или сборниках и общего количества страниц – в книжных изданиях. В конце неанглоязычных публикаций в скобках указывается язык, для русскоязычных: (in Russ.). Статьи из электронных источников описываются аналогично печатным изданиям с дополнением данных об адресе и дате доступа.

Примеры:

1. Yarygina T. Bednost' v bogatoj Rossii [Poverty in rich Russia]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modern World]. 1994. No. 2. P. 25–35. (in Russ.)
2. Sarkisyan G. S., Kuznetsova N. P. Potrebnosti i dohod sem'i [Family Needs and Income]. Moscow. Ekonomika [Economics]. 1967. 178 p. (in Russ.)
3. Slepukhina I. L. Formirovaniye regionalnoy sistemy upravleniya obnovleniyem gorodskoy zhiloy zastroyki. [Formation of the regional system of management of the city housing stock renovation]. Arkhangelsk. 2009. 184 p. Available at: <https://dlib.rsl.ru/01004325199> (Accessed: 18 May 2019). (in Russ.)

Требования к формулам:

- формулы должны быть набраны в формульном редакторе Word;
- после формулы ставится запятая, со следующей строки с абзаца после слова «где» расшифровка символов формулы в том порядке, в котором они идут в формуле; единицы измерения обязательны. Расшифровка даётся в строчку;
- греческие буквы набирают прямым шрифтом, латинские – курсивом;
- перенос формул следует делать на знаках равенства и соотношения между левой и правой частями формулы, знаках сложения и вычитания, на знаке умножения применением косого креста (x) в конце одной строки и в начале следующей строки;
- знак умножения между буквенными символами не ставится ($A = be$), а между числами ставят точку по центру строки ($5 \cdot 30$);
- единицы измерения физических величин приводятся в системе СИ и отделяются от значения одним пробелом (12,87 мм, 58 Дж/моль), за исключением градусов и процентов (90°, 20 °C, 50%);
- в качестве десятичного знака в формуле используется запятая (например: 14,67).

Все статьи проходят рецензирование и проверку в системе «Антиплагиат». Результаты рецензирования и решение редколлегии о принятии представленной статьи к публикации сообщаются авторам.

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС

журнала ***НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ*** в «Урал-пресс»: 79183
ISSN 1561-7785